МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ
ПОПЫТКА К БЕГСТВУ
ДАЛЕКАЯ РАДУГА

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

2000

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ
ПОПЫТКА К БЕГСТВУ
ДАЛЕКАЯ РАДУГА

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
◆
Terra-Fantastica
Санкт-Петербург

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
С 87

Серия основана в 1996 году

Серийное оформление: С.Герцева, А.Кудрявцев
Иллюстрации: Я.Ашмарина
Предисловие: С.Переслегин
Художник А.Дубовик

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими – без предварительного согласования с издателями.

© А.Стругацкий, Б.Стругацкий, 1996
© Составление. Н.Ютанов, 1996
© Иллюстрации. Я.Ашмарина, 1996
© Предисловие. С.Переслегин, 1996
© Дизайн макета. А.Нечаев, 1996
© Обложка. А.Дубовик, 1996
© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998
© ™ TERRA FANTASTICA

ISBN-57921-0128-0(TF)
ISBN 5-237-01294-9 (АСТ)

ДЕТЕКТИВ ПО-АРКАНАРСКИ

Третий том Настоящего Собрания охватывает пятнадцатилетний промежуток между открытием Саулы (2141 г.) и катастрофой на Радуге (2156 г.) Середина столетия — время, когда начали завязываться узлы событий, отношений и судеб, которые в семидесятые—девяностые годы привели к «смене вех» в земной истории.

Создание в 2114 г. Группы Свободного Поиска (ГСП) стимулировало производство легких звездолетов среднего радиуса действия. С 2125 по 2148 г. были запущены три крупные серии космических кораблей с массой покоя от 12 («Турист») до 35 («Искра») тонн и развернулось массовое *любительское* освоение Галактики.

Процедура была упрощена донельзя. Лишь один из членов экипажа корабля должен был иметь пилотские права. От остальных — пассажиров — не требовалось даже совершеннолетия. Рейс регистрировался в региональном управлении ГСП. Теоретически это делалось для того, чтобы в случае серьезного ЧП организовать поиски. Практически затея искать десятиметровый звездолет, исчезнувший где-то между Землей и Бетельгейзе и не подающий сигналов бедствия, не выглядит здравой, так что, разумеется, никто и никогда за это не брался. Регистрация существовала, скорее, как пережиток некогда существовавшей громоздкой социалистической системы тотального контроля. Смысла (даже с точки зрения бюрократии) в ней не было никакого: никто не мог помешать (и не мешал) пилоту уже после регистрации изменить утвержденный состав экипажа или объявленную цель полета.

Большинство людей, уходящих в Свободный Поиск, имели о Галактике смутное представление и цель выбирали *случайно*. Научная и практическая ценность рейса обычно

была строго равна нулю. Никого это не волновало: Земля тогда считала себя богатой, легкие эмбриомеханические звездолеты, равно как и потребляемая ими энергия, почти ничего не стоили, а в «сухом остатке» значились удовольствие от полета да опыт, пусть крайне медленно, но все-таки приобретаемый экипажами.

К тому же индивидуальные «среднерейсовики» заметно повышали связность формирующегося космического сообщества Земля — Периферия.

(История повторялась. Если когда-то универсальные крейсера создали Британскую Империю, то теперь «Туристы» и «Призраки» конструировали Империю галактическую.)

По различным оценкам, от половины до семидесяти процентов межзвездных перелетов приходилось во второй четверти XXII столетия на долю ГСП. Не приходится удивляться тому, что именно «туристы-поисковики» впервые столкнулись с внеземными цивилизациями, находящимися на ранних ветвях исторической последовательности.

Две повести Собрания: «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» — посвящены проблеме контакта землян с феодальным миром.

«Базисная модель феодализма» И. Дьяконова связывает наступление Средневековья с совершенствованием оружия в крупных государствах Древнего Мира. Когда один господин получил возможность контролировать любые массы рабов, экономическая потребность в свободных земледельцах-производителях отпала. Но разорение этого слоя подрывало основу существования армии: непобедимые римские легионы комплектовались именно из свободных крестьян.

Тем самым неизбежной становилась «варваризация» армии, а вслед за ней — всего государственного аппарата Империи. Постепенно государственный организм терял способность к эффективным «иммунным реакциям».

Итогом медленной и мучительной деградации всегда оказывалось взрывное разрушение социальной ткани и наступление долгих «темных веков».

Для классического феодализма характерны *распад мира* на малые самообеспечивающиеся структуры — номы

или домены — и резкое падение транспортной (равно как и информационной) связности между этими доменами. Границы обжитого мира сжимались практически до пределов видимости. Непосредственно за околицей начинались другие Вселенные: чужие и чуждые, населенные чудовищами и демонами.

Океан абсолютного хаоса окружал феод, и это не могло не привести к столь же абсолютному господству порядка, традиций внутри огороженного пространства. Будах не напрасно говорит о «кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира». Строгая социальная пирамида, в основе которой — масса совершенно бесправного, закрепощенного населения. (И. Дьяконов первым заметил, что при феодализме исчезают не рабы, исчезают — свободные.) Лестница вассалитета. Странное равноправие в «тонком мире»: три силы — «сражающиеся», «трудящиеся» и «молящиеся» — *вместе* охраняют целостность мироздания.

Отсюда — колоссальное значение религии (или иногда ее заменителя — идеологии) в жизни средневекового общества: именно она ткала из нитей людских судеб прочнейшую социальную ткань. Религия породила обслуживающую ее науку и особенный, почти забытый с тех времен способ мышления. Пожалуй, лишь современная математика достигла в своих построениях той степени абстрактности, которая соответствует уровню обыденных рассуждений заурядного средневекового теолога.

Феоды воевали между собой, выковывая в этих бесчеловечных и бессмысленных схватках, неизменно и безрезультатно повторяющихся из века в век, *тенденцию к объединению.*

Позднее Средневековье — время Империй.

Империи подразумевали города, то есть — ремесло и торговлю. Рост информационного обмена породил первые сомнения в «продиктованной свыше» картине мира. Тогда Церковь развернула борьбу с инакомыслием, и по всей Ойкумене запылали костры. Средневековье, порожденное катастрофой Великого Переселения Народов, заканчивалось столетием пыток и казней, словно в насмешку названным «веком Возрождения».

И в эти бездны «чужих монастырей», не зная уставов и руководствуясь призрачной идеей «спасти», без спроса,

«страха и упрека» ринулись во множестве воинствующие гуманисты...

Ситуация «Попытки к бегству» характерна для эпохи любительского прогрессорства. Всякий Контакт есть прежде всего *непонимание*. Но открыватели и не пытались *понять*. Их действия были, скорее, инстинктивными — воспользоваться техническими возможностями Земли и согреть, накормить, воспитать... всех, особенно же — угнетенных и обездоленных. Безумцам способствует удача, потому данный социальный эксперимент не закончился так, как должен был.

Инцидент на Сауле обсуждался в Мировом Совете, обоих КОМКОНАХ и даже в СГБ. Единственным результатом этого обсуждения была активизация работы прозябавшего уже с полсотни лет Института Экспериментальной Истории. В следующее десятилетие эта организация становится одной из самых влиятельных на Земле и в Периферии.

(Некоторые исследователи рассматривают рост значения крупных Институтов, таких как ИЭИ или Институт Физики Пространства, как своеобразный пример обратного влияния изучаемых нами феодальных цивилизаций на Землю. В самом деле, трудно не провести аналогии между подобными структурами и внегосударственными образованиями типа Святого Ордена в Империи или Радужного Совета, обосновавшегося на обледенелом приполярном материке Саулы.)

В середине столетия основным полем деятельности Института Экспериментальной Истории была открытая в 2134 г. цивилизация третьей планеты звезды ЕН-2097. Общий статус цивилизации был определен как позднефеодальный. Эсторская Империя (давно развалившаяся на практически независимые королевства и герцогства) уже вступила в стадию Возрождения.

Именно ЕН-2097 была первым полем столкновения людей коммунарской Земли с «нормальным средневековым зверством». Именно для этой планеты создавалась базисная теория феодализма и формулировалась «проблема бескровного вмешательства». Там впервые появились прогрессоры.

И именно события в Арканарском королевстве Эсторской Империи ЕН-2097 привели к серьезному кризису всей

земной галактической политики и возникновению «боязни прогрессорства», или «Р-фобии».

«Трудно быть богом» — рассказ о предыстории «арканарской резни».

«В общем-то никто не знает, что было потом. Передатчик он оставил дома, и когда дом загорелся, на патрульном дирижабле поняли, что дело плохо, и сразу пошли в Арканар. На всякий случай сбросили на город шашки с усыпляющим газом. Дом уже догорал. Сначала растерялись, не знали, где его искать, но потом увидели... видно было, где он шел».

Арканарские события 2156 г. подробнейшим образом исследовались историками, психологами, врачами. Кажется, что неясных моментов в этой трагедии давно уже не осталось. Я, однако, придерживаюсь иного мнения.

«Одна арбалетная стрела пробила ей горло, другая торчала из груди».

Это сломало Румату, как сломало бы любого землянина на его месте. И многие из арканарского истэблишмента вместе с региональной верхушкой Ордена жизнью заплатили за подлое и бессмысленное убийство.

Подлое — да.

Но вот бессмысленное ли?

Для совершения убийства нужна возможность и нужен мотив.

Киру убили арбалетными стрелами, пущенными снизу под очень острым углом. Была ночь, улица слабо освещалась светом факелов, комната была затемнена. Для того чтобы стрелять в таких условиях по мелькнувшему силуэту, арбалетчик должен быть мастером своего дела.

Но это начисто опровергает версию с похищением и, видимо, оправдывает дона Рэбу. Прежде всего, у Рэбы, только что захватившего и весьма непрочно удерживавшего власть, были в тот день сотни дел. Румата, с его «золотом дьявольской чистоты», в эту сотню дел, разумеется, попадал. Но разговор с Руматой уже состоялся, определенный модус вивенди был выработан. По крайней мере — на ближайшие дни. Так что Рэба имел все основания выкинуть благородного дона из головы.

Далее, Кира не была женой Руматы. У Рэбы не было никаких оснований полагать, что она вообще для него что-то значит. (Вспомним, что по легенде у беглого

эсторского аристократа были десятки любовниц, включая принцесс.) Для человека, очень хорошо знающего Румату, Кира была идеальной заложницей. Для любого представителя арканарской дворянской знати — никем.

Наконец, когда человека берут в заложники, прилагают усилия к тому, чтобы ни в коем случае его не убить. В данном же случае добивались противоположного.

Румата ненавидел Рэбу. И связать смерть возлюбленной с наместником Святого Ордена было для него естественно. Да и вряд ли он в этот момент что-то просчитывал или анализировал... Но тот, кто на самом деле задумал эту провокацию, — он-то просчитал все очень хорошо. И учел все факторы.

Итак, Рэба имел возможность (уж два-три классных стрелка в бывшем министерстве охраны короны нашлись бы). Но он не имел мотива — ни для похищения, ни тем более для убийства.

Семья Киры — отец и брат, — надо думать, имели мотив. Хуже было с возможностью. Особенно после прихода Святого Ордена. Да и дон Румата как противник был для них великоват.

Но был еще один человек.

Великолепно знающий Румату. Абсолютно уверенный в своей правоте. Безжалостный. Прошедший в своей жизни через многие смерти и предательства. Собственно, остатков порядочности у него хватило на то, чтобы все-таки — предупредить: «В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — это всегда наполовину враг». Человеку, который собирался «выжечь золоченую сволочь» до двадцатого колена, вряд ли придет в голову жалеть наложницу благородного дона.

Румате такая возможность просто не могла прийти в голову. С точки зрения «базисной теории феодализма», упомянутый человек был союзником коммунаров Земли. Априорным союзником. Румата дрался бы за него, как за землянина. И, наверное, считал, что того это тоже к чему-то обязывает.

Этот человек имел возможность: арбалетчиков-виртуозов в его распоряжении было предостаточно. Он имел мотив. Очень веский мотив. И в конце концов он добился своего, устранив руками землян дона Рэбу и создав условия для того, что, собственно, и стало «арканарской рез-

ней». И когда арканарский люд действительно полез с топорами из всех щелей, нашлось кому его возглавить...

«Базисная теория» была хороша. Но, как и всякая модель, она содержала лишь часть истины. Любой, самый примитивный Голем без труда управляется с людьми, которые оценивают Реальность с точки зрения соответствия модели.

Сто пятьдесят шестому году было суждено сыграть роль определенного водораздела. Катастрофой на Арканаре закончился этап любительского и полупрофессионального прогрессорства. Событиями на Радуге закончился период интенсивного развития науки (вертикального прогресса).

«Радуга» была довольно интересным (хотя, в сущности, и не очень новым) экспериментом по созданию интеллектуально обогащенной среды. В XX столетии в СССР строились города научной элиты (Дубна, Серпухов, Новосибирск). В XXII специалисты Института Физики Пространства создали целую планету нуль-физиков.

Результаты превзошли ожидания.

Меньше чем за десять лет были созданы промышленные «Нуль-Т»-установки и тем сняты ограничения, налагаемые «транспортной теоремой» на галактическое развитие человечества. Но одновременно была поставлена под сомнение сама *желательность* такого развития.

Подобно легендарному «Титанику», Далекая Радуга стала символом техногенной катастрофы и ее эмблемой. Именно после событий на Радуге земное коммунарское сообщество впервые осознало, что и оно смертно.

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН
2255 г.

XXII век

(краткая хронология)

2110-е гг. — Создание Института Физики Пространства (о. Котлин).*

2114 г. — Создание Группы Свободного Поиска (ГСП). Начало третьей волны экспансии.*

2119 г. — Возвращение звездолета «Таймыр».**

— Начало проекта «Венера».**

— Профессор П. Карпенко объявляет об открытии на Пандоре «бактерии жизни». Слово «биоблокада» приобретает новое значение.**?

2120 г. — Запуск коллектора рассеянной информации (КРИ).**

2121 г. — Великое кодирование — первый опыт по записи личности человека на электронные носители. Частично удался.**

— Открытие искусственных спутников Владиславы.*

2122 г. — Контакт с Тагорой.

2124 г. — Расшифровка Тагорянского языка. Установление дипломатических отношений.

2133 г. — Контакт с цивилизацией Леониды.**

2135 г. — Эксперимент «Йормала» (погружение в Черную дыру)* (вероятно, апокриф).

2135—36 гг. — учения «Зеркало» (крайне неудачные).*

2136 г. — Открытие Гиганды.

2137 г. — Создание КОМКОНа-2.

— Обнаружение «Саркофага» (группа Б. Фокина), начало «Дела подкидышей».**

2138 г. — Галактический политический кризис. Прекращение дипломатических отношений между Землей и Тагорой.*

2141 г. — Открытие Саулы и следов активной деятельности Странников.** (В некоторых источниках, в частности у В. Казакова, относится к 2137 г.).

2142 г. — Создание Совета Галактической Безопасности.

2148 г. — Исчезновение звездолета ГСП «Пилигрим».

2148 г. — Открытие Саракша.

2152 г. — Начало прогрессорской деятельности Р. Сикорски на Саракше.**

2156 г. — Катастрофа на Радуге.** (У В. Казакова указан 2136 г., что является явной ошибкой.)

— «Арканарская катастрофа».** Начало распространения «Р-фобии».

2157 г. — «Кризис Каммерера» на Саракше.***

2160 г. — Официальный контакт с Голованами.*

2161 г. — Операция «Ковчег». Попытка экспедиции Г. Комова войти в контакт с замкнутой цивилизацией Ковчега.***

2162 г. — Начало расформирования ГСП.

— Открытие Надежды.

2163 г. — Операция «Мертвый мир».***

2177 г. — Прогрессорская деятельность К. Яшмаа на Гиганде.**

2178 г. — Гибель Абалкина, отставка Р. Сикорски.***

2184 г. — Синдром «Пингвина».*** Начало новой волны фобий.

2185 г. — Закон о биоблокаде.***

2193 г. — События на Тиссе.*** Окончательная ликвидация ГСП.

2194 г. — Меморандум А. Бромберга.***

2199 г. — Большое Откровение.***

При подготовке хронологии использовались работы:

1. Тим Вандерер. «Всплеск в тишине».
2. Вадим Казаков. «XXII век».
3. Михаил Шавшин. «XXII век: опыт хронологии».

В краткой хронологии приняты следующие обозначения:

* — событие упоминается в романах;
** — событие точно датировано в романах;
*** — событие подробно описано в романах;
? — событие ошибочно датировано в романах.

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

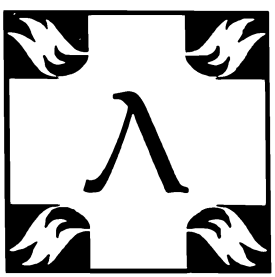
«То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться».

Пьер Абеляр

«Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?»

Эрнест Хемингуэй

ПРОЛОГ

ожа Анкиного арбалета была выточена из черной пластмассы, а тетива была из хромистой стали и натягивалась одним движением бесшумно скользящего рычага. Антон новшеств не признавал: у него было доброе боевое устройство в стиле маршала Тоца, короля Пица Первого, окованное черной медью, с колесиком, на которое наматывался шнур из воловьих жил. Что касается Пашки, то он взял пневматический карабин. Арбалеты он считал детством человечества, так как был ленив и неспособен к столярному ремеслу.

Они причалили к северному берегу, где из желтого песчаного обрыва торчали корявые корни мачтовых сосен. Анка бросила рулевое весло и оглянулась. Солнце уже поднялось над лесом, и все было голубое, зеленое и желтое — голубой туман над озером, темно-зеленые сосны и желтый берег на той стороне. И небо над всем этим было ясное, белесовато-синее.

— Ничего там нет, — сказал Пашка.

Ребята сидели, перегнувшись через борт, и глядели в воду.

— Громадная щука, — уверенно сказал Антон.

— С вот такими плавниками? — спросил Пашка.

Антон промолчал. Анка тоже посмотрела в воду, но увидела только собственное отражение.

— Искупаться бы, — сказал Пашка, запуская руку по локоть в воду. — Холодная, — сообщил он.

Антон перебрался на нос и спрыгнул на берег. Лодка закачалась. Антон взялся за борт и выжидательно посмотрел на Пашку. Тогда Пашка поднялся, заложил весло за шею, как коромысло, и, извиваясь нижней частью туловища, пропел:

Старый шкипер Вицлипуцли!
Ты, приятель, не заснул?
Берегись, к тебе несутся
Стаи жареных акул!

Антон молча рванул лодку.

— Эй-эй! — закричал Пашка, хватаясь за борта.

— Почему жареных? — спросила Анка.

— Не знаю, — ответил Пашка. Они выбрались из лодки. — А верно, здорово? Стаи жареных акул!

Они потащили лодку на берег. Ноги проваливались во влажный песок, где было полным-полно высохших иголок и сосновых шишек. Лодка была тяжелая и скользкая, но они выволокли ее до самой кормы и остановились, тяжело дыша.

— Ногу отдавил, — сказал Пашка и принялся поправлять красную повязку на голове. Он внимательно следил за тем, чтобы узел повязки был точно над правым ухом, как у носатых ируканских пиратов. — Жизнь не дорога, о-хэй! — заявил он.

Анка сосредоточенно сосала палец.

— Занозила? — спросил Антон.

— Нет. Содрала. У кого-то из вас такие когти...

— Ну-ка, покажи.

Она показала.

— Да, — сказал Антон. — Травма. Ну, что будем делать?

— На пле-чо — и вдоль берега, — предложил Пашка.

— Стоило тогда вылезать из лодки, — сказал Антон.

— На лодке и курица может, — объяснил Пашка. — А по берегу: тростники — раз, обрывы — два, омуты — три. С налимами. И сомы есть.

— Стаи жареных сомов, — сказал Антон.

— А ты в омут нырял?

— Ну, нырял.

— Я не видел. Не довелось как-то увидеть.

— Мало ли чего ты не видел.

Анка повернулась к ним спиной, подняла арбалет и выстрелила в сосну шагах в двадцати. Посыпалась кора.

— Здорово, — сказал Пашка и сейчас же выстрелил из карабина. Он целился в Анкину стрелу, но промазал. — Дыхание не задержал, — объяснил он.

— А если бы задержал? — спросил Антон. Он смотрел на Анку.

Анка сильным движением оттянула рычаг тетивы. Мускулы у нее были отличные — Антон с удовольствием смотрел, как прокатился под смуглой кожей твердый шарик бицепса.

Анка очень тщательно прицелилась и выстрелила еще раз. Вторая стрела с треском воткнулась в ствол немного ниже первой.

— Зря мы это делаем, — сказала Анка, опуская арбалет.

— Что? — спросил Антон.

— Дерево портим, вот что. Один малек вчера стрелял в дерева из лука, так я его заставила зубами стрелы выдергивать.

— Пашка, — сказал Антон. — Сбегал бы, у тебя зубы хорошие.

— У меня зуб со свистом, — ответил Пашка.

— Ладно, — сказала Анка. — Давайте что-нибудь делать.

— Неохота мне лазить по обрывам, — сказал Антон.

— Мне тоже неохота. Пошли прямо.

— Куда? — спросил Пашка.

— Куда глаза глядят.

— Ну? — сказал Антон.

— Значит, в сайву, — сказал Пашка. — Тошка, пошли на Забытое Шоссе. Помнишь?

— Еще бы!

— Знаешь, Анечка... — начал Пашка.

— Я тебе не Анечка, — резко сказала Анка. Она терпеть не могла, когда ее называли не Анка, а как-нибудь еще.

Антон это хорошо запомнил. Он быстро сказал:

— Забытое Шоссе. По нему не ездят. И на карте его нет. И куда идет, совершенно неизвестно.

— А вы там были?

— Были. Но не успели исследовать.

— Дорога из ниоткуда в никуда, — изрек оправившийся Пашка.

— Это здорово! — сказала Анка. Глаза у нее стали как черные щелки. — Пошли. К вечеру дойдем?

— Ну что ты! До двенадцати дойдем.

Они полезли вверх по обрыву. На краю обрыва Пашка обернулся. Внизу было синее озеро с желтоватыми проплешинами отмелей, лодка на песке и большие расходящиеся круги на спокойной маслянистой воде у берега — вероятно, это плеснула та самая щука. И Пашка ощутил обычный неопределенный восторг, как всегда, когда они с Тошкой удирали из интерната и впереди был день полной независимости с неразведанными местами, с земляникой, с горячими безлюдными лугами, с серыми ящерицами, с ледяной водой в неожиданных родниках. И, как всегда, ему захотелось заорать и высоко подпрыгнуть, и он немедленно сделал это, и Антон, смеясь, поглядел на него, и он увидел в глазах Антона совершенное понимание. А Анка вложила два пальца в рот и лихо свистнула, и они вошли в лес.

Лес был сосновый и редкий, ноги скользили по опавшей хвое. Косые солнечные лучи падали между прямых стволов, и земля была вся в золотых пятнах. Пахло смолой, озером и земляникой; где-то в небе верещали невидимые пичужки.

Анка шла впереди, держа арбалет под мышкой, и время от времени нагибалась за кровавыми, будто лакированными, ягодами земляники. Антон шел следом с добрым боевым устройством маршала Тоца на плече. Колчан с добрыми боевыми стрелами тяжко похлопывал его по заду. Он шел и поглядывал на Анкину шею — загорелую, почти черную, с выступающими позвонками. Иногда он озирался, ища Пашку, но Пашки не было видно, только по временам то справа, то слева вспыхивала на солнце его красная повязка. Антон представил себе, как Пашка бесшумно скользит между соснами с карабином наготове, вытянув вперед хищное худое лицо с облупленным носом. Пашка крался по сайве, а сайва не шутит. Сайва, приятель, спросит — и надо успеть ответить, подумал Антон и пригнулся было, но впереди была Анка, и она могла оглянуться. Получилось бы нелепо.

Анка оглянулась и спросила:

— Вы ушли тихо?

Антон пожал плечами.

— Кто же уходит громко?

— Я, кажется, все-таки нашумела, — озабоченно сказала Анка. — Я уронила таз — и вдруг в коридоре шаги. Наверное, Дева Катя — она сегодня в дежурных. Пришлось прыгать в клумбу. Как ты думаешь, Тошка, что за цветы растут на этой клумбе?

Антон сморщил лоб.

— У тебя под окном? Не знаю. А что?

— Очень упорные цветы. «Не гнет их ветер, не валит буря». В них прыгают несколько лет, а им хоть бы что.

— Интересно, — сказал Антон глубокомысленно. Он вспомнил, что под его окном тоже клумба с цветами, которые «не гнет ветер и не валит буря». Но он никогда не обращал на это внимания.

Анка остановилась, подождала его и протянула горсть земляники. Антон аккуратно взял три ягоды.

— Бери еще, — сказала Анка.

— Спасибо, — сказал Антон. — Я люблю собирать по одной. А Дева Катя вообще ничего, верно?

— Это кому как, — сказала Анка. — Когда человеку каждый вечер заявляют, что у него ноги то в грязи, то в пыли...

Она замолчала. Было удивительно хорошо идти с нею по лесу плечом к плечу вдвоем, касаясь голыми локтями, и поглядывать на нее — какая она красивая, ловкая и необычно доброжелательная и какие у нее большие серые глаза с черными ресницами.

— Да, — сказал Антон, протягивая руку, чтобы снять блеснувшую на солнце паутину. — Уж у нее-то ноги не пыльные. Если тебя через лужи носят на руках, тогда, понимаешь, не запылишься...

— Кто это ее носит?

— Генрих с метеостанции. Знаешь, здоровый такой, с белыми волосами.

— Правда?

— А чего такого? Каждый малек знает, что они влюблены.

Они опять замолчали. Антон глянул на Анку. Глаза у Анки были как черные щелочки.

— А когда это было? — спросила она.

— Да было в одну лунную ночь, — ответил Антон без всякой охоты. — Только ты смотри не разболтай.

Анка усмехнулась.

— Никто тебя за язык не тянул, Тошка, — сказала она. — Хочешь земляники?

Антон машинально сгреб ягоды с испачканной ладошки и сунул в рот. Не люблю болтунов, подумал он. Терпеть не могу трепачей. Он вдруг нашел аргумент.

— Тебя тоже когда-нибудь будут таскать на руках. Тебе приятно будет, если начнут об этом болтать?

— Откуда ты взял, что я собираюсь болтать? — рассеянно сказала Анка. — Я вообще не люблю болтунов.

— Слушай, что ты задумала?

— Ничего особенного. — Анка пожала плечами. Немного погодя она доверительно сообщила: — Знаешь, мне ужасно надоело каждый божий вечер дважды мыть ноги.

Бедная Дева Катя, подумал Антон. Это тебе не сайва.

Они вышли на тропинку. Тропинка вела вниз, и лес становился все темнее и темнее. Здесь буйно росли папоротник и высокая сырая трава. Стволы сосен были покрыты мхом и белой пеной лишайников. Но сайва не шутит. Хриплый голос, в котором не было ничего человеческого, неожиданно проревел:

— Стой! Бросай оружие — ты, благородный дон, и ты, дона!

Когда сайва спрашивает, надо успеть ответить. Точным движением Антон сшиб Анку в папоротники налево, а сам прыгнул в папоротники направо, покатился и залег за гнилым пнем. Хриплое эхо еще отдавалось в стволах сосен, а тропинка была уже пуста. Наступила тишина.

Антон, завалившись на бок, вертел колесико, натягивая тетиву. Хлопнул выстрел, на Антона посыпался какой-то мусор. Хриплый нечеловеческий голос сообщил:

— Дон поражен в пятку!

Антон застонал и подтянул ногу.

— Да не в эту, в правую, — поправил голос.

Было слышно, как Пашка хихикает. Антон осторожно выглянул из-за пня, но ничего не было видно в сумеречной зеленой каше.

В этот момент раздался пронзительный свист и шум, как будто упало дерево.

— Уау!.. — сдавленно заорал Пашка. — Пощады! Пощады! Не убивайте меня!

Антон сразу вскочил. Навстречу ему из папоротников, пятясь, вылез Пашка. Руки его были подняты над головой. Голос Анки спросил:

— Тошка, ты видишь его?

— Как на ладони, — одобрительно отозвался Антон. — Не поворачиваться! — крикнул он Пашке. — Руки за голову!

Пашка покорно заложил руки за голову и объявил:

— Я ничего не скажу.

— Что полагается с ним делать, Тошка? — спросила Анка.

— Сейчас увидишь, — сказал Антон и удобно уселся на пень, положив арбалет на колени. — Имя! — рявкнул он голосом Гексы Ируканского.

Пашка изобразил спиной презрение и неповиновение. Антон выстрелил. Тяжелая стрела с треском вонзилась в ветку над Пашкиной головой.

— Ого! — сказал голос Анки.

— Меня зовут Бон Саранча, — неохотно признался Пашка. — «И здесь он, по-видимому, ляжет — один из тех, что были с ним».

— Известный насильник и убийца, — пояснил Антон. — Но он никогда ничего не делает даром. Кто послал тебя?

— Меня послал дон Сатарина Беспощадный, — соврал Пашка.

Антон презрительно сказал:

— Вот эта рука оборвала нить зловонной жизни дона Сатарины два года назад в Урочище Тяжелых Мечей.

— Давай я всажу в него стрелу? — предложила Анка.

— Я совершенно забыл, — поспешно сказал Пашка. — В действительности меня послал Арата Красивый. Он обещал мне сто золотых за ваши головы.

Антон хлопнул себя по коленям.

— Вот брехун! — вскричал он. — Да разве станет Арата связываться с таким негодяем, как ты!

— Можно, я все-таки всажу в него стрелу? — кровожадно спросила Анка.

Антон демонически захохотал.

— Между прочим, — сказал Пашка, — у тебя отстрелена правая пятка. Пора бы тебе истечь кровью.

— Дудки! — возразил Антон. — Во-первых, я все время жую кору белого дерева, а во-вторых, две прекрасные варварки уже перевязали мне раны.

Папоротники зашевелились, и Анка вышла на тропинку. На щеке ее была царапина, колени были вымазаны в земле и зелени.

— Пора бросить его в болото, — объявила она. — Когда враг не сдается, его уничтожают.

Пашка опустил руки.

— Вообще-то ты играешь не по правилам, — сказал он Антону. — У тебя все время получается, что Гекса хороший человек.

— Много ты знаешь! — сказал Антон и тоже вышел на тропинку. — Сайва не шутит, грязный наемник.

Анка вернула Пашке карабин.

— Вы что, всегда так палите друг в друга? — спросила она с завистью.

— А как же! — удивился Пашка. — Что, нам кричать: «Кх-кх! Пу-пу!» — что ли? В игре нужен элемент риска!

Антон небрежно сказал:

— Например, мы часто играем в Вильгельма Телля.

— По очереди, — подхватил Пашка. — Сегодня я стою с яблоком, а завтра он.

Анка оглядела их.

— Вот как? — медленно сказала она. — Интересно было бы посмотреть.

— Мы бы с удовольствием, — ехидно сказал Антон. — Яблока вот нет.

Пашка широко ухмылялся. Тогда Анка сорвала у него с головы пиратскую повязку и быстро свернула из нее длинный кулек.

— Яблоко — это условность, — сказала она. — Вот отличная мишень. Сыграем в Вильгельма Телля.

Антон взял красный кулек и внимательно осмотрел его. Он взглянул на Анку — глаза у нее были как щелочки. А Пашка развлекался — ему было весело. Антон протянул ему кулек.

— «В тридцати шагах промаха в карту не дам, — ровным голосом сказал он. — Разумеется, из знакомых пистолетов».

— «Право? — сказала Анка и обратилась к Пашке: — А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?»

Пашка пристраивал колпак на голове.

— «Когда-нибудь мы попробуем, — сказал он, скаля зубы. — В свое время я стрелял не худо».

Антон повернулся и пошел по тропинке, вслух считая шаги:

— Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

Пашка что-то сказал — Антон не расслышал, и Анка громко рассмеялась. Как-то слишком громко.

— Тридцать, — сказал Антон и повернулся.

На тридцати шагах Пашка выглядел совсем маленьким. Красный треугольник кулька торчал у него на голове, как шутовской колпак. Пашка ухмылялся. Он все еще играл. Антон нагнулся и стал неторопливо натягивать тетиву.

— Благословляю тебя, отец мой Вильгельм! — крикнул Пашка. — И благодарю тебя за все, что бы ни случилось.

Антон наложил стрелу и выпрямился. Пашка и Анка смотрели на него. Они стояли рядом. Тропинка была как темный сырой коридор между высоких зеленых стен. Антон поднял арбалет. Боевое устройство маршала Тоца стало необычайно тяжелым. Руки дрожат, подумал Антон. Плохо. Зря. Он вспомнил, как зимой они с Пашкой целый час кидали снежки в чугунную шишку на столбе ограды. Кидали с двадцати шагов, с пятнадцати и с десяти — и никак не могли попасть. А потом, когда уже надоело и они уходили, Пашка небрежно, не глядя бросил последний снежок и попал. Антон изо всех сил вдавил приклад в плечо. Анка стоит слишком близко, подумал он. Он хотел крикнуть ей, чтобы она отошла, но понял, что это было бы глупо. Выше. Еще выше... Еще... Его вдруг охватила уверенность, что, если он даже повернется к ним спиной,

фунтовая стрела все равно вонзится точно в Пашкину переносицу, между веселыми зелеными глазами. Он открыл глаза и посмотрел на Пашку. Пашка больше не ухмылялся. А Анка медленно-медленно поднимала руку с растопыренными пальцами, и лицо у нее было напряженное и очень взрослое. Тогда Антон поднял арбалет еще выше и нажал на спусковой крючок. Он не видел, куда ушла стрела.

— Промазал, — сказал он очень громко.

Переступая на негнущихся ногах, он двинулся по тропинке. Пашка вытер красным кульком лицо, встряхнув, развернул его и стал повязывать голову. Анка нагнулась и подобрала свой арбалет. Если она этой штукой трахнет меня по голове, подумал Антон, я ей скажу спасибо. Но Анка даже не взглянула на него.

Она повернулась к Пашке и спросила:

— Пошли?

— Сейчас, — сказал Пашка.

Он посмотрел на Антона и молча постучал себя согнутым пальцем по лбу.

— А ты уже испугался, — сказал Антон.

Пашка еще раз постучал себя пальцем по лбу и пошел за Анкой. Антон плелся следом и старался подавить в себе сомнения.

А что я, собственно, сделал, вяло думал он. Чего они надулись? Ну Пашка ладно, он испугался. Только еще неизвестно, кто больше трусил — Вильгельм-папа или Телль-сын. Но Анка-то чего? Надо думать, перепугалась за Пашку. А что мне было делать? Вот тащусь за ними, как родственник. Взять и уйти. Поверну сейчас налево, там хорошее болото. Может, сову поймаю. Но он даже не замедлил шага. Это значит навсегда, подумал он. Он читал, что так бывает очень часто.

Они вышли на заброшенную дорогу даже раньше, чем думали. Солнце стояло высоко, было жарко. За шиворотом кололись хвойные иголки. Дорога была бетонная, из двух рядов серо-рыжих растрескавшихся

плит. В стыках между плитами росла густая сухая трава. На обочинах было полно пыльного репейника. Над дорогой с гудением пролетали бронзовки, и одна нахально стукнула Антона прямо в лоб. Было тихо и томно.

— Глядите! — сказал Пашка.

Над серединой дороги на ржавой проволоке, протянутой поперек, висел круглый жестяной диск, покрытый облупившейся краской. Судя по всему, там был изображен желтый прямоугольник на красном фоне.

— Что это? — без особого интереса спросила Анка.

— Автомобильный знак, — сказал Пашка. — «Въезд запрещен».

— «Кирпич», — пояснил Антон.

— А зачем он? — спросила Анка.

— Значит, вон туда ехать нельзя, — сказал Пашка.

— А зачем тогда дорога?

Пашка пожал плечами.

— Это же очень старое шоссе, — сказал он.

— Анизотропное шоссе, — заявил Антон. Анка стояла к нему спиной. — Движение только в одну сторону.

— Мудры были предки, — задумчиво сказал Пашка. — Этак едешь-едешь километров двести, вдруг — хлоп! — «кирпич». И ехать дальше нельзя, и спросить не у кого.

— Представляешь, что там может быть за этим знаком! — сказала Анка. Она огляделась. Кругом на много километров был безлюдный лес, и не у кого было спросить, что там может быть за этим знаком. — А вдруг это вовсе и не «кирпич»? — сказала она. — Краска-то вся облупилась...

Тогда Антон тщательно прицелился и выстрелил. Было бы здорово, если бы стрела перебила проволоку и знак упал бы прямо к ногам Анки. Но стрела попала в верхнюю часть знака, пробила ржавую жесть, и вниз посыпалась только высохшая краска.

— Дурак, — сказала Анка, не оборачиваясь.

Это было первое слово, с которым она обратилась к Антону после игры в Вильгельма Телля. Антон криво улыбнулся.

— «And enterprises of great pitch and moment, — произнес он, — with this regard their current turn away and loose the name of action»[1].

Верный Пашка закричал:

— Ребята, здесь прошла машина! Уже после грозы! Вон трава примята! И вот...

Везет Пашке, подумал Антон. Он стал разглядывать следы на дороге и тоже увидел примятую траву и черную полосу от протекторов в том месте, где автомобиль затормозил перед выбоиной в бетоне.

— Ага! — сказал Пашка. — Он выскочил из-под знака!

Это было ясно каждому, но Антон возразил:

— Ничего подобного, он ехал с той стороны.

Пашка поднял на него изумленные глаза.

— Ты что, ослеп?

— Он ехал с той стороны, — упрямо повторил Антон. — Пошли по следу.

— Ерунду ты городишь! — возмутился Пашка. — Во-первых, никакой порядочный водитель не поедет под «кирпич». Во-вторых, смотри: вот выбоина, вот тормозной след... Так откуда он ехал?

— Что мне твои порядочные! Я сам непорядочный, и я пойду под знак.

Пашка взбеленился.

— Иди куда хочешь! — сказал он, слегка заикаясь. — Недоумок. Совсем обалдел от жары!

Антон повернулся и, глядя прямо перед собой, пошел под знак. Ему хотелось только одного: чтобы впереди оказался какой-нибудь взорванный мост и чтобы нужно было прорваться на ту сторону. Какое мне дело до этого порядочного! — думал он. — Пусть идут, куда хотят... со своим Пашенькой. Он вспомнил, как Анка

---

[1] «И начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия» (Шекспир, «Гамлет»).

срезала Павла, когда тот назвал ее Анечкой, и ему стало немного легче. Он оглянулся.

Пашку он увидел сразу: Бон Саранча, согнувшись в три погибели, шел по следу таинственной машины. Ржавый диск над дорогой тихонько покачивался, и сквозь дырку мелькало синее небо. А на обочине сидела Анка, уперев локти в голые колени и положив подбородок на сжатые кулаки.

...Они возвращались уже в сумерках. Ребята гребли, а Анка сидела на руле. Над черным лесом поднималась красная луна, неистово вопили лягушки.

— Так здорово все было задумано, — сказала Анка грустно. — Эх, вы!..

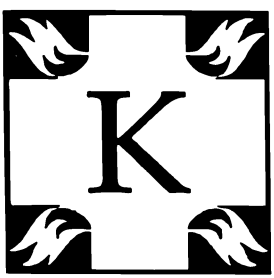
Ребята промолчали. Затем Пашка вполголоса спросил:

— Тошка, что там было, под знаком?

— Взорванный мост, — ответил Антон. — И скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету. — Он подумал и добавил: — Пулемет весь врос в землю...

— Н-да, — сказал Пашка. — Бывает. А я там одному машину помог починить.

ГЛАВА 1

огда Румата миновал могилу святого Мики — седьмую по счету и последнюю на этой дороге, было уже совсем темно. Хваленый хамахарский жеребец, взятый у дона Тамэо за карточный долг, оказался сущим барахлом. Он вспотел, сбил ноги и двигался скверной, вихляющейся рысью. Румата сжимал ему коленями бока, хлестал между ушами перчаткой, но он только уныло мотал головой, не ускоряя шага. Вдоль дороги тянулись кусты, похожие в сумраке на клубы застывшего дыма. Нестерпимо звенели комары. В мутном небе дрожали редкие тусклые звезды. Дул порывами несильный ветер, теплый и холодный одновременно, как всегда осенью в этой приморской стране с душными, пыльными днями и зябкими вечерами.

Румата плотнее закутался в плащ и бросил поводья. Торопиться не имело смысла. До полуночи оставался час, а Икающий лес уже выступил над горизонтом

черной зубчатой кромкой. По сторонам тянулись распаханные поля, мерцали под звездами болота, воняющие неживой ржавчиной, темнели курганы и сгнившие частоколы времен Вторжения. Далеко слева вспыхивало и гасло угрюмое зарево: должно быть, горела деревушка, одна из бесчисленных однообразных Мертвожорок, Висельников, Ограбиловок, недавно переименованных по августейшему указу в Желанные, Благодатные и Ангельские. На сотни миль — от берегов Пролива и до сайвы Икающего леса — простиралась эта страна, накрытая одеялом комариных туч, раздираемая оврагами, затопляемая болотами, пораженная лихорадками, морами и зловонным насморком.

У поворота дороги от кустов отделилась темная фигура. Жеребец шарахнулся, задирая голову. Румата подхватил поводья, привычно поддернул на правой руке кружева и положил ладонь на рукоятку меча, всматриваясь. Человек у дороги снял шляпу.

— Добрый вечер, благородный дон, — тихо сказал он. — Прошу извинения.

— В чем дело? — осведомился Румата, прислушиваясь.

Бесшумных засад не бывает. Разбойников выдает скрип тетивы, серые штурмовички неудержимо рыгают от скверного пива, баронские дружинники алчно сопят и гремят железом, а монахи — охотники за рабами — шумно чешутся. Но в кустах было тихо. Видимо, этот человек не был наводчиком. Да он и не был похож на наводчика — маленький плотный горожанин в небогатом плаще.

— Разрешите мне бежать рядом с вами? — сказал он, кланяясь.

— Изволь, — сказал Румата, шевельнув поводьями. — Можешь взяться за стремя.

Горожанин пошел рядом. Он держал шляпу в руке, и на его темени светлела изрядная лысина. Приказчик, подумал Румата. Ходит по баронам и прасолам, скупает лен или пеньку. Смелый приказчик, однако... А может быть, и не приказчик. Может быть, книгочей. Беглец.

Изгой. Сейчас их много на ночных дорогах, больше чем приказчиков... А может быть, шпион.

— Кто ты такой и откуда? — спросил Румата.

— Меня зовут Киун, — печально сказал горожанин. — Я иду из Арканара.

— Бежишь из Арканара, — сказал Румата, наклонившись.

— Бегу, — печально согласился горожанин.

Чудак какой-то, подумал Румата. Или все-таки шпион? Надо проверить... А почему, собственно, надо? Кому надо? Кто я такой, чтобы его проверять? Да не желаю я его проверять! Почему бы мне просто не поверить? Вот идет горожанин, явный книгочей, бежит, спасая жизнь... Ему одиноко, ему страшно, он слаб, он ищет защиты... Встретился ему аристократ. Аристократы по глупости и из спеси в политике не разбираются, а мечи у них длинные, и серых они не любят. Почему бы горожанину Киуну не найти бескорыстную защиту у глупого и спесивого аристократа? И все. Не буду я его проверять. Незачем мне его проверять. Поговорим, скоротаем время, расстанемся друзьями...

— Киун... — произнес он. — Я знавал одного Киуна. Продавец снадобий и алхимик с Жестяной улицы. Ты его родственник?

— Увы, да, — сказал Киун. — Правда, дальний родственник, но им все равно... до двенадцатого потомка.

— И куда же ты бежишь, Киун?

— Куда-нибудь... Подальше. Многие бегут в Ирукан. Попробую и я в Ирукан.

— Так-так, — произнес Румата. — И ты вообразил, что благородный дон проведет тебя через заставу?

Киун промолчал.

— Или, может быть, ты думаешь, что благородный дон не знает, кто такой алхимик Киун с Жестяной улицы?

Киун молчал. Что-то я не то говорю, подумал Румата. Он привстал на стременах и прокричал, подражая глашатаю на Королевской площади:

— Обвиняется и повинен в ужасных, непрощаемых преступлениях против бога, короны и спокойствия!

Киун молчал.

— А если благородный дон безумно обожает дона Рэбу? Если он всем сердцем предан серому слову и серому делу? Или ты считаешь, что это невозможно?

Киун молчал. Из темноты справа от дороги выдвинулась ломаная тень виселицы. Под перекладиной белело голое тело, подвешенное за ноги. Э-э, все равно ничего не выходит, подумал Румата. Он натянул повод, схватил Киуна за плечо и повернул лицом к себе.

— А если благородный дон вот прямо сейчас подвесит тебя рядом с этим бродягой? — сказал он, вглядываясь в белое лицо с темными ямами глаз. — Сам. Скоро и проворно. На крепкой арканарской веревке. Во имя идеалов. Что же ты молчишь, грамотей Киун?

Киун молчал. У него стучали зубы, и он слабо корчился под рукой Руматы, как придавленная ящерица. Вдруг что-то с плеском упало в придорожную канаву, и сейчас же, словно для того, чтобы заглушить этот плеск, он отчаянно крикнул:

— Ну, вешай! Вешай, предатель!

Румата перевел дыхание и отпустил Киуна.

— Я пошутил, — сказал он. — Не бойся.

— Ложь, ложь... — всхлипывая, бормотал Киун. — Всюду ложь!..

— Ладно, не сердись, — сказал Румата. — Лучше подбери, что ты там бросил, — промокнет...

Киун постоял, качаясь и всхлипывая, бесцельно похлопал ладонями по плащу и полез в канаву. Румата ждал, устало сгорбившись в седле. Значит, так и надо, думал он, значит, иначе просто нельзя... Киун вылез из канавы, пряча за пазуху сверток.

— Книги, конечно, — сказал Румата.

Киун помотал головой.

— Нет, — сказал он хрипло. — Всего одна книга. Моя книга.

— О чем же ты пишешь?

— Боюсь, вам это будет неинтересно, благородный дон.

Румата вздохнул.

— Берись за стремя, — сказал он. — Пойдем.

Долгое время они молчали.

— Послушай, Киун, — сказал Румата. — Я пошутил. Не бойся меня.

— Славный мир, — проговорил Киун. — Веселый мир. Все шутят. И все шутят одинаково. Даже благородный Румата.

Румата удивился.

— Ты знаешь мое имя?

— Знаю, — сказал Киун. — Я узнал вас по обручу на лбу. Я так обрадовался, встретив вас на дороге...

Ну, конечно, вот что он имел в виду, когда назвал меня предателем, подумал Румата. Он сказал:

— Видишь ли, я думал, что ты шпион. Я всегда убиваю шпионов.

— Шпион... — повторил Киун. — Да, конечно. В наше время так легко и сытно быть шпионом. Орел наш, благородный дон Рэба, озабочен знать, что говорят и думают подданные короля. Хотел бы я быть шпионом. Рядовым осведомителем в таверне «Серая Радость». Как хорошо, как почтенно! В шесть часов вечера я вхожу в распивочную и сажусь за свой столик. Хозяин спешит ко мне с моей первой кружкой. Пить я могу сколько влезет, за пиво платит дон Рэба — вернее, никто не платит. Я сижу, попиваю пиво и слушаю. Иногда я делаю вид, что записываю разговоры, и перепуганные людишки устремляются ко мне с предложениями дружбы и кошелька. В глазах у них я вижу только то, что мне хочется: собачью преданность, почтительный страх и восхитительную бессильную ненависть. Я могу безнаказанно трогать девушек и тискать жен на глазах у мужей, здоровенных дядек, и они будут только подобострастно хихикать... Какое прекрасное рассуждение, благородный дон, не правда ли? Я услышал его от пятнадцатилетнего мальчишки, студента Патриотической школы...

— И что же ты ему сказал? — с любопытством спросил Румата.

— А что я мог сказать? Он бы не понял. И я рассказал ему, что люди Ваги Колеса, изловив осведомителя, вспарывают ему живот и засыпают во внутренности перец... А пьяные солдаты засовывают осведомителя в мешок и топят в нужнике. И это истинная правда, но он не поверил. Он сказал, что в школе они это не проходили. Тогда я достал бумагу и записал наш разговор. Это нужно было мне для моей книги, а он, бедняга, решил, что для доноса, и обмочился от страха...

Впереди сквозь кустарник мелькнули огоньки корчмы Скелета Бако. Киун споткнулся и замолчал.

— Что случилось? — спросил Румата.

— Там серый патруль, — пробормотал Киун.

— Ну и что? — сказал Румата. — Послушай лучше еще одно рассуждение, почтенный Киун. Мы любим и ценим этих простых, грубых ребят, нашу серую боевую скотину. Они нам нужны. Отныне простолюдин должен держать язык за зубами, если не хочет вывешивать его на виселице! — Он захохотал, потому что сказано было отменно — в лучших традициях серых казарм.

Киун съежился и втянул голову в плечи.

— Язык простолюдина должен знать свое место. Бог дал простолюдину язык вовсе не для разглагольствований, а для лизания сапог своего господина, каковой господин положен простолюдину от века...

У коновязи перед корчмой топтались оседланные кони серого патруля. Из открытого окна доносилась азартная хриплая брань. Стучали игральные кости. В дверях, загораживая проход чудовищным брюхом, стоял сам Скелет Бако в драной кожаной куртке, с засученными рукавами. В мохнатой лапе он держал тесак — видно, только что рубил собачину для похлебки, вспотел и вышел отдышаться. На ступеньках сидел, пригорюнясь, серый штурмовик, поставив боевой топор между коленей. Рукоять топора стянула ему физиономию набок. Было видно, что ему томно с перепоя. Заметив всадника, он подобрал слюни и сипло взревел:

— С-стой! Как тебя там... Ты, бла-ародный!..

Румата, выпятив подбородок, проехал мимо, даже не покосившись.

— ...А если язык простолюдина лижет не тот сапог, — громко говорил он, — то язык этот надлежит удалить напрочь, ибо сказано: «Язык твой — враг мой»...

Киун, прячась за круп лошади, широко шагал рядом. Краем глаза Румата видел, как блестит от пота его лысина.

— Стой, говорят! — заорал штурмовик.

Было слышно, как он, гремя топором, катится по ступеням, поминая разом бога, черта и всякую благородную сволочь.

Человек пять, подумал Румата, поддергивая манжеты. Пьяные мясники. Вздор.

Они миновали корчму и свернули к лесу.

— Я мог бы идти быстрее, если надо, — сказал Киун неестественно твердым голосом.

— Вздор! — сказал Румата, осаживая жеребца. — Было бы скучно проехать столько миль и ни разу не подраться. Неужели тебе никогда не хочется подраться, Киун? Все разговоры, разговоры...

— Нет, — сказал Киун. — Мне никогда не хочется драться.

— В том-то и беда, — пробормотал Румата, поворачивая жеребца и неторопливо натягивая перчатки.

Из-за поворота выскочили два всадника и, увидев его, разом остановились.

— Эй ты, благородный дон! — закричал один. — А ну, предъяви подорожную!

— Хамье! — стеклянным голосом произнес Румата. — Вы же неграмотны, зачем вам подорожная?

Он толкнул жеребца коленом и рысью двинулся навстречу штурмовикам. Трусят, подумал он. Мнутся... Ну хоть пару оплеух! Нет... Ничего не выйдет. Так хочется разрядить ненависть, накопившуюся за сутки, и, кажется, ничего не выйдет. Останемся гуманными, всех простим и будем спокойны, как боги. Пусть они

режут и оскверняют, мы будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность...

Он подъехал вплотную. Штурмовики неуверенно подняли топоры и попятились.

— Н-ну? — сказал Румата.

— Так это, значит, что? — растерянно сказал первый штурмовик. — Так это, значит, благородный дон Румата?

Второй штурмовик сейчас же повернул коня и галопом умчался прочь. Первый все пятился, опустив топор.

— Прощенья просим, благородный дон, — скороговоркой говорил он. — Обознались. Ошибочка произошла. Дело государственное, ошибочки всегда возможны. Ребята малость подпили, горят рвением... — Он стал отъезжать боком. — Сами понимаете, время тяжелое... Ловим беглых грамотеев. Нежелательно бы нам, чтобы жалобы у вас были, благородный дон...

Румата повернулся к нему спиной.

— Благородному дону счастливого пути! — с облегчением сказал вслед штурмовик.

Когда он уехал, Румата негромко позвал:

— Киун!

Никто не отозвался.

— Эй, Киун!

И опять никто не отозвался. Прислушавшись, Румата различил сквозь комариный звон шорох кустов. Киун торопливо пробирался через поле на запад, туда, где в двадцати милях проходила ируканская граница. Вот и все, подумал Румата. Вот и весь разговор. Всегда одно и то же. Проверка, настороженный обмен двусмысленными притчами... Целыми неделями тратишь душу на пошлую болтовню со всяким отребьем, а когда встречаешь настоящего человека, поговорить нет времени. Нужно прикрыть, спасти, отправить в безопасное место, и он уходит, так и не поняв, имел ли дело с другом или с капризным выродком. Да и сам ты ничего не узнаешь о нем. Чего он хочет, что может, зачем живет...

Он вспомнил вечерний Арканар. Добротные каменные дома на главных улицах, приветливый фонарик над

входом в таверну, благодушные, сытые лавочники пьют пиво за чистыми столами и рассуждают о том, что мир совсем не плох, цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книгочеев сажают на кол, король, по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку. «Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..», «От грамоты, от грамоты все идет, братья! Не в деньгах, мол, счастье, мужик, мол, тоже человек, дальше — больше, оскорбительные стишки, а там и бунт...», «Всех их на кол, братья!.. Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много знаешь!», «Бина, пышка, еще три кружечки и порцию тушеного кролика!» А по булыжной мостовой — грррум, грррум, грррум — стучат коваными сапогами коренастые, красномордые парни в серых рубахах, с тяжелыми топорами на правом плече. «Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть! А мой-то, мой-то... На правом фланге! Вчера еще его порол! Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость. Ура, серые роты! Ура, дон Рэба! Слава королю нашему! Эх, братья, жизнь-то какая пошла чудесная!..»

А по темной равнине королевства Арканарского, озаряемой заревами пожаров и искрами лучин, по дорогам и тропкам, изъеденные комарами, со сбитыми в кровь ногами, покрытые потом и пылью, измученные, перепуганные, убитые отчаянием, но твердые как сталь в своем единственном убеждении, бегут, идут, бредут, обходя заставы, сотни несчастных, объявленных вне закона за то, что они умеют и хотят лечить и учить свой изнуренный болезнями и погрязший в невежестве народ; и за то, что они, подобно богам, создают из глины и камня вторую природу для украшения жизни не знающего красоты народа; за то, что они проникают в тайны природы, надеясь поставить эти тайны на службу своему неумелому, запуганному старинной

чертовщиной народу... Беззащитные, добрые, непрактичные, далеко обогнавшие свой век...

Румата стянул перчатку и с размаху треснул ею жеребца между ушами.

— Ну, мертвая! — сказал он по-русски.

Была уже полночь, когда он въехал в лес.

Теперь никто не может точно сказать, откуда взялось это странное название — Икающий лес. Существовало официальное предание о том, что триста лет назад железные роты имперского маршала Тоца, впоследствии первого Арканарского короля, прорубались через сайву, преследуя отступающие орды меднокожих варваров, и здесь на привалах варили из коры белых деревьев брагу, вызывающую неудержимую икоту. Согласно преданию, маршал Тоц, обходя однажды утром лагерь, произнес, морща аристократический нос: «Поистине, это невыносимо! Весь лес икает и провонял брагой!» Отсюда якобы и пошло странное название.

Так или иначе, это был не совсем обыкновенный лес. В нем росли огромные деревья с твердыми белыми стволами, каких не сохранилось нигде больше в Империи — ни в герцогстве Ируканском, ни тем более в торговой республике Соан, давно уже пустившей все свои леса на корабли. Рассказывали, что таких лесов много за Красным Северным хребтом в стране варваров, но мало ли что рассказывают про страну варваров...

Через лес проходила дорога, прорубленная века два назад. Дорога эта вела к серебряным рудникам и по ленному праву принадлежала баронам Пампа, потомкам одного из сподвижников маршала Тоца. Ленное право баронов Пампа обходилось Арканарским королям в двенадцать пудов чистого серебра ежегодно, поэтому каждый очередной король, вступив на престол, собирал армию и шел воевать замок Бау, где гнездились бароны. Стены замка были крепки, бароны отважны, каждый поход обходился в тридцать пудов серебра, и после возвращения разбитой армии короли Арканарские вновь и вновь подтверждали ленное право баронов Пампа

наряду с другими привилегиями, как-то: ковырять в носу за королевским столом, охотиться к западу от Арканара и называть принцев прямо по имени, без присовокупления титулов и званий.

Икающий лес был полон темных тайн. Днем по дороге на юг тянулись обозы с обогащенной рудой, а ночью дорога была пуста, потому что мало находилось смельчаков ходить по ней при свете звезд. Говорили, что по ночам с Отца-дерева кричит птица Сиу, которую никто не видел и которую видеть нельзя, поскольку это не простая птица. Говорили, что большие мохнатые пауки прыгают с ветвей на шеи лошадям и мигом прогрызают жилы, захлебываясь кровью. Говорили, что по лесу бродит огромный древний зверь Пэх, который покрыт чешуей, дает потомство раз в двенадцать лет и волочит за собой двенадцать хвостов, потеющих ядовитым потом. А кое-кто видел, как среди бела дня дорогу пересекал, бормоча свои жалобы, голый вепрь Ы, проклятый святым Микой, — свирепое животное, неуязвимое для железа, но легко пробиваемое костью.

Здесь можно было встретить и беглого раба со смоляным клеймом между лопаток — молчаливого и беспощадного, как мохнатый паук-кровосос. И скрюченного в три погибели колдуна, собирающего тайные грибы для своих колдовских настоев, при помощи которых можно стать невидимым, превращаться в некоторых животных или приобрести вторую тень. Хаживали вдоль дороги и ночные молодцы грозного Ваги Колеса, и беглецы с серебряных рудников с черными ладонями и белыми, прозрачными лицами. Знахари собирались здесь для своих ночных бдений, а разухабистые егеря барона Пампы жарили на редких полянах ворованных быков, целиком насаженных на вертел.

Едва ли не в самой чаще леса, в миле от дороги, под громадным деревом, засохшим от старости, вросла в землю покосившаяся изба из громадных бревен, окруженная почерневшим частоколом. Стояла она здесь с незапамятных времен, дверь ее была всегда закрыта, а у сгнившего крыльца торчали покосившиеся идолы,

вырезанные из цельных стволов. Эта изба была самое что ни на есть опасное место в Икающем лесу. Говорили, что именно сюда приходит раз в двенадцать лет древний Пэх, чтобы родить потомка, и тут же, заползши под избу, издыхает, так что весь подпол в избе залит черным ядом, а когда яд потечет наружу — вот тут-то и будет всему конец. Говорили, что в ненастные ночи идолы сами собой выкапываются из земли, выходят к дороге и подают знаки. И говорили еще, что изредка в мертвых окнах загорается нелюдской свет, раздаются звуки, и дым из трубы идет столбом до самого неба.

Не так давно непьющий деревенский дурачок Ирма Кукиш с хутора Благорастворение (по-простому — Смердуны) сдуру забрел вечером к избе и заглянул в окно. Домой он вернулся совсем уже глупым, а оклемавшись немного, рассказал, что в избе был яркий свет и за простым столом сидел с ногами на скамье человек и отхлебывал из бочки, которую держал одной рукой. Лицо человека свисало чуть не до пояса и все было в пятнах. Был это, ясно, сам святой Мика еще до приобщения к вере, многоженец, пьяница и сквернослов. Глядеть на него можно было, только побарывая страх. Из окошка тянуло сладким тоскливым запахом, и по деревьям вокруг ходили тени. Рассказ дурачка сходились слушать со всей округи. А кончилось дело тем, что приехали штурмовики и, загнув ему локти к лопаткам, угнали в город Арканар. Говорить об избе все равно не перестали и называли ее теперь не иначе, как Пьяной Берлогой...

Продравшись через заросли гигантского папоротника, Румата спешился у крыльца Пьяной Берлоги и обмотал повод вокруг одного из идолов. В избе горел свет, дверь была раскрыта и висела на одной петле. Отец Кабани сидел за столом в полной прострации. В комнате стоял могучий спиртной дух, на столе среди обглоданных костей и кусков вареной брюквы возвышалась огромная глиняная кружка.

— Добрый вечер, отец Кабани, — сказал Румата, перешагивая через порог.

— Я вас приветствую, — отозвался отец Кабани хриплым, как боевой рог, голосом.

Румата, звеня шпорами, подошел к столу, бросил на скамью перчатки и снова посмотрел на отца Кабани. Отец Кабани сидел неподвижно, положив обвисшее лицо на ладони. Мохнатые полуседые брови его свисали над щеками, как сухая трава над обрывом. Из ноздрей крупнопористого носа при каждом выдохе со свистом вылетал воздух, пропитанный неусвоенным алкоголем.

— Я сам выдумал его! — сказал он вдруг, с усилием задрав правую бровь и поведя на Румату заплывшим глазом. — Сам! Зачем?.. — Он высвободил из-под щеки правую руку и помотал волосатым пальцем. — А все-таки я ни при чем!.. Я его выдумал... и я же ни при чем, а?!. Точно — ни при чем... И вообще мы не выдумываем, а черт знает что!..

Румата расстегнул пояс и потащил через голову перевязи с мечами.

— Ну, ну! — сказал он.

— Ящик! — рявкнул отец Кабани и надолго замолчал, делая странные движения щеками.

Румата, не спуская с него глаз, перенес через скамью ноги в покрытых пылью ботфортах и уселся, положив мечи рядом.

— Ящик... — повторил отец Кабани упавшим голосом. — Это мы говорим, будто мы выдумываем. На самом деле все давным-давно выдумано. Кто-то давным-давно все выдумал, сложил все в ящик, провертел в крышке дыру и ушел... Ушел спать... Тогда что? Приходит отец Кабани, закрывает глаза, с-сует руку в дыру. — Отец Кабани посмотрел на свою руку. — Х-хвать! Выдумал! Я, говорит, это вот самое и выдумывал!.. А кто не верит, тот дурак... Сую руку — р-раз! Что? Проволока с колючками. Зачем? Скотный двор от волков... Молодец! Сую руку — дв-ва! Что? Умнейшая штука — мясокрутка называемая. Зачем? Нежный мясной фарш... Молодец! Сую руку — три! Что? Г-горючая вода... Зачем? С-сырые дрова разжигать... А?!

Отец Кабани замолк и стал клониться вперед, словно кто-то пригибал его, взяв за шею. Румата взял кружку, заглянул в нее, потом вылил несколько капель на тыльную сторону ладони. Капли были сиреневые и пахли сивушными маслами. Румата кружевным платком тщательно вытер руку. На платке остались маслянистые пятна. Нечесаная голова отца Кабани коснулась стола и тотчас вздернулась.

— Кто сложил все в ящик — он знал, для чего это выдумано... Колючки от волков?! Это я, дурак, — от волков... Рудники, рудники оплетать этими колючками... Чтобы не бегали с рудников государственные преступники. А я не хочу!.. Я сам государственный преступник! А меня спросили? Спросили! Колючка, грят? Колючка. От волков, грят? От волков... Хорошо, грят, молодец! Оплетем рудники... Сам дон Рэба и оплел. И мясокрутку мою забрал. Молодец, грит! Голова, грит, у тебя!.. И теперь, значит, в Веселой Башне нежный фарш делает... Очень, говорят, способствует...

Знаю, думал Румата. Все знаю. И как кричал ты у дона Рэбы в кабинете, как в ногах у него ползал, молил: «Отдай, не надо!» Поздно было. Завертелась твоя мясокрутка...

Отец Кабани схватил кружку и приник к ней волосатой пастью. Глотая ядовитую смесь, он рычал, как вепрь Ы, потом сунул кружку на стол и принялся жевать кусок брюквы. По щекам его ползли слезы.

— Горючая вода! — провозгласил он, наконец, перехваченным голосом. — Для растопки костров и произведения веселых фокусов. Какая же она горючая, если ее можно пить? Ее в пиво подмешивать — цены пиву не будет! Не дам! Сам выпью... И пью. День пью. Ночь. Опух весь. Падаю все время. Давеча, дон Румата, не поверишь, к зеркалу подошел — испугался... Смотрю — помоги господи! — где же отец Кабани?! Морской зверь спрут — весь цветными пятнами иду. То красный. То синий. Выдумал, называется, воду для фокусов...

Отец Кабани сплюнул на стол и пошаркал ногой под лавкой, растирая. Затем вдруг спросил:

— Какой нынче день?

— Канун Каты Праведного, — сказал Румата.

— А почему нет солнца?

— Потому что ночь.

— Опять ночь... — с тоской сказал отец Кабани и упал лицом в объедки.

Некоторое время Румата, посвистывая сквозь зубы, смотрел на него. Потом выбрался из-за стола и прошел в кладовку. В кладовке между кучей брюквы и кучей опилок поблескивал стеклянными трубками громоздкий спиртогонный агрегат отца Кабани — удивительное творение прирожденного инженера, инстинктивного химика и мастера-стеклодува. Румата дважды обошел «адскую машину» кругом, затем нашарил в темноте лом и несколько раз наотмашь ударил, никуда специально не целясь. В кладовке залязгало, задребезжало, забулькало. Гнусный запах перекисшей барды ударил в нос.

Хрустя каблуками по битому стеклу, Румата пробрался в дальний угол и включил электрический фонарик. Там под грудой хлама стоял в прочном силикетовом сейфе малогабаритный полевой синтезатор «Мидас». Румата разбросал хлам, набрал на диске комбинацию цифр и поднял крышку сейфа. Даже в белом электрическом свете синтезатор выглядел странно среди развороченного мусора. Румата бросил в приемную воронку несколько лопат опилок, и синтезатор тихонько запел, автоматически включив индикаторную панель. Румата носком ботфорта придвинул к выходному желобу ржавое ведро. И сейчас же — дзинь, дзинь, дзинь! — посыпались на мятое жестяное дно золотые кружочки с аристократическим профилем Пица Шестого, короля Арканарского.

Румата перенес отца Кабани на скрипучие нары, стянул с него башмаки, повернул на правый бок и накрыл облысевшей шкурой какого-то давно вымершего животного. При этом отец Кабани на минуту проснулся. Двигаться он не мог, соображать тоже. Он ограничился тем, что пропел несколько стихов из запрещенного к

распеванию светского романса «Я как цветочек аленький в твоей ладошке маленькой», после чего гулко захрапел.

Румата убрал со стола, подмел пол и протер стекло единственного окна, почерневшее от грязи и химических экспериментов, которые отец Кабани производил на подоконнике. За облупленной печкой он нашел бочку со спиртом и опорожнил ее в крысиную дыру. Затем он напоил хамахарского жеребца, засыпал ему овса из седельной сумки, умылся и сел ждать, глядя на коптящий огонек масляной лампы. Шестой год он жил этой странной, двойной жизнью и, казалось бы, совсем привык к ней, но время от времени, как, например, сейчас, ему вдруг приходило в голову, что нет на самом деле никакого организованного зверства и напирающей серости, а разыгрывается причудливое театральное представление с ним, Руматой, в главной роли. Что вот-вот после особенно удачной его реплики грянут аплодисменты и ценители из Института экспериментальной истории восхищенно закричат из лож: «Адекватно, Антон! Адекватно! Молодец, Тошка!» Он даже огляделся, но не было переполненного зала, были только почерневшие, замшелые стены из голых бревен, заляпанные наслоениями копоти.

Во дворе тихонько ржанул и переступил копытами хамахарский жеребец. Послышалось низкое ровное гудение, до слез знакомое и совершенно здесь невероятное. Румата вслушивался, приоткрыв рот. Гудение оборвалось, язычок пламени над светильником заколебался и вспыхнул ярче. Румата стал подниматься, и в ту же минуту из ночной темноты в комнату шагнул дон Кондор, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной.

Румата вскочил, едва не опрокинув скамью. Он готов был броситься, обнять, расцеловать его в обе щеки, но ноги, следуя этикету, сами собой согнулись в коленях, шпоры торжественно звякнули, правая рука опи-

сала широкий полукруг от сердца и в сторону, а голова нагнулась так, что подбородок утонул в пенно-кружевных брыжах. Дон Кондор сорвал бархатный берет с простым дорожным пером, торопливо, как бы отгоняя комаров, махнул им в сторону Руматы, а затем, швырнув берет на стол, обеими руками расстегнул у шеи застежки плаща. Плащ еще медленно падал у него за спиной, а он уже сидел на скамье, раздвинув ноги, уперев левую руку в бок, а отставленной правой держась за эфес золоченого меча, вонзенного в гнилые доски пола. Был он маленький, худой, с большими выпуклыми глазами на узком бледном лице. Его черные волосы были схвачены таким же, как у Руматы, массивным золотым обручем с большим зеленым камнем над переносицей.

— Вы один, дон Румата? — спросил он отрывисто.

— Да, благородный дон, — грустно ответил Румата.

Отец Кабани вдруг громко и трезво сказал: «Благородный дон Рэба!.. Гиена вы, вот и все».

Дон Кондор не обернулся.

— Я прилетел, — сказал он.

— Будем надеяться, — сказал Румата, — что вас не видели.

— Легендой больше, легендой меньше, — раздраженно сказал дон Кондор. — У меня нет времени на путешествия верхом. Что случилось с Будахом? Куда он делся? Да сядьте же, дон Румата, прошу вас! У меня болит шея.

Румата послушно опустился на скамью.

— Будах исчез, — сказал он. — Я ждал его в Урочище Тяжелых Мечей. Но явился только одноглазый оборванец, назвал пароль и передал мне мешок с книгами. Я ждал еще два дня, затем связался с доном Гугом, и дон Гуг сообщил, что проводил Будаха до самой границы и что Будаха сопровождает некий благородный дон, которому можно доверять, потому что он вдребезги проигрался в карты и продался дону Гугу телом и душой. Следовательно, Будах исчез где-то здесь, в Арканаре. Вот и все, что мне известно.

— Не много же вы знаете, — сказал дон Кондор.

— Не в Будахе дело, — возразил Румата. — Если он жив, я его найду и вытащу. Это я умею. Не об этом я хотел с вами говорить. Я хочу еще и еще раз обратить ваше внимание на то, что положение в Арканаре выходит за пределы базисной теории... — На лице дона Кондора появилось кислое выражение. — Нет уж, вы меня выслушайте, — твердо сказал Румата. — Я чувствую, что по радио я с вами никогда не объяснюсь. А в Арканаре все переменилось! Возник какой-то новый, систематически действующий фактор. И выглядит это так, будто дон Рэба сознательно натравливает на ученых всю серость в королевстве. Все, что хоть немного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой. Вы слушайте, дон Кондор, это не эмоции, это факты! Если ты умен, образован, сомневаешься, говоришь непривычное — просто не пьешь вина, наконец! — ты под угрозой. Любой лавочник вправе затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона. Их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Голых, вверх ногами... Вчера на моей улице забили сапогами старика, узнали, что он грамотный. Топтали, говорят, два часа, тупые, с потными звериными мордами... — Румата сдержался и закончил спокойно: — Одним словом, в Арканаре скоро не останется ни одного грамотного. Как в Области Святого Ордена после Барканской резни.

Дон Кондор пристально смотрел на него, поджав губы.

— Ты мне не нравишься, Антон, — сказал он по-русски.

— Мне тоже многое не нравится, Александр Васильевич, — сказал Румата. — Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие... Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская прак-

тика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Не горячись. Я верю, что положение в Арканаре совершенно исключительное, но я убежден, что у тебя нет ни одного конструктивного предложения.

— Да, — согласился Румата, — конструктивных предложений у меня нет. Но мне очень трудно держать себя в руках.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Нас здесь двести пятьдесят на всей планете. Все держат себя в руках, и всем это очень трудно. Самые опытные живут здесь уже двадцать два года. Они прилетели сюда всего-навсего как наблюдатели. Им было запрещено вообще что бы то ни было предпринимать. Представь себе это на минуту: запрещено вообще. Они бы не имели права даже спасти Будаха. Даже если бы Будаха топтали ногами у них на глазах.

— Не надо говорить со мной, как с ребенком, — сказал Румата.

— Вы нетерпеливы, как ребенок, — объявил дон Кондор. — А надо быть очень терпеливым.

Румата горестно усмехнулся.

— А пока мы будем выжидать, — сказал он, — примериваться да нацеливаться, звери ежедневно, ежеминутно будут уничтожать людей.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Во вселенной тысячи планет, куда мы еще не пришли и где история идет своим чередом.

— Но сюда-то мы уже пришли!

— Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов, ты действительно не ребенок и знал, что здесь увидишь.

Румата молчал. Дон Кондор, какой-то обмякший и сразу постаревший, волоча меч за эфес, как палку, прошелся вдоль стола, печально кивая носом.

— Все понимаю, — сказал он. — Я же все это пережил. Было время — это чувство бессилия и собственной подлости казалось мне самым страшным. Некоторые, послабее, сходили от этого с ума, их отправляли на Землю и теперь лечат. Пятнадцать лет понадобилось мне, голубчик, чтобы понять, что же самое страшное. Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запачкать душу, ожесточиться. Мы здесь боги, Антон, и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию. А ведь ходим по краешку трясины. Оступился — и в грязь, всю жизнь не отмоешься. Горан Ируканский в «Истории Пришествия» писал: «Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот, ноги его были в грязи».

— За что Горана и сожгли, — мрачно сказал Румата.

— Да, сожгли. А сказано это про нас. Я здесь пятнадцать лет. Я, голубчик, уж и сны про Землю видеть перестал. Как-то, роясь в бумагах, нашел фотографию одной женщины и долго не мог сообразить, кто же она такая. Иногда я вдруг со страхом осознаю, что я уже давно не сотрудник Института, я экспонат музея этого Института, генеральный судья торговой феодальной республики, и есть в музее зал, куда меня следует поместить. Вот что самое страшное — войти в роль. В каждом из нас благородный подонок борется с коммунаром. И все вокруг помогает подонку, а коммунар один-одинешенек — до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. — Дон Кондор помолчал, гладя колени. — Вот так-то, Антон, — сказал он твердеющим голосом. — Останемся коммунарами.

Он не понимает. Да и как ему понять? Ему повезло, он не знает, что такое серый террор, что такое дон Рэба. Все, чему он был свидетелем за пятнадцать лет работы на этой планете, так или иначе укладывается в рамки базисной теории. И когда я говорю ему о фашизме, о серых штурмовиках, об активизации мещанства, он воспринимает это как эмоциональные выражения. «Не шу-

тите с терминологией, Антон! Терминологическая путаница влечет за собой опасные последствия». Он никак не может понять, что нормальный уровень средневекового зверства — это счастливый вчерашний день Арканара. Дон Рэба для него — это что-то вроде герцога Ришелье, умный и дальновидный политик, защищающий абсолютизм от феодальной вольницы. Один я на всей планете вижу страшную тень, наползающую на страну, но как раз я и не могу понять, чья это тень и зачем... И где уж мне убедить его, когда он вот-вот, по глазам видно, пошлет меня на Землю лечиться.

— Как поживает почтенный Синда? — спросил он.

Дон Кондор перестал сверлить его взглядом и буркнул: «Хорошо, благодарю вас». Потом он сказал:

— Нужно, наконец, твердо понять, что ни ты, ни я, никто из нас реально ощутимых плодов своей работы не увидим. Мы не физики, мы историки. У нас единица времени не секунда, а век, и дела наши — это даже не посев, мы только готовим почву для посева. А то прибывают порой с Земли... энтузиасты, черт бы их побрал... Спринтеры с коротким дыханием...

Румата криво усмехнулся и без особой надобности принялся подтягивать ботфорты. Спринтеры. Да, спринтеры были.

Десять лет назад Стефан Орловский, он же дон Капада, командир роты арбалетчиков его императорского величества, во время публичной пытки восемнадцати эсторских ведьм приказал своим солдатам открыть огонь по палачам, зарубил имперского судью и двух судебных приставов и был поднят на копья дворцовой охраной. Корчась в предсмертной муке, он кричал: «Вы же люди! Бейте их, бейте!» — но мало кто слышал его за ревом толпы: «Огня! Еще огня!..»

Примерно в то же время в другом полушарии Карл Розенблюм, один из крупнейших знатоков крестьянских войн в Германии и Франции, он же торговец шерстью Пани-Па, поднял восстание мурисских крестьян, штурмом взял два города и был убит стрелой в затылок, пытаясь прекратить грабежи. Он был еще жив, когда

за ним прилетели на вертолете, но говорить не мог и только смотрел виновато и недоуменно большими голубыми глазами, из которых непрерывно текли слезы...

А незадолго до прибытия Руматы великолепно законспирированный друг-конфидент кайсанского тирана (Джереми Тафнат, специалист по истории земельных реформ) вдруг ни с того ни с сего произвел дворцовый переворот, узурпировал власть, в течение двух месяцев пытался внедрить Золотой Век, упорно не отвечая на яростные запросы соседей и Земли, заслужил славу сумасшедшего, счастливо избежал восьми покушений, был, наконец, похищен аварийной командой сотрудников Института и на подводной лодке переправлен на островную базу у Южного полюса...

— Подумать только! — пробормотал Румата. — До сих пор вся Земля воображает, что самыми сложными проблемами занимается нуль-физика...

Дон Кондор поднял голову.

— О, наконец-то! — сказал он негромко.

Зацокали копыта, злобно и визгливо заржал хамахарский жеребец, послышалось энергичное проклятье с сильным ируканским акцентом. В дверях появился дон Гуг, старший постельничий его светлости герцога Ируканского, толстый, румяный, с лихо вздернутыми усами, с улыбкой до ушей, с маленькими веселыми глазками под буклями каштанового парика. И снова Румата сделал движение броситься и обнять, потому что это же был Пашка, но дон Гуг вдруг подобрался, на толстощекой физиономии появилась сладкая приторность, он слегка согнулся в поясе, прижал шляпу к груди и вытянул губы дудкой. Румата вскользь поглядел на Александра Васильевича. Александр Васильевич исчез. На скамье сидел Генеральный судья и Хранитель больших печатей — раздвинув ноги, уперев левую руку в бок, а правой держась за эфес золоченого меча.

— Вы сильно опоздали, дон Гуг, — сказал он неприятным голосом.

— Тысяча извинений! — вскричал дон Гуг, плавно приближаясь к столу. — Клянусь рахитом моего герцо-

га, совершенно непредвиденные обстоятельства! Меня четырежды останавливал патруль его величества короля Арканарского, и я дважды дрался с какими-то хамами. — Он изящно поднял левую руку, обмотанную окровавленной тряпкой. — Кстати, благородные доны, чей это вертолет позади избы?

— Это мой вертолет, — сварливо сказал дон Кондор. — У меня нет времени для драк на дорогах.

Дон Гуг приятно улыбнулся и, усевшись верхом на скамью, сказал:

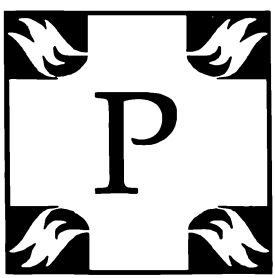
— Итак, благородные доны, мы вынуждены констатировать, что высокоученый доктор Будах таинственным образом исчез где-то между ируканской границей и Урочищем Тяжелых Мечей...

Отец Кабани вдруг заворочался на своем ложе.

— Дон Рэба, — густо сказал он, не просыпаясь.

— Оставьте Будаха мне, — с отчаянием сказал Румата, — и попытайтесь все-таки меня понять...

ГЛАВА 2

умата вздрогнул и открыл глаза. Был уже день. Под окнами на улице скандалили. Кто-то, видимо военный, орал: «М-мэр-рзавец! Ты слижешь эту грязь языком! («С добрым утром!» — подумал Румата.) Ма-алчать!.. Клянусь спиной святого Мики, ты выведешь меня из себя!» Другой голос, грубый и хриплый, бубнил, что на этой улице надобно глядеть под ноги. «Под утро дождичек прошел, а мостили ее сами знаете когда...» — «Он мне еще указывает, куда смотреть!..» — «Вы меня лучше отпустите, благородный дон, не держите за рубаху». — «Он мне еще указывает!..» Послышался звонкий треск. Видимо, это была уже вторая пощечина — первая разбудила Румату. «Вы меня лучше не бейте, благородный дон...» — бубнили внизу.

Знакомый голос, кто бы это мог быть? Кажется, дон Тамэо. Надо будет сегодня проиграть хамахарскую клячу обратно. Интересно, научусь я когда-нибудь разби-

раться в лошадях? Правда, мы, Руматы Эсторские, спокон веков не разбираемся в лошадях. Мы знатоки боевых верблюдов. Румата с хрустом потянулся, нащупал в изголовье витой шелковый шнур и несколько раз дернул. В недрах дома зазвякали колокольчики. Мальчишка, конечно, глазеет на скандал, подумал Румата. Можно было бы встать и одеться самому, но это — лишние слухи. Он прислушался к брани под окнами. До чего же могучий язык! Энтропия невероятная. Не зарубил бы его дон Тамэо... В последнее время в гвардии появились любители, которые объявили, что для благородного боя у них только один меч, а другой они употребляют специально для уличной погани — ее-де заботами дона Рэбы что-то слишком много развелось в славном Арканаре. Впрочем, дон Тамэо не из таких. Трусоват наш дон Тамэо, да и политик известный...

Мерзко, когда день начинается с дона Тамэо... Румата сел, обхватив колени под роскошным рваным одеялом. Появляется ощущение свинцовой беспросветности, хочется пригорюниться и размышлять о том, как мы слабы и ничтожны перед обстоятельствами... На Земле это нам и в голову не приходит. Там мы здоровые, уверенные ребята, прошедшие психологическое кондиционирование и готовые ко всему. У нас отличные нервы: мы умеем не отворачиваться, когда избивают и казнят. У нас неслыханная выдержка: мы способны выдерживать излияния безнадежнейших кретинов. Мы забыли брезгливость, нас устраивает посуда, которую, по обычаю, дают вылизывать собакам и затем для красоты протирают грязным подолом. Мы великие имперсонаторы, даже во сне мы не говорим на языках Земли. У нас безотказное оружие — базисная теория феодализма, разработанная в тиши кабинетов и лабораторий, на пыльных раскопах, в солидных дискуссиях...

Жаль только, что дон Рэба понятия не имеет об этой теории. Жаль только, что психологическая подготовка слезает с нас, как загар, мы бросаемся в крайности, мы вынуждены заниматься непрерывной подзарядкой: «Стисни зубы и помни, что ты замаскированный бог,

что они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым...» Оказывается, что колодцы гуманизма в наших душах, казавшиеся на Земле бездонными, иссякают с пугающей быстротой. Святой Мика, мы же были настоящими гуманистами там, на Земле, гуманизм был скелетом нашей натуры, в преклонении перед Человеком, в нашей любви к Человеку мы докатывались до антропоцентризма, а здесь вдруг с ужасом ловим себя на мысли, что любили не Человека, а только коммунара, землянина, равного нам... Мы все чаще ловим себя на мысли: «Да полно, люди ли это? Неужели они способны стать людьми, хотя бы со временем?» И тогда мы вспоминаем о таких, как Кира, Будах, Арата Горбатый, о великолепном бароне Пампа, и нам становится стыдно, а это тоже непривычно и неприятно и, что самое главное, не помогает...

Не надо об этом, подумал Румата. Только не утром. Провалился бы этот дон Тамэо!.. Накопилось в душе кислятины, и некуда ее выплеснуть в таком одиночестве. Вот именно, в одиночестве! Мы-то, здоровые, уверенные, думали ли мы, что окажемся здесь в одиночестве? Да ведь никто не поверит! Антон, дружище, что это ты? На запад от тебя, три часа лету, Александр Васильевич, добряк, умница, на востоке — Пашка, семь лет за одной партой, верный веселый друг. Ты просто раскис, Тошка. Жаль, конечно, мы думали, ты крепче, но с кем не бывает? Работа адова, понимаем. Возвращайся-ка ты на Землю, отдохни, подзаймись теорией, а там видно будет...

А Александр Васильевич, между прочим, чистой воды догматик. Раз базисная теория не предусматривает серых («Я, голубчик, за пятнадцать лет работы таких отклонений от теории что-то не замечал...»), значит, серые мне мерещатся. Раз мерещатся, значит, у меня сдали нервы и меня надо отправить на отдых. «Ну, хорошо, я обещаю, я посмотрю сам и сообщу свое мнение. Но пока, дон Румата, прошу вас, никаких эксцессов...» А Павел, друг детства, эрудит, видите ли, зна-

ток, кладезь информации... пустился напропалую по историям двух планет и легко доказал, что серое движение есть всего-навсего заурядное выступление горожан против баронов. «Впрочем, на днях заеду к тебе, посмотрю. Честно говоря, мне как-то неловко за Будаха...» И на том спасибо! И хватит! Займусь Будахом, раз больше ни на что не способен.

Высокоученый доктор Будах. Коренной ируканец, великий медик, которому герцог Ируканский чуть было не пожаловал дворянство, но раздумал и решил посадить в башню. Крупнейший в Империи специалист по ядолечению. Автор широко известного трактата «О травах и иных злаках, таинственно могущих служить причиною скорби, радости и успокоения, а равно о слюне и соках гадов, пауков и голого вепря Ы, таковыми же и многими другими свойствами обладающих». Человек, несомненно, замечательный и настоящий интеллигент, убежденный гуманист и бессребреник: все имущество — мешок с книгами. Так кому же ты мог понадобиться, доктор Будах, в сумеречной невежественной стране, погрязшей в кровавой трясине заговоров и корыстолюбия?

Будем полагать, что ты жив и находишься в Арканаре. Не исключено, конечно, что тебя захватили налетчики-варвары, спустившиеся с отрогов Красного Северного хребта. На этот случай дон Кондор намерен связаться с нашим другом Шуштулетидоводусом, специалистом по истории первобытных культур, который работает сейчас шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем. Если ты все-таки в Арканаре, то прежде всего тебя могли захватить ночные работнички Ваги Колеса. И даже не захватить, а прихватить, потому что для них главной добычей был бы твой сопровождающий, благородный проигравшийся дон. Но так или иначе они тебя не убьют: Вага Колесо слишком скуп для этого.

Тебя мог захватить и какой-нибудь дурак барон. Безо всякого злого умысла, просто от скуки и гипертрофированного гостеприимства. Захотелось попировать с

благородным собеседником, выставил на дорогу дружинников и затащил к себе в замок твоего сопровождающего. И будешь ты сидеть в вонючей людской, пока доны не упьются до обалдения и не расстанутся. В этом случае тебе тоже ничто не грозит.

Но есть еще засевшие где-то в Гниловражье остатки разбитой недавно крестьянской армии дона Кси и Пэрты Позвоночника, которых тайком подкармливает сейчас сам орел наш дон Рэба на случай весьма возможных осложнений с баронами. Вот эти пощады не знают, и о них лучше не думать. Есть еще дон Сатарина, родовитейший имперский аристократ, ста двух лет от роду, совершенно выживший из ума. Он пребывает в родовой вражде с герцогами Ируканскими и время от времени, возбудившись в активности, принимается хватать все, что пересекает ируканскую границу. Он очень опасен, ибо под действием приступов холецистита способен издавать такие приказы, что божедомы не успевают вывозить трупы из его темниц.

И, наконец, главное. Не потому главное, что самое опасное, а потому, что наиболее вероятное. Серые патрули дона Рэбы. Штурмовики на больших дорогах. Ты мог попасть в их руки случайно, и тогда следует рассчитывать на рассудительность и хладнокровие сопровождающего. Но что, если дон Рэба заинтересован в тебе? У дона Рэбы такие неожиданные интересы... Его шпионы могли донести, что ты будешь проезжать через Арканар, тебе навстречу выслали наряд под командой старательного серого офицера, дворянского ублюдка из мелкопоместных, и ты сидишь сейчас в каменном мешке под Веселой Башней...

Румата снова нетерпеливо подергал шнур. Дверь спальни отворилась с отвратительным визгом, вошел мальчик-слуга, тощенький и угрюмый. Имя его было Уно, и его судьба могла бы послужить темой для баллады. Он поклонился у порога, шаркая разбитыми башмаками, подошел к кровати и поставил на столик поднос с письмами, кофе и комком ароматической жева-

тельной коры для укрепления зубов и чистки оных. Румата сердито посмотрел на него.

— Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь смажешь дверь?

Мальчик промолчал, глядя в пол. Румата отбросил одеяло, спустил голые ноги с постели и потянулся к подносу.

— Мылся сегодня? — спросил он.

Мальчик переступил с ноги на ногу и, ничего не ответив, пошел по комнате, собирая разбросанную одежду.

— Я, кажется, спросил тебя, мылся ты сегодня или нет? — сказал Румата, распечатывая первое письмо.

— Водой грехов не смоешь, — проворчал мальчик. — Что я, благородный, что ли, мыться?

— Я тебе про микробов что рассказывал? — сказал Румата.

Мальчик положил зеленые штаны на спинку кресла и отмахнулся большим пальцем, отгоняя нечистого.

— Три раза за ночь молился, — сказал он. — Чего же еще?

— Дурачина ты, — сказал Румата и стал читать письмо.

Писала дона Окана, фрейлина, новая фаворитка дона Рэбы. Предлагала нынче же вечером навестить ее, «томящуюся нежно». В постскриптуме простыми словами было написано, чего она, собственно, ждет от этой встречи. Румата не выдержал — покраснел. Воровато оглянувшись на мальчишку, пробормотал: «Ну, в самом деле...» Об этом следовало подумать. Идти было противно, не идти было глупо — дона Окана много знала. Он залпом выпил кофе и положил в рот жевательную кору.

Следующий конверт был из плотной бумаги, сургучная печать смазана; видно было, что письмо вскрывали. Писал дон Рипат, решительный карьерист, лейтенант серой роты галантерейщиков. Справлялся о здоровье, выражал уверенность в победе серого дела и просил отсрочить должок, ссылаясь на вздорные обстоятельства. «Ладно, ладно...» — пробормотал Румата, отложил

письмо, снова взял конверт и с интересом его оглядел. Да, тоньше стали работать. Заметно тоньше.

В третьем письме предлагали рубиться на мечах из-за доны Пифы, но соглашались снять предложение, если дону Румате благоугодно будет привести доказательства того, что он, благородный дон Румата, к доне Пифе касательства не имел и не имеет. Письмо было стандартным: основной текст писал каллиграф, а в оставленных промежутках были коряво, с грамматическими ошибками вписаны имена и сроки.

Румата отшвырнул письмо и почесал искусанную комарами левую руку.

— Ну, давай умываться, — приказал он.

Мальчик скрылся за дверью и скоро, пятясь задом, вернулся, волоча по полу деревянную лохань с водой. Потом сбегал еще раз за дверь и притащил пустую лохань и ковшик.

Румата спрыгнул на пол, содрал через голову ветхую, с искуснейшей ручной вышивкой ночную рубаху и с лязгом выхватил из ножен висевшие у изголовья мечи. Мальчик из осторожности встал за кресло. Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата бросил мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и приказал: «Лей!» Без мыла было плохо, но Румата уже привык. Мальчик лил ковш за ковшом на спину, на шею, на голову и ворчал: «У всех как у людей, только у нас с выдумками. Где это видано — в двух сосудах мыться. В отхожем месте горшок какой-то придумали... Полотенце им каждый день чистое... А сами, не помолившись, голый с мечами скачут...»

Растираясь полотенцем, Румата сказал наставительно:

— Я при дворе, не какой-нибудь барон вшивый. Придворный должен быть чист и благоухать.

— Только у его величества и забот, что вас нюхать, — возразил мальчик. — Все знают, его величество день и ночь молятся за нас, грешных. А вот дон Рэба и вовсе никогда не моются. Сам слышал, их лакей рассказывал.

— Ладно, не ворчи, — сказал Румата, натягивая нейлоновую майку.

Мальчик смотрел на эту майку с неодобрением. О ней давно уже ходили слухи среди арканарской прислуги. Но тут Румата ничего не мог поделать из естественной человеческой брезгливости. Когда он надевал трусы, мальчик отвернул голову и сделал губами движение, будто оплевывал нечистого.

Хорошо бы все-таки ввести в моду нижнее белье, подумал Румата. Однако естественным образом это можно было сделать только через женщин, а Румата и в этом отличался непозволительной для разведчика разборчивостью. Кавалеру и вертопраху, знающему столичное обращение и сосланному в провинцию за дуэль по любви, следовало иметь по крайней мере двадцать возлюбленных. Румата прилагал героические усилия, чтобы поддержать свое реноме. Половина его агентуры, вместо того чтобы заниматься делом, распространяла о нем отвратительные слухи, возбуждавшие зависть и восхищение у арканарской гвардейской молодежи. Десятки разочарованных дам, у которых Румата специально задерживался за чтением стихов до глубокой ночи (третья стража, братский поцелуй в щечку и прыжок с балкона в объятия командира ночного обхода, знакомого офицера), наперебой рассказывали друг другу о настоящем столичном стиле кавалера из метрополии. Румата держался только на тщеславии этих глупых и до отвращения развратных баб, но проблема нижнего белья оставалась открытой. Насколько было проще с носовыми платками! На первом же балу Румата извлек из-за обшлага изящный кружевной платочек и промокнул им губы. На следующем балу бравые гвардейцы уже вытирали потные лица большими и малыми кусками материи разных цветов, с вышивками и монограммами. А через месяц появились франты, носившие на согнутой руке целые простыни, концы которых элегантно волочились по полу.

Румата натянул зеленые штаны и белую батистовую рубашку с застиранным воротом.

— Кто-нибудь дожидается? — спросил он.

— Брадобрей ждет, — ответил мальчик. — Да еще два дона в гостиной сидят, дон Тамэо с доном Сэра. Вино приказали подать и режутся в кости. Ждут вас завтракать.

— Поди зови брадобрея. Благородным донам скажи, что скоро буду. Да не груби, разговаривай вежливо...

Завтрак был не очень обильный и оставлял место для скорого обеда. Было подано жареное мясо, сильно сдобренное специями, и собачьи уши, отжатые в уксусе. Пили шипучее ируканское, густое коричневое эсторское, белое соанское. Ловко разделывая двумя кинжалами баранью ногу, дон Тамэо жаловался на наглость низших сословий. «Я намерен подать докладную на высочайшее имя, — объявил он. — Дворянство требует, чтобы мужикам и ремесленному сброду было запрещено показываться в публичных местах и на улицах. Пусть ходят через дворы и по задам. В тех же случаях, когда появление мужика на улице неизбежно, например, при подвозе им хлеба, мяса и вина в благородные дома, пусть имеет специальное разрешение министерства охраны короны». — «Светлая голова! — восхищенно сказал дон Сэра, брызгая слюнями и мясным соком. — А вот вчера при дворе...» И он рассказал последнюю новость. Пассия дона Рэбы, фрейлина Окана, неосторожно наступила королю на больную ногу. Его величество пришел в ярость и, обратившись к дону Рэбе, приказал примерно наказать преступницу. На что дон Рэба, не моргнув глазом, ответил: «Будет исполнено, ваше величество. Нынче же ночью!» — «Я так хохотал, — сказал дон Сэра, крутя головой, — что у меня на камзоле отскочили два крючка...»

Протоплазма, думал Румата. Просто жрущая и размножающаяся протоплазма.

— Да, благородные доны, — сказал он. — Дон Рэба — умнейший человек...

— Ого-го! — сказал дон Сэра. — Еще какой! Светлейшая голова!..

— Выдающийся деятель, — сказал дон Тамэо значительно и с чувством.

— Сейчас даже странно вспомнить, — продолжал Румата, приветливо улыбаясь, — что говорилось о нем всего год назад. Помните, дон Тамэо, как остроумно вы осмеяли его кривые ноги?

Дон Тамэо поперхнулся и залпом осушил стакан ируканского.

— Не припоминаю, — пробормотал он. — Да и какой из меня осмеятель...

— Было, было, — сказал дон Сэра, укоризненно качая головой.

— Действительно! — воскликнул Румата. — Вы же присутствовали при этой беседе, дон Сэра! Помню, вы еще так хохотали над остроумными пассажами дона Тамэо, что у вас что-то там отлетело в туалете...

Дон Сэра побагровел и стал длинно и косноязычно оправдываться, причем все время врал. Помрачневший дон Тамэо приналег на крепкое эсторское, а так как он, по его собственным словам, «как начал с позавчерашнего утра, так по сю пору не может остановиться», его, когда они выбрались из дома, пришлось поддерживать с двух сторон.

День был солнечный, яркий. Простой народ толкался между домами, ища, на что бы поглазеть, визжали и свистели мальчишки, кидаясь грязью, из окон выглядывали хорошенькие горожанки в чепчиках, вертлявые служаночки застенчиво стреляли влажными глазками, и настроение стало понемногу подниматься. Дон Сэра очень ловко сшиб с ног какого-то мужика и чуть не помер от смеха, глядя, как мужик барахтается в луже. Дон Тамэо вдруг обнаружил, что надел перевязи с мечами задом наперед, закричал: «Стойте!» — и стал крутиться на месте, пытаясь перевернуться внутри перевязей. У дона Сэра опять что-то отлетело на камзоле. Румата поймал за розовое ушко пробегавшую служаночку и попросил ее помочь дону Тамэо привести себя в

порядок. Вокруг благородных донов немедленно собралась толпа зевак, подававших служаночке советы, от которых та стала совсем пунцовой, а с камзола дона Сэра градом сыпались застежки, пуговки и пряжки. Когда они, наконец, двинулись дальше, дон Тамэо принялся во всеуслышание сочинять дополнение к своей докладной, в котором он указывал на необходимость «непричисления хорошеньких особ женского пола к мужикам и простолюдинам». Тут дорогу им преградил воз с горшками. Дон Сэра обнажил оба меча и заявил, что благородным донам не пристало обходить всякие там горшки и он проложит себе дорогу сквозь этот воз. Но пока он примеривался, пытаясь различить, где кончается стена дома и начинаются горшки, Румата взялся за колеса и развернул воз, освободив проход. Зеваки, восхищенно наблюдавшие за происходившим, прокричали Румате тройное «ура». Благородные доны двинулись было дальше, но из окна на третьем этаже высунулся толстый сивый лавочник и стал распространяться о бесчинствах придворных, на которых «орел наш дон Рэба скоро найдет управу». Пришлось задержаться и переправить в это окно весь груз горшков. В последний горшок Румата бросил две золотые монеты с профилем Пица Шестого и вручил остолбеневшему владельцу воза.

— Сколько вы ему дали? — спросил дон Тамэо, когда они пошли дальше.

— Пустяк, — небрежно ответил Румата. — Два золотых.

— Спина святого Мики! — воскликнул дон Тамэо. — Вы богаты! Хотите, я продам вам своего хамахарского жеребца?

— Я лучше выиграю его у вас в кости, — сказал Румата.

— Верно! — сказал дон Сэра и остановился. — Почему бы нам не сыграть в кости!

— Прямо здесь? — спросил Румата.

— А почему бы нет? — спросил дон Сэра. — Не вижу, почему бы трем благородным донам не сыграть в кости там, где им хочется!

Тут дон Тамэо вдруг упал. Дон Сэра зацепился за его ноги и тоже упал.

— Я совсем забыл, — сказал он. — Нам ведь пора в караул.

Румата поднял их и повел, держа за локти. У огромного мрачного дома дона Сатарины он остановился.

— А не зайти ли нам к старому дону? — спросил он.

— Совершенно не вижу, почему бы трем благородным донам не зайти к старому дону Сатарине, — сказал дон Сэра.

Дон Тамэо открыл глаза.

— Находясь на службе короля, — провозгласил он, — мы должны всемерно смотреть в будущее. Д-дон Сатарина — это пройденный этап. Вперед, благородные доны! Мне нужно на пост...

— Вперед, — согласился Румата.

Дон Тамэо снова уронил голову на грудь и больше уже не просыпался. Дон Сэра, загибая пальцы, рассказывал о своих любовных победах. Так они добрались до дворца. В караульном помещении Румата с облегчением положил дона Тамэо на скамью, а дон Сэра уселся за стол, небрежно отодвинул пачку ордеров, подписанных королем, и заявил, что пришла, наконец, пора выпить холодного ируканского. Пусть хозяин катит бочку, приказал он, а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом) пусть идут сюда. Пришел начальник караула, лейтенант гвардейской роты. Он долго присматривался к дону Тамэо и приглядывался к дону Сэра; и когда дон Сэра осведомился у него, «зачем увяли все цветы в саду таинственном любви», решил, что посылать их сейчас на пост, пожалуй, не стоит. Пусть пока так полежат.

Румата проиграл лейтенанту золотой и поговорил с ним о новых форменных перевязях и о способах заточки мечей. Он заметил между прочим, что собирается зайти к дону Сатарине, у которого есть оружие старинной заточки, и был очень огорчен, узнав, что почтенный

вельможа окончательно спятил: еще месяц назад выпустил своих пленников, распустил дружину, а богатейший пыточный арсенал безвозмездно передал в казну. Стодвухлетний старец заявил, что остаток жизни намеревается посвятить добрым делам, и теперь, наверное, долго не протянет.

Попрощавшись с лейтенантом, Румата вышел из дворца и направился в порт. Он шел, огибая лужи и перепрыгивая через рытвины, полные зацветшей водой, бесцеремонно расталкивая зазевавшихся простолюдинов, подмигивая девушкам, на которых внешность его производила, по-видимому, неотразимое впечатление, раскланивался с дамами, которых несли в портшезах, дружески здоровался со знакомыми дворянами и нарочито не замечал серых штурмовиков.

Он сделал небольшой крюк, чтобы зайти в Патриотическую школу. Школа эта была учреждена иждивением дона Рэбы два года назад для подготовки из мелкопоместных купеческих недорослей военных и административных кадров. Дом был каменный, современной постройки, без колонн и барельефов, с толстыми стенами, с узкими бойницеобразными окнами, с полукруглыми башнями по сторонам главного входа. В случае надобности в доме можно было продержаться.

По узким ступеням Румата поднялся на второй этаж и, звеня шпорами по камню, направился мимо классов к кабинету прокуратора школы. Из классов неслось жужжание голосов, хоровые выкрики. «Кто есть король? Светлое величество. Кто есть министры? Верные, не знающие сомнений...», «...И бог, наш создатель, сказал: «Прокляну». И проклял...», «...А ежели рожок дважды протрубит, рассыпаться по двое как бы цепью, опустив притом пики...», «...Когда же пытуемый впадает в беспамятство, испытание, не увлекаясь, прекратить...»

Школа, думал Румата. Гнездо мудрости. Опора культуры...

Он, не стучась, толкнул низкую сводчатую дверь и вошел в кабинет, темный и ледяной, как погреб. На-

встречу из-за огромного стола, заваленного бумагой и тростями для наказаний, выскочил длинный угловатый человек, лысый, с провалившимися глазами, затянутый в узкий серый мундир с нашивками министерства охраны короны. Это и был прокуратор Патриотической школы высокоученый отец Кин — садист-убийца, постригшийся в монахи, автор «Трактата о доносе», обратившего на себя внимание дона Рэбы.

Небрежно кивнув в ответ на витиеватое приветствие, Румата сел в кресло и положил ногу на ногу. Отец Кин остался стоять, согнувшись в позе почтительного внимания.

— Ну, как дела? — спросил Румата благосклонно. — Одних грамотеев режем, других учим?

Отец Кин осклабился.

— Грамотей не есть враг короля, — сказал он. — Враг короля есть грамотей-мечтатель, грамотей усомнившийся, грамотей неверящий! Мы же здесь...

— Ладно, ладно, — сказал Румата. — Верю. Что пописываешь? Читал я твой трактат — полезная книга, но глупая. Как же это ты? Нехорошо. Прокуратор!..

— Не умом поразить тщился, — с достоинством ответил отец Кин. — Единственно, чего добивался, — успеть в государственной пользе. Умные нам ненадобны. Надобны верные. И мы...

— Ладно, ладно, — сказал Румата. — Верю. Так пишешь что новое или нет?

— Собираюсь подать на рассмотрение министру рассуждение о новом государстве, образом коего полагаю Область Святого Ордена.

— Это что же ты? — удивился Румата. — Всех нас в монахи хочешь?..

Отец Кин стиснул руки и подался вперед.

— Разрешите пояснить, благородный дон, — горячо сказал он, облизнув губы. — Суть совсем в ином! Суть в основных установлениях нового государства. Установления просты, и их всего три: слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным

повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми!

— Гм, — сказал Румата. — А зачем?

— Что «зачем»?

— Глуп ты все-таки, — сказал Румата. — Ну ладно, верю. Так о чем это я?.. Да! Завтра ты примешь двух новых наставников. Их зовут: отец Тарра, очень почтенный старец, занимается этой... космографией, и брат Нанин, тоже верный человек, силен в истории. Это мои люди, и прими их почтительно. Вот залог. — Он бросил на стол звякнувший мешочек. — Твоя доля здесь — пять золотых... Все понял?

— Да, благородный дон, — сказал отец Кин.

Румата зевнул и огляделся.

— Вот и хорошо, что понял, — сказал он. — Мой отец почему-то очень любил этих людей и завещал мне устроить их жизнь. Вот объясни мне, ученый человек, откуда в благороднейшем доне может быть такая привязанность к грамотею?

— Возможно, какие-нибудь особые заслуги? — предположил отец Кин.

— Это ты о чем? — подозрительно спросил Румата. — Хотя почему же? Да... Дочка там хорошенькая или сестра... Вина, конечно, у тебя здесь нет?

Отец Кин виновато развел руки. Румата взял со стола один из листков и некоторое время подержал перед глазами.

— «Споспешествование»... — прочел он. — Мудрецы! — Он уронил листок на пол и встал. — Смотри, чтобы твоя ученая свора их здесь не обижала. Я их как-нибудь навещу, и если узнаю... — Он поднес под нос отцу Кину кулак. — Ну ладно, ладно, не бойся, не буду...

Отец Кин почтительно хихикнул. Румата кивнул ему и направился к двери, царапая пол шпорами.

На улице Премногоблагодарения он заглянул в оружейную лавку, купил новые кольца для ножен, попробовал пару кинжалов (покидал в стену, примерил к ладони — не понравились), затем, присев на прилавок,

поговорил с хозяином, отцом Гауком. У отца Гаука были печальные добрые глаза и маленькие бледные руки в неотмытых чернильных пятнах. Румата немного поспорил с ним о достоинствах стихов Цурэна, выслушал интересный комментарий к строчке «Как лист увядший падает на душу...», попросил прочесть что-нибудь новенькое и, повздыхав вместе с автором над невыразимо грустными строфами, продекламировал перед уходом «Быть или не быть?» в своем переводе на ируканский.

— Святой Мика! — вскричал воспламененный отец Гаук. — Чьи это стихи?

— Мои, — сказал Румата и вышел.

Он зашел в «Серую Радость», выпил стакан арканарской кислятины, потрепал хозяйку по щеке, перевернул, ловко двинув мечом, столик штатного осведомителя, пялившего на него пустые глаза, затем прошел в дальний угол и отыскал там обтрепанного бородатого человечка с чернильницей на шее.

— Здравствуй, брат Нанин, — сказал он. — Сколько прошений написал сегодня?

Брат Нанин застенчиво улыбнулся, показав мелкие испорченные зубы.

— Сейчас пишут мало прошений, благородный дон, — сказал он. — Одни считают, что просить бесполезно, а другие рассчитывают в ближайшее время взять без спроса.

Румата наклонился к его уху и рассказал, что дело с Патриотической школой улажено.

— Вот тебе два золотых, — сказал он в заключение. — Оденься, приведи себя в порядок. И будь осторожнее... хотя бы в первые дни. Отец Кин опасный человек.

— Я прочитаю ему свой «Трактат о слухах», — весело сказал брат Нанин. — Спасибо, благородный дон.

— Чего не сделаешь в память о своем отце! — сказал Румата. — А теперь скажи, где мне найти отца Тарра?

Брат Нанин перестал улыбаться и растерянно замигал.

— Вчера здесь случилась драка, — сказал он. — А отец Тарра немного перепил. И потом, он же рыжий... Ему сломали ребро.

Румата крякнул от досады.

— Вот несчастье! — сказал он. — И почему вы так много пьете?

— Иногда бывает трудно удержаться, — грустно сказал брат Нанин.

— Это верно, — сказал Румата. — Ну что ж, вот еще два золотых, береги его.

Брат Нанин наклонился, ловя его руку. Румата отступил.

— Ну-ну, — сказал он. — Это не самая лучшая из твоих шуток, брат Нанин. Прощай.

В порту пахло, как нигде в Арканаре. Пахло соленой водой, тухлой тиной, пряностями, смолой, дымом, лежалой солониной, из таверн несло чадом, жареной рыбой, прокисшей брагой. В душном воздухе висела густая разноязыкая ругань. На пирсах, в тесных проходах между складами, вокруг таверн толпились тысячи людей диковинного вида: расхлюстанные матросы, надутые купцы, угрюмые рыбаки, торговцы рабами, торговцы женщинами, раскрашенные девки, пьяные солдаты, какие-то неясные личности, увешанные оружием, фантастические оборванцы с золотыми браслетами на грязных лапах. Все были возбуждены и обозлены. По приказу дона Рэбы вот уже третий день ни один корабль, ни один челнок не мог покинуть порта. У причалов поигрывали ржавыми мясницкими топорами серые штурмовики — поплевывали, нагло и злорадно поглядывая на толпу. На арестованных кораблях группами по пять-шесть человек сидели на корточках ширококостные, меднокожие люди в шкурах шерстью наружу и медных колпаках — наемники-варвары, никудышные в рукопашном бою, но страшные вот так, на расстоянии, своими длиннющими духовыми трубками, стреляющи-

ми отравленной колючкой. А за лесом мачт, на открытом рейде чернели в мертвом штиле длинные боевые галеры королевского флота. Время от времени они испускали красные огненно-дымные струи, воспламеняющие море, — жгли нефть для устрашения.

Румата миновал таможенную канцелярию, где перед запертыми дверями сгрудились угрюмые морские волки, тщетно ожидающие разрешения на выход, протолкался через крикливую толпу, торгующую чем попало (от рабынь и черного жемчуга до наркотиков и дрессированных пауков), вышел к пирсам, покосился на выложенные в ряд для всеобщего обозрения на самом солнцепеке раздутые трупы в матросских куртках и, описав дугу по захламленному пустырю, проник в вонючие улочки портовой окраины. Здесь было тише. В дверях убогих притончиков дремали полуголые девки, на перекрестке валялся разбитой мордой вниз упившийся солдат с вывернутыми карманами, вдоль стен крались подозрительные фигуры с бледными ночными физиономиями.

Днем Румата был здесь впервые и сначала удивился, что не привлекает внимания: встречные заплывшими глазами глядели либо мимо, либо как бы сквозь него, хотя и сторонились, давая дорогу. Но, сворачивая за угол, он случайно обернулся и успел заметить, как десятка полтора разнокалиберных голов, мужских и женских, лохматых и лысых, мгновенно втянулись в двери, в окна, в подворотни. Тогда он ощутил странную атмосферу этого гнусного места, атмосферу не то чтобы вражды или опасности, а какого-то нехорошего, корыстного интереса.

Толкнув плечом дверь, он вошел в один из притонов, где в полутемной зальце дремал за стойкой длинноносый старичок с лицом мумии. За столами было пусто. Румата неслышно подошел к стойке и примерился уже щелкнуть старика в длинный нос, как вдруг заметил, что спящий старик вовсе не спит, а сквозь голые прижмуренные веки внимательно его разглядывает. Румата бросил на стойку серебряную монетку, и глаза старичка сейчас же широко раскрылись.

— Что будет угодно благородному дону? — деловито осведомился он. — Травку? Понюшку? Девочку?

— Не притворяйся, — сказал Румата. — Ты знаешь, зачем я сюда прихожу.

— Э-э, да никак это дон Румата! — с необычайным удивлением вскричал старик. — Я и то смотрю, что-то знакомое...

Сказавши это, он снова опустил веки. Все было ясно. Румата обошел стойку и пролез сквозь узкую дверь в соседнюю комнатушку. Здесь было тесно, темно и воняло душной кислятиной. Посредине за высокой конторкой стоял, согнувшись над бумагами, сморщенный пожилой человек в плоской черной шапочке. На конторке мигала коптилка, и в сумраке виднелись только лица людей, неподвижно сидевших у стен. Румата, придерживая мечи, тоже нашарил табурет у стены и сел. Здесь были свои законы и свой этикет. Внимания на вошедшего никто не обратил: раз пришел человек, значит, так надо, а если не надо, то мигнут — и не станет человека. Ищи его хоть по всему свету... Сморщенный старик прилежно скрипел пером, люди у стен были неподвижны. Время от времени то один из них, то другой протяжно вздыхал. По стенам, легонько топоча, бегали невидимые ящерицы-мухоловки.

Неподвижные люди у стен были главарями банд — некоторых Румата давно знал в лицо. Сами по себе эти тупые животные стоили немного. Их психология была не сложнее психологии среднего лавочника. Они были невежественны, беспощадны и хорошо владели ножами и короткими дубинками. А вот человек у конторки...

Его звали Вага Колесо, и он был всемогущим, не знающим конкурентов главою всех преступных сил Запроливья — от Питанских болот на западе Ирукана до морских границ торговой республики Соан. Он был проклят всеми тремя официальными церквами Империи за неумеренную гордыню, ибо называл себя младшим братом царствующих особ. Он располагал ночной

армией общей численностью до десяти тысяч человек, богатством в несколько сотен тысяч золотых, а агентура его проникала в святая святых государственного аппарата. За последние двадцать лет его четырежды казнили, каждый раз при большом стечении народа; по официальной версии, он в настоящий момент томился сразу в трех самых мрачных застенках Империи, а дон Рэба неоднократно издавал указы «касательно возмутительного распространения государственными преступниками и иными злоумышленниками легенд о так называемом Ваге Колесе, на самом деле не существующем и, следовательно, легендарном». Тот же дон Рэба вызывал к себе, по слухам, некоторых баронов, располагающих сильными дружинами, и предлагал им вознаграждение: пятьсот золотых за Вагу мертвого и семь тысяч золотых за живого. Самому Румате пришлось в свое время потратить немало сил и золота, чтобы войти в контакт с этим человеком. Вага вызывал в нем сильнейшее отвращение, но иногда был чрезвычайно полезен — буквально незаменим. Кроме того, Вага сильно занимал Румату как ученого. Это был любопытнейший экспонат в его коллекции средневековых монстров, личность, не имеющая, по-видимому, совершенно никакого прошлого...

Вага, наконец, положил перо, распрямился и сказал скрипуче:

— Вот так, дети мои. Две с половиной тысячи золотых за три дня. А расходов всего одна тысяча девятьсот девяносто шесть. Пятьсот четыре маленьких кругленьких золотых за три дня. Неплохо, дети мои, неплохо...

Никто не пошевелился. Вага отошел от конторки, сел в углу и сильно потер сухие ладони.

— Есть чем порадовать вас, дети мои, — сказал он. — Времена настают хорошие, изобильные... Но придется потрудиться. Ох как придется! Мой старший брат, король Арканарский, решил извести всех ученых людей в нашем с ним королевстве. Ну что ж, ему виднее. Да и кто мы такие, чтобы обсуждать его

высокие решения? Однако выгоду из этого его решения извлечь можно и должно. И поскольку мы его верные подданные, мы ему услужим. Но поскольку мы его ночные подданные, мы и свою малую толику не упустим. Он этого не заметит и не будет гневаться на нас. Что?

Никто не пошевелился.

— Мне показалось, что Пига вздохнул. Это правда, Пига, сынок?

В темноте заерзали и прокашлялись.

— Не вздыхал я, Вага, — сказал грубый голос. — Как можно...

— Нельзя, Пига, нельзя! Правильно! Все вы сейчас должны слушать меня затаив дыхание. Все вы разъедетесь отсюда и возьметесь за тяжкий труд, и некому будет тогда посоветовать вам. Мой старший брат, его величество, устами министра своего дона Рэбы обещал за головы некоторых бежавших и скрывающихся ученых людей немалые деньги. Мы должны доставить ему эти головы и порадовать его, старика. А с другой стороны, некоторые ученые люди хотят скрыться от гнева моего старшего брата и не пожалеют для этого своих средств. Во имя милосердия и чтобы облегчить душу моего старшего брата от бремени лишних злодейств, мы поможем этим людям. Впрочем, впоследствии, если его величеству понадобятся и эти головы, он их получит. Дешево, совсем дешево...

Вага замолчал и опустил голову. По щекам его вдруг потекли старческие медленные слезы.

— А ведь я старею, дети мои, — сказал он, всхлипнув. — Руки мои дрожат, ноги подгибаются подо мною, и память начинает мне изменять. Забыл ведь, совсем забыл, что среди нас, в этой душной, тесной клетушке томится благородный дон, которому совершенно нет дела до наших грошовых расчетов. Уйду я. Уйду на покой. А пока, дети мои, давайте извинимся перед благородным доном...

Он встал и, кряхтя, согнулся в поклоне. Остальные тоже встали и тоже поклонились, но с явной нереши-

тельностью и даже с испугом. Румата буквально слышал, как трещат их тупые, примитивные мозги в тщетном стремлении угнаться за смыслом слов и поступков этого согбенного старичка.

Дело было, конечно, ясное: разбойничек пользовался лишним шансом довести до сведения дона Рэба, что ночная армия в происходящем погроме намерена действовать вместе с серыми. Теперь же, когда настало время давать конкретные указания, называть имена и сроки операций, присутствие благородного дона становилось, мягко выражаясь, обременительным, и ему, благородному дону, предлагалось быстренько изложить свое дело и выметаться вон. Темненький старичок. Страшненький. И почему он в городе? Вага терпеть не может города.

— Ты прав, почтенный Вага, — сказал Румата. — Мне недосуг. Однако извиниться должен я, потому что беспокою тебя по совершенно пустяковому делу. — Он продолжал сидеть, и все слушали его стоя. — Случилось так, что мне нужна твоя консультация... Ты можешь сесть.

Вага еще раз поклонился и сел.

— Дело вот в чем, — продолжал Румата. — Три дня назад я должен был встретиться в Урочище Тяжелых Мечей со своим другом, благородным доном из Ирукана. Но мы не встретились. Он исчез. Я знаю точно, что ируканскую границу он пересек благополучно. Может быть, тебе известна его дальнейшая судьба?

Вага долго не отвечал. Бандиты сопели и вздыхали. Потом Вага откашлялся.

— Нет, благородный дон, — сказал он. — Нам ничего не известно о таком деле.

Румата сейчас же встал.

— Благодарю тебя, почтенный, — сказал он. Он шагнул на середину комнаты и положил на конторку мешочек с десятком золотых. — Оставляю тебя с просьбой: если тебе станет что-нибудь известно, дай мне знать. — Он прикоснулся к шляпе. — Прощай.

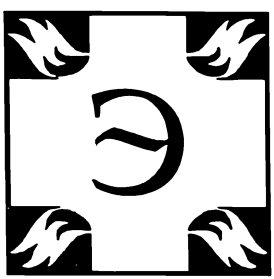
Возле самой двери он остановился и небрежно сказал через плечо:

— Ты тут говорил что-то об ученых людях. Мне пришла сейчас в голову мысль. Я чувствую, трудами короля в Арканаре через месяц не отыщешь ни одного порядочного книгочея. А я должен основать в метрополии университет, потому что дал обет за излечение меня от черного мора. Будь добр, когда подналовишь книгочеев, извести сначала меня, а потом уже дона Рэбу. Может статься, я отберу себе парочку для университета.

— Не дешево обойдется, — сладким голосом предупредил Вага. — Товар редкостный, не залеживается.

— Честь дороже, — высокомерно сказал Румата и вышел.

ГЛАВА 3

того Вагу, думал Румата, было бы очень интересно изловить и вывезти на Землю. Технически это не сложно. Можно было бы сделать это прямо сейчас. Что бы он стал делать на Земле? Румата попытался представить себе, что Вага стал бы делать на Земле. В светлую комнату с зеркальными стенами и кондиционированным воздухом, пахнущим хвоей или морем, бросили огромного мохнатого паука. Паук прижался к сверкающему полу, судорожно повел злобными глазками и — что делать? — боком, боком — кинулся в самый темный угол, вжался, угрожающе выставив ядовитые челюсти. Конечно, прежде всего Вага стал бы искать обиженных. И, конечно, самый глупый обиженный показался бы ему слишком чистым и непригодным к использованию. А ведь захирел бы старичок. Пожалуй, даже и умер бы. А впрочем, кто его знает! В том-то все и дело, что психология этих монстров — совершенно темный лес. Святой Мика! Разобраться в ней гораздо

сложнее, чем в психологии негуманоидных цивилизаций. Все их действия можно объяснить, но чертовски трудно эти действия предсказать. Да, может быть, и помер бы с тоски. А может быть, огляделся бы, приспособился, прикинул бы, что к чему, и поступил бы лесничим в какой-нибудь заповедник. Ведь не может же быть, чтобы не было у него мелкой, безобидной страстишки, которая здесь ему только мешает, а там могла бы стать сутью его жизни. Кажется, он кошек любит. В берлоге у него, говорят, целое стадо, и специальный человек к ним приставлен. И он этому человеку даже платит, хотя скуп и мог бы просто пригрозить. Но что бы он стал делать на Земле со своим чудовищным властолюбием — непонятно!

Румата остановился перед таверной и хотел было зайти, но обнаружил, что у него пропал кошелек. Он стоял перед входом в полной растерянности (он никак не мог привыкнуть к таким вещами, хотя это случилось с ним не впервые) и долго шарил по всем карманам. Всего было три мешочка, по десятку золотых в каждом. Один получил прокуратор, отец Кин, другой получил Вага. Третий исчез. В карманах было пусто, с левой штанины были аккуратно срезаны все золотые бляшки, а с пояса исчез кинжал.

Тут он заметил, что неподалеку остановились двое штурмовиков, глазеют на него и скалят зубы. Сотруднику Института было на это наплевать, но благородный дон Румата Эсторский осатанел. На секунду он потерял контроль над собой. Он шагнул к штурмовикам, рука его непроизвольно поднялась, сжимаясь в кулак. Видимо, лицо его изменилось страшно, потому что насмешники шарахнулись и с застывшими, как у паралитиков, улыбками торопливо юркнули в таверну.

Тогда он испугался. Ему стало так страшно, как было только один раз в жизни, когда он — в то время еще сменный пилот рейсового звездолета — ощутил первый приступ малярии. Неизвестно, откуда взялась эта болезнь, и уже через два часа его с удивленными шутками и прибаутками вылечили, но он навсегда за-

помнил потрясение, испытанное им, совершенно здоровым, никогда не болевшим человеком, при мысли о том, что в нем что-то разладилось, что он стал ущербным и словно бы потерял единоличную власть над своим телом.

Я же не хотел, подумал он. У меня и в мыслях этого не было. Они же ничего особенного не делали — ну, стояли, ну, скалили зубы... Очень глупо скалили, но у меня, наверное, был ужасно нелепый вид, когда я шарил по карманам. Ведь я их чуть не зарубил, вдруг понял он. Если бы они не убрались, я бы их зарубил. Он вспомнил, как совсем недавно на пари разрубил одним ударом сверху донизу чучело, одетое в двойной соанский панцирь, и по спине у него побежали мурашки... Сейчас бы они валялись вот здесь, как свиные туши, а я бы стоял с мечом в руке и не знал, что делать... Вот так бог! Озверел...

Он почувствовал вдруг, что у него болят все мышцы, как после тяжелой работы. Ну-ну, тихо, сказал он про себя. Ничего страшного. Все прошло. Просто вспышка. Мгновенная вспышка, и все уже прошло. Я же все-таки человек, и все животное мне не чуждо... Это просто нервы. Нервы и напряжение последних дней... А главное — это ощущение наползающей тени. Непонятно чья, непонятно откуда, но она наползает и наползает совершенно неотвратимо...

Эта неотвратимость чувствовалась во всем. И в том, что штурмовики, которые еще совсем недавно трусливо жались к казармам, теперь с топорами наголо свободно разгуливают прямо посередине улиц, где раньше разрешалось ходить только благородным донам. И в том, что исчезли из города уличные певцы, рассказчики, плясуны, акробаты. И в том, что горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства. И в том, что внезапно и необъяснимо был закрыт порт. И в том, что были разгромлены и сожжены «возмущенным народом» все лавочки, торгующие раритетами, — единственные места

в королевстве, где можно было купить или взять на время книги и рукописи на всех языках Империи и на древних, ныне мертвых, языках аборигенов Запроливья. И в том, что украшение города, сверкающая башня астрологической обсерватории, торчала теперь в синем небе черным гнилым зубом, спаленная «случайным пожаром». И в том, что потребление спиртного за два последних года выросло в четыре раза — в Арканаре-то, издревле славившемся безудержным пьянством! И в том, что привычно забитые, замордованные крестьяне окончательно зарылись под землю в своих Благорастворениях, Райских Кущах и Воздушных Лобзаниях, не решаясь выходить из землянок даже для необходимых полевых работ. И, наконец, в том, что старый стервятник Вага Колесо переселился в город, чуя большую поживу... Где-то в недрах дворца, в роскошных апартаментах, где подагрический король, двадцать лет не видевший солнца из страха перед всем на свете, сын собственного прадеда, слабоумно хихикая, подписывает один за другим жуткие приказы, обрекающие на мучительную смерть самых честных и бескорыстных людей, где-то там вызревал чудовищный гнойник, и прорыва этого гнойника надо было ждать не сегодня-завтра...

Румата поскользнулся на разбитой дыне и поднял голову. Он был на улице Премногоблагодарения, в царстве солидных купцов, менял и мастеров-ювелиров. По сторонам стояли добротные старинные дома с лавками и лабазами, тротуары здесь были широки, а мостовая выложена гранитными брусьями. Обычно здесь можно было встретить благородных да тех, кто побогаче, но сейчас навстречу Румате валила густая толпа возбужденных простолюдинов. Румату осторожно обходили, подобострастно поглядывая, многие на всякий случай кланялись. В окнах верхних этажей маячили толстые лица, на них остывало возбужденное любопытство. Где-то впереди начальственно покрикивали: «А ну проходи!.. Разойдись!.. А ну, быстро!..» В толпе переговаривались:

— В них-то самое зло и есть, их-то и опасайся больше всего. На вид-то они тихие, благонравные, почтенные, поглядишь — купец купцом, а внутри яд горький!..

— Как они его, черта... Я уж на что привычный, да, веришь, замутило смотреть...

— А им хоть что... Во ребята! Прямо сердце радуется. Такие не выдадут.

— А может, не надо бы так? Все-таки человек, живое дыхание... Ну, грешен — так накажите, поучите, а зачем вот так-то?..

— Ты, это, брось!.. Ты, это, потише: во-первых, люди кругом...

— Хозяин, а хозяин! Сукно есть хорошее, отдадут, не подорожатся, если нажать... Только быстрее надо, а то опять Пакиновы приказчики перехватят...

— Ты, сынок, главное, не сомневайся. Поверь, главное. Раз власти поступают — значит, знают, что делают...

Опять кого-то забили, подумал Румата. Ему захотелось свернуть и обойти стороной то место, откуда текла толпа и где кричали проходить и разойтись. Но он не свернул. Он только провел рукой по волосам, чтобы упавшая прядь не закрыла камень на золотом обруче. Камень был не камень, а объектив телепередатчика, и обруч был не обруч, а рация. Историки на Земле видели и слышали все, что видели и слышали двести пятьдесят разведчиков на девяти материках планеты. И потому разведчики были обязаны смотреть и слушать.

Задрав подбородок и растопырив в стороны мечи, чтобы задевать побольше народу, он пошел прямо на людей посередине мостовой, и встречные поспешно шарахались, освобождая дорогу. Четверо коренастых носильщиков с раскрашенными мордами пронесли через улицу серебристый портшез. Из-за занавесок выглянуло красивое холодное личико с подведенными ресницами. Румата сорвал шляпу и поклонился. Это была дона Окана, нынешняя фаворитка орла нашего, дона Рэбы.

Увидя великолепного кавалера, она томно и значительно улыбнулась ему. Можно было, не задумываясь, назвать два десятка благородных донов, которые, удостоившись такой улыбки, кинулись бы к женам и любовницам с радостным известием: «Теперь все прочие пусть поберегутся, всех теперь куплю и продам, все им припомню!..» Такие улыбки — штука редкая и подчас неоценимо дорогая. Румата остановился, провожая взглядом портшез. Надо решаться, подумал он. Надо, наконец, решаться... Он поежился при мысли о том, чего это будет стоить. Но ведь надо! Надо... Решено, подумал он, все равно другого пути нет. Сегодня вечером. Он поравнялся с оружейной лавкой, куда заглядывал давеча прицениться к кинжалам и послушать стихи, и снова остановился. Вон оно что... Значит, это была твоя очередь, добрый отец Гаук...

Толпа уже рассосалась. Дверь лавки была сорвана с петель, окна выбиты. В дверном проеме стоял, упершись ногой в косяк, огромный штурмовик в серой рубахе. Другой штурмовик, пожиже, сидел на корточках у стены. Ветер катал по мостовой мятые исписанные листы.

Огромный штурмовик сунул палец в рот, пососал, потом вынул изо рта и оглядел внимательно. Палец был в крови. Штурмовик поймал взгляд Руматы и благодушно просипел:

— Кусается, стерва, что твой хорек...

Второй штурмовик торопливо хихикнул. Этакий жиденький, бледный парнишка, неуверенный, с прыщавой мордой, сразу видно: новичок, гаденыш, щенок...

— Что здесь произошло? — спросил Румата.

— За скрытого книгочея подержались, — нервно сказал щенок.

Верзила опять принялся сосать палец, не меняя позы.

— Смир-рна! — негромко скомандовал Румата.

Щенок торопливо вскочил и подобрал топор. Верзила подумал, но все-таки опустил ногу и встал довольно прямо.

— Так что за книгочей? — осведомился Румата.

— Не могу знать, — сказал щенок. — По приказу отца Цупика...

— Ну и что же? Взяли?

— Так точно! Взяли!

— Это хорошо, — сказал Румата.

Это действительно было совсем не плохо. Время еще оставалось. Нет ничего дороже времени, подумал он. Час стоит жизни, день бесценен.

— И куда же вы его? В Башню?

— А? — растерянно спросил щенок.

— Я спрашиваю, он в Башне сейчас?

На прыщавой мордочке расплылась неуверенная улыбка. Верзила заржал. Румата стремительно обернулся. Там, на другой стороне улицы, мешком тряпья висел на перекладине труп отца Гаука. Несколько оборванных мальчишек, раскрыв рты, глазели на него со двора.

— Нынче в Башню не всякого отправляют, — благодушно просипел за спиной верзила. — Нынче у нас быстро. Узел на ухо — и пошел прогуляться...

Щенок снова захихикал. Румата слепо оглянулся на него и медленно перешел улицу. Лицо печального поэта было черным и незнакомым. Румата опустил глаза. Только руки были знакомы, длинные слабые пальцы, запачканные чернилами...

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,

Бессильный и неумелый,
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

Румата повернулся и пошел прочь. Добрый слабый Гаук... У спрута есть сердце. И мы знаем, где оно. И

это всего страшнее, мой тихий, беспомощный друг. Мы знаем, где оно, но мы не можем разрубить его, не проливая крови тысяч запуганных, одурманенных, слепых, не знающих сомнения людей. А их так много, безнадежно много, темных, разъединенных, озлобленных вечным неблагодарным трудом, униженных, не способных еще подняться над мыслишкой о лишнем медяке... И их еще нельзя научить, объединить, направить, спасти от самих себя. Рано, слишком рано, на столетия раньше, чем можно, поднялась в Арканаре серая топь, она не встретит отпора, и остается одно: спасать тех немногих, кого можно успеть спасти. Будаха, Тарру, Нанина, ну еще десяток, ну еще два десятка...

Но одна только мысль о том, что тысячи других, пусть менее талантливых, но тоже честных, по-настоящему благородных людей фатально обречены, вызывала в груди ледяной холод и ощущение собственной подлости. Временами это ощущение становилось таким острым, что сознание помрачалось, и Румата словно наяву видел спины серой сволочи, озаряемые лиловыми вспышками выстрелов, и перекошенную животным ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы, и медленно обрушивающуюся внутрь себя Веселую Башню... Да, это было бы сладостно. Это было бы настоящее дело. Настоящее макроскопическое воздействие. Но потом... Да, они в Институте правы. Потом неизбежное. Кровавый хаос в стране. Ночная армия Ваги, выходящая на поверхность, десять тысяч головорезов, отлученных всеми церквами, насильников, убийц, растлителей; орды меднокожих варваров, спускающиеся с гор и истребляющие все живое, от младенцев до стариков; громадные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, в горы, в пустыни; и твои сторонники — веселые люди, смелые люди! — вспарывающие друг другу животы в жесточайшей борьбе за власть и за право владеть пулеметом после твоей неизбежно насильственной смерти... И эта нелепая смерть — от чаши вина, поданной лучшим

другом, или от арбалетной стрелы, свистнувшей в спину из-за портьеры. И окаменевшее лицо того, кто будет послан с Земли тебе на смену и найдет страну, обезлюдевшую, залитую кровью, догорающую пожарищами, в которой все, все, все придется начинать сначала...

Когда Румата пнул дверь своего дома и вошел в великолепную обветшалую прихожую, он был мрачен, как туча. Муга, седой, сгорбленный слуга с сорокалетним лакейским стажем при виде его съежился и только смотрел, втянув голову в плечи, как свирепый молодой хозяин срывает с себя шляпу, плащ и перчатки, швыряет на лавку перевязи с мечами и поднимается в свои покои. В гостиной Румату ждал мальчик Уно.

— Вели подать обедать, — прорычал Румата. — В кабинет.

Мальчик не двинулся с места.

— Вас там дожидаются, — угрюмо сообщил он.

— Кто еще?

— Девка какая-то. А может, дона. По обращению вроде девка — ласковая, а одета по-благородному... Красивая.

Кира, подумал Румата с нежностью и облегчением. Ох, как славно! Как чувствовала, маленькая моя... Он постоял, закрыв глаза, собираясь с мыслями.

— Прогнать, что ли? — деловито спросил мальчик.

— Балда ты, — сказал Румата. — Я тебе прогоню!.. Где она?

— Да в кабинете, — сказал мальчик, неумело улыбаясь.

Румата скорым шагом направился в кабинет.

— Вели обед на двоих, — приказал он на ходу. — И смотри: никого не пускать! Хоть король, хоть черт, хоть сам дон Рэба...

Она была в кабинете, сидела с ногами в кресле, подпершись кулачком, и рассеянно перелистывала «Трактат о слухах». Когда он вошел, она вскинулась, но он не дал ей подняться, подбежал, обнял и сунул

нос в пышные душистые ее волосы, бормоча: «Как кстати, Кира!.. Как кстати!..»

Ничего в ней особенного не было. Девчонка как девчонка, восемнадцать лет, курносенькая, отец — помощник писца в суде, брат — сержант у штурмовиков. И замуж ее медлили брать, потому что была рыжая, а рыжих в Арканаре не жаловали. По той же причине была она на удивление тиха и застенчива, и ничего в ней не было от горластых, пышных мещанок, которые очень ценились во всех сословиях. Не была она похожа и на томных придворных красавиц, слишком рано и на всю жизнь познающих, в чем смысл женской доли. Но любить она умела, как любят сейчас на Земле, — спокойно и без оглядки...

— Почему ты плакала?

— Почему ты такой сердитый?

— Нет, ты скажи, почему ты плакала?

— Я тебе потом расскажу. У тебя глаза совсем-совсем усталые... Что случилось?

— Потом. Кто тебя обидел?

— Никто меня не обидел. Увези меня отсюда.

— Обязательно.

— Когда мы уедем?

— Я не знаю, маленькая. Но мы обязательно уедем.

— Далеко?

— Очень далеко.

— В метрополию?

— Да... в метрополию. Ко мне.

— Там хорошо?

— Там дивно хорошо. Там никто никогда не плачет.

— Так не бывает.

— Да, конечно. Так не бывает. Но ты там никогда не будешь плакать.

— А какие там люди?

— Как я.

— Все такие?

— Не все. Есть гораздо лучше.

— Вот это уж не бывает.

— Вот это уж как раз бывает!

— Почему тебе так легко верить? Отец никому не верит. Брат говорит, что все свиньи, только одни грязные, а другие нет. Но я им не верю, а тебе всегда верю...

— Я люблю тебя...

— Подожди... Румата... Сними обруч... Ты говорил — это грешно...

Румата счастливо засмеялся, стянул с головы обруч, положил его на стол и прикрыл книгой.

— Это глаз бога, — сказал он. — Пусть закроется... — Он поднял ее на руки. — Это очень грешно, но когда я с тобой, мне не нужен бог. Правда?

— Правда, — сказала она тихонько.

Когда они сели за стол, жаркое простыло, а вино, принесенное с ледника, степлилось. Пришел мальчик Уно и, неслышно ступая, как учил его старый Муга, пошел вдоль стен, зажигая светильники, хотя было еще светло.

— Это твой раб? — спросила Кира.

— Нет, это свободный мальчик. Очень славный мальчик, только очень скупой.

— Денежки счет любят, — заметил Уно, не оборачиваясь.

— Так и не купил новые простыни? — спросил Румата.

— Что там, — сказал мальчик. — И старые сойдут...

— Слушай, Уно, — сказал Румата. — Я не могу месяц подряд спать на одних и тех же простынях.

— Хэ, — сказал мальчик. — Его величество по полгода спят и не жалуются...

— А маслице, — сказал Румата, подмигивая Кире, — маслице в светильниках. Оно что — бесплатное?

Уно остановился.

— Так ведь гости у вас, — сказал он, наконец, решительно.

— Видишь, какой он! — сказал Румата.

— Он хороший, — серьезно сказала Кира. — Он тебя любит. Давай возьмем его с собой.

— Посмотрим, — сказал Румата.

Мальчик подозрительно спросил:

— Это куда еще? Никуда я не поеду.

— Мы поедем туда, — сказала Кира, — где все люди как дон Румата.

Мальчик подумал и презрительно сказал: «В рай, что ли, для благородных?..» Затем он насмешливо фыркнул и побрел из кабинета, шаркая разбитыми башмаками. Кира посмотрела ему вслед.

— Славный мальчик, — сказала она. — Угрюмый, как медвежонок. Хороший у тебя друг.

— У меня все друзья хорошие.

— А барон Пампа?

— Откуда ты его знаешь? — удивился Румата.

— А ты больше ни про кого и не рассказываешь. Я от тебя только и слышу — барон Пампа да барон Пампа.

— Барон Пампа — отличный товарищ.

— Как это так: барон — товарищ?

— Я хочу сказать, хороший человек. Очень добрый и веселый. И очень любит свою жену.

— Я хочу с ним познакомиться... Или ты стесняешься меня?

— Не-ет, я не стесняюсь. Только он хоть и хороший человек, а все-таки барон.

— А... — сказала она.

Румата отодвинул тарелку.

— Ты все-таки скажи мне, почему плакала. И прибежала одна. Разве сейчас можно одной по улицам бегать?

— Я не могла дома. Я больше не вернусь домой. Можно, я у тебя служанкой буду? Даром.

Румата просмеялся сквозь комок в горле.

— Отец каждый день доносы переписывает, — продолжала она с тихим отчаянием. — А бумаги, с которых переписывает, все в крови. Ему их в Весе-

лой Башне дают. И зачем ты только меня читать научил? Каждый вечер, каждый вечер... Перепишет пыточную запись — и пьет... Так страшно, так страшно!.. «Вот, — говорит, — Кира, наш сосед-каллиграф учил людей писать. Кто, ты думаешь, он есть? Под пыткой показал, что колдун и ируканский шпион. Кому же, — говорит, — теперь верить? Я, — говорит, — сам у него письму учился». А брат придет из патруля — пьяней пива, руки все в засохшей крови... «Всех, — говорит, — вырежем до двенадцатого потомка...» Отца допрашивает, почему, мол, грамотный... Сегодня с приятелями затащил в дом какого-то человека... Били его, все кровью забрызгали. Он уж и кричать перестал. Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня!..

Румата встал возле нее, глядя по волосам. Она смотрела в одну точку блестящими сухими глазами. Что он мог ей сказать? Поднял на руки, отнес на диван, сел рядом и стал рассказывать про хрустальные храмы, про веселые сады на много миль без гнилья, комаров и нечисти, про скатерть-самобранку, про ковры-самолеты, про волшебный город Ленинград, про своих друзей — людей гордых, веселых и добрых, про дивную страну за морями, за горами, которая называется постранному — Земля... Она слушала тихо и внимательно и только крепче прижималась к нему, когда под окнами на улице — грррум, грррум, грррум — протопывали подкованные сапоги.

Было в ней чудесное свойство: она свято и бескорыстно верила в хорошее. Расскажи такую сказку крепостному мужичку — хмыкнет с сомнением, утрет рукавом сопли да и пойдет, ни слова не говоря, только оглядываясь на доброго, трезвого, да только — эх, беда-то какая! — тронутого умом благородного дона. Начни такое рассказывать дону Тамэо с доном Сэра — не дослушают: один заснет, а другой, рыгнув, скажет: «Это, — скажет, — очень все бла-ародно, а вот как там насчет баб?..» А дон Рэба выслушал бы до конца внимательно, а выслушав, мигнул бы штурмовичкам,

чтобы заломили благородному дону локти к лопаткам да выяснили бы точно, от кого благородный дон сих опасных сказок наслушался да кому уже успел их рассказать...

Когда она заснула, успокоившись, он поцеловал ее в спокойное спящее лицо, накрыл зимним плащом с меховой опушкой и на цыпочках вышел, притворив за собой противно скрипнувшую дверь. Пройдя по темному дому, спустился в людскую и сказал, глядя поверх склонившихся в поклоне голов:

— Я взял домоправительницу. Имя ей Кира. Жить будет наверху, при мне. Комнату, что за кабинетом, завтра же прибрать тщательно. Домоправительницу слушаться, как меня. — Он обвел слуг глазами: не скалится ли кто. Никто не скалился, слушали с должной почтительностью. — А если кто болтать за воротами станет, язык вырву!

Окончив речь, он еще некоторое время постоял для внушительности, потом повернулся и снова поднялся к себе. В гостиной, увешанной ржавым оружием, заставленной причудливой, источенной жучками мебелью, он встал у окна и, глядя на улицу, прислонился лбом к холодному темному стеклу. Пробили первую стражу. В окнах напротив зажигали светильники и закрывали ставни, чтобы не привлекать злых людей и злых духов. Было тихо, только один раз где-то внизу ужасным голосом заорал пьяный — то ли его раздевали, то ли ломился в чужие двери.

Самым страшным были эти вечера, тошные, одинокие, беспросветные. Мы думали, что это будет вечный бой, яростный и победоносный. Мы считали, что всегда будем сохранять ясные представления о добре и зле, о враге и друге. И мы думали в общем правильно, только многого не учли. Например, этих вечеров не представляли себе, хотя точно знали, что они будут...

Внизу загремело железо — задвигали засовы, готовясь к ночи. Кухарка молилась святому Мике, чтобы послал какого ни на есть мужа, только был бы человек

самостоятельный и с понятием. Старый Муга зевал, обмахиваясь большим пальцем. Слуги на кухне допивали вечернее пиво и сплетничали, а Уно, поблескивая недобрыми глазами, говорил им по-взрослому: «Будет языки чесать, кобели вы...»

Румата отступил от окна и прошелся по гостиной. Это безнадежно, подумал он. Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их из привычного круга забот и представлений. Можно дать им все. Можно поселить их в самых современных спектроглассовых домах и научить их ионным процедурам, и все равно по вечерам они будут собираться на кухне, резаться в карты и ржать над соседом, которого лупит жена. И не будет для них лучшего времяпрепровождения. В этом смысле дон Кондор прав: Рэба — чушь, мелочь в сравнении с громадой традиций, правил стадности, освященных веками, незыблемых, проверенных, доступных любому тупице из тупиц, освобождающих от необходимости думать и интересоваться. А дон Рэба не попадет, наверное, даже в школьную программу. «Мелкий авантюрист в эпоху укрепления абсолютизма».

Дон Рэба, дон Рэба! Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями...

Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький, даже какой-то синеватый. Потом тогдашний первый министр был вдруг арестован и казнен, погибли под пытками несколько одуревших от ужаса, ничего не понимающих сановников, и словно на их трупах вырос исполинским бледным грибом этот цепкий, беспощадный гений посредственности. Он никто. Он ниоткуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не

великий и страшный человек, отдающий всю жизнь идее борьбы за объединение страны во имя автократии. Это не златолюбец-временщик, думающий лишь о золоте и бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать. Шепотом поговаривают даже, что он и не дон Рэба вовсе, что дон Рэба — совсем другой человек, а этот бог знает кто, оборотень, двойник, подменыш...

Что он ни задумывал, все проваливалось. Он натравил друг на друга два влиятельных рода в королевстве, чтобы ослабить их и начать широкое наступление на баронство. Но роды помирились, под звон кубков провозгласили вечный союз и отхватили у короля изрядный кусок земли, искони принадлежавший Тоцам Арканарским. Он объявил войну Ирукану, сам повел армию к границе, потопил ее в болотах и растерял в лесах, бросил все на произвол судьбы и сбежал обратно в Арканар. Благодаря стараниям дона Гуга, о котором он, конечно, и не подозревал, ему удалось добиться у герцога Ируканского мира — ценой двух пограничных городов, а затем королю пришлось выскрести до дна опустевшую казну, чтобы бороться с крестьянскими восстаниями, охватившими всю страну. За такие промахи любой министр был бы повешен за ноги на верхушке Веселой Башни, но дон Рэба каким-то образом остался в силе. Он упразднил министерства, ведающие образованием и благосостоянием, учредил министерство охраны короны, снял с правительственных постов родовую аристократию и немногих ученых, окончательно развалил экономику, написал трактат «О скотской сущности земледельца» и, наконец, год назад организовал «охранную гвардию» — «Серые роты». За Гитлером стояли монополии. За доном Рэбой не стоял никто, и было очевидно, что штурмовики в конце концов сожрут его, как муху. Но он продолжал крутить и вертеть, нагромождать нелепость на нелепость, выкручивался, словно старался обмануть самого себя, словно не знал ничего, кроме параноической задачи — истребить культуру. Подобно

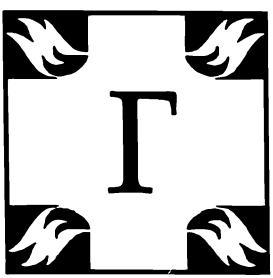
Ваге Колесу, он не имел никакого прошлого. Два года назад любой аристократический ублюдок с презрением говорил о «ничтожном хаме, обманувшем государя», зато теперь, какого аристократа ни спроси, всякий называет себя родственником министра охраны короны по материнской линии.

Теперь вот ему понадобился Будах. Снова нелепость. Снова какой-то дикий финт. Будах — книгочей. Книгочей — на кол. С шумом, с помпой, чтобы все знали. Но шума и помпы нет. Значит, нужен живой Будах. Зачем? Не настолько же Рэба глуп, чтобы надеяться заставить Будаха работать на себя? А может быть, глуп? А может быть, дон Рэба просто глупый и удачливый интриган, сам толком не знающий, чего он хочет, и с хитрым видом валяющий дурака у всех на виду? Смешно, я три года слежу за ним и так до сих пор и не понял, что он такое. Впрочем, если бы он следил за мной, он бы тоже не понял. Ведь все может быть, вот что забавно! Базисная теория конкретизирует лишь основные виды психологической целенаправленности, а на самом деле этих видов столько же, сколько людей, у власти может оказаться кто угодно! Например, человечек, всю жизнь занимавшийся уязвлением соседей. Плевал в чужие кастрюли с супом, подбрасывал толченое стекло в чужое сено. Его, конечно, сметут, но он успеет вдосталь наплеваться, нашкодить, натешиться... И ему нет дела, что в истории о нем не останется следа или что отдаленные потомки будут ломать голову, подгоняя его поведение под развитую теорию исторических последовательностей.

Мне теперь уже не до теории, подумал Румата. Я знаю только одно: человек есть объективный носитель разума, все, что мешает человеку развивать разум, — зло, и зло это надлежит устранять в кратчайшие сроки и любым путем. Любым? Любым ли?.. Нет, наверное, не любым. Или любым? Слюнтяй! — подумал он про себя. — Надо решаться. Рано или поздно все равно придется решаться.

Он вдруг вспомнил про дону Окану. Вот и решайся, подумал он. Начни именно с этого. Если бог берется чистить нужник, пусть не думает, что у него будут чистые пальцы... Он ощутил дурноту при мысли о том, что ему предстоит. Но это лучше, чем убивать. Лучше грязь, чем кровь. Он на цыпочках, чтобы не разбудить Киру, прошел в кабинет и переоделся. Повертел в руках обруч с передатчиком, решительно сунул в ящик стола. Затем воткнул в волосы за правым ухом белое перо — символ любви страстной, прицепил мечи и накинул лучший плащ. Уже внизу, отодвигая засовы, подумал: а ведь если узнает дон Рэба — конец доне Окане. Но было уже поздно возвращаться.

ГЛАВА 4

ости уже собрались, но дона Окана еще не выходила. У золоченого столика с закусками картинно выпивали, выгибая спины и отставляя поджарые зады, королевские гвардейцы, прославленные дуэлями и сексуальными похождениями. Возле камина хихикали худосочные дамочки в возрасте, ничем не примечательные и потому взятые доной Оканой в конфидентки. Они сидели рядышком на низких кушетках, а перед ними хлопотали трое старичков на тонких, непрерывно двигающихся ногах — знаменитые щеголи времен прошлого регентства, последние знатоки давно забытых анекдотов. Все знали, что без этих старичков салон не салон. Посередине зала стоял, расставив ноги в ботфортах, дон Рипат, верный и неглупый агент Руматы, лейтенант серой роты галантерейщиков, с великолепными усами и без каких бы то ни было принципов. Засунув большие красные руки за кожаный пояс, он слушал дона Тамэо, путано излагавшего новый проект

ущемления мужиков в пользу торгового сословия, и время от времени поводил усом в сторону дона Сэры, который бродил от стены к стене, видимо, в поисках двери. В углу, бросая по сторонам предупредительные взгляды, доедали тушенного с черемшой крокодила двое знаменитых художников-портретистов, а рядом с ними сидела в оконной нише пожилая женщина в черном — нянька, приставленная доном Рэбой к доне Окане. Она строго смотрела перед собой неподвижным взглядом, иногда неожиданно ныряя всем телом вперед. В стороне от остальных развлекались картами особа королевской крови и секретарь соанского посольства. Особа передергивала, секретарь терпеливо улыбался. В гостиной это был единственный человек, занятый делом: он собирал материал для очередного посольского донесения.

Гвардейцы у столика приветствовали Румату бодрыми возгласами. Румата дружески подмигнул им и произвел обход гостей. Он раскланялся со старичками-щеголями, отпустил несколько комплиментов конфидентам, которые немедленно уставились на белое перо у него за ухом, потрепал особу королевской крови по жирной спине и направился к дону Рипату и дону Тамэо. Когда он проходил мимо оконной ниши, нянька снова сделала падающее движение, и от нее пахнуло густым винным перегаром.

При виде Руматы дон Рипат выпростал руки из-под ремня и щелкнул каблуками, а дон Тамэо вскричал вполголоса:

— Вы ли это, мой друг? Как хорошо, что вы пришли, я уже потерял надежду... «Как лебедь с подбитым крылом взывает тоскливо к звезде...» Я так скучал... Если бы не милейший дон Рипат, я бы умер с тоски!

Чувствовалось, что дон Тамэо протрезвился было к обеду, но остановиться так и не смог.

— Вот как? — удивился Румата. — Мы цитируем мятежника Цурэна?

Дон Рипат сразу подобрался и хищно посмотрел на дона Тамэо.

— Э-э... — произнес дон Тамэо, потерявшись. — Цурэна? Почему, собственно?.. Ну да, я в ироническом смысле, уверяю вас, благородные доны! Ведь что есть Цурэн? Низкий, неблагодарный демагог. И я хотел лишь подчеркнуть...

— Что доны Оканы здесь нет, — подхватил Румата, — и вы заскучали без нее.

— Именно это я и хотел подчеркнуть.

— Кстати, где она?

— Ждем с минуты на минуту, — сказал дон Рипат и, поклонившись, отошел.

Конфидентки, одинаково раскрыв рты, не отрываясь смотрели на белое перо. Старички щеголи жеманно хихикали. Дон Тамэо, наконец, тоже заметил перо и затрепетал.

— Мой друг! — зашептал он. — Зачем это вам? Не ровен час, войдет дон Рэба... Правда, его не ждут сегодня, но все равно...

— Не будем об этом, — сказал Румата, нетерпеливо озираясь. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось.

Гвардейцы уже приближались с чашами.

— Вы так бледны... — шептал дон Тамэо. — Я понимаю, любовь, страсть... Но святой Мика! Государство превыше... И это опасно, наконец... Оскорбление чувств...

В лице его что-то изменилось, и он стал пятиться, отступать, отходить, непрерывно кланяясь. Румату обступили гвардейцы. Кто-то протянул ему полную чашу.

— За честь и короля! — заявил один гвардеец.

— И за любовь, — добавил другой.

— Покажите ей, что такое гвардия, благородный Румата, — сказал третий.

Румата взял чашу и вдруг увидел дону Окану. Она стояла в дверях, обмахиваясь веером и томно покачивая плечами. Да, она была хороша! На расстоянии она была даже прекрасна. Она была совсем не во вкусе Руматы, но она была несомненно хороша, эта глупая, похотливая курица. Огромные синие глаза без тени мысли и теплоты, нежный многоопытный рот, роскошное, умело

и старательно обнаженное тело... Гвардеец за спиной Руматы, видимо, не удержавшись, довольно громко чмокнул. Румата, не глядя, сунул ему кубок и длинными шагами направился к доне Окане. Все в гостиной отвели от них глаза и деятельно заговорили о пустяках.

— Вы ослепительны, — пробормотал Румата, глубоко кланяясь и лязгая мечами. — Позвольте мне быть у ваших ног... Подобно псу борзому лечь у ног красавицы нагой и равнодушной...

Дона Окана прикрылась веером и лукаво прищурилась.

— Вы очень смелы, благородный дон, — проговорила она. — Мы, бедные провинциалки, неспособны устоять против такого натиска... — У нее был низкий, с хрипотцой голос. — Увы, мне остается только открыть ворота крепости и впустить победителя...

Румата, скрипнув зубами от стыда и злости, поклонился еще глубже. Дона Окана опустила веер и крикнула:

— Благородные доны, развлекайтесь! Мы с доном Руматой сейчас вернемся! Я обещала ему показать мои новые ируканские ковры...

— Не покидайте нас надолго, очаровательница! — проблеял один из старичков.

— Прелестница! — сладко произнес другой старичок. — Фея!

Гвардейцы дружно громыхнули мечами. «Право, у него губа не дура...» — внятно сказала королевская особа. Дона Окана взяла Румату за рукав и потянула за собой. Уже в коридоре Румата услыхал, как дон Сэра с обидой в голосе провозгласил: «Не вижу, почему бы благородному дону не посмотреть на ируканские ковры...»

В конце коридора дона Окана внезапно остановилась, обхватила Румату за шею и с хриплым стоном, долженствующим означать прорвавшуюся страсть, впилась ему в губы. Румата перестал дышать. От феи остро несло смешанным ароматом немытого тела и эсторских духов. Губы у нее были горячие, мокрые и липкие от

сладостей. Сделав над собой усилие, он попытался ответить на поцелуй, и это, по-видимому, ему удалось, так как дона Окана снова застонала и повисла у него на руках с закрытыми глазами. Это длилось целую вечность. Ну, я тебя, потаскуха, подумал Румата и сжал ее в объятиях. Что-то хрустнуло, не то корсаж, не то ребра, красавица жалобно пискнула, изумленно раскрыла глаза и забилась, стараясь освободиться. Румата поспешно разжал руки.

— Противный... — тяжело дыша, сказала она с восхищением. — Ты чуть не сломал меня...

— Я сгораю от любви, — виновато пробормотал он.

— Я тоже. Я так ждала тебя! Пойдем скорей...

Она потащила его за собой через какие-то холодные темные комнаты. Румата достал платок и украдкой вытер рот. Теперь эта затея казалась ему совершенно безнадежной. Надо, думал он. Мало ли что надо!.. Тут разговорами не отделаешься. Святой Мика, почему они здесь во дворце никогда не моются? Ну и темперамент. Хоть бы дон Рэба пришел... Она тащила его молча, напористо, как муравей дохлую гусеницу. Чувствуя себя последним идиотом, Румата понес какую-то куртуазную чепуху о быстрых ножках и алых губках — дона Окана только похохатывала. Она втолкнула его в жарко натопленный будуар, действительно весь завешанный коврами, бросилась на огромную кровать и, разметавшись на подушках, стала глядеть на него влажными гиперстеничными глазами. Румата стоял как столб. В будуаре отчетливо пахло клопами.

— Ты прекрасен, — прошептала она. — Иди же ко мне. Я так долго ждала!..

Румата завел глаза, его подташнивало. По лицу, гадко щекоча, покатились капли пота. Не могу, подумал он. К чертовой матери всю эту информацию... Лисица... Мартышка... Это же противоестественно, грязно... Грязь лучше крови, но э т о гораздо хуже грязи!

— Что же вы медлите, благородный дон? — визгливым, срывающимся голосом закричала дона Окана. — Идите же сюда, я жду!

— К ч-черту... — хрипло сказал Румата.

Она вскочила и подбежала к нему.

— Что с тобой? Ты пьян?

— Не знаю, — выдавил он из себя. — Душно.

— Может быть, приказать тазик?

— Какой тазик?

— Ну ничего, ничего... Пройдет... — Трясущимися от нетерпения пальцами она принялась расстегивать его камзол. — Ты прекрасен... — задыхаясь, бормотала она. — Но ты робок, как новичок. Никогда бы не подумала... Это же прелестно: клянусь святой Барой!..

Ему пришлось схватить ее за руки. Он смотрел на нее сверху вниз и видел блестящие от лака неопрятные волосы, круглые голые плечи в шариках свалявшейся пудры, маленькие малиновые уши. Скверно, подумал он. Ничего не выйдет. А жаль, она должна кое-что знать... Дон Рэба болтает во сне... Он водит ее на допросы, она очень любит допросы... Не могу.

— Ну? — сказала она раздраженно.

— Ваши ковры прекрасны, — громко сказал он. — Но мне пора.

Сначала она не поняла, затем лицо ее исказилось.

— Как ты смеешь? — прошептала она, но он уже нащупал лопатками дверь, выскочил в коридор и быстро пошел прочь. С завтрашнего дня перестаю мыться, подумал он. Здесь нужно быть боровом, а не богом!

— Мерин! — крикнула она ему вслед. — Кастрат сопливый! Баба! На кол тебя!..

Румата распахнул какое-то окно и спрыгнул в сад. Некоторое время он стоял под деревом, жадно глотая холодный воздух. Потом вспомнил о дурацком белом пере, выдернул его, яростно смял и отбросил. У Пашки бы тоже ничего не вышло, подумал он. Ни у кого бы не вышло. «Ты уверен?» — «Да, уверен». — «Тогда грош вам всем цена!» — «Но меня тошнит от этого!» — «Эксперименту нет дела до твоих переживаний. Не можешь — не берись». — «Я не животное!» — «Если Эксперимент требует, надо стать животным». —

«Эксперимент не может этого требовать». — «Как видишь, может». — «А тогда!..» — «Что „тогда"?» Он не знал, что тогда. «Тогда... Тогда... Хорошо, будем считать, что я плохой историк. — Он пожал плечами. — Постараемся стать лучше. Научимся превращаться в свиней...»

Было около полуночи, когда он вернулся домой. Не раздеваясь, только распустив пряжки перевязи, повалился в гостиной на диван и заснул как убитый.

Его разбудили негодующие крики Уно и благодушный басистый рев:

— Пошел, пошел, волчонок, отдавлю ухо!..

— Да спят они, говорят вам!

— Брысь, не путайся под ногами!..

— Не велено, говорят вам!

Дверь распахнулась, и в гостиную ввалился огромный, как зверь Пэх, барон Пампа дон Бау, краснощекий, белозубый, с торчащими вперед усами, в бархатном берете набекрень и в роскошном малиновом плаще, под которым тускло блестел медный панцирь. Следом волочился Уно, вцепившийся барону в правую штанину.

— Барон! — воскликнул Румата, спуская с дивана ноги. — Как вы очутились в городе, дружище? Уно, оставь барона в покое!

— На редкость въедливый мальчишка, — рокотал барон, приближаясь с распростертыми объятиями. — Из него выйдет толк. Сколько вы за него хотите? Впрочем, об этом потом... Дайте мне обнять вас!

Они обнялись. От барона вкусно пахло пыльной дорогой, конским потом и смешанным букетом разных вин.

— Я вижу, вы тоже совершенно трезвы, мой друг, — с огорчением сказал он. — Впрочем, вы всегда трезвы. Счастливец!

— Садитесь, мой друг, — сказал Румата. — Уно! Подай нам эсторского, да побольше!

Барон поднял огромную ладонь.

— Ни капли!

— Ни капли эсторского? Уно, не надо эсторского, принеси ируканского!

— Не надо вообще вин! — с горечью сказал барон. — Я не пью.

Румата сел.

— Что случилось? — встревоженно спросил он. — Вы нездоровы?

— Я здоров как бык. Но эти проклятые семейные сцены... Короче говоря, я поссорился с баронессой — и вот я здесь.

— Поссорились с баронессой?! Вы?! Полно, барон, что за странные шутки!

— Представьте себе. Я сам как в тумане. Сто двадцать миль проскакал как в тумане!

— Мой друг, — сказал Румата. — Мы сейчас же садимся на коней и скачем в Бау.

— Но моя лошадь еще не отдохнула! — возразил барон. — И потом, я хочу наказать ее!

— Кого?

— Баронессу, черт подери! Мужчина я или нет, в конце концов?! Она, видите ли, недовольна Пампой пьяным, так пусть посмотрит, каков он трезвый! Я лучше сгнию здесь от воды, чем вернусь в замок...

Уно угрюмо сказал:

— Скажите ему, чтобы ухи не крутил...

— Па-шел, волчонок! — добродушно пророкотал барон. — Да принеси пива! Я вспотел, и мне нужно возместить потерю жидкости.

Барон возмещал потерю жидкости в течение получаса и слегка осоловел. В промежутках между глотками он поведал Румате свои неприятности. Он несколько раз проклял «этих пропойц соседей, которые повадились в замок. Приезжают с утра якобы на охоту, а потом охнуть не успеешь — уже все пьяны и рубят мебель. Они разбредаются по всему замку, везде пачкают, обижают прислугу, калечат собак и подают отвратительный пример юному баронету. Потом они разъезжаются по домам, а ты, пьяный до неподвижности, остаешься один на один с баронессой...».

В конце своего повествования барон совершенно расстроился и даже потребовал было эсторского, но спохватился и сказал:

— Румата, друг мой, пойдемте отсюда. У вас слишком богатые погреба!.. Уедемте!

— Но куда?

— Не все ли равно — куда! Ну, хотя бы в «Серую Радость»...

— Гм... — сказал Румата. — А что мы будем делать в «Серой Радости»?

Некоторое время барон молчал, ожесточенно дергая себя за ус.

— Ну как что? — сказал он наконец. — Странно даже... Просто посидим, поговорим...

— В «Серой Радости»? — спросил Румата с сомнением.

— Да. Я понимаю вас, — сказал барон. — Это ужасно... Но все-таки уйдем. Здесь мне все время хочется потребовать эсторского!..

— Коня мне, — сказал Румата и пошел в кабинет взять передатчик.

Через несколько минут они бок о бок ехали верхом по узкой улице, погруженной в кромешную тьму. Барон, несколько оживившийся, в полный голос рассказывал о том, какого позавчера затравили вепря, об удивительных качествах юного баронета, о чуде в монастыре святого Тукки, где отец настоятель родил из бедра шестипалого мальчика... При этом он не забывал развлекаться: время от времени испускал волчий вой, улюлюкал и колотил плеткой в запертые ставни.

Когда они подъехали к «Серой Радости», барон остановил коня и глубоко задумался. Румата ждал. Ярко светились грязноватые окна распивочной, топтались лошади у коновязи, лениво переругивались накрашенные девицы, сидевшие рядком на скамейке под окнами, двое слуг с натугой вкатили в распахнутые двери огромную бочку, покрытую пятнами селитры.

Барон грустно сказал:

— Один... Страшно подумать, целая ночь впереди и — один!.. И она там одна...

— Не огорчайтесь так, мой друг, — сказал Румата. — Ведь с нею баронет, а с вами я.

— Это совсем другое, — сказал барон. — Вы ничего не понимаете, мой друг. Вы слишком молоды и легкомысленны... Вам, наверное, даже доставляет удовольствие смотреть на этих шлюх...

— А почему бы и нет? — возразил Румата, с любопытством глядя на барона. — По-моему, очень приятные девочки.

Барон покачал головой и саркастически усмехнулся.

— Вон у той, что стоит, — сказал он громко, — отвислый зад. А у той, что сейчас причесывается, и вовсе нет зада... Это коровы, мой друг, в лучшем случае это коровы. Вспомните баронессу! Какие руки, какая грация!.. Какая осанка, мой друг!..

— Да, — согласился Румата. — Баронесса прекрасна. Поедемте отсюда.

— Куда? — с тоской сказал барон. — И зачем? — На лице его вдруг обозначилась решимость. — Нет, мой друг, я никуда не поеду отсюда. А вы как хотите. — Он стал слезать с лошади. — Хотя мне было бы очень обидно, если бы вы оставили меня здесь одного.

— Разумеется, я останусь с вами, — сказал Румата. — Но...

— Никаких «но», — сказал барон.

Они бросили поводья подбежавшему слуге, гордо прошли мимо девиц и вступили в зал. Здесь было не продохнуть. Огни светильников с трудом пробивались сквозь туман испарений, как в большой и очень грязной парной бане. На скамьях за длинными столами пили, ели, божились, смеялись, плакали, целовались, орали похабные песни потные солдаты в расстегнутых мундирах, морские бродяги в цветных кафтанах на голое тело, женщины с едва прикрытой грудью, серые штурмовики с топорами между колен, ремесленники в прожженных лохмотьях. Слева в тумане угадывалась стойка, где хозяин, сидя на особом возвышении среди ги-

гантских бочек, управлял роем проворных жуликоватых слуг, а справа ярким прямоугольником светился вход в чистую половину — для благородных донов, почтенных купцов и серого офицерства.

— В конце концов, почему бы нам не выпить? — раздраженно спросил барон Пампа, схватил Румату за рукав и устремился к стойке в узкий проход между столами, царапая спины сидящих шипами поясной оторочки панциря. У стойки он выхватил из рук хозяина объемистый черпак, которым тот разливал вино по кружкам, молча осушил его до дна и объявил, что теперь все пропало и остается одно — как следует повеселиться. Затем он повернулся к хозяину и громогласно осведомился, есть ли в этом заведении место, где благородные люди могут прилично и скромно провести время, не стесняясь соседством всякой швали, рвани и ворья. Хозяин заверил его, что именно в этом заведении такое место существует.

— Отлично! — величественно сказал барон и бросил хозяину несколько золотых. — Подайте для меня и вот этого дона все самое лучшее, и пусть нам служит не какая-нибудь смазливая вертихвостка, а почтенная пожилая женщина!

Хозяин сам проводил благородных донов в чистую половину. Народу здесь было немного. В углу мрачно веселилась компания серых офицеров — четверо лейтенантов в тесных мундирчиках и двое капитанов в коротких плащах с нашивками министерства охраны короны. У окна за большим узкогорлым кувшином скучала пара молодых аристократов с кислыми от общей разочарованности физиономиями. Неподалеку от них расположилась кучка безденежных донов в потертых колетах и штопаных плащах. Они маленькими глотками пили пиво и ежеминутно обводили помещение жаждущими взорами.

Барон рухнул за свободный стол, покосился на серых офицеров и проворчал: «Однако и здесь не без швали...» Но тут дородная тетка в переднике подала первую перемену. Барон крякнул, вытащил из-за пояса

кинжал и принялся веселиться. Он молча пожирал увесистые ломти жареной оленины, груды маринованных моллюсков, горы морских раков, кадки салатов и майонезов, заливая все это водопадами вина, пива, браги и вина, смешанного с пивом и брагой. Безденежные доны по одному и по двое начали перебираться за его стол, и барон встречал их молодецким взмахом руки и утробным ворчанием.

Вдруг он перестал есть, уставился на Румату выпученными глазами и проревел лесным голосом:

— Я давно не был в Арканаре, мой благородный друг! И скажу вам по чести, мне что-то здесь не нравится.

— Что именно, барон? — с интересом спросил Румата, обсасывая крылышко цыпленка.

На лицах безденежных донов изобразилось почтительное внимание.

— Скажите мне, мой друг! — произнес барон, вытирая замасленные руки о край плаща. — Скажите, благородные доны! С каких пор в столице его величества короля нашего повелось так, что потомки древнейших родов Империи шагу не могут ступить, чтобы не натолкнуться на всяких там лавочников и мясников?!

Безденежные доны переглянулись и стали отодвигаться. Румата покосился в угол, где сидели серые. Там перестали пить и глядели на барона.

— Я вам скажу, в чем дело, благородные доны, — продолжал барон Пампа. — Это все потому, что вы здесь перетрусили. Вы их терпите потому, что боитесь. Вот ты боишься! — заорал он, уставясь на ближайшего безденежного дона. Тот сделал постное лицо и отошел с бледной улыбкой. — Трусы! — рявкнул барон. Усы его встали дыбом.

Но от безденежных донов толку было мало. Им явно не хотелось драться, им хотелось выпить и закусить.

Тогда барон перекинул ногу через лавку, забрал в кулак правый ус и, вперив взгляд в угол, где сидели серые офицеры, заявил:

— А вот я ни черта не боюсь! Я бью серую сволочь, как только она мне попадется!

— Что там сипит эта пивная бочка? — громко осведомился серый капитан с длинным лицом.

Барон удовлетворенно улыбнулся. Он с грохотом выбрался из за стола и взгромоздился на скамью. Румата, подняв брови, принялся за второе крылышко.

— Эй вы, серые подонки! — заорал барон, надсаживаясь, словно офицеры были за версту от него. — Знайте, что третьего дня я, барон Пампа дон Бау, задал вашим ха-ар-рошую трепку! Вы понимаете, мой друг, — обратился он к Румате из-под потолка, — пили это мы с отцом Кабани вечером у меня в замке. Вдруг прибегает мой конюх и сообщает, что шайка серых р-разносит корчму «Золотая Подкова». Мою корчму, на моей родовой земле! Я командую: «На коней!..» — и туда. Клянусь шпорой, их была там целая шайка, человек двадцать! Они захватили каких-то троих, перепились, как свиньи... Пить эти лавочники не умеют... и стали всех лупить и все ломать. Я схватил одного за ноги — и пошла потеха! Я гнал их до самых Тяжелых Мечей... Крови было — вы не поверите, мой друг, — по колено, а топоров осталось столько...

На этом рассказ барона был прерван. Капитан с длинным лицом взмахнул рукой, и тяжелый метательный нож лязгнул о нагрудную пластину баронского панциря.

— Давно бы так! — сказал барон и выволок из ножен огромный двуручный меч.

Он с неожиданной ловкостью соскочил на пол, меч сверкающей полосой прорезал воздух и перерубил потолочную балку. Барон выругался. Потолок просел, на головы посыпался мусор.

Теперь все были на ногах. Безденежные доны отшатнулись к стенам. Молодые аристократы взобрались на стол, чтобы лучше видеть. Серые, выставив перед собой клинки, построились полукругом и мелкими шажками двинулись на барона. Только Румата остался

сидеть, прикидывая, с какой стороны от барона можно встать, чтобы не попасть под меч.

Широкое лезвие зловеще зашелестело, описывая сверкающие круги над головой барона. Барон поражал воображение. Было в нем что-то от грузового вертолета с винтом на холостом ходу.

Окружив его с трех сторон, серые были вынуждены остановиться. Один из них неудачно стал спиной к Румате, и Румата, перегнувшись через стол, схватил его за шиворот, опрокинул на спину в блюда с объедками и стукнул ребром ладони ниже уха. Серый закрыл глаза и замер. Барон вскричал:

— Прирежьте его, благородный Румата, а я прикончу остальных!

Он их всех поубивает, с неудовольствием подумал Румата.

— Слушайте, — сказал он серым. — Не будем портить друг другу веселую ночь. Вам не выстоять против нас. Бросайте оружие и уходите отсюда.

— Ну вот еще, — сердито возразил барон. — Я желаю драться! Пусть они дерутся! Деритесь же, черт вас подери!

С этими словами он двинулся на серых, все убыстряя вращение меча. Серые отступали, бледнея на глазах. Они явно никогда в жизни не видели грузового вертолета. Румата перепрыгнул через стол.

— Погодите, мой друг, — сказал он. — Нам совершенно незачем ссориться с этими людьми. Вам не нравится их присутствие здесь? Они уйдут.

— Без оружия мы не уйдем, — угрюмо сообщил один из лейтенантов. — Нам попадет. Я в патруле.

— Черт с вами, уходите с оружием, — разрешил Румата. — Клинки в ножны, руки за головы, проходить по одному! И никаких подлостей! Кости переломаю!

— Как же мы уйдем? — раздраженно осведомился длиннолицый капитан. — Этот дон загораживает нам дорогу!

— И буду загораживать! — упрямо сказал барон.

Молодые аристократы обидно захохотали.

— Ну хорошо, — сказал Румата. — Я буду держать барона, а вы пробегайте, да побыстрее, — долго я его не удержу! Эй, там, в дверях, освободите проход!.. Барон, — сказал он, обнимая Пампу за обширную талию. — Мне кажется, мой друг, что вы забыли одно важное обстоятельство. Ведь этот славный меч употреблялся вашими предками только для благородного боя, ибо сказано: «Не обнажай в тавернах».

На лице барона, продолжавшего вертеть мечом, появилась задумчивость.

— Но у меня же нет другого меча, — нерешительно сказал он.

— Тем более!.. — значительно сказал Румата.

— Вы так думаете? — Барон все еще колебался.

— Вы же знаете это лучше меня!..

— Да, — сказал барон. — Вы правы. — Он посмотрел вверх, на свою бешено работающую кисть. — Вы не поверите, дорогой Румата, но я могу вот так три-четыре часа подряд — и нисколько не устану... Ах, почему она не видит меня сейчас?!

— Я расскажу ей, — пообещал Румата.

Барон вздохнул и опустил меч. Серые, согнувшись, кинулись мимо него. Барон проводил их взглядом.

— Не знаю, не знаю... — нерешительно сказал он. — Как вы думаете, я правильно сделал, что не проводил их пинками в зад?

— Совершенно правильно, — заверил его Румата.

— Ну что ж, — сказал барон, втискивая меч в ножны. — Раз нам не удалось подраться, то уж теперь-то мы имеем право слегка выпить и закусить.

Он стащил со стола за ноги серого лейтенанта, все еще лежавшего без сознания, и зычным голосом гаркнул:

— Эй, хозяюшка! Вина и еды!

Подошли молодые аристократы и учтиво поздравили с победой.

— Пустяки, пустяки, — благодушно сказал барон. — Шесть плюгавых молодчиков, трусливых, как все лавочники. В «Золотой Подкове» я раскидал их

два десятка... Как удачно, — обратился он к Румате, — что тогда при мне не было моего боевого меча! Я мог бы в забывчивости обнажить его. И хотя «Золотая Подкова» не таверна, а всего лишь корчма...

— Некоторые так и говорят, — сказал Румата. — «Не обнажай в корчме».

Хозяйка принесла новые блюда с мясом и новые кувшины вина. Барон засучил рукава и принялся за работу.

— Кстати, — сказал Румата. — Кто были те три пленника, которых вы освободили в «Золотой Подкове»?

— Освободил? — Барон перестал жевать и уставился на Румату. — Но, мой благородный друг, я, вероятно, недостаточно точно выразился! Я никого не освобождал. Ведь они были арестованы, это государственное дело... С какой стати я бы стал их освобождать? Какой-то дон, вероятно, большой трус, старик книгочей и слуга... — Он пожал плечами.

— Да, конечно, — грустно сказал Румата.

Барон вдруг налился кровью и страшно выкатил глаза.

— Что?! Опять?! — заревел он.

Румата оглянулся. В дверях стоял дон Рипат. Барон заворочался, опрокидывая скамьи и роняя блюда. Дон Рипат значительно посмотрел в глаза Руматы и вышел.

— Прошу прощенья, барон, — сказал Румата, вставая. — Королевская служба...

— А... — разочарованно произнес барон. — Сочувствую... Ни за что не пошел бы на службу!

Дон Рипат ждал сразу за дверью.

— Что нового? — спросил Румата.

— Два часа назад, — деловито сообщил дон Рипат, — по приказу министра охраны дона Рэбы я арестовал и препроводил в Веселую Башню дону Окану.

— Так, — сказал Румата.

— Час назад дона Окана умерла, не выдержав испытания огнем.

— Так, — сказал Румата.

— Официально ее обвинили в шпионаже. Но... — дон Рипат замялся и опустил глаза. — Я думаю... Мне кажется...

— Я понимаю, — сказал Румата.

Дон Рипат поднял на него виноватые глаза.

— Я был бессилен... — начал он.

— Это не ваше дело, — хрипло сказал Румата.

Глаза дона Рипата снова стали оловянными. Румата кивнул ему и вернулся к столу. Барон доканчивал блюдо с фаршированными каракатицами.

— Эсторского! — сказал Румата. — И пусть принесут еще! — Он откашлялся. — Будем веселиться. Будем, черт побери, веселиться...

...Когда Румата пришел в себя, он обнаружил, что стоит посреди обширного пустыря. Занимался серый рассвет, вдали сиплыми голосами орали петухи-часомеры. Каркали вороны, густо кружившиеся над какой-то неприятной кучей неподалеку, пахло сыростью и тленом. Туман в голове быстро рассеивался, наступало знакомое состояние пронзительной ясности и четкости восприятий, на языке приятно таяла мятная горечь. Сильно саднили пальцы правой руки. Румата поднес к глазам сжатый кулак. Кожа на косточках была ободрана, а в кулаке была зажата пустая ампула из-под каспарамида, могучего средства против алкогольного отравления, которым Земля предусмотрительно снабжала своих разведчиков на отсталых планетах. Видимо, уже здесь, на пустыре, перед тем как впасть в окончательно свинское состояние, он бессознательно, почти инстинктивно высыпал в рот все содержимое ампулы.

Места были знакомые — прямо впереди чернела башня сожженной обсерватории, а левее проступали в сумраке тонкие, как минареты, сторожевые вышки королевского дворца. Румата глубоко вдохнул сырой холодный воздух и направился домой.

Барон Пампа повеселился в эту ночь на славу. В сопровождении кучи безденежных донов, быстро теряющих человеческий облик, он совершил гигантское

турне по арканарским кабакам, пропив все, вплоть до роскошного пояса, истребив неимоверное количество спиртного и закусок, учинив по дороге не менее восьми драк. Во всяком случае, Румата мог отчетливо вспомнить восемь драк, в которые он вмешивался, стараясь развести и не допустить смертоубийства. Дальнейшие его воспоминания тонули в тумане. Из этого тумана всплывали то хищные морды с ножами в зубах, то бессмысленно-горькое лицо последнего безденежного дона, которого барон Пампа пытался продать в рабство в порту, то разъяренный носатый ируканец, злобно требовавший, чтобы благородные доны отдали его лошадей...

Первое время он еще оставался разведчиком. Пил он наравне с бароном: ируканское, эсторское, соанское, арканарское, но перед каждой переменой вин украдкой клал под язык таблетку каспарамида. Он еще сохранял рассудительность и привычно отмечал скопления серых патрулей на перекрестках и у мостов, заставу конных варваров на соанской дороге, где барона наверняка бы пристрелили, если бы Румата не знал наречия варваров. Он отчетливо помнил, как поразила его мысль о том, что неподвижные ряды чудных солдат в длинных черных плащах с капюшонами, выстроенные перед Патриотической школой, — это монастырская дружина. При чем здесь церковь? — подумал он тогда. С каких это пор церковь в Арканаре вмешивается в светские дела?

Он пьянел медленно, но все-таки опьянел, как-то сразу, скачком; и когда в минуту просветления увидел перед собой разрубленный дубовый стол в совершенно незнакомой комнате, обнаженный меч в своей руке и рукоплещущих безденежных донов вокруг, то подумал было, что пора идти домой. Но было поздно. Волна бешенства и отвратительной, непристойной радости освобождения от всего человеческого уже захватила его. Он еще оставался землянином, разведчиком, наследником людей огня и железа, не щадивших себя и не дававших пощады во имя великой цели. Он не мог

стать Руматой Эсторским, плотью от плоти двадцати поколений воинственных предков, прославленных грабежами и пьянством. Но он больше не был и коммунаром. У него больше не было обязанностей перед Экспериментом. Его заботили только обязанности перед самим собой. У него больше не было сомнений. Ему было ясно все, абсолютно все. Он точно знал, кто во всем виноват, и он точно знал, чего хочет: рубить наотмашь, предавать огню, сбрасывать с дворцовых ступеней на копья и вилы ревущей толпы...

Румата встрепенулся и вытащил из ножен мечи. Клинки были зазубрены, но чисты. Он помнил, что рубился с кем-то, но с кем? И чем все кончилось?..

...Коней они пропили. Безденежные доны куда-то исчезли. Румата — это он тоже помнил — приволок барона к себе домой. Пампа дон Бау был бодр, совершенно трезв и полон готовности продолжать веселье — просто он больше не мог стоять на ногах. Кроме того, он почему-то считал, что только что распрощался с милой баронессой и находится теперь в боевом походе против своего исконного врага барона Каску, обнаглевшего до последней степени. («Посудите сами, друг мой, этот негодяй родил из бедра шестипалого мальчишку и назвал его Пампой...») «Солнце заходит, — объявил он, глядя на гобелен, изображающий восход солнца. — Мы могли бы провеселиться всю эту ночь, благородные доны, но ратные подвиги требуют сна. Ни капли вина в походе. К тому же баронесса была бы недовольна».

Что? Постель? Какие постели в чистом поле? Наша постель — попона боевого коня! С этими словами он содрал со стены несчастный гобелен, завернулся в него с головой и с грохотом рухнул в угол под светильником. Румата велел мальчику Уно поставить рядом с бароном ведро рассола и кадку с маринадами. У мальчишки было сердитое, заспанное лицо. «Во набрались-то, — ворчал он. — Глаза в разные стороны смотрят...» — «Молчи, дурак», — сказал тогда Румата и... Что-то случилось потом. Что-то очень скверное, что погнало

его через весь город на пустырь. Что-то очень, очень скверное, непростительное, стыдное...

Он вспомнил, когда уже подходил к дому, и, вспомнив, остановился.

...Отшвырнув Уно, он полез вверх по лестнице, распахнул дверь и ввалился к ней, как хозяин, и при свете ночника увидел белое лицо, огромные глаза, полные ужаса и отвращения, и в этих глазах — самого себя, шатающегося, с отвисшей слюнявой губой, с ободранными кулаками, в одежде, заляпанной дрянью, наглого и подлого хама голубых кровей, и этот взгляд швырнул его назад, на лестницу, вниз, в прихожую, за дверь, на темную улицу и дальше, дальше, дальше, как можно дальше...

Стиснув зубы и чувствуя, что все внутри оледенело и смерзлось, он тихонько отворил дверь и на цыпочках вошел в прихожую. В углу, подобно гигантскому морскому млекопитающему, сопел в мирном сне барон. «Кто здесь?» — воскликнул Уно, дремавший на скамье с арбалетом на коленях. «Тихо, — шепотом сказал Румата. — Пошли на кухню. Бочку воды, уксусу, новое платье, живо!»

Он долго, яростно, с острым наслаждением обливался водой и обтирался уксусом, сдирая с себя ночную грязь. Уно, против обыкновения молчаливый, хлопотал вокруг него. И только потом, помогая дону застегивать идиотские сиреневые штаны с пряжками на заду, сообщил угрюмо:

— Ночью, как вы укатили, Кира спускалась и спрашивала, был дон или нет, решила, видно, что приснилось. Сказал ей, что как с вечера ушли в караул, так и не возвращались...

Румата глубоко вздохнул, отвернувшись. Легче не стало. Хуже.

— ...А я всю ночь с арбалетом над бароном сидел: боялся, что спьяну наверх полезут.

— Спасибо, малыш, — с трудом сказал Румата.

Он натянул башмаки, вышел в прихожую, постоял немного перед темным металлическим зеркалом. Каспа-

рамид работал безотказно. В зеркале виднелся изящный, благородный дон с лицом, несколько осунувшимся после утомительного ночного дежурства, но в высшей степени благопристойным. Влажные волосы, прихваченные золотым обручем, мягко и красиво спадали по сторонам лица. Румата машинально поправил объектив над переносицей. Хорошенькие сцены наблюдали сегодня на Земле, мрачно подумал он.

Тем временем рассвело. В пыльные окна заглянуло солнце. Захлопали ставни. На улице перекликались заспанные голоса. «Как спали, брат Кирис?» — «Благодарение господу, спокойно, брат Тика. Ночь прошла, и слава богу». — «А у нас кто-то в окна ломился. Благородный дон Румата, говорят, ночью гуляли». — «Сказывают, гость у них». — «Да нынче разве гуляют? При молодом короле, помню, гуляли — не заметили, как полгорода сожгли». — «Что я вам скажу, брат Тика. Благодарение богу, что у нас в соседях такой дон. Раз в год загуляет, и то много...»

Румата поднялся наверх, постучавшись, вошел в кабинет. Кира сидела в кресле, как и вчера. Она подняла глаза и со страхом и тревогой взглянула ему в лицо.

— Доброе утро, маленькая, — сказал он, подошел, поцеловал ее руки и сел в кресло напротив.

Она все испытующе смотрела на него, потом спросила:

— Устал?

— Да, немножко. И надо опять идти.

— Приготовить тебе что-нибудь?

— Не надо, спасибо. Уно приготовит. Вот разве воротник подуши...

Румата чувствовал, как между ними вырастает стена лжи. Сначала тоненькая, затем все толще и прочнее. На всю жизнь! — горько подумал он. Он сидел, прикрыв глаза, пока она осторожно смачивала разными духами его пышный воротник, щеки, лоб, волосы. Потом она сказала:

— Ты даже не спросишь, как мне спалось.

— Как, маленькая?

— Сон. Понимаешь, страшный-страшный сон.

Стена стала толстой, как крепостная.

— На новом месте всегда так, — сказал Румата фальшиво. — Да и барон, наверное, внизу шумел очень.

— Приказать завтрак? — спросила она.

— Прикажи.

— А вино какое ты любишь утром?

Румата открыл глаза.

— Прикажи воды, — сказал он. — По утрам я не пью.

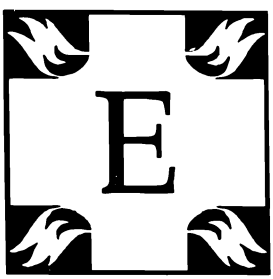
Она вышла, и он услышал, как она спокойным звонким голосом разговаривает с Уно. Потом она вернулась, села на ручку его кресла и начала рассказывать свой сон, а он слушал, заламывая бровь и чувствуя, как с каждой минутой стена становится все толще и неколебимей и как она навсегда отделяет его от единственного по-настоящему родного человека в этом безобразном мире. И тогда он с размаху ударил в стену всем телом.

— Кира, — сказал он. — Это был не сон.

И ничего особенного не случилось.

— Бедный мой, — сказала Кира. — Погоди, я сейчас рассолу принесу...

ГЛАВА 5

ще совсем недавно двор Арканарских королей был одним из самых просвещенных в Империи. При дворе содержались ученые, в большинстве, конечно, шарлатаны, но и такие, как Багир Киссэнский, открывший сферичность планеты; лейб-знахарь Тата, высказавший гениальную догадку о возникновении эпидемий от мелких, незаметных глазу червей, разносимых ветром и водой; алхимик Синда, искавший, как все алхимики, способ превращать глину в золото, а нашедший закон сохранения вещества. Были при Арканарском дворе и поэты, в большинстве блюдолизы и льстецы, но и такие, как Пэпин Славный, автор исторической трагедии «Поход на север»; Цурэн Правдивый, написавший более пятисот баллад и сонетов, положенных в народе на музыку; а также Гур Сочинитель, создавший первый в истории Империи светский роман — печальную историю принца, полюбившего прекрасную варварку. Были при дворе и

великолепные артисты, танцоры, певцы. Замечательные художники покрывали стены нетускнеющими фресками, славные скульптуры украшали своими творениями дворцовые парки. Нельзя сказать, чтобы Арканарские короли были ревнителями просвещения или знатоками искусств. Просто это считалось приличным, как церемония утреннего одевания или пышные гвардейцы у главного входа. Аристократическая терпимость доходила порой до того, что некоторые ученые и поэты становились заметными винтиками государственного аппарата. Так, всего полстолетия назад высокоученый алхимик Ботса занимал ныне упраздненный за ненадобностью пост министра недр, заложил несколько рудников и прославил Арканар удивительными сплавами, секрет которых был утерян после его смерти. А Пэпин Славный вплоть до недавнего времени руководил государственным просвещением, пока министерство истории и словесности, возглавляемое им, не было признано вредным и растлевающим умы.

Бывало, конечно, и раньше, что художника или ученого, неугодного королевской фаворитке, тупой и сладострастной особе, продавали за границу или травили мышьяком, но только дон Рэба взялся за дело по-настоящему. За годы своего пребывания на посту всесильного министра охраны короны он произвел в мире арканарской культуры такие опустошения, что вызвал неудовольствие даже у некоторых благородных вельмож, заявлявших, что двор стал скучен и во время балов ничего не слышишь, кроме глупых сплетен.

Багир Киссэнский, обвиненный в помешательстве, граничащем с государственным преступлением, был брошен в застенок и лишь с большим трудом вызволен Руматой и переправлен в метрополию. Обсерватория его сгорела, а уцелевшие ученики разбежались кто куда. Лейб-знахарь Тата вместе с пятью другими лейб-знахарями оказался вдруг отравителем, злоумышлявшим по наущению герцога Ируканского против особы короля, под пыткой признался во всем и был повешен

на Королевской площади. Пытаясь спасти его, Румата роздал тридцать килограммов золота, потерял четырех агентов (благородных донов, не ведавших, что творят), едва не попался сам, раненный во время попытки отбить осужденных, но сделать ничего не смог. Это было его первое поражение, после которого он понял, наконец, что дон Рэба фигура не случайная. Узнав через неделю, что алхимика Синду намереваются обвинить в сокрытии от казны тайны философского камня, Румата, разъяренный поражением, устроил у дома алхимика засаду, сам, обернув лицо черной тряпкой, обезоружил штурмовиков, явившихся за алхимиком, побросал их, связанных, в подвал и в ту же ночь выпроводил так ничего и не понявшего Синду в пределы Соана, где тот, пожав плечами, и остался продолжать поиски философского камня под наблюдением дона Кондора. Поэт Пэпин Славный вдруг постригся в монахи и удалился в уединенный монастырь. Цурэн Правдивый, изобличенный в преступной двусмысленности и потакании вкусам низших сословий, был лишен чести и имущества, пытался спорить, читал в кабаках теперь уже откровенно разрушительные баллады, дважды был смертельно бит патриотическими личностями и только тогда поддался уговорам своего большого друга и ценителя дона Руматы и уехал в метрополию. Румата навсегда запомнил его, иссиня-бледного от пьянства, как он стоит, вцепившись тонкими руками в ванты, на палубе уходящего корабля и звонким, молодым голосом выкрикивает свой прощальный сонет «Как лист увядший падает на душу». Что же касается Гура Сочинителя, то после беседы в кабинете дона Рэбы он понял, что Арканарский принц не мог полюбить вражеское отродье, сам бросал на Королевской площади свои книги в огонь и теперь, сгорбленный, с мертвым лицом, стоял во время королевских выходов в толпе придворных и по чуть заметному жесту дона Рэбы выступал вперед со стихами ультрапатриотического содержания, вызывающими тоску и зевоту. Артисты ставили теперь одну и ту же пьесу — «Гибель варваров,

или Маршал Тоц, король Пиц Первый Арканарский». А певцы предпочитали в основном концерты для голоса с оркестром. Оставшиеся в живых художники малевали вывески. Впрочем, двое или трое ухитрились остаться при дворе и рисовали портреты короля с доном Рэбой, почтительно поддерживающим его под локоть (разнообразие не поощрялось: король изображался двадцатилетним красавцем в латах, а дон Рэба — зрелым мужчиной со значительным лицом).

Да, арканарский двор стал скучен. Тем не менее вельможи, благородные доны без занятий, гвардейские офицеры и легкомысленные красавицы доны — одни из тщеславия, другие по привычке, третьи из страха — по-прежнему каждое утро наполняли дворцовые приемные. Говоря по чести, многие вообще не заметили никаких перемен. В концертах и состязаниях поэтов прошлых времен они более всего ценили антракты, во время которых благородные доны обсуждали достоинства легавых, рассказывали анекдоты. Они еще были способны на не слишком продолжительный диспут о свойствах существ потустороннего мира, но уж вопросы о форме планеты и о причинах эпидемий полагали попросту неприличными. Некоторое уныние вызывало у гвардейских офицеров исчезновение художников, среди которых были мастера изображать обнаженную натуру...

Румата явился во дворец, слегка запоздав. Утренний прием уже начался. В залах толпился народ, слышался раздраженный голос короля и раздавались мелодичные команды министра церемоний, распоряжающегося одеванием его величества. Придворные в основном обсуждали ночное происшествие. Некий преступник с лицом ируканца проник ночью во дворец, вооруженный стилетом, убил часового и ворвался в опочивальню его величества, где якобы и был обезоружен лично доном Рэбой, схвачен и по дороге в Веселую Башню разорван в клочья обезумевшей от преданности толпой патриотов. Это было уже шестое покушение за последний месяц, и потому сам факт покушения инте-

реса почти не вызвал. Обсуждались только детали. Румата узнал, что при виде убийцы его величество приподнялся на ложе, заслонив собою прекрасную дону Мидару, и произнес исторические слова: «Пшел вон, мерзавец!» Большинство охотно верило в исторические слова, полагая, что король принял убийцу за лакея. И все сходились во мнении, что дон Рэба, как всегда, начеку и несравненен в рукопашной схватке. Румата в приятных выражениях согласился с этим мнением и в ответ рассказал только что выдуманную историю о том, как на дона Рэбу напали двенадцать разбойников, троих он уложил на месте, а остальных обратил в бегство. История была выслушана с большим интересом и одобрением, после чего Румата как бы случайно заметил, что историю эту рассказал ему дон Сэра. Выражение интереса немедленно исчезло с лиц присутствующих, ибо каждому было известно, что дон Сэра — знаменитый дурак и враль. О доне Окане никто не говорил ни слова. Об этом либо еще не знали, либо делали вид, что не знают.

Рассыпая любезности и пожимая ручки дамам, Румата мало-помалу продвигался в первые ряды разряженной, надушенной, обильно потеющей толпы. Благородное дворянство вполголоса беседовало. «Вот-вот, та самая кобыла. Она засекалась, но будь я проклят, если не проиграл ее тем же вечером дону Кэу...» «Что же касается бедер, благородный дон, то они необыкновенной формы. Как это сказано у Цурэна... М-м-м... Горы пены прохладной... м-м-м... нет, холмы прохладной пены... В общем, мощные бедра». «Тогда я тихонько открываю окно, беру кинжал в зубы и, представьте себе, мой друг, чувствую, что решетка подо мной прогибается...», «Я съездил ему по зубам эфесом меча, так что эта серая собака дважды перевернулась через голову. Вы можете полюбоваться на него, вон он стоит с таким видом, будто имеет на это право...», «А дон Тамэо наблевал на пол, поскользнулся и упал головой в камин...», «...Вот монах ей и говорит: «Расскажи-ка мне, красавица, твой сон... га-га-га!..»

Ужасно обидно, думал Румата. Если меня сейчас убьют, эта колония простейших будет последним, что я вижу в своей жизни. Только внезапность. Меня спасет внезапность. Меня и Будаха. Улучить момент и внезапно напасть. Захватить врасплох, не дать ему раскрыть рта, не дать убить меня, мне совершенно незачем умирать.

Он пробрался к дверям опочивальни и, придерживая обеими руками мечи, слегка согнув по этикету ноги в коленях, приблизился к королевской постели. Королю натягивали чулки. Министр церемоний затаив дыхание внимательно следил за ловкими руками двух камердинеров. Справа от развороченного ложа стоял дон Рэба, неслышно беседуя с длинным костлявым человеком в военной форме серого бархата. Это был отец Цупик, один из вождей арканарских штурмовиков, полковник дворцовой охраны. Дон Рэба был опытным придворным. Судя по его лицу, речь шла не более чем о статьях кобылы или о добродетельном поведении королевской племянницы. Отец же Цупик, как человек военный и бывший бакалейщик, лицом владеть не умел. Он мрачнел, кусал губу, пальцы его на рукояти меча сжимались и разжимались; и в конце концов он вдруг дернул щекой, резко повернулся и, нарушая все правила, пошел вон из опочивальни прямо на толпу оцепеневших от такой невоспитанности придворных. Дон Рэба, извинительно улыбаясь, поглядел ему вслед, а Румата, проводив глазами нескладную серую фигуру, подумал: «Вот и еще один покойник». Ему было известно о трениях между доном Рэбой и серым руководством. История коричневого капитана Эрнста Рема готова была повториться.

Чулки были натянуты. Камердинеры, повинуясь мелодичному приказу министра церемоний, благоговейно, кончиками пальцев, взялись за королевские туфли. Тут король, отпихнув камердинеров ногами, так резко повернулся к дону Рэбе, что живот его, похожий на туго набитый мешок, перекатился на одно колено.

— Мне надоели ваши покушения! — истерически завизжал он. — Покушения! Покушения! Покушения!..

Ночью я хочу спать, а не сражаться с убийцами! Почему нельзя сделать, чтобы они покушались днем? Вы дрянной министр, Рэба! Еще одна такая ночь, и я прикажу вас удавить! (Дон Рэба поклонился, прижимая руку к сердцу.) После покушений у меня болит голова!

Он внезапно замолчал и тупо уставился на свой живот. Момент был подходящий. Камердинеры замешкались. Прежде всего следовало обратить на себя внимание. Румата вырвал у камердинера правую туфлю, опустился перед королем на колено и стал почтительно насаживать туфлю на жирную, обтянутую шелком ногу. Такова была древнейшая привилегия рода Руматы — собственноручно обувать правую ногу коронованных особ Империи. Король мутно смотрел на него. В глазах его вспыхнул огонек интереса.

— А, Румата! — сказал он. — Вы еще живы? А Рэба обещал мне удавить вас! — Он захихикал. — Он дрянной министр, этот Рэба. Он только и делает, что обещает. Обещал искоренить крамолу, а крамола растет. Каких-то серых мужланов понапихал во дворец... Я болен, а он всех лейб-знахарей поперевешал.

Румата кончил надевать туфлю и, поклонившись, отступил на два шага. Он поймал на себе внимательный взгляд дона Рэбы и поспешил придать лицу высокомерно-тупое выражение.

— Я совсем больной, — продолжал король, — у меня же все болит. Я хочу на покой. Я бы уже давно ушел на покой, так вы же все пропадете без меня, бараны...

Ему надели вторую туфлю. Он встал и сейчас же охнул, скривившись, и схватился за колено.

— Где знахари? — завопил он горестно. — Где мой добрый Тата? Вы повесили его, дурак! А мне от одного его голоса становилось легче! Молчите, я сам знаю, что он отравитель! И плевать я на это хотел! Что тут такого, что он отравитель? Он был зна-а-а-ахарь! Понимаете, убийца? Знахарь! Одного отравит, другого вылечит! А вы только травите! Лучше бы вы сами

повесились! (Дон Рэба поклонился, прижимая руку к сердцу, и остался в таком положении.) Ведь всех же повесили! Остались одни ваши шарлатаны! И попы, которые поят меня святой водой вместо лекарства... Кто составит микстуру? Кто разотрет мне ногу мазью?

— Государь! — во весь голос сказал Румата, и ему показалось, что во дворце все замерло. — Вам стоит приказать, и лучший лекарь Империи будет во дворце через полчаса!

Король оторопело уставился на него. Риск был страшный. Дону Рэбе стоило только мигнуть... Румата физически ощутил, сколько пристальных глаз смотрят сейчас на него поверх оперения стрел, — он-то знал, зачем идут под потолком спальни ряды круглых черных отдушин. Дон Рэба тоже смотрел на него с выражением вежливого и благожелательного любопытства.

— Что это значит? — брюзгливо осведомился король. — Ну, приказываю, ну, где ваш лекарь?

Румата весь напрягся. Ему казалось, что наконечники стрел уже колют его лопатки.

— Государь, — быстро сказал он, — прикажите дону Рэбе представить вам знаменитого доктора Будаха!

Видимо, дон Рэба все-таки растерялся. Главное было сказано, а Румата был жив. Король перекатил мутные глаза на министра охраны короны.

— Государь, — продолжал Румата, теперь уже не торопясь и надлежащим слогом. — Зная о ваших поистине невыносимых страданиях и памятуя о долге моего рода перед государями, я выписал из Ирукана знаменитого высокоученого лекаря доктора Будаха. К сожалению, однако, путь доктора Будаха был прерван. Серые солдаты уважаемого дона Рэбы захватили его на прошлой неделе, и дальнейшая его судьба известна одному только дону Рэбе. Я полагаю, что лекарь где-то поблизости, скорее всего в Веселой Башне, и я надеюсь, что странная неприязнь дона Рэбы к лекарям еще не отразилась роковым образом на судьбе доктора Будаха.

Румата замолчал, сдерживая дыхание. Кажется, все обошлось превосходно. Держись, дон Рэба! Он взглянул на министра — и похолодел. Министр охраны короны нисколько не растерялся. Он кивал Румате с ласковой отеческой укоризной. Этого Румата никак не ожидал. Да он в восторге, ошеломленно подумал Румата. Зато король вел себя, как ожидалось.

— Мошенник! — заорал он. — Удавлю! Где док тор? Где доктор, я вас спрашиваю! Молчать! Я вас спрашиваю, где доктор?

Дон Рэба выступил вперед, приятно улыбаясь.

— Ваше величество, — сказал он, — вы поистине счастливый государь, ибо у вас так много верных подданных, что они порой мешают друг другу в стремлении услужить вам. (Король тупо смотрел на него.) Не скрою, как и все, происходящее в вашей стране, был мне известен и благородный замысел пылкого дона Руматы. Не скрою, что я выслал навстречу доктору Будаху наших серых солдат — исключительно для того, чтобы уберечь почтенного пожилого человека от случайностей дальней дороги. Не буду я скрывать и того, что не торопился представить Будаха Ируканского вашему величеству...

— Как же это вы осмелились? — укоризненно спросил король.

— Ваше величество, дон Румата молод и столь же неискушен в политике, сколь многоопытен в благородной схватке. Ему и невдомек, на какую низость способен герцог Ируканский в своей бешеной злобе против вашего величества. Но мы-то с вами это знаем, государь, не правда ли? (Король покивал.) И поэтому я счел необходимым произвести предварительно небольшое расследование. Я бы не стал торопиться, но если вы, ваше величество (низкий поклон королю), и дон Румата (кивок в сторону Руматы) так настаиваете, то сегодня же после обеда доктор Будах, ваше величество, предстанет перед вами, чтобы начать курс лечения.

— А вы не дурак, дон Рэба, — сказал король, подумав. — Расследование — это хорошо. Это никогда

не помешает. Проклятый ируканец... — Он взвыл и снова схватился за колено. — Проклятая нога! Так, значит, после обеда? Будем ждать, будем ждать.

И король, опираясь на плечо министра церемоний, медленно прошел в тронный зал мимо ошеломленного Руматы. Когда он погрузился в толпу расступающихся придворных, дон Рэба приветливо улыбнулся Румате и спросил:

— Сегодня ночью вы, кажется, дежурите при опочивальне принца? Я не ошибаюсь?

Румата молча поклонился.

Румата бесцельно брел по бесконечным коридорам и переходам дворца, темным, сырым, провонявшим аммиаком и гнилью, мимо роскошных, убранных коврами комнат, мимо запыленных кабинетов с узкими зарешеченными окнами, мимо кладовых, заваленных рухлядью с ободранной позолотой. Людей здесь почти не было. Редкий придворный рисковал посещать этот лабиринт в тыльной части дворца, где королевские апартаменты незаметно переходили в канцелярии министерства охраны короны. Здесь было легко заблудиться. Все помнили случай, когда гвардейский патруль, обходивший дворец по периметру, был напуган истошными воплями человека, тянувшего к нему сквозь решетку амбразуры исцарапанные руки. «Спасите меня! — кричал человек. — Я камер-юнкер! Я не знаю, как выбраться! Я два дня ничего не ел! Возьмите меня отсюда!» (Десять дней между министром финансов и министром двора шла оживленная переписка, после чего решено было все-таки выломать решетку, и на протяжении этих десяти дней несчастного камер-юнкера кормили, подавая ему мясо и хлеб на кончике пики.) Кроме того, здесь было небезопасно. В тесных коридорах сталкивались подвыпившие гвардейцы, охранявшие особу короля, и подвыпившие штурмовики, охранявшие министерство. Резались отчаянно, а удовлетворившись, расходились, унося раненых. Наконец, здесь бродили и убиенные. За два века их накопилось во дворце порядочно.

Из глубокой ниши в стене выступил штурмовик-часовой с топором наготове.

— Не велено, — мрачно объявил он.

— Что ты понимаешь, дурак! — небрежно сказал Румата, отводя его рукой.

Он слышал, как штурмовик нерешительно топчется сзади, и вдруг поймал себя на мысли о том, что оскорбительные словечки и небрежные жесты получаются у него рефлекторно, что он уже не играет высокородного хама, а в значительной степени стал им. Он представил себя таким на Земле, и ему стало мерзко и стыдно. Почему? Что со мной произошло? Куда исчезло воспитанное и взлелеянное с детства уважение и доверие к себе подобным, к человеку, к замечательному существу, называемому «человек»? А ведь мне уже ничто не поможет, подумал он с ужасом. Ведь я же их по-настоящему ненавижу и презираю... Не жалею, нет — ненавижу и презираю. Я могу сколько угодно оправдывать тупость и зверство этого парня, мимо которого я сейчас проскочил, социальные условия, жуткое воспитание, все, что угодно, но я теперь отчетливо вижу, что это мой враг, враг всего, что я люблю, враг моих друзей, враг того, что я считаю самым святым. И ненавижу я его не теоретически, не как «типичного представителя», а его самого, его как личность. Ненавижу его слюнявую морду, вонь его немытого тела, его слепую веру, его злобу ко всему, что выходит за пределы половых отправлений и выпивки. Вот он топчется, этот недоросль, которого еще полгода назад толстопузый папаша порол, тщась приспособить к торговле лежалой мукой и засахарившимся вареньем, сопит, стоеросовая дубина, мучительно пытаясь вспомнить параграфы скверно вызубренного устава, и никак не может сообразить, нужно ли рубить благородного дона топором, орать ли «караул!» или просто махнуть рукой — все равно никто не узнает. И он махнет на все рукой, вернется в свою нишу, сунет в пасть ком жевательной коры и будет чавкать, пуская слюни и причмокивая. И ничего на свете он не хочет знать, и ни о чем на свете он не хочет

думать. Думать! А чем лучше орел наш дон Рэба? Да, конечно, его психология запутанней и рефлексы сложней, но мысли его подобны вот этим пропахшим аммиаком и преступлениями лабиринтам дворца, и он совершенно уже невыразимо гнусен — страшный преступник и бессовестный паук. Я пришел сюда любить людей, помочь им разогнуться, увидеть небо. Нет, я плохой разведчик, подумал он с раскаянием. Я никуда не годный историк. И когда это я успел провалиться в трясину, о которой говорил дон Кондор? Разве бог имеет право на какое-нибудь чувство, кроме жалости?

Позади раздалось торопливое бух-бух-бух сапогами по коридору. Румата повернулся и опустил руки крестнакрест на рукоятки мечей. К нему бежал дон Рипат, придерживая на боку клинок.

— Дон Румата!.. Дон Румата!.. — закричал он еще издали хриплым шепотом.

Румата оставил мечи. Подбежав к нему, дон Рипат огляделся и проговорил едва слышно на ухо:

— Я вас ищу уже целый час. Во дворце Вага Колесо! Разговаривает с доном Рэбой в лиловых покоях.

Румата даже зажмурился на секунду. Затем, осторожно отстранившись, сказал с вежливым удивлением:

— Вы имеете в виду знаменитого разбойника? Но ведь он не то казнен, не то вообще выдуман.

Лейтенант облизнул сухие губы.

— Он существует. Он во дворце... Я думал, вам будет интересно.

— Милейший дон Рипат, — внушительно сказал Румата, — меня интересуют слухи. Сплетни. Анекдоты... Жизнь так скучна... Вы меня, очевидно, неправильно понимаете... (Лейтенант смотрел на него безумными глазами.) Посудите сами — какое мне дело до нечистоплотных связей доны Рэбы, которого, впрочем, я слишком уважаю, чтобы как-то судить?.. И потом, простите, я спешу... Меня ждет дама.

Дон Рипат снова облизнул губы, неловко поклонился и боком пошел прочь. Румату вдруг осенила счастливая мысль.

— Кстати, мой друг, — приветливо окликнул он. — Как вам понравилась небольшая интрига, которую мы провели сегодня утром с доном Рэбой?

Дон Рипат с готовностью остановился.

— Мы очень удовлетворены, — сказал он.

— Не правда ли, это было очень мило?

— Это было великолепно! Серое офицерство очень радо, что вы, наконец, открыто приняли нашу сторону. Такой умный человек, как вы, дон Румата, и якшается с баронами, с благородными выродками...

— Мой дорогой Рипат! — высокомерно сказал Румата, поворачиваясь, чтобы идти. — Вы забываете, что с высоты моего происхождения не видно никакой разницы даже между королем и вами. До свиданья.

Он широко зашагал по коридорам, уверенно сворачивая в поперечные проходы и молча отстраняя часовых. Он плохо представлял себе, что собирается сделать, но он понимал, что это удивительная, редкостная удача. Он должен слышать разговор между двумя пауками. Недаром дон Рэба обещал за живого Вагу в четырнадцать раз больше, чем за Вагу мертвого...

Из-за лиловых портьер ему навстречу выступили два серых лейтенанта с клинками наголо.

— Здравствуйте, друзья, — сказал дон Румата, останавливаясь между ними. — Министр у себя?

— Министр занят, дон Румата, — сказал один из лейтенантов.

— Я подожду, — сказал Румата и прошел под портьеры.

Здесь было непроглядно темно. Румата ощупью пробирался среди кресел, столов и чугунных подставок для светильников. Несколько раз он явственно слышал чье-то сопение над ухом, и его обдавало густым чесночно-пивным духом. Потом он увидел слабую полоску света, расслышал знакомый гнусавый тенорок почтенного Ваги и остановился. В ту же секунду острие копья осторожно уперлось ему между лопатками. «Тише, болван, — сказал он раздраженно, но негромко. — Это я, дон Румата». Копье отодвинулось, Румата

подтащил кресло к полоске света, сел, вытянув ноги, и зевнул так, чтобы было слышно. Затем он стал смотреть.

Пауки встретились. Дон Рэба сидел в напряженной позе, положив локти на стол и сплетя пальцы. Справа от него лежал на куче бумаг тяжелый метательный нож с деревянной рукоятью. На лице министра была приятная, хотя и несколько оцепенелая улыбка. Почтенный Вага сидел на софе спиной к Румате. Он был похож на старого чудаковатого вельможу, проведшего последние тридцать лет безвыездно в своем загородном дворце.

— Выстребаны обстряхнутся, — говорил он, — и дутой чернушенькой объятно хлюпнут по маргазам. Это уже двадцать длинных хохарей. Марко было бы туknуть по пестрякам. Да хохари облыго ружуют. На том и покалим сростень. Это наш примар...

Дон Рэба пощупал бритый подбородок.

— Студно туково, — задумчиво сказал он.

Вага пожал плечами.

— Таков наш примар. С нами габузиться для вашего оглода не сростно. По габарям?

— По габарям, — решительно сказал министр охраны короны.

— И пей круг, — произнес Вага, поднимаясь.

Румата, оторопело слушавший эту галиматью, обнаружил на лице Ваги пушистые усы и острую седую бородку. Настоящий придворный времен прошлого регентства.

— Приятно было побеседовать, — сказал Вага.

Дон Рэба тоже встал.

— Беседа с вами доставила мне огромное удовольствие, — сказал он. — Я впервые вижу такого смелого человека, как вы, почтенный...

— Я тоже, — скучным голосом сказал Вага. — Я тоже поражаюсь и горжусь смелостью первого министра нашего королевства.

Он повернулся к дону Рэбе спиной и побрел к выходу, опираясь на жезл. Дон Рэба, не спуская с

него задумчивого взгляда, рассеянно положил пальцы на рукоять ножа. Сейчас же за спиной Руматы кто-то страшно задышал, и длинный коричневый ствол духовой трубки просунулся мимо его уха к щели между портьерами. Секунду дон Рэба стоял, словно прислушиваясь, затем сел, выдвинул ящик стола, извлек кипу бумаг и погрузился в чтение. За спиной Руматы сплюнули, трубка убралась. Все было ясно. Пауки договорились. Румата встал и, наступая на чьи-то ноги, начал пробираться обратно к выходу из лиловых покоев.

Король обедал в огромной двусветной зале. Тридцатиметровый стол накрывался на сто персон: сам король, дон Рэба, особы королевской крови (два десятка полнокровных личностей, обжор и выпивох), министры двора и церемоний, группа родовитых аристократов, приглашаемых традиционно (в том числе и Румата), дюжина заезжих баронов с дубоподобными баронетами и на самом дальнем конце стола — всякая аристократическая мелочь, правдами и неправдами добившаяся приглашения за королевский стол. Этих последних, вручая им приглашение и номерок на кресло, предупреждали: «Сидите неподвижно, король не любит, когда вертятся. Руки держите на столе, король не любит, когда руки прячут под стол. Не оглядывайтесь, король не любит, когда оглядываются». За каждым таким обедом пожиралось огромное количество тонкой пищи, выпивались озера старинных вин, разбивалась и портилась масса посуды знаменитого эсторского фарфора. Министр финансов в одном из своих докладов королю похвастался, что один-единственный обед его величества стоит столько же, сколько полугодовое содержание Соанской Академии наук.

В ожидании, когда министр церемоний под звуки труб трижды провозгласит «к столу!», Румата стоял в группе придворных и в десятый раз слушал рассказ дона Тамэо о королевском обеде, на котором он, дон Тамэо, имел честь присутствовать полгода назад.

— ...Я нахожу свое кресло, мы стоим, входит король, садится, садимся и мы. Обед идет своим чередом. И вдруг, представьте себе, дорогие доны, я чувствую, что подо мной мокро... Мокро! Ни повернуться, ни поерзать, ни пощупать рукой я не решаюсь. Однако, улучив момент, я запускаю руку под себя — и что же? Действительно мокро! Нюхаю пальцы — нет, ничем особенным не пахнет. Что за притча! Между тем обед кончается, все встают, а мне, представьте себе, благородные доны, встать как-то страшно... Я вижу, что ко мне идет король — король! — но продолжаю сидеть на месте, словно барон-деревенщина, не знающий этикета. Его величество подходит ко мне, милостиво улыбается и кладет руку мне на плечо. «Мой дорогой дон Тамэо, — говорит он, — мы уже встали и идем смотреть балет, а вы все еще сидите. Что с вами, уж не объелись ли вы?» — «Ваше величество, — говорю я, — отрубите мне голову, но подо мной мокро». Его величество изволил рассмеяться и приказал мне встать. Я встал — и что же? Кругом хохот! Благородные доны, я весь обед просидел на ромовом торте! Его величество изволил очень смеяться. «Рэба, Рэба, — сказал, наконец, он, — это все ваши шутки! Извольте почистить благородного дона, вы испачкали ему седалище!» Дон Рэба, заливаясь смехом, вынимает кинжал и принимается счищать торт с моих штанов. Вы представляете мое состояние, благородные доны? Не скрою, я трясся от страха при мысли о том, что дон Рэба, униженный при всех, отомстит мне. К счастью, все обошлось. Уверяю вас, благородные доны, это самое счастливое впечатление моей жизни! Как смеялся король! Как был доволен его величество!

Придворные хохотали. Впрочем, такие шутки были в обычае за королевским столом. Приглашенных сажали в паштеты, в кресла с подпиленными ножками, на гусиные яйца. Саживали и на отравленные иглы. Король любил, чтобы его забавляли. Румата вдруг подумал: любопытно, как бы я поступил на месте этого идиота? Боюсь, что королю пришлось бы искать себе другого министра охраны, а Институту пришлось бы

прислать в Арканар другого человека. В общем, надо быть начеку. Как наш орел дон Рэба...

Загремели трубы, мелодично взревел министр церемоний, вошел, прихрамывая, король, и все стали рассаживаться. По углам залы, опершись на двуручные мечи, неподвижно стояли дежурные гвардейцы. Румате достались молчаливые соседи. Справа заполняла кресло трясущаяся туша угрюмого обжоры дона Пифы, супруга известной красавицы, слева бессмысленно смотрел в пустую тарелку Гур Сочинитель. Гости замерли, глядя на короля. Король затолкал за ворот сероватую салфетку, окинул взглядом блюда и схватил куриную ножку. Едва он впился в нее зубами, как сотня ножей с лязгом опустилась на тарелки и сотня рук протянулась над блюдами. Зал наполнился чавканьем и сосущими звуками, забулькало вино. У неподвижных гвардейцев с двуручными мечами алчно зашевелились усы. Когда-то Румату тошнило на этих обедах. Сейчас он привык.

Разделывая кинжалом баранью лопатку, он покосился направо и сейчас же отвернулся: дон Пифа висел над целиком зажаренным кабаном и работал, как землеройный автомат. Костей после него не оставалось. Румата задержал дыхание и залпом осушил стакан ируканского. Затем он покосился налево. Гур Сочинитель вяло ковырял ложкой в блюдечке с салатом.

— Что нового пишете, отец Гур? — спросил Румата вполголоса.

Гур вздрогнул.

— Пишу?.. Я?.. Не знаю... Много.

— Стихи?

— Да... стихи...

— У вас отвратительные стихи, отец Гур (Гур странно посмотрел на него.) Да-да, вы не поэт.

— Не поэт... Иногда я думаю, кто же я? И чего я боюсь? Не знаю.

— Глядите в тарелку и продолжайте кушать. Я вам скажу, кто вы. Вы гениальный сочинитель, открыватель

новой и самой плодотворной дороги в литературе. (На щеках Гура медленно выступил румянец.) Через сто лет, а может быть и раньше, по вашим следам пойдут десятки сочинителей.

— Спаси их господь! — вырвалось у Гура.

— Теперь я скажу вам, чего вы боитесь.

— Я боюсь тьмы.

— Темноты?

— Темноты тоже. В темноте мы во власти призраков. Но больше всего я боюсь тьмы, потому что во тьме все становятся одинаково серыми.

— Отлично сказано, отец Гур. Между прочим, можно еще достать ваше сочинение?

— Не знаю... И не хочу знать.

— На всякий случай знайте: один экземпляр находится в метрополии, в библиотеке императора. Другой хранится в Музее раритетов в Соане. Третий — у меня.

Гур трясущейся рукой положил себе ложку желе.

— Я... не знаю... — Он с тоской посмотрел на Румату огромными запавшими глазами. — Я хотел бы почитать... перечитать...

— Я с удовольствием ссужу вам...

— И потом?..

— Потом вы вернете.

— И потом вам вернут! — резко сказал Гур.

Румата покачал головой.

— Дон Рэба очень напугал вас, отец Гур.

— Напугал... Вам приходилось когда-нибудь жечь собственных детей? Что вы знаете о страхе, благородный дон!..

— Я склоняю голову перед тем, что вам пришлось пережить, отец Гур. Но я от души осуждаю вас за то, что вы сдались.

Гур Сочинитель вдруг принялся шептать так тихо, что Румата едва слышал его сквозь чавканье и гул голосов:

— А зачем все это?.. Что такое правда?.. Принц Хаар действительно любил прекрасную меднокожую

Яиневнивору... У них были дети... Я знаю их внука... Ее действительно отравили... Но мне объяснили, что это ложь... Мне объяснили, что правда — это то, что сейчас во благо королю... Все остальное ложь и преступление. Всю жизнь я писал ложь... И только сейчас я пишу правду...

Он вдруг встал и громко нараспев выкрикнул:

Велик и славен, словно вечность,
Король, чье имя — Благородство!
И отступила бесконечность,
И уступило первородство!

Король перестал жевать и тупо уставился на него. Гости втянули головы в плечи. Только дон Рэба улыбнулся и несколько раз беззвучно хлопнул в ладоши. Король выплюнул на скатерть кости и сказал:

— Бесконечность?.. Верно. Правильно, уступила... Хвалю. Можешь кушать.

Чавканье и разговоры возобновились. Гур сел.

— Легко и сладостно говорить правду в лицо королю, — сипло проговорил он.

Румата промолчал.

— Я передам вам экземпляр вашей книги, отец Гур, — сказал он. — Но с одним условием. Вы немедленно начнете писать следующую книгу.

— Нет, — сказал Гур. — Поздно. Пусть Киун пишет. Я отравлен. И вообще все это меня больше не интересует. Сейчас я хочу только одного — научиться пить. И не могу... Болит желудок...

Еще одно поражение, подумал Румата. Опоздал.

— Послушайте, Рэба, — сказал вдруг король. — А где же лекарь? Вы обещали мне лекаря после обеда.

— Он здесь, ваше величество, — сказал дон Рэба. — Велите позвать?

— Велю? Еще бы! Если бы у вас так болело колено, вы бы визжали, как свинья!.. Давайте его сюда немедленно!

Румата откинулся на спинку кресла и приготовился смотреть. Дон Рэба поднял руку над головой и щелкнул пальцами. Дверь отворилась, и в залу, непрерывно кланяясь, вошел сгорбленный пожилой человек в долгополой мантии, украшенной изображениями серебряных пауков, звезд и змей. Под мышкой он держал плоскую продолговатую сумку. Румата был озадачен: он представлял себе Будаха совсем не таким. Не могло быть у мудреца и гуманиста, автора всеобъемлющего «Трактата о ядах» таких бегающих выцветших глазок, трясущихся от страха губ, жалкой, заискивающей улыбки. Но он вспомнил Гура Сочинителя. Вероятно, следствие над подозреваемым ируканским шпионом стоило литературной беседы в кабинете дона Рэбы. Взять Рэбу за ухо, подумал он сладостно. Притащить его в застенок. Сказать палачам: «Вот ируканский шпион, переодевшийся нашим славным министром, король велел выпытать у него, где настоящий министр, делайте свое дело, и горе вам, если он умрет раньше чем через неделю...» Он даже прикрылся рукой, чтобы никто не видел его лица. Что за страшная штука ненависть...

— Ну-ка, ну-ка, пойди сюда, лекарь, — сказал король. — Экий ты, братец, мозгляк. А ну-ка приседай, приседай, говорят тебе!

Несчастный Будах начал приседать. Лицо его исказилось от ужаса.

— Еще, еще, — гнусавил король. — Еще разок! Еще! Коленки не болят, вылечил-таки свои коленки. А покажи зубы! Та-ак, ничего зубы. Мне бы такие... И руки ничего, крепкие. Здоровый, здоровый, хотя и мозгляк... Ну давай, голубчик, лечи, чего стоишь...

— Ва-ваше величество... со-соизволит показать ножку... Ножку... — услыхал Румата. Он поднял глаза.

Лекарь стоял на коленях перед королем и осторожно мял его ногу.

— Э... Э! — сказал король. — Так что это? Ты не хватай! Взялся лечить, так лечи!

— Мне все по-понятно, ваше величество, — пробормотал лекарь и принялся торопливо копаться в своей сумке.

Гости перестали жевать. Аристократики на дальнем конце стола даже привстали и вытянули шеи, сгорая от любопытства.

Будах достал из сумки несколько каменных флаконов, откупорил их и, поочередно нюхая, расставил в ряд на столе. Затем он взял кубок короля и налил до половины вином. Произведя над кубком пассы обеими руками и прошептав заклинания, он быстро опорожнил в вино все флаконы. По залу распространился явственный запах нашатырного спирта. Король поджал губы, заглянул в кубок и, скривив нос, посмотрел на дона Рэбу. Министр сочувственно улыбнулся. Придворные затаили дыхание.

Что он делает, удивленно подумал Румата, ведь у старика подагра! Что он там намешал? В трактате ясно сказано: растирать опухшие сочленения настоем на трехдневном яде белой змеи Ку. Может быть, это для растирания?

— Это что, растирать? — спросил король, опасливо кивая на кубок.

— Отнюдь нет, ваше величество, — сказал Будах. Он уже немного оправился. — Это внутрь.

— Вну-утрь? — Король надулся и откинулся в кресле. — Я не желаю внутрь. Растирай.

— Как угодно, ваше величество, — покорно сказал Будах. — Но осмелюсь предупредить, что от растирания пользы не будет никакой.

— Почему-то все растирают, — брюзгливо сказал король, — а тебе обязательно надо вливать в меня эту гадость.

— Ваше величество, — сказал Будах, гордо выпрямившись, — это лекарство известно одному мне! Я вылечил им дядю герцога Ируканского. Что же касается растирателей, то ведь они не вылечили вас, ваше величество...

Король посмотрел на дона Рэбу. Дон Рэба сочувственно улыбнулся.

— Мерзавец ты, — сказал король лекарю неприятным голосом. — Мужичонка. Мозгляк паршивый. — Он взял кубок. — Вот как тресну тебя кубком по зубам... — Он заглянул в кубок. — А если меня вытошнит?

— Придется повторить, ваше величество, — скорбно произнес Будах.

— Ну ладно, с нами бог! — сказал король и поднес было кубок ко рту, но вдруг так резко отстранил его, что плеснул на скатерть. — А ну, выпей сначала сам! Знаю я вас, ируканцев, вы святого Мику варварам продали! Пей, говорят!

Будах с оскорбленным видом взял кубок и отпил несколько глотков.

— Ну как? — спросил король.

— Горько, ваше величество, — сдавленным голосом произнес Будах. — Но пить надо.

— На-адо, на-адо... — забрюзжал король. — Сам знаю, что надо. Дай сюда. Ну вот, полкубка вылакал, дорвался...

Он залпом опрокинул кубок. Вдоль стола понеслись сочувственные вздохи — и вдруг все затихло. Король застыл с разинутым ртом. Из глаз его градом посыпались слезы. Он медленно побагровел, затем посинел. Он протянул над столом руку, судорожно щелкая пальцами. Дон Рэба поспешно сунул ему соленый огурец. Король молча швырнул огурцом в дона Рэбу и опять протянул руку.

— Вина... — просипел он.

Кто-то кинулся, подал кувшин. Король, бешено вращая глазами, гулко глотал. Красные струи текли по его белому камзолу. Когда кувшин опустел, король бросил его в Будаха, но промахнулся.

— Стервец! — сказал он неожиданным басом. — Ты за что меня убил? Мало вас вешали! Чтоб ты лопнул!

Он замолчал и потрогал колено.

— Болит! — прогнусавил он прежним голосом. — Все равно болит!

— Ваше величество, — сказал Будах. — Для полного излечения надо пить микстуру ежедневно в течение по крайней мере недели...

В горле у короля что-то пискнуло.

— Вон! — взвизгнул он. — Все вон отсюда!

Придворные, опрокидывая кресла, гурьбой бросились к дверям.

— Во-о-он!.. — истошно вопил король, сметая со стола посуду.

Выскочив из зала, Румата нырнул за какую-то портьеру и стал хохотать. За соседней портьерой тоже хохотали — надрывно, задыхаясь, с повизгиванием.

ГЛАВА 6

На дежурство у опочивальни принца заступали в полночь, и Румата решил зайти домой, чтобы посмотреть, все ли в порядке, и переодеться. Вечерний город поразил его. Улицы были погружены в гробовую тишину, кабаки закрыты. На перекрестках стояли, позвякивая железом, группы штурмовиков с факелами в руках. Они молчали и словно ждали чего-то. Несколько раз к Румате подходили, вглядывались и, узнав, так же молча давали дорогу. Когда до дому оставалось шагов пятьдесят, за ним увязалась кучка подозрительных личностей. Румата остановился, погремел ножнами о ножны, и личности отстали, но сейчас же в темноте заскрипел заряжаемый арбалет. Румата поспешно пошел дальше, прижимаясь к стенам, нашарил дверь, повернул ключ в замке, все время чувствуя свою незащищенную спину, и с облегченным вздохом вскочил в прихожую.

В прихожей собрались все слуги, вооруженные кто чем. Оказалось, что дверь уже несколько раз пробова-

ли. Румате это не понравилось. «Может, не ходить? — подумал он. — Черт с ним, с принцем».

— Где барон Пампа? — спросил он.

Уно, до крайности возбужденный, с арбалетом на плече, ответил, что «барон проснулись еще в полдень, выпили в доме весь рассол и опять ушли веселиться». Затем, понизив голос, он сообщил, что Кира сильно беспокоится и уже не раз спрашивала о хозяине.

— Ладно, — сказал Румата и приказал слугам построиться.

Слуг было шестеро, не считая кухарки, — народ все тертый, привычный к уличным потасовкам. С серыми они, конечно, связываться не станут, испугаются гнева всесильного министра, но против оборванцев ночной армии устоять смогут, тем более что разбойнички в эту ночь будут искать добычу легкую. Два арбалета, четыре секиры, тяжелые мясницкие ножи, железные шапки, двери добротные, окованы, по обычаю, железом... Или, может быть, все-таки не ходить?

Румата поднялся наверх и прошел на цыпочках в комнату Киры. Кира спала одетая, свернувшись калачиком на нераскрытой постели. Румата постоял над нею со светильником. Идти или не идти? Ужасно не хочется идти. Он накрыл ее пледом, поцеловал в щеку и вернулся в кабинет. Надо идти. Что бы там ни происходило, разведчику надлежит быть в центре событий. И историкам польза. Он усмехнулся, снял с головы обруч, тщательно протер мягкой замшей объектив и вновь надел обруч. Потом позвал Уно и велел принести военный костюм и начищенную медную каску. Под камзол, прямо на майку, натянул, ежась от холода, металлопластовую рубашку, выполненную в виде кольчуги (здешние кольчуги неплохо защищали от меча и кинжала, но арбалетная стрела пробивала их насквозь). Затягивая форменный пояс с металлическими бляхами, сказал Уно:

— Слушай меня, малыш. Тебе я доверяю больше всех. Что бы здесь ни случилось, Кира должна остаться живой и невредимой. Пусть сгорит дом, пусть все

деньги разграбят, но Киру ты мне сохрани. Уведи по крышам, по подвалам, как хочешь, но сохрани. Понял?

— Понял, — сказал Уно. — Не уходить бы вам сегодня...

— Ты слушай. Если я через три дня не вернусь, бери Киру и вези ее в сайву, в Икающий лес. Знаешь, где это? Так вот, в Икающем лесу найдешь Пьяную Берлогу, изба такая, стоит недалеко от дороги. Спросишь — покажут. Только смотри, у кого спрашивать. Там будет человек, зовут его отец Кабани. Расскажешь ему все. Понял?

— Понял. А только лучше вам не уходить...

— Рад бы. Не могу: служба... Ну, смотри.

Он легонько щелкнул мальчишку в нос и улыбнулся в ответ на его неумелую улыбку. Внизу он произнес короткую ободряющую речь перед слугами, вышел за дверь и снова очутился в темноте. За его спиной загремели засовы.

Покои принца во все времена охранялись плохо. Возможно, именно поэтому на Арканарских принцев никто никогда не покушался. И уж в особенности не интересовались нынешним принцем. Никому на свете не нужен был этот чахлый голубоглазый мальчик, похожий на кого угодно, только не на своего отца. Мальчишка нравился Румате. Воспитание его было поставлено из рук вон плохо, и потому он был сообразителен, не жесток, терпеть не мог — надо думать, инстинктивно — дона Рэбу, любил громко распевать разнообразные песенки на слова Цурэна и играть в кораблики. Румата выписывал для него из метрополии книжки с картинками, рассказывал про звездное небо и однажды навсегда покорил мальчика сказкой о летающих кораблях. Для Руматы, редко сталкивавшегося с детьми, десятилетний принц был антиподом всех сословий этой дикой страны. Именно из таких обыкновенных голубоглазых мальчишек, одинаковых во всех сословиях, вырастали потом и зверство, и невежество, и покорность, а ведь в них, в детях, не было никаких следов и задатков этой гадости. Иногда он думал, как здорово

было бы, если бы с планеты исчезли все люди старше десяти лет.

Принц уже спал. Румата принял дежурство — постоял рядом со сменяющимся гвардейцем возле спящего мальчика, совершая сложные, требуемые этикетом движения обнаженными мечами, традиционно проверил, все ли окна заперты, все ли няньки на местах, во всех ли покоях горят светильники, вернулся в переднюю, сыграл со сменяющимся гвардейцем партию в кости и поинтересовался, как относится благородный дон к тому, что происходит в городе. Благородный дон, большого ума мужчина, глубоко задумался и высказал предположение, что простой народ готовится к празднованию дня святого Мики.

Оставшись один, Румата придвинул кресло к окну, сел поудобнее и стал смотреть на город. Дом принца стоял на холме, и днем город просматривался отсюда до самого моря. Но сейчас все тонуло во мраке, только виднелись разбросанные кучки огней — где на перекрестках стояли и ждали сигнала штурмовики с факелами. Город спал или притворялся спящим. Интересно, чувствовали ли жители, что сегодня ночью на них надвигается что-то ужасное? Или, как благородный дон большого ума, тоже считали, что кто-то готовится к празднованию дня святого Мики? Двести тысяч мужчин и женщин. Двести тысяч кузнецов, оружейников, мясников, галантерейщиков, ювелиров, домашних хозяек, проституток, монахов, менял, солдат, бродяг, уцелевших книгочеев ворочались сейчас в душных, провонявших клопами постелях: спали, любились, пересчитывали в уме барыши, плакали, скрипели зубами от злости или от обиды... Двести тысяч человек! Было в них что-то общее для пришельца с Земли. Наверное, то, что все они почти без исключений были еще не людьми в современном смысле слова, а заготовками, болванками, из которых только кровавые века истории выточат когда-нибудь настоящего гордого и свободного человека. Они были пассивны, жадны и невероятно, фантастически эгоистичны. Психологически почти все они были

рабами — рабами веры, рабами себе подобных, рабами страстишек, рабами корыстолюбия. И если волею судеб кто-нибудь из них рождался или становился господином, он не знал, что делать со своей свободой. Он снова торопился стать рабом — рабом богатства, рабом противоестественных излишеств, рабом распутных друзей, рабом своих рабов. Огромное большинство из них ни в чем не было виновато. Они были слишком пассивны и слишком невежественны. Рабство их зиждилось на пассивности и невежестве, а пассивность и невежество вновь и вновь порождали рабство. Если бы они все были одинаковы, руки опустились бы и не на что было бы надеяться. Но все-таки они были людьми, носителями искры разума. И постоянно, то тут, то там вспыхивали и разгорались в их толще огоньки неимоверно далекого и неизбежного будущего. Вспыхивали, несмотря ни на что. Несмотря на всю их кажущуюся никчемность. Несмотря на гнет. Несмотря на то, что их затаптывали сапогами. Несмотря на то, что они были не нужны никому на свете и все на свете были против них. Несмотря на то, что в самом лучшем случае они могли рассчитывать на презрительную недоуменную жалость...

Они не знали, что будущее за них, что будущее без них невозможно. Они не знали, что в этом мире страшных призраков прошлого они являются единственной радостью будущего, что они — фермент, витамин в организме общества. Уничтожьте этот витамин, и общество загниет, начнется социальная цинга, ослабеют мышцы, глаза потеряют зоркость, вывалятся зубы. Никакое государство не может развиваться без науки — его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей. Можно сколько угодно преследовать книгочеев, запрещать науки, уничтожать искусства, но рано или поздно приходится спохватываться и

со скрежетом зубовным, но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам. И как бы ни презирали знание эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторической объективности, они могут только притормозить, но не остановить. Презирая и боясь знания, они все-таки неизбежно приходят к поощрению его для того, чтобы удержаться. Рано или поздно им приходится разрешать университеты, научные общества, создавать исследовательские центры, обсерватории, лаборатории, создавать кадры людей мысли и знания, людей, им уже неподконтрольных, людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей. Им нужна новая атмосфера — атмосфера всеобщего и всеобъемлющего познания, пронизанная творческим напряжением, им нужны писатели, художники, композиторы, и серые люди, стоящие у власти, вынуждены идти и на эту уступку. Тот, кто упрямится, будет сметен более хитрыми соперниками в борьбе за власть, но тот, кто делает эту уступку, неизбежно и парадоксально, против своей воли роет тем самым себе могилу. Ибо смертелен для невежественных эгоистов и фанатиков рост культуры народа во всем диапазоне — от естественнонаучных исследований до способности восхищаться большой музыкой... А затем приходит эпоха гигантских социальных потрясений, сопровождающихся невиданным ранее развитием науки и связанным с этим широчайшим процессом интеллектуализации общества, эпоха, когда серость дает последние бои, по жестокости возвращающие человечество к средневековью, в этих боях терпит поражение и исчезает как реальная сила навсегда.

Румата все смотрел на замерший во мраке город. Где-то там, в вонючей каморке, скорчившись на жалком ложе, горел в лихорадке изувеченный отец Тарра, а брат Нанин сидел возле него за колченогим столиком,

пьяный, веселый и злой, и заканчивал свой «Трактат о слухах», с наслаждением маскируя казенными периодами яростную насмешку над серой жизнью. Где-то там слепо бродил в пустых роскошных апартаментах Гур Сочинитель, с ужасом ощущая, как, несмотря ни на что, из глубин его растерзанной, растоптанной души возникают под напором чего-то неведомого и прорываются в сознание яркие миры, полные замечательных людей и потрясающих чувств. И где-то там неведомо как коротал ночь надломленный, поставленный на колени доктор Будах, затравленный, но живой... Братья мои, подумал Румата. Я ваш, мы плоть от плоти вашей! С огромной силой он вдруг почувствовал, что никакой он не бог, ограждающий в ладонях светлячков разума, а брат, помогающий брату, сын, спасающий отца. «Я убью дона Рэбу». — «За что?» — «Он убивает моих братьев». — «Он не ведает, что творит». — «Он убивает будущее». — «Он не виноват, он сын своего века». — «То есть он не знает, что он виноват? Но мало ли чего он не знает? Я, я знаю, что он виноват». — «А что ты сделаешь с отцом Цупиком? Отец Цупик многое бы дал, чтобы кто-нибудь убил дона Рэбу. Молчишь? Многих придется убивать, не так ли?» — «Не знаю, может быть, и многих. Одного за другим. Всех, кто поднимет руку на будущее». — «Это уже было. Травили ядом, бросали самодельные бомбы. И ничего не менялось». — «Нет, менялось. Так создавалась стратегия революции». — «Тебе не нужно создавать стратегию революции. Тебе ведь хочется просто убить». — «Да, хочется». — «А ты умеешь?» — «Вчера я убил дону Окану. Я знал, что убиваю, еще когда шел к ней с пером за ухом. И я жалею только, что убил без пользы. Так что меня уже почти научили». — «А ведь это плохо. Это опасно. Помнишь Сергея Кожина? А Джорджа Лэнни? А Сабину Крюгер?» Румата провел ладонью по влажному лбу. Вот так думаешь, думаешь, думаешь — и в конце концов выдумываешь порох...

Он вскочил и распахнул окно. Кучки огней в темном городе пришли в движение, распались и потяну-

лись цепочками, появляясь и исчезая между невидимыми домами. Какой-то звук возник над городом — отдаленный многоголосый вой. Вспыхнули два пожара и озарили соседние крыши. Что-то заполыхало в порту. События начались. Через несколько часов станет понятно, что означает союз серых и ночных армий, противоестественный союз лавочников и грабителей с большой дороги, станет ясно, чего добивается дон Рэба и какую новую провокацию он задумал. Говоря проще: кого сегодня режут. Скорее всего, началась ночь длинных ножей, уничтожение зарвавшегося серого руководства, попутное истребление находящихся в городе баронов и наиболее неудобных аристократов. Как там Пампа, подумал он. Только бы не спал — отобьется...

Додумать ему не удалось. В дверь с истошным криком: «Отворите! Дежурный, отворите!» — забарабанили кулаками. Румата откинул засов. Ворвался полуодетый, сизый от ужаса человек, схватил Румату за отвороты камзола и закричал трясясь:

— Где принц? Будах отравил короля! Ируканские шпионы подняли бунт в городе! Спасайте принца!

Это был министр двора, человек глупый и крайне преданный. Оттолкнув Румату, он кинулся в спальню принца. Завизжали женщины. А в двери уже лезли, выставив ржавые топоры, потные мордастые штурмовики в серых рубахах. Румата обнажил мечи.

— Назад! — холодно сказал он.

За спиной из спальни донесся короткий задавленный вопль. Плохо дело, подумал Румата. Ничего не понимаю. Он отскочил в угол и загородился столом. Штурмовики, тяжело дыша, заполняли комнату. Их набралось человек пятнадцать. Вперед протолкался лейтенант в серой тесной форме, клинок наголо.

— Дон Румата? — сказал он, задыхаясь. — Вы арестованы. Отдайте мечи.

Румата оскорбительно засмеялся.

— Возьмите, — сказал он, косясь на окно.

— Взять его! — рявкнул офицер.

Пятнадцать упитанных увальней с топорами — не слишком много для человека, владеющего приемами боя, которые станут известны здесь лишь три столетия спустя. Толпа накатилась и откатилась. На полу осталось несколько топоров, двое штурмовиков скрючились и, бережно прижимая к животам вывихнутые руки, пролезли в задние ряды. Румата в совершенстве владел веерной защитой, когда перед нападающими сплошным сверкающим занавесом крутится сталь и кажется невозможным прорваться через этот занавес. Штурмовики, отдуваясь, нерешительно переглядывались. От них остро тянуло пивом и луком.

Румата отодвинул стол и осторожно пошел к окну вдоль стены. Кто-то из задних рядов метнул нож, но промахнулся. Румата опять засмеялся, поставил ногу на подоконник и сказал:

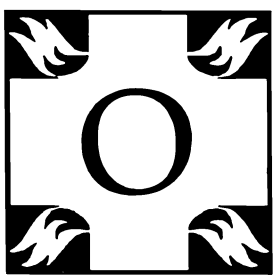
— Сунетесь еще раз — буду отрубать руки. Вы меня знаете...

Они его знали. Они его очень хорошо знали, и ни один из них не двинулся с места, несмотря на ругань и понукания офицера, державшегося, впрочем, тоже очень осторожно. Румата встал на подоконник, продолжая угрожать мечами, и в ту же минуту из темноты, со двора, в спину ему ударило тяжелое копье. Удар был страшен. Он не пробил металлопластовую рубашку, только сшиб Румату с подоконника и бросил на пол. Мечей Румата не выпустил, но толку от них уже не было никакого. Вся свора разом насела на него. Вместе они весили, наверное, больше тонны, но мешали друг другу, и ему удалось подняться на ноги. Он ударил кулаком в чьи-то мокрые губы, кто-то по-заячьи заверещал у него под мышкой, он бил и бил локтями, кулаками, плечами (давно он не чувствовал себя так свободно), но он не мог стряхнуть их с себя. С огромным трудом, волоча за собой кучу тел, он пошел к двери, по дороге наклоняясь и отдирая вцепившихся в ноги штурмовиков. Потом он ощутил болезненный удар в плечо и повалился на спину, под ним бились задавленные, но снова встал, нанося короткие, в полную

силу удары, от которых штурмовики, размахивая руками и ногами, тяжело шлепались в стены; уже мелькало перед ним перекошенное лицо лейтенанта, выставившего перед собой разряженный арбалет, но тут дверь распахнулась, и навстречу ему полезли новые потные морды. На него накинули сеть, затянули на ногах веревки и повалили.

Он сразу перестал отбиваться, экономя силы. Некоторое время его топтали сапогами — сосредоточенно, молча, сладострастно хакая. Затем схватили и поволокли. Когда его тащили мимо раскрытой двери спальни, он успел увидеть министра двора, приколотого к стене копьем, и ворох окровавленных простыней на кровати. «Так это переворот! — подумал он. — Бедный мальчик...» Его поволокли по ступенькам, и тут он потерял сознание.

ГЛАВА 7

н лежал на травянистом пригорке и смотрел на облака, плывущие в глубоком синем небе. Ему было хорошо и покойно, но на соседнем пригорке сидела колючая костлявая боль. Она была вне его и в то же время внутри, особенно в правом боку и в затылке. Кто-то рявкнул: «Сдох он, что ли? Головы оторву!» И тогда с неба обрушилась масса ледяной воды. Он действительно лежал на спине и смотрел в небо, только не на пригорке, а в луже, и небо было не синее, а черно-свинцовое, подсвеченное красным. «Ничего, — сказал другой голос. — Они живые, глазами лупают». Это я живой, подумал он. Это обо мне. Это я лупаю глазами. Но зачем они кривляются? Говорить разучились по-человечески?

Рядом кто-то зашевелился и грузно зашлепал по воде. На небе появился черный силуэт головы в остроконечной шапке.

— Ну как, благородный дон, сами пойдете или волочь вас?

— Развяжите ноги, — сердито сказал Румата, ощущая острую боль в разбитых губах. Он попробовал их языком. Ну и губы, подумал он. Оладьи, а не губы.

Кто-то завозился над его ногами, бесцеремонно дергая и ворочая их. Вокруг переговаривались негромкими голосами:

— Здорово вы его отделали...

— Так как же, он чуть не ушел... Заговоренный, стрелы отскакивают...

— Я одного знал такого, хоть топором бей, все нипочем.

— Так то небось мужик был...

— Ну, мужик...

— То-то и оно. А это благородных кровей.

— А, хвостом тя по голове... Узлов навязали, не разберешься... Огня дайте сюда!

— Да ты ножом.

— Ай, братья, ай, не развязывайте. Как он опять пойдет нас махать... Мне мало что голову не раздавил.

— Ладно, небось не начнет...

— Вы, братья, как хотите, а копьем я его бил по-настоящему. Я же так кольчуги пробивал.

Властный голос из темноты крикнул:

— Эй, скоро вы там?

Румата почувствовал, что ноги его свободны, напрягся и сел. Несколько приземистых штурмовиков молча смотрели, как он ворочается в луже. Румата стиснул челюсти от стыда и унижения. Он подергал лопатками: руки были скручены за спиной, да так, что он даже не понимал, где у него локти, а где кисти. Он собрал все силы, рывком поднялся на ноги, и его сейчас же перекосило от страшной боли в боку. Штурмовики засмеялись.

— Небось не убежит, — сказал один.

— Да, притомились, хвостом тя по голове...

— Что, дон, не сладко?

— Хватит болтать, — сказал из темноты властный голос. — Идите сюда, дон Румата.

Румата пошел на голос, чувствуя, как его мотает из стороны в сторону. Откуда-то вынырнул человечек с факелом, пошел впереди. Румата узнал это место: один из бесчисленных внутренних двориков министерства охраны короны, где-то возле королевских конюшен. Он быстро сообразил — если поведут направо, значит, в Башню, в застенок. Если налево — в канцелярию. Он потряс головой. Ничего, подумал он. Раз жив, еще поборемся. Они свернули налево. Не сразу, подумал Румата. Будет предварительное следствие. Странно. Если дело дошло до следствия, в чем меня могут обвинить? Пожалуй, ясно. Приглашение отравителя Будаха, отравление короля, заговор против короны... Возможно, убийство принца. И, разумеется, шпионаж в пользу Ирукана, Соана, варваров, баронов, Святого Ордена и прочее, и прочее... Просто удивительно, как я еще жив. Значит, еще что-то задумал этот бледный гриб.

— Сюда, — сказал человек с властным голосом.

Он распахнул низенькую дверь, и Румата, согнувшись, вошел в обширное, освещенное дюжиной светильников помещение. Посередине на потертом ковре сидели и лежали связанные, окровавленные люди. Некоторые из них были либо уже мертвы, либо без сознания. Почти все были босы, в рваных ночных рубашках. Вдоль стен, небрежно опираясь на топоры и секиры, стояли красномордые штурмовики, свирепые и самодовольные — победители. Перед ними прохаживался — руки за спину — офицер при мече, в сером мундире с сильно засаленным воротником. Спутник Руматы, высокий человек в черном плаще, подошел к офицеру и что-то шепнул на ухо. Офицер кивнул, с интересом взглянул на Румату и скрылся за цветастыми портьерами на противоположном конце комнаты.

Штурмовики тоже с интересом рассматривали Румату. Один из них, с заплывшим глазом, сказал:

— А хорош камушек у дона!

— Камушек будь здоров, — согласился другой. — Королю впору. И обруч литого золота.

— Нынче мы сами короли.

— Так что, снимем?

— Пр-рекратить, — негромко сказал человек в черном плаще.

Штурмовики с недоумением воззрились на него.

— Это еще кто на нашу голову? — сказал штурмовик с заплывшим глазом.

Человек в плаще, не отвечая, повернулся к нему спиной, подошел к Румате и встал рядом. Штурмовики недобро оглядывали его с головы до ног.

— Никак поп? — сказал штурмовик с заплывшим глазом. — Эй, поп, хошь в лоб?

Штурмовики загоготали. Штурмовик с заплывшим глазом поплевал на ладони, перебрасывая топор из руки в руку, и двинулся к Румате. Ох, и дам я ему сейчас, подумал Румата, медленно отводя назад правую ногу.

— Кого я всегда бил, — продолжал штурмовик, останавливаясь перед ним и разглядывая человека в черном, — так это попов, грамотеев всяких и мастеровщину. Бывало...

Человек в плаще вскинул руку ладонью вверх. Что-то звонко щелкнуло под потолком. Ж-ж-ж! Штурмовик с заплывшим глазом выронил топор и опрокинулся на спину. Из середины лба у него торчала короткая толстая арбалетная стрела с густым оперением. Стало тихо. Штурмовики попятились, боязливо шаря глазами по отдушинам под потолком. Человек в плаще опустил руку и приказал:

— Убрать падаль, быстро!

Несколько штурмовиков кинулись, схватили убитого за ноги и за руки и поволокли прочь. Из-за портьеры вынырнул серый офицер и приглашающе помахал.

— Пойдемте, дон Румата, — сказал человек в плаще.

Румата пошел к портьерам, огибая кучу пленных. Ничего не понимаю, думал он. За портьерами в темноте его схватили, обшарили, сорвали с пояса пустые ножны и вытолкнули на свет.

Румата сразу понял, куда он попал. Это был знакомый кабинет дона Рэбы в лиловых покоях. Дон Рэба сидел на том же месте и в совершенно той же позе, напряженно выпрямившись, положив локти на стол и сплетя пальцы. А ведь у старика геморрой, ни с того ни с сего с жалостью подумал Румата. Справа от дона Рэбы восседал отец Цупик, важный, сосредоточенный, с поджатыми губами, слева — благодушно улыбающийся толстяк с нашивками капитана на сером мундире. Больше в кабинете никого не было. Когда Румата вошел, дон Рэба тихо и ласково сказал:

— А вот, друзья, и благородный дон Румата.

Отец Цупик пренебрежительно скривился, а толстяк благосклонно закивал.

— Наш старый и весьма последовательный недруг, — сказал дон Рэба.

— Раз недруг — повесить, — хрипло сказал отец Цупик.

— А ваше мнение, брат Аба? — спросил дон Рэба, предупредительно наклоняясь к толстяку.

— Вы знаете... Я как-то даже... — Брат Аба растерянно и детски улыбнулся, разведя коротенькие ручки. — Как-то мне, знаете ли, все равно. Но, может быть, все-таки не вешать?.. Может быть, сжечь, как вы полагаете, дон Рэба?

— Да, пожалуй, — задумчиво сказал дон Рэба.

— Вы понимаете, — продолжал очаровательный брат Аба, ласково улыбаясь Румате, — вешают отребье, мелочь... А мы должны сохранять у народа уважительное отношение к сословиям. Все-таки отпрыск древнего рода, крупный ируканский шпион... Ируканский, кажется, я не ошибаюсь? — Он схватил со стола листок и близоруко всмотрелся. — Ах, еще и соанский... Тем более!

— Сжечь так сжечь, — согласился отец Цупик.

— Хорошо, — сказал дон Рэба. — Договорились. Сжечь.

— Впрочем, я думаю, дон Румата может облегчить свою участь, — сказал брат Аба. — Вы меня понимаете, дон Рэба?

— Признаться, не совсем...

— Имущество! Мой благородный дон, имущество! Руматы — сказочно богатый род!..

— Вы, как всегда, правы, — сказал дон Рэба.

Отец Цупик зевнул, прикрывая рот рукой, и покосился на лиловые портьеры справа от стола.

— Что ж, тогда начнем по всей форме, — со вздохом сказал дон Рэба.

Отец Цупик все косился на портьеры. Он явно чего-то ждал и совершенно не интересовался допросом. Что за комедия? — думал Румата. Что это значит?

— Итак, мой благородный дон, — сказал дон Рэба, обращаясь к Румате, — было бы чрезвычайно приятно услышать ваши ответы на некоторые интересующие нас вопросы.

— Развяжите мне руки, — сказал Румата.

Отец Цупик встрепенулся и с сомнением пожевал губами. Брат Аба отчаянно замотал головой.

— А? — сказал дон Рэба и посмотрел сначала на брата Аба, а потом на отца Цупика. — Я вас понимаю, друзья мои. Однако, принимая во внимание обстоятельства, о которых дон Румата, вероятно, догадывается... — Он выразительным взглядом обвел ряды отдушин под потолком. — Развяжите ему руки, — сказал он, не повышая голоса.

Кто-то неслышно подошел сзади. Румата почувствовал, как чьи-то странно мягкие, ловкие пальцы коснулись его рук, послышался скрип разрезаемых веревок. Брат Аба с неожиданной для его комплекции резвостью извлек из-под стола огромный боевой арбалет и положил перед собой прямо на бумаги. Руки Руматы, как плети, упали вдоль тела. Он почти не чувствовал их.

— Итак, начнем, — бодро сказал дон Рэба. — Ваше имя, род, звание?

— Румата, из рода Румат Эсторских. Благородный дворянин до двадцать второго предка.

Румата огляделся, сел на софу и стал массировать кисти рук. Брат Аба, взволнованно сопя, взял его на прицел.

— Ваш отец?

— Мой благородный отец — имперский советник, преданный слуга и личный друг императора.

— Он жив?

— Он умер.

— Давно?

— Одиннадцать лет назад.

— Сколько вам лет?

Румата не успел ответить. За лиловой портьерой послышался шум, брат Аба недовольно оглянулся. Отец Цупик, зловеще усмехаясь, медленно поднялся.

— Ну, вот и все, государи мои!.. — начал он весело и злорадно.

Из-за портьер выскочили трое людей, которых Румата меньше всего ожидал увидеть здесь. Отец Цупик, по-видимому, тоже. Это были здоровенные монахи в черных рясах с клобуками, надвинутыми на глаза. Они быстро и бесшумно подскочили к отцу Цупику и взяли его за локти.

— А... н-ня... — промямлил отец Цупик. Лицо его покрылось смертельной бледностью. Несомненно, он ожидал чего-то совсем другого.

— Как вы полагаете, брат Аба? — спокойно осведомился дон Рэба, наклоняясь к толстяку.

— Ну, разумеется! — решительно отозвался тот. — Несомненно!

Дон Рэба сделал слабое движение рукой. Монахи приподняли отца Цупика и, все так же бесшумно ступая, вынесли за портьеры. Румата гадливо поморщился. Брат Аба потер мягкие лапки и бодро сказал:

— Все обошлось превосходно, как вы думаете, дон Рэба?

— Да, неплохо, — согласился дон Рэба. — Однако продолжим. Итак, сколько же вам лет, дон Румата?

— Тридцать пять.

— Когда вы прибыли в Арканар?

— Пять лет назад.

— Откуда?

— До этого я жил в Эсторе, в родовом замке.

— А какова была цель этого перемещения?

— Обстоятельства вынудили меня покинуть Эстор. Я искал столицу, сравнимую по блеску со столицей метрополии...

По рукам побежали, наконец, огненные мурашки. Румата терпеливо и настойчиво продолжал массировать распухшие кисти.

— А все-таки, что же это были за обстоятельства? — спросил дон Рэба.

— Я убил на дуэли члена августейшей семьи.

— Вот как? Кого же именно?

— Молодого герцога Экину.

— В чем причина дуэли?

— Женщина, — коротко сказал Румата.

У него появилось ощущение, что все эти вопросы ничего не значат. Что это такая же игра, как и обсуждение способа казни. Все трое чего-то ждут. Я жду, когда у меня отойдут руки. Брат Аба — дурак — ждет, когда ему на колени посыплется золото из родовой сокровищницы дона Руматы. Дон Рэба тоже чего-то ждет... Но монахи, монахи! Откуда во дворце монахи? Да еще такие умелые бойкие ребята?..

— Имя женщины?

Ну и вопросы, подумал Румата. Глупее не придумаешь. Попробую-ка я их расшевелить...

— Дона Рита, — ответил он.

— Не ожидал, что вы ответите. Благодарю вас...

— Всегда готов к услугам.

Дон Рэба поклонился.

— Вам приходилось бывать в Ирукане?

— Нет.

— Вы уверены?

— Вы тоже.

— Мы хотим правды! — наставительно сказал дон Рэба. Брат Аба покивал. — Одной только правды!

— Ага, — сказал Румата. — А мне показалось... — Он замолчал.

— Что вам показалось?

— Мне показалось, что вы главным образом хотите прибрать к рукам мое родовое имущество. Решительно не представляю себе, дон Рэба, каким образом вы надеетесь его получить?

— А дарственная? А дарственная? — вскричал брат Аба.

Румата засмеялся как можно более нагло.

— Ты дурак, брат Аба, или как тебя там... Сразу видно, что ты лавочник. Тебе что, неизвестно, что майорат не подлежит передаче в чужие руки?

Было видно, что брат Аба здорово рассвирепел, но сдерживается.

— Вам не следует разговаривать в таком тоне, — мягко сказал дон Рэба.

— Вы хотите правды? — возразил Румата. — Вот вам правда, истинная правда и только правда: брат Аба — дурак и лавочник.

Однако брат Аба уже овладел собой.

— Мне кажется, мы отвлеклись, — сказал он с улыбкой. — Как вы полагаете, дон Рэба?

— Вы, как всегда, правы, — сказал дон Рэба. — Благородный дон, а не приходилось ли вам бывать в Соане?

— Я был в Соане.

— С какой целью?

— Посетить Академию наук.

— Странная цель для молодого человека вашего положения.

— Мой каприз.

— А знакомы ли вы с генеральным судьей Соана доном Кондором?

Румата насторожился.

— Это старинный друг нашей семьи.

— Благороднейший человек, не правда ли?

— Весьма почтенная личность.

— А вам известно, что дон Кондор — участник заговора против его величества?

Румата задрал подбородок.

— Зарубите себе на носу, дон Рэба, — сказал он высокомерно. — Для нас, коренного дворянства метрополии, все эти Соаны и Ируканы, да и Арканар, были и всегда останутся вассалами имперской короны. — Он положил ногу на ногу и отвернулся.

Дон Рэба задумчиво глядел на него.

— Вы богаты?

— Я мог бы скупить весь Арканар, но меня не интересуют помойки...

Дон Рэба вздохнул.

— Мое сердце обливается кровью, — сказал он. — Обрубить столь славный росток столь славного рода!.. Это было бы преступлением, если бы не вызывалось государственной необходимостью.

— Поменьше думайте о государственной необходимости, — сказал Румата, — и побольше думайте о собственной шкуре.

— Вы правы, — сказал дон Рэба и щелкнул пальцами.

Румата быстро напряг и вновь распустил мышцы. Кажется, тело работало. Из-за портьеры снова выскочили трое монахов. Все с той же неуловимой быстротой и точностью, свидетельствующими об огромном опыте, они сомкнулись вокруг еще продолжавшего умильно улыбаться брата Аба, схватили его и завернули руки за спину.

— Ой-ей-ей-ей!.. — завопил брат Аба. Толстое лицо его исказилось от боли.

— Скорее, скорее, не задерживайтесь! — брезгливо сказал дон Рэба.

Толстяк бешено упирался, пока его тащили за портьеры. Слышно было, как он кричит и взвизгивает, затем он вдруг заорал жутким, неузнаваемым голосом и сразу затих. Дон Рэба встал и осторожно разрядил арбалет. Румата ошарашенно следил за ним.

Дон Рэба прохаживался по комнате, задумчиво почесывая спину арбалетной стрелой. «Хорошо, хорошо, —

бормотал он почти нежно. — Прелестно!..» Он словно забыл про Румату. Шаги его все убыстрялись, он помахивал на ходу стрелой, как дирижерской палочкой. Потом он вдруг резко остановился за столом, отшвырнул стрелу, осторожно сел и сказал, улыбаясь во все лицо:

— Как я их, а?.. Никто и не пикнул!.. У вас, я думаю, так не могут...

Румата молчал.

— Да-а... — протянул дон Рэба мечтательно. — Хорошо! Ну что ж, а теперь поговорим, дон Румата... А может быть, не Румата?.. И, может быть, даже и не дон? А?..

Румата промолчал, с интересом его разглядывая. Бледненький, с красными жилками на носу, весь трясется от возбуждения, так и хочется ему закричать, хлопая в ладоши: «А я знаю! А я знаю!» А ведь ничего ты не знаешь, сукин сын. А узнаешь, так не поверишь. Ну, говори, я слушаю.

— Я вас слушаю, — сказал он.

— Вы не дон Румата, — объявил дон Рэба. — Вы самозванец. — Он строго смотрел на Румату. — Румата Эсторский умер пять лет назад и лежит в фамильном склепе своего рода. И святые давно упокоили его мятежную и, прямо скажем, не очень чистую душу. Вы как, сами признáетесь, или вам помочь?

— Сам признаюсь, — сказал Румата. — Меня зовут Румата Эсторский, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

Попробую-ка я тебя немножко рассердить, подумал он. Бок болит, а то бы я тебя поводил за салом.

— Я вижу, что нам придется продолжать разговор в другом месте, — зловеще сказал дон Рэба.

С лицом его происходили удивительные перемены. Исчезла приятная улыбка, губы сжались в прямую линию. Странно и жутковато задвигалась кожа на лбу. Да, подумал Румата, такого можно испугаться.

— У вас правда геморрой? — участливо спросил он.

В глазах у дона Рэбы что-то мигнуло, но выражения лица он не изменил. Он сделал вид, что не расслышал.

— Вы плохо использовали Будаха, — сказал Румата. — Это отличный специалист. Был... — добавил он значительно.

В выцветших глазах снова что-то мигнуло. Ага, подумал Румата, а ведь Будах-то еще жив... Он уселся поудобнее и обхватил руками колено.

— Итак, вы отказываетесь признаться, — произнес дон Рэба.

— В чем?

— В том, что вы самозванец.

— Почтенный Рэба, — сказал Румата наставительно, — такие вещи доказывают. Ведь вы меня оскорбляете!

На лице дона Рэбы появилась приторность.

— Мой дорогой дон Румата, — сказал он. — Простите, пока я буду называть вас этим именем. Так вот, обыкновенно я никогда ничего не доказываю. Доказывают там, в Веселой Башне. Для этого я содержу опытных, хорошо оплачиваемых специалистов, которые с помощью мясокрутки святого Мики, поножей господа бога, перчаток великомученицы Паты или, скажем, сиденья... э-э-э... виноват, кресла Тоца-воителя могут доказать все, что угодно. Что бог есть и бога нет. Что люди ходят на руках и люди ходят на боках. Вы понимаете меня? Вам, может быть, неизвестно, но существует целая наука о добывании доказательств. Посудите сами: зачем мне доказывать то, что я и сам знаю? И потом ведь признание вам ничем не грозит...

— Мне не грозит, — сказал Румата. — Оно грозит вам.

Некоторое время дон Рэба размышлял.

— Хорошо, — сказал он. — Видимо, начать придется все-таки мне. Давайте посмотрим, в чем замечен дон Румата Эсторский за пять лет своей загробной

жизни в Арканарском королевстве. А вы потом объясните мне смысл всего этого. Согласны?

— Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний, — сказал Румата, — но я с интересом вас выслушаю.

Дон Рэба, покопавшись в письменном столе, вытащил квадратик плотной бумаги и, подняв брови, просмотрел его.

— Да будет вам известно, — начал он, приветливо улыбаясь, — да будет вам известно, что мною, министром охраны арканарской короны, были предприняты некоторые действия против так называемых книгочеев, ученых и прочих бесполезных и вредных для государства людей. Эти акции встретили некое странное противодействие. В то время как весь народ в едином порыве, храня верность королю, а также арканарским традициям, всячески помогал мне: выдавал укрывшихся, расправлялся самосудно, указывал на подозрительных, ускользнувших от моего внимания, — в это время кто-то неведомый, но весьма энергичный выхватывал у нас из-под носа и переправлял за пределы королевства самых важных, самых отпетых и отвратительных преступников. Так ускользнули от нас: безбожный астролог Багир Киссэнский; преступный алхимик Синда, связанный, как доказано, с нечистой силой и с ируканскими властями; мерзкий памфлетист и нарушитель спокойствия Цурэн и ряд иных рангом поменьше. Куда-то скрылся сумасшедший колдун и механик Кабани. Кем-то была затрачена уйма золота, чтобы помешать свершиться гневу народному в отношении богомерзких шпионов и отравителей, бывших лейб-знахарей его величества. Кто-то при поистине фантастических обстоятельствах, заставляющих опять-таки вспомнить о враге рода человеческого, освободил из-под стражи чудовище разврата и растлителя народных душ, атамана крестьянского бунта Арату Горбатого... — Дон Рэба остановился и, двигая кожей на лбу, значительно посмотрел на Румату. Румата, подняв глаза к потолку, мечтательно улыбался. Арату Горбатого он похи-

тил, прилетев за ним на вертолете. На стражников это произвело громадное впечатление. На Арату, впрочем, тоже. А все-таки я молодец, подумал он. Хорошо поработал.

— Да будет вам известно, — продолжал дон Рэба, — что указанный атаман Арата в настоящее время гуляет во главе взбунтовавшихся холопов по восточным областям метрополии, обильно проливая благородную кровь и не испытывая недостатка ни в деньгах, ни в оружии.

— Верю, — сказал Румата. — Он сразу показался мне очень решительным человеком.

— Итак, вы признаетесь? — сейчас же сказал дон Рэба.

— В чем? — удивился Румата.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

— Я продолжаю, — сказал дон Рэба. — На спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, по моим скромным и неполным подсчетам, потратили не менее трех пудов золота. Я не говорю о том, что при этом вы навеки осквернили себя общением с нечистой силой. Я не говорю также и о том, что за все время пребывания в пределах Арканарского королевства вы не получили из своих эсторских владений даже медного гроша, да и с какой стати? Зачем снабжать деньгами покойника, хотя бы даже и родного? Но ваше золото!

Он открыл шкатулку, погребенную под бумагами на столе, и извлек из нее горсть золотых монет с профилем Пица Шестого.

— Одного этого золота достаточно было бы для того, чтобы сжечь вас на костре! — завопил он. — Это дьявольское золото! Человеческие руки не в силах изготовить металл такой чистоты!

Он сверлил Румату взглядом. Да, великодушно подумал Румата, это он молодец. Этого мы, пожалуй, недодумали. И, пожалуй, он первый заметил. Это надо учесть... Рэба вдруг снова погас. В голосе его зазвучали участливые отеческие нотки:

— И вообще вы ведете себя очень неосторожно, дон Румата. Я все это время так волновался за вас... Вы такой дуэлянт, вы такой задира! Сто двадцать шесть дуэлей за пять лет! И ни одного убитого... В конце концов из этого могли сделать выводы. Я, например, сделал. И не только я. Этой ночью, например, брат Аба — нехорошо говорить дурно о покойниках, но это был очень жестокий человек, я его терпел с трудом, признаться... Так вот, брат Аба выделил для вашего ареста не самых умелых бойцов, а самых толстых и сильных. И он оказался прав. Несколько вывихнутых рук, несколько отдавленных шей, выбитые зубы не в счет... и вот вы здесь! А ведь вы не могли не знать, что деретесь за свою жизнь. Вы мастер. Вы, несомненно, лучший меч Империи. Вы, несомненно, продали душу дьяволу, ибо только в аду можно научиться этим невероятным, сказочным приемам боя. Я готов даже допустить, что это умение было дано вам с условием не убивать. Хотя трудно представить, зачем дьяволу понадобилось такое условие. Но пусть в этом разбираются наши схоласты...

Тонкий поросячий визг прервал его. Он недовольно посмотрел на лиловые портьеры. За портьерами дрались. Слышались глухие удары, визг: «Пустите! Пустите!» — и еще какие-то хриплые голоса, ругань, возгласы на непонятном наречии. Потом портьера с треском оборвалась и упала. В кабинет ввалился и рухнул на четвереньки какой-то человек, плешивый, с окровавленным подбородком, с дико вытаращенными глазами. Из-за портьеры высунулись огромные лапы, схватили человека за ноги и поволокли обратно. Румата узнал его: это был Будах. Он дико кричал:

— Обманули!.. Обманули!.. Это же был яд! За что?..

Его утащили в темноту. Кто-то в черном быстро подхватил и повесил портьеру. В наступившей тишине из-за портьер послышались отвратительные звуки — кого-то рвало. Румата понял.

— Где Будах? — спросил он резко.

— Как видите, с ним случилось какое-то несчастье, — ответил дон Рэба, но было заметно, что он растерялся.

— Не морочьте мне голову, — сказал Румата. — Где Будах?

— Ах, дон Румата, — сказал дон Рэба, качая головой. Он сразу оправился. — На что вам Будах? Он что, ваш родственник? Ведь вы его даже никогда не видели.

— Слушайте, Рэба! — сказал Румата бешено. — Я с вами не шучу! Если с Будахом что-нибудь случится, вы подохнете, как собака. Я раздавлю вас.

— Не успеете, — быстро сказал дон Рэба. Он был очень бледен.

— Вы дурак, Рэба. Вы опытный интриган, но вы ничего не понимаете. Никогда в жизни вы еще не брались за такую опасную игру, как сейчас. И вы даже не подозреваете об этом.

Дон Рэба сжался за столом, глазки его горели, как угольки. Румата чувствовал, что сам он тоже никогда еще не был так близок к гибели. Карты раскрывались. Решалось, кому быть хозяином в этой игре. Румата напрягся, готовясь прыгнуть. Никакое оружие — ни копье, ни стрела — не убивает мгновенно. Эта мысль отчетливо проступила на физиономии дона Рэбы. Геморроидальный старик хотел жить.

— Ну что вы, в самом деле, — сказал он плаксиво. — Сидели, разговаривали... Да жив ваш Будах, успокойтесь, жив и здоров. Он меня еще лечить будет. Не надо горячиться.

— Где Будах?

— В Веселой Башне.

— Он мне нужен.

— Мне он тоже нужен, дон Румата.

— Слушайте, Рэба, — сказал Румата, — не сердите меня. И перестаньте притворяться. Вы же меня боитесь. И правильно делаете. Будах принадлежит мне, понимаете? Мне!

Теперь они оба стояли. Рэба был страшен. Он посинел, губы его судорожно дергались, он что-то бормотал, брызгая слюной.

— Мальчишка! — прошипел он. — Я никого не боюсь! Это я могу раздавить тебя, как пиявку!

Он вдруг повернулся и рванул гобелен, висевший за его спиной. Открылось широкое окно.

— Смотри!

Румата подошел к окну. Оно выходило на площадь перед дворцом. Уже занималась заря. В серое небо поднимались дымы пожаров. На площади валялись трупы. А в центре ее чернел ровный неподвижный квадрат. Румата вгляделся. Это были всадники, стоящие в неправдоподобно точном строю, в длинных черных плащах, в черных клобуках, скрывающих глаза, с черными треугольными щитами на левой руке и с длинными пиками в правой.

— Пр-рошу! — сказал дон Рэба лязгающим голосом. Он весь трясся. — Смиренные дети господа нашего, конница Святого Ордена. Высадились сегодня ночью в Арканарском порту для подавления варварского бунта ночных оборванцев Ваги Колеса вкупе с возомнившими о себе лавочниками! Бунт подавлен. Святой Орден владеет городом и страной, отныне Арканарской областью Ордена...

Румата невольно почесал в затылке. Вот это да, подумал он. Так вот для кого мостили дорогу несчастные лавочники. Вот это провокация! Дон Рэба торжествующе скалил зубы.

— Мы еще не знакомы, — тем же лязгающим голосом продолжал он. — Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в Арканарской области, епископ и боевой магистр раб божий Рэба!

А ведь можно было догадаться, думал Румата. Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные. Эх, историки, хвостом вас по голове... Но он заложил руки за спину и покачался с носков на пятку.

— Сейчас я устал, — сказал он брезгливо. — Я хочу спать. Я хочу помыться в горячей воде и смыть с себя

кровь и слюни ваших головорезов. Завтра... точнее, сегодня... скажем, через час после восхода, я зайду в вашу канцелярию. Приказ на освобождение Будаха должен быть готов к этому времени.

— Их двадцать тысяч! — крикнул дон Рэба, указывая рукой в окно.

Румата поморщился.

— Немножко тише, пожалуйста, — сказал он. — И запомните, Рэба: я отлично знаю, что никакой вы не епископ. Я вижу вас насквозь. Вы просто грязный предатель и неумелый дешевый интриган... — Дон Рэба облизнул губы, глаза его остекленели. Румата продолжал: — Я беспощаден. За каждую подлость по отношению ко мне или к моим друзьям вы ответите головой. Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придется научиться вовремя убираться с моей дороги. Вы поняли меня?

Дон Рэба торопливо сказал, просительно улыбаясь:

— Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне, дон Румата. Я не могу вас убить. Не знаю почему, но не могу.

— Боитесь, — сказал Румата.

— Ну и боюсь, — согласился дон Рэба. — Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает? А может быть, вы человек из могущественных заморских стран: говорят, есть такие... Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла. У меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь. Но я тоже могу убить вас. В любую минуту. Сейчас. Завтра. Вчера. Это вы понимаете?

— Это меня не интересует, — сказал Румата.

— А что же? Что вас интересует?

— А меня ничто не интересует, — сказал Румата. — Я развлекаюсь. Я не дьявол и не бог, я кавалер Румата Эсторский, веселый благородный дворянин, обремененный капризами и предрассудками и привыкший к свободе во всех отношениях. Запомнили?

Дон Рэба уже пришел в себя. Он утерся платочком и приятно улыбнулся.

— Я ценю ваше упорство, — сказал он. — В конце концов, вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их. Я очень рад, что мы объяснились. Возможно, вы когда-нибудь изложите мне свои взгляды, и совершенно не исключено, что вы заставите меня пересмотреть мои. Люди склонны совершать ошибки. Может быть, я ошибаюсь и стремлюсь не к той цели, ради которой стоило бы работать так усердно и бескорыстно, как работаю я. Я человек широких взглядов, и я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

— Там видно будет, — сказал Румата и пошел к двери. Ну и слизняк! — подумал он. Тоже мне сотрудничек. Плечом к плечу...

Город был поражен невыносимым ужасом. Красноватое утреннее солнце угрюмо озаряло пустынные улицы, дымящиеся развалины, сорванные ставни, взломанные двери. В пыли кроваво сверкали осколки стекол. Неисчислимые полчища ворон спустились на город, как на чистое поле. На площадях и перекрестках по двое и по трое торчали всадники в черном — медленно поворачивались в седлах всем туловищем, поглядывая сквозь прорези в низко надвинутых клобуках. С наспех врытых столбов свисали на цепях обугленные тела над погасшими углями. Казалось, ничего живого не осталось в городе — только орущие вороны и деловитые убийцы в черном.

Половину дороги Румата прошел с закрытыми глазами. Он задыхался, мучительно болело избитое тело. Люди это или не люди? Что в них человеческого? Одних режут прямо на улицах, другие сидят по домам и покорно ждут своей очереди. И каждый думает: кого угодно, только не меня. Хладнокровное зверство тех, кто режет, и хладнокровная покорность тех, кого режут. Хладнокровие, вот что самое страшное. Десять человек стоят, замерев от ужаса, и покорно ждут, а один подходит, выбирает жертву и хладнокровно режет

ее. Души этих людей полны нечистот, и каждый час покорного ожидания загрязняет их все больше и больше. Вот сейчас в этих затаившихся домах невидимо рождаются подлецы, доносчики, убийцы, тысячи людей, пораженных страхом на всю жизнь, будут беспощадно учить страху своих детей и детей своих детей. Я не могу больше, твердил про себя Румата. Еще немного, и я сойду с ума и стану таким же, еще немного, и я окончательно перестану понимать, зачем я здесь... Нужно отлежаться, отвернуться от всего этого, успокоиться...

«...В конце года Воды — такой-то год по новому летосчислению — центробежные процессы в древней Империи стали значимыми. Воспользовавшись этим, Святой Орден, представлявший, по сути, интересы наиболее реакционных групп феодального общества, которые любыми средствами стремились приостановить диссипацию...» А как пахли горящие трупы на столбах, вы знаете? А вы видели когда-нибудь голую женщину со вспоротым животом, лежащую в уличной пыли? А вы видели города, в которых люди молчат и кричат только вороны? Вы, еще не родившиеся мальчики и девочки перед учебным стереовизором в школах Арканарской Коммунистической Республики?

Он ударился грудью в твердое и острое. Перед ним был черный всадник. Длинное копье с широким, аккуратно зазубренным лезвием упиралось Румате в грудь. Всадник молча глядел на него черными щелями в капюшоне. Из-под капюшона виднелся только тонкогубый рот с маленьким подбородком. Надо что-то делать, подумал Румата. Только что? Сбить его с лошади? Нет. Всадник начал медленно отводить копье для удара. Ах да!.. Румата вяло поднял левую руку и оттянул на ней рукав, открывая железный браслет, которые ему дали при выходе из дворца. Всадник присмотрелся, поднял копье и проехал мимо. «Во имя господа», — глухо сказал он со странным акцентом. «Именем его», — пробормотал Румата и пошел дальше мимо другого всадника, который старался достать

копьем искусно вырезанную деревянную фигурку веселого чертика, торчащую под карнизом крыши. За полуоторванной ставней на втором этаже мелькнуло помертвевшее от ужаса толстое лицо — должно быть, одного из тех лавочников, что еще три дня назад за кружкой пива восторженно орали: «Ура дону Рэбе!» и с наслаждением слушали гррум, гррум, гррум подкованных сапог по мостовым. Эх, серость, серость... Румата отвернулся.

А как у меня дома? — вспомнил вдруг он и ускорил шаги. Последний квартал он почти пробежал. Дом был цел. На ступеньках сидели двое монахов, капюшоны они откинули и подставили солнцу плохо выбритые головы. Увидев его, они встали. «Во имя господа», — сказали они хором. «Именем его, — отозвался Румата. — Что вам здесь надо?» Монахи поклонились, сложив руки на животе. «Вы пришли, и мы уходим», — сказал один. Они спустились со ступенек и неторопливо побрели прочь, ссутулившись и сунув руки в рукава. Румата поглядел им вслед и вспомнил, что тысячи раз он видел на улицах эти смиренные фигуры в долгополых черных рясах. Только раньше не волочились за ними в пыли ножны тяжеленных мечей. Проморгали, ах, как проморгали! — подумал он. Какое это было развлечение для благородных донов — пристроиться к одиноко бредущему монаху и рассказывать друг другу через его голову пикантные истории. А я, дурак, притворяясь пьяным, плелся позади, хохотал во все горло и так радовался, что Империя не поражена хоть религиозным фанатизмом... А что можно было сделать? Да, что можно было сделать?

— Кто там? — спросил дребезжащий голос.

— Открой, Муга, это я, — сказал Румата негромко.

Загремели засовы, дверь приоткрылась, и Румата протиснулся в прихожую. Здесь все было, как обычно, и Румата облегченно вздохнул. Старый, седой Муга, тряся головой, с привычной почтительностью потянулся за каской и мечами.

— Что Кира? — спросил Румата.

— Кира наверху, — сказал Муга. — Она здорова.

— Отлично, — сказал Румата, вылезая из перевязей с мечами. — А где Уно? Почему он не встречает меня?

Муга принял меч.

— Уно убит, — сказал он спокойно. — Лежит в людской.

Румата закрыл глаза.

— Уно убит... — повторил он. — Кто его убил?

Не дождавшись ответа, он пошел в людскую. Уно лежал на столе, накрытый до пояса простыней, руки его были сложены на груди, глаза широко открыты, рот сведен гримасой. Понурые слуги стояли вокруг стола и слушали, как бормочет монах в углу. Всхлипывала кухарка. Румата, не спуская глаз с лица мальчика, стал отстегивать непослушными пальцами воротник камзола.

— Сволочи... — сказал он. — Какие все сволочи!..

Он качнулся, подошел к столу, всмотрелся в мертвые глаза, приподнял простыню и сейчас же снова опустил ее.

— Да, поздно, — сказал он. — Поздно... Безнадежно... Ах, сволочи! Кто его убил? Монахи?

Он повернулся к монаху, рывком поднял его и нагнулся над его лицом.

— Кто убил? — сказал он. — Ваши? Говори!

— Это не монахи, — тихо сказал за его спиной Муга. — Это серые солдаты...

Румата еще некоторое время вглядывался в худое лицо монаха, в его медленно расширяющиеся зрачки. «Во имя господа...» — просипел монах. Румата отпустил его, сел на скамью в ногах Уно и заплакал. Он плакал, закрыв лицо ладонями, и слушал дребезжащий равнодушный голос Муги. Муга рассказывал, как после второй стражи в дверь постучали именем короля и Уно кричал, чтобы не открывали, но открыть все-таки пришлось, потому что серые грозились поджечь дом. Они ворвались в прихожую, избили и повязали слуг, а затем полезли по лестнице наверх. Уно, стоявший у дверей в покои, начал стрелять из арбалетов. У него было два

арбалета, и он успел выстрелить дважды, но один раз промахнулся. Серые метнули ножи, и Уно упал. Они стащили его вниз и стали топтать ногами и бить топорами, но тут в дом вошли черные монахи. Они зарубили двух серых, а остальных обезоружили, накинули им петли на шеи и выволокли на улицу.

Голос Муги умолк, но Румата еще долго сидел, опершись локтями на стол в ногах у Уно. Потом он тяжело поднялся, стер рукавом слезы, застрявшие в двухдневной щетине, поцеловал мальчика в ледяной лоб и, с трудом переставляя ноги, побрел наверх.

Он был полумертв от усталости и потрясения. Коекак вскарабкавшись по лестнице, он прошел через гостиную, добрался до кровати и со стоном повалился лицом в подушки. Прибежала Кира. Он был так измучен, что даже не мог помочь ей раздеть себя. Она стащила с него ботфорты, потом, плача над его опухшим лицом, содрала с него рваный мундир, металлопластовую рубашку и еще поплакала над его избитым телом. Только теперь он почувствовал, что у него болят все кости, как после испытаний на перегрузку. Кира обтирала его губкой, смоченной в уксусе, а он, не открывая глаз, шипел сквозь стиснутые губы и бормотал: «А ведь мог его стукнуть... Рядом стоял... Двумя пальцами придавить... Разве это жизнь, Кира? Уедем отсюда... Это Эксперимент надо мной, а не над ними». Он даже не замечал, что говорит по-русски. Кира испуганно взглядывала на него стеклянными от слез глазами и только молча целовала его в щеки. Потом она накрыла его изношенными простынями — Уно так и не собрался купить новые — и побежала вниз приготовить ему горячего вина, а он сполз с постели и, охая от ломающей тело боли, пошлепал босыми ногами в кабинет, открыл в столе секретный ящичек, покопался в аптечке и принял несколько таблеток спорамина. Когда Кира вернулась с дымящимся котелком на тяжелом серебряном подносе, он лежал на спине и слушал, как уходит боль, унимается шум в голове и тело наливается новой силой и бодростью. Опростав котелок, он почув-

ствовал себя совсем хорошо, позвал Мугу и велел приготовить одеться.

— Не ходи, Румата, — сказала Кира. — Не ходи. Оставайся дома.

— Надо, маленькая.

— Я боюсь, останься... Тебя убьют.

— Ну что ты? С какой стати меня убивать? Они меня все боятся.

Она снова заплакала. Она плакала тихо, робко, как будто боялась, что он рассердится. Румата усадил ее к себе на колени и стал гладить ее волосы.

— Самое страшное позади, — сказал он. — И потом ведь мы собирались уехать отсюда...

Она затихла, прижавшись к нему. Муга, тряся головой, равнодушно стоял рядом, держа наготове хозяйские штаны с золотыми бубенчиками.

— Но прежде нужно многое сделать здесь, — продолжал Румата. — Сегодня ночью многих убили. Нужно узнать, кто цел и кто убит. И нужно помочь спастись тем, кого собираются убить.

— А тебе кто поможет?

— Счастлив тот, кто думает о других... И потом нам с тобой помогают могущественные люди.

— Я не могу не думать о других, — сказала она. — Ты вернулся чуть живой. Я же вижу: тебя били. Уно они убили совсем. Куда же смотрели твои могущественные люди? Почему они не помешали убивать? Не верю... Не верю...

Она попыталась высвободиться, но он крепко держал ее.

— Что поделаешь, — сказал он. — На этот раз они немного запоздали. Но теперь они снова следят за нами и берегут нас. Почему ты не веришь мне сегодня? Ведь ты всегда верила. Ты сама видела: я вернулся чуть живой, а взгляни на меня сейчас!..

— Не хочу смотреть, — сказала она, пряча лицо. — Не хочу опять плакать.

— Ну вот! Несколько царапин! Пустяки... Самое страшное позади. По крайней мере для нас с тобой.

Но есть люди очень хорошие, замечательные, для которых этот ужас еще не кончился. И я должен им помочь.

Она глубоко вздохнула, поцеловала его в шею и тихонько высвободилась.

— Приходи сегодня вечером, — попросила она. — Придешь?

— Обязательно! — горячо сказал он. — Я приду раньше и, наверное, не один. Жди меня к обеду.

Она отошла в сторону, села в кресло и, положив руки на колени, смотрела, как он одевается. Румата, бормоча русские слова, натянул штаны с бубенчиками (Муга сейчас же опустился перед ним на корточки и принялся застегивать многочисленные пряжки и пуговки), вновь надел поверх чистой майки благословенную кольчугу и, наконец, сказал с отчаянием:

— Маленькая, ну пойми, ну, надо мне идти — что я могу поделать?! Не могу я не идти!

Она вдруг сказала задумчиво:

— Иногда я не могу понять, почему ты не бьешь меня.

Румата, застегивавший рубашку с пышными брыжами, застыл.

— То есть как это, почему не бью? — растерянно спросил он. — Разве тебя можно бить?

— Ты не просто добрый, хороший человек, — продолжала она, не слушая. — Ты еще и очень странный человек. Ты словно архангел... Когда ты со мной, я делаюсь смелой. Сейчас вот я смелая... Когда-нибудь я тебя обязательно спрошу об одной вещи. Ты — не сейчас, а потом, когда все пройдет, — расскажешь мне о себе?

Румата долго молчал. Муга подал ему оранжевый камзол с красно полосыми бантиками. Румата с отвращением натянул его и туго подпоясался.

— Да, — сказал он наконец. — Когда-нибудь я расскажу тебе все, маленькая.

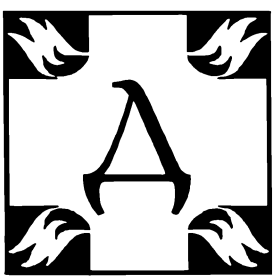
— Я буду ждать, — сказала она серьезно. — А сейчас иди и не обращай на меня внимания.

Румата подошел к ней, крепко поцеловал в губы разбитыми губами, затем снял с руки железный браслет и протянул ей.

— Надень на левую руку, — сказал он. — Сегодня к нам в дом больше не должны приходить, но если придут — покажешь это.

Она смотрела ему вслед, и он точно знал, что она думает. Она думает: «Я не знаю, может быть, ты дьявол, или сын бога, или человек из сказочных заморских стран, но если ты не вернешься, я умру». И оттого, что она молчала, он был ей бесконечно благодарен, так как уходить ему было необычайно трудно — словно с изумрудного солнечного берега он бросался вниз головой в зловонную лужу.

ГЛАВА 8

о канцелярии епископа Арканарского Румата добирался задами. Он крадучись проходил тесные дворики горожан, путаясь в развешенном для просушки тряпье, пролезал через дыры в заборах, оставляя на ржавых гвоздях роскошные банты и клочья драгоценных соанских кружев, на четвереньках пробегал между картофельными грядками. Все же ему не удалось ускользнуть от бдительного ока черного воинства. Выбравшись в узкий кривой переулок, ведущий к свалке, он столкнулся с двумя мрачными подвыпившими монахами.

Румата попытался обойти их — монахи вытащили мечи и заступили дорогу. Румата взялся за рукоятки мечей — монахи засвистели в три пальца, созывая подмогу. Румата стал отступать к лазу, из которого только что выбрался, но навстречу ему в переулок вдруг выскочил маленький юркий человечек с неприметным лицом. Задев Румату плечом, он подбежал к

монахам и что-то сказал им, после чего монахи, подобрав рясы над голенастыми, обтянутыми сиреневым ногами, пустились рысью прочь и скрылись за домами. Маленький человечек, не обернувшись, засеменил за ними.

Понятно, подумал Румата. Шпион-телохранитель. И даже не очень скрывается. Предусмотрителен епископ Арканарский. Интересно, чего он больше боится — меня или за меня? Проводив глазами шпиона, он повернул к свалке. Свалка выходила на зады канцелярии бывшего министерства охраны короны и, надо было надеяться, не патрулировалась.

Переулок был пуст. Но уже тихо поскрипывали ставни, хлопали двери, плакал младенец, слышалось опасливое перешептывание. Из-за полусгнившей изгороди осторожно высунулось изможденное, худое лицо, темное от въевшейся сажи. На Румату уставились испуганные, ввалившиеся глаза.

— Прощения прошу, благородный дон, и еще прошу прощения. Не скажет ли благородный дон, что в городе? Я кузнец Кикус, по прозвищу Хромач, мне в кузню идти, а я боюсь...

— Не ходи, — посоветовал Румата. — Монахи не шутят. Короля больше нет. Правит дон Рэба, епископ Святого Ордена. Так что сиди тихо.

После каждого слова кузнец торопливо кивал, глаза его наливались тоской и отчаянием.

— Орден, значит... — пробормотал он. — Ах, холера... Прошу прощения, благородный дон. Орден, стало быть... Это что же, серые или как?

— Да нет, — сказал Румата, с любопытством его разглядывая. — Серых, пожалуй, перебили. Это монахи.

— Ух ты! — сказал кузнец. — И серых, значит, тоже... Ну и Орден! Серых перебили — это, само собой, хорошо. Но вот насчет нас, благородный дон, как вы полагаете? Приспособимся, а? Под Орденом-то, а?

— Отчего же? — сказал Румата. — Ордену тоже пить-есть надо. Приспособитесь.

Кузнец оживился.

— И я так полагаю, что приспособимся. Я полагаю, главное — никого не трогай, и тебя не тронут, а?

Румата покачал головой.

— Ну нет, — сказал он. — Кто не трогает, тех больше всего и режут.

— И то верно, — вздохнул кузнец. — Да только куда денешься... Один ведь как перст, да восемь сопляков за штаны держатся. Эх, мать честная, хоть бы моего мастера прирезали! Он у серых в офицерах был. Как вы полагаете, благородный дон, могли его прирезать? Я ему пять золотых задолжал.

— Не знаю, — сказал Румата. — Возможно, и прирезали. Ты лучше вот о чем подумай, кузнец. Ты один как перст, да таких перстов вас в городе тысяч десять.

— Ну? — сказал кузнец.

— Вот и думай, — сердито сказал Румата и пошел дальше.

Черта с два он чего-нибудь надумает. Рано ему еще думать. А казалось бы, чего проще: десять тысяч таких молотобойцев, да в ярости, кого хочешь раздавят в лепешку. Но ярости-то у них как раз еще нет. Один страх. Каждый за себя, один бог за всех.

Кусты бузины на окраине квартала вдруг зашевелились, и в переулок вполз дон Тамэо. Увидев Румату, он вскрикнул от радости, вскочил и, сильно пошатнувшись, двинулся навстречу, простирая к нему измазанные в земле руки.

— Мой благородный дон! — вскричал он. — Как я рад! Я вижу, вы тоже в канцелярию?

— Разумеется, мой благородный дон, — ответил Румата, ловко уклоняясь от объятий.

— Разрешите присоединиться к вам, благородный дон?

— Сочту за честь, благородный дон.

Они раскланялись. Очевидно было, что дон Тамэо как начал со вчерашнего дня, так по сю пору остановиться не может. Он извлек из широчайших желтых штанов стеклянную флягу тонкой работы.

— Не желаете ли, благородный дон? — учтиво предложил он.

— Благодарствуйте, — сказал Румата.

— Ром! — заявил дон Тамэо. — Настоящий ром из метрополии. Я заплатил за него золотой.

Они спустились к свалке и, зажимая носы, пошли шагать через кучи отбросов, трупы собак и зловонные лужи, кишащие белыми червями. В утреннем воздухе стоял непрерывный гул мириадов изумрудных мух.

— Вот странно, — сказал дон Тамэо, закрывая флягу, — я здесь никогда раньше не был.

Румата промолчал.

— Дон Рэба всегда восхищал меня, — сказал дон Тамэо. — Я был убежден, что он в конце концов свергнет ничтожного монарха, проложит нам новые пути и откроет сверкающие перспективы. — С этими словами он, сильно забрызгавшись, въехал ногой в желто-зеленую лужу и, чтобы не свалиться, ухватился за Румату. — Да! — продолжал он, когда они выбрались на твердую почву. — Мы, молодая аристократия, всегда будем с доном Рэбой! Наступило, наконец, желанное послабление. Посудите сами, дон Румата, я уже час хожу по переулкам и огородам, но не встретил ни одного серого. Мы смели серую нечисть с лица земли, и так сладко и вольно дышится теперь в возрожденном Арканаре! Вместо грубых лавочников, этих наглых хамов и мужиков, улицы полны слугами господними. Я видел: некоторые дворяне уже открыто прогуливаются перед своими домами. Теперь им нечего опасаться, что какой-нибудь невежа в навозном фартуке забрызгает их своей нечистой телегой. И уже не приходится прокладывать себе дорогу среди вчерашних мясников и галантерейщиков. Осененные благословением великого Святого Ордена, к которому я всегда питал величайшее уважение и, не буду скрывать, сердечную нежность, мы придем к неслыханному процветанию, когда ни один мужик не осмелится поднять глаза на дворянина без разрешения, подписанного окружным инспектором

Ордена. Я несу сейчас докладную записку по этому поводу.

— Отвратительная вонь, — с чувством сказал Румата.

— Да, ужасная, — согласился дон Тамэо, закрывая флягу. — Но зато как вольно дышится в возрожденном Арканаре! И цены на вино упали вдвое...

К концу пути дон Тамэо осушил флягу до дна, швырнул ее в пространство и пришел в необычайное возбуждение. Два раза он упал, причем во второй раз отказался чиститься, заявив, что многогрешен, грязен от природы и желает в таком виде предстать. Он снова и снова принимался во все горло цитировать свою докладную записку. «Крепко сказано! — восклицал он. — Возьмите, например, вот это место, благородные доны: дабы вонючие мужики... А? Какая мысль!» Когда они выбрались на задний двор канцелярии, он рухнул на первого же монаха и, заливаясь слезами, стал молить об отпущении грехов. Полузадохшийся монах яростно отбивался, пытаясь свистом звать на помощь, но дон Тамэо ухватил его за рясу, и они оба повалились на кучу отбросов. Румата их оставил и, удаляясь, еще долго слышал жалобный прерывистый свист и возгласы: «Дабы вонючие мужики!.. Бла-асловения!.. Всем сердцем!.. Нежность испытывал, нежность, понимаешь ты, мужицкая морда?»

На площади перед входом, в тени квадратной Веселой Башни, располагался отряд пеших монахов, вооруженных устрашающего вида узловатыми дубинками. Покойников убрали. От утреннего ветра на площади крутились желтые пыльные столбы. Под широкой конической крышей башни, как всегда, орали и ссорились вороны — там, с выступающих балок, свешивались вздернутые вниз головой. Башня была построена лет двести назад предком покойного короля исключительно для военных надобностей. Она стояла на прочном трехэтажном фундаменте, в котором хранились некогда запасы пищи на случай осады. Потом башню превратили в тюрьму. Но от землетрясения все перекрытия внутри

обрушились, и тюрьму пришлось перенести в подвалы. В свое время одна из Арканарских королев пожаловалась своему повелителю, что ей мешают веселиться вопли пытаемых, оглашающие округу. Августейший супруг приказал, чтобы в башне с утра и до ночи играл военный оркестр. С тех пор башня получила свое нынешнее название. Давно она уже представляла собой пустой каменный каркас, давно уже следственные камеры переместились во вновь отрытые, самые нижние этажи фундамента, давно уже не играл там никакой оркестр, а горожане все еще называли эту башню Веселой.

Обычно вокруг Веселой Башни бывало пустынно. Но сегодня здесь царило большое оживление. К ней вели, тащили, волокли по земле штурмовиков в изодранных серых мундирах, вшивых бродяг в лохмотьях, полуодетых, пупырчатых от страха горожан, истошно вопящих девок, целыми бандами гнали угрюмо озирающихся оборванцев из ночной армии. И тут же из каких-то потайных выходов вытаскивали крючьями трупы, валили на телеги и увозили за город. Хвост длиннейшей очереди дворян и зажиточных горожан, торчащий из отверстых дверей канцелярии, со страхом и смятением поглядывал на эту жуткую суету.

В канцелярию пускали всех, а некоторых даже приводили под конвоем. Румата протолкался внутрь. Там было душно, как на свалке. За широким столом, обложившись списками, сидел чиновник с желто-серым лицом, с большим гусиным пером за оттопыренным ухом. Очередной проситель, благородный дон Кэу, спесиво надувая усы, назвал свое имя.

— Снимите шляпу, — произнес бесцветным голосом чиновник, не отрывая глаз от бумаг.

— Род Кэу имеет привилегию носить шляпу в присутствии самого короля, — гордо провозгласил дон Кэу.

— Никто не имеет привилегий перед Орденом, — тем же бесцветным голосом произнес чиновник.

Дон Кэу запыхтел, багровея, но шляпу снял. Чиновник вел по списку длинным желтым ногтем.

— Дон Кэу... дон Кэу... — бормотал он, — дон Кэу... Королевская улица, дом двенадцать?

— Да, — жирным раздраженным голосом сказал дон Кэу.

— Номер четыреста восемьдесят пять, брат Тибак.

Брат Тибак, сидевший у соседнего стола, грузный, малиновый от духоты, поискал в бумагах, стер с лысины пот и монотонно прочел, поднявшись:

— «Номер четыреста восемьдесят пять, дон Кэу, Королевская, двенадцать, за поношение имени его преосвященства епископа Арканарского дона Рэбы, имевшее место на дворцовом балу в позапрошлом году, назначается три дюжины розог по обнаженным мягким частям с целованием ботинка его преосвященства».

Брат Тибак сел.

— Пройдите по этому коридору, — сказал чиновник бесцветным голосом, — розги направо, ботинок налево. Следующий...

К огромному изумлению Руматы, дон Кэу не протестовал. Видимо, он уже всякого насмотрелся в этой очереди. Он только крякнул, с достоинством поправил усы и удалился в коридор. Следующий, трясущийся от жира гигантский дон Пифа, уже стоял без шляпы.

— Дон Пифа... дон Пифа... — забубнил чиновник, ведя пальцем по списку. — Улица Молочников, дом два?

Дон Пифа издал горловой звук.

— Номер пятьсот четыре, брат Тибак.

Брат Тибак снова утерся и снова встал.

— Номер пятьсот четыре, дон Пифа, Молочников, два, ни в чем не замечен перед его преосвященством — следовательно, чист.

— Дон Пифа, — сказал чиновник, — получите знак очищения. — Он наклонился, достал из сундука, стоящего возле кресла, железный браслет и подал его благородному Пифе. — Носить на левой руке, предъявлять по первому требованию воинов Ордена. Следующий...

Дон Пифа издал горловой звук и отошел, разглядывая браслет. Чиновник уже бубнил следующее имя.

Румата оглядел очередь. Тут было много знакомых лиц. Некоторые были одеты привычно богато, другие явно прибеднялись, но все были основательно измазаны в грязи. Где-то в середине очереди громко, так, чтобы все слышали, дон Сэра уже третий раз за последние пять минут провозглашал: «Не вижу, почему бы даже благородному дону не принять пару розог от имени его преосвященства!»

Румата подождал, пока следующего отправили в коридор (это был известный рыботорговец, ему назначили пять розог без целования за невосторженный образ мыслей), протолкался к столу и бесцеремонно положил ладонь на бумаги перед чиновником.

— Прошу прощения, — сказал он. — Мне нужен приказ на освобождение доктора Будаха. Я дон Румата.

Чиновник не поднял головы.

— Дон Румата... дон Румата... — забормотал он и, отпихнув руку Руматы, повел ногтем по списку.

— Что ты делаешь, старая чернильница? — сказал Румата. — Мне нужен приказ на освобождение!

— Дон Румата... дон Румата... — Остановить этот автомат было, видимо, невозможно. — Улица Котельщиков, дом восемь. Номер шестнадцать, брат Тибак.

Румата чувствовал, что за его спиной все затаили дыхание. Да и самому ему, если признаться, стало не по себе. Потный и малиновый брат Тибак встал.

— Номер шестнадцать, дон Румата, Котельщиков восемь, за специальные заслуги перед Орденом удостоен особой благодарности его преосвященства и благоволит получить приказ об освобождении доктора Будаха, с каковым Будахом поступит по своему усмотрению — смотри лист шесть—семнадцать—одиннадцать.

Чиновник немедленно извлек этот лист из-под списков и протянул Румате.

— В желтую дверь, на второй этаж, комната шесть, прямо по коридору, направо и налево, — сказал он. — Следующий...

Румата просмотрел лист. Это не был приказ на освобождение Будаха. Это было основание для получения

пропуска в пятый, специальный отдел канцелярии, где ему надлежало взять предписание в секретариат тайных дел.

— Что ты мне дал, дубина? — спросил Румата. — Где приказ?

— В желтую дверь, на второй этаж, комната шесть, прямо по коридору, направо и налево, — повторил чиновник.

— Я спрашиваю, где приказ? — рявкнул Румата.

— Не знаю... не знаю... Следующий!

Над ухом Руматы послышалось сопение, и что-то мягкое и жаркое навалилось ему на спину. Он отстранился. К столу снова протиснулся дон Пифа.

— Не лезет, — сказал он пискляво.

Чиновник мутно поглядел на него.

— Имя? Звание? — спросил он.

— Не лезет, — снова сказал дон Пифа, дергая браслет, едва налезающий на три жирных пальца.

— Не лезет... не лезет... — пробормотал чиновник и вдруг быстро притянул к себе толстую книгу, лежащую справа на столе. Книга была зловещего вида — в черном засаленном переплете. Несколько секунд дон Пифа оторопело смотрел на нее, потом вдруг отшатнулся и, не говоря ни слова, устремился к выходу. В очереди загомонили: «Не задерживайтесь, быстрее!» Румата тоже отошел от стола. Вот это трясина, подумал он. Ну, я вас... Чиновник принялся бубнить в пространство: «Если же указанный знак очищения не помещается на левом запястье очищенного или ежели очищенный не имеет левого запястья как такового...» Румата обошел стол, запустил обе руки в сундук с браслетами, захватил, сколько мог, и пошел прочь.

— Эй, эй, — без выражения окликнул его чиновник. — Основание!

— Во имя господа, — значительно сказал Румата, оглянувшись через плечо. Чиновник и брат Тибак дружно встали и нестройно ответили: «Именем его». Очередь глядела вслед Румате с завистью и восхищением.

Выйдя из канцелярии, Румата медленно направился к Веселой Башне, защелкивая по дороге браслеты на левой руке. Браслетов оказалось девять, и на левой руке уместилось только пять. Остальные четыре Румата нацепил на правую руку. На измор хотел меня взять епископ Арканарский, думал он. Не выйдет. Браслеты звякали на каждом шагу, в руке Румата держал на виду внушительную бумагу — лист шесть—семнадцать—одиннадцать, украшенный разноцветными печатями. Встречные монахи, пешие и конные, торопливо сворачивали с дороги. В толпе на почтительном расстоянии то появлялся, то исчезал неприметный шпион-телохранитель. Румата, немилосердно колотя замешкавшихся ножнами мечей, пробрался к воротам, грозно рыкнул на сунувшегося было стражника и, миновав двор, стал спускаться по осклизлым, выщербленным ступеням в озаренный коптящими факелами полумрак. Здесь начиналась святая святых бывшего министерства охраны короны — королевская тюрьма и следственные камеры.

В сводчатых коридорах через каждые десять шагов торчал из ржавого гнезда в стене смердящий факел. Под каждым факелом в нише, похожей на пещеру, чернела дверца с зарешеченным окошечком. Это были входы в тюремные помещения, закрытые снаружи тяжелыми железными засовами. В коридорах было полно народу. Толкались, бегали, кричали, командовали... Скрипели засовы, хлопали двери, кого-то били, и он вопил, кого-то волокли, и он упирался, кого-то заталкивали в камеру, и без того набитую до отказа, кого-то пытались из камеры вытянуть и никак не могли, он истошно кричал: «Не я, не я!» — и цеплялся за соседей. Лица встречных монахов были деловиты до ожесточенности. Каждый спешил, каждый творил государственной важности дела. Румата, пытаясь разобраться, что к чему, неторопливо проходил коридор за коридором, спускаясь все ниже и ниже. В нижних этажах было поспокойнее. Здесь, судя по разговорам, экзаменовались выпускники Патриотической

школы. Полуголые грудастые недоросли в кожаных передниках стояли кучками у дверей пыточных камер, листали засаленные руководства и время от времени подходили пить воду к большому баку с кружкой на цепи. Из камер доносились ужасные крики, звуки ударов, густо тянуло горелым. И разговоры, разговоры!..

— У костоломки есть такой винт сверху, так он сломался. А я виноват? Он меня выпер. «Дубина, — говорит, — стоеросовая, получи, — говорит, — пять по мягкому и опять приходи...»

— А вот узнать бы, кто сечет, может, наш же брат студент и сечет. Так договориться заранее, грошей по пять с носу собрать и сунуть...

— Когда жиру много, накалять зубец не след, все одно в жиру остынет. Ты щипчики возьми и сало слегка отдери...

— Так ведь поножи господа бога для ног, они пошире будут и на клиньях, а перчатки великомученицы — на винтах, это для руки специально, понял?

— Смехота, братья! Захожу, гляжу — в цепях-то кто? Фика Рыжий, мясник с нашей улицы, уши мне все пьяный рвал. Ну, держись, думаю, уж порадуюсь я...

— А Пэкора Губу как с утра монахи уволокли, так и не вернулся. И на экзамен не пришел.

— Эх, мне бы мясокрутку применить, а я его сдуру ломиком по бокам, ну, сломал ребро. Тут отец Кин меня за виски, сапогом под копчик, да так точно, братья, скажу вам — света я невзвидел, до се больно. «Ты что, — говорит, — мне матерьял портишь?»

Смотрите, смотрите, друзья мои, думал Румата, медленно поворачивая голову из стороны в сторону. Это не теория. Этого никто из людей еще не видел. Смотрите, слушайте, кинографируйте... и цените, и любите, черт вас возьми, свое время, и поклонитесь памяти тех, кто прошел через это! Вглядывайтесь в эти морды, молодые, тупые, равнодушные, привычные ко всякому

зверству, да не воротите нос, ваши собственные предки были не лучше...

Его заметили. Десяток пар всякого повидавших глаз уставился на него.

— Во, дон стоят. Побелели весь.

— Хе... Так благородные, известно, не в привычку...

— Воды, говорят, в таких случаях дать, да цепь коротка, не дотянуть...

— Чего там, оклемаются...

— Мне бы такого... Такие про что спросишь, про то и ответят...

— Вы, братья, потише, не то как рубанет... Колец-то сколько... И бумага.

— Как-то они на нас уставились... Отойдем, братья, от греха.

Они группой стронулись с места, отошли в тень и оттуда поблескивали осторожными паучьими глазками. Ну, хватит с меня, подумал Румата. Он примерился было поймать за рясу пробегающего монаха, но тут заметил сразу трех, не суетящихся, а занятых делом на месте. Они лупили палками палача: видимо, за нерадивость. Румата подошел к ним.

— Во имя господа, — негромко сказал он, брякнув кольцами.

Монахи опустили палки, присмотрелись.

— Именем его, — сказал самый рослый.

— А ну, отцы, — сказал Румата, — проводите к коридорному смотрителю.

Монахи переглянулись. Палач проворно отполз и спрятался за баком.

— А он тебе зачем? — спросил рослый монах.

Румата молча поднял бумагу к его лицу, подержал и опустил.

— Ага, — сказал монах. — Ну, я нынче буду коридорный смотритель.

— Превосходно, — сказал Румата и свернул бумагу в трубку. — Я дон Румата. Его преосвященство подарил мне доктора Будаха. Ступай и приведи его.

Монах сунул руку под клобук и громко поскребся.

— Будах? — сказал он раздумчиво. — Это который же Будах? Растлитель, что ли?

— Не, — сказал другой монах. — Растлитель — тот Рудах. Его и выпустили еще ночью. Сам отец Кин его расковал и наружу вывел. А я...

— Вздор, вздор! — неторопливо сказал Румата, похлопывая себя бумагой по бедру. — Будах. Королевский отравитель.

— А-а... — сказал смотритель. — Знаю. Так он уже на колу, наверное... Брат Пакка, сходи в двенадцатую, посмотри. А ты что, выводить его будешь? — обратился он к Румате.

— Естественно, — сказал Румата. — Он мой.

— Тогда бумажечку позволь сюда. Бумажечка в дело пойдет. — Румата отдал бумагу.

Смотритель повертел ее в руках, разглядывая печати, затем сказал с восхищением:

— Ну и пишут же люди! Ты, дон, постой в сторонке, подожди, у нас тут пока дело... Э, а куда этот-то подевался?

Монахи стали озираться, ища провинившегося палача. Румата отошел. Палача вытащили из-за бака, снова разложили на полу и принялись деловито, без излишней жестокости пороть. Минут через пять из-за поворота появился посланный монах, таща за собой на веревке худого, совершенно седого старика в темной одежде.

— Вот он, Будах-то! — радостно закричал монах еще издали. — И ничего он не на колу, живой Будах-то, здоровый! Маленько ослабел, правда, давно, видать, голодный сидит...

Румата шагнул им навстречу, вырвал веревку из рук монаха и снял петлю с шеи старика.

— Вы Будах Ируканский? — спросил он.

— Да, — сказал старик, глядя исподлобья.

— Я Румата, идите за мной и не отставайте. — Румата повернулся к монахам. — Во имя господа, — сказал он.

Смотритель разогнул спину и, опустив палку, ответил, чуть задыхаясь: «Именем его».

Румата поглядел на Будаха и увидел, что старик держится за стену и еле стоит.

— Мне плохо, — сказал он, болезненно улыбаясь. — Извините, благородный дон.

Румата взял его под руку и повел. Когда монахи скрылись из виду, он остановился, достал из ампулы таблетку спорамина и протянул Будаху. Будах вопросительно взглянул на него.

— Проглотите, — сказал Румата. — Вам сразу станет легче.

Будах, все еще опираясь на стену, взял таблетку, осмотрел, понюхал, поднял косматые брови, потом осторожно положил на язык и почмокал.

— Глотайте, глотайте, — с улыбкой сказал Румата.

Будах проглотил.

— М-м-м... — произнес он. — Я полагал, что знаю о лекарствах все. — Он замолчал, прислушиваясь к своим ощущениям. — М-м-м-м! — сказал он. — Любопытно! Сушеная селезенка вепря Ы? Хотя нет, вкус не гнилостный.

— Пойдемте, — сказал Румата.

Они пошли по коридору, поднялись по лестнице, миновали еще один коридор и поднялись еще по одной лестнице. И тут Румата остановился как вкопанный. Знакомый густой рев огласил тюремные своды. Где-то в недрах тюрьмы орал во всю мочь, сыпля чудовищными проклятиями, понося бога, святых, преисподнюю, Святой Орден, дона Рэбу и еще многое другое, душевный друг барон Пампа дон Бау-но-Сурга-но-Гатта-но-Арканара. Все-таки попался барон, подумал Румата с раскаянием. Я совсем забыл о нем. А он бы обо мне не забыл... Румата поспешно снял с руки два браслета, надел на худые запястья доктора Будаха и сказал:

— Поднимайтесь наверх, но за ворота не выходите. Ждите где-нибудь в сторонке. Если пристанут, покажите браслеты и держитесь нагло.

Барон Пампа ревел, как атомоход в полярном тумане. Гулкое эхо катилось под сводами. Люди в коридорах застыли, благоговейно прислушиваясь с раскрытыми ртами. Многие отмахивались большим пальцем, отгоняя нечистого. Румата скатился по двум лестницам, сбивая с ног встречных монахов, ножнами мечей проложил себе дорогу сквозь толпу выпускников и пинком распахнул дверь камеры, прогибающуюся от рева. В мятущемся свете факелов он увидел друга Пампу: могучий барон был распят голый на стене вниз головой. Лицо его почернело от прилившей крови. За кривоватым столиком сидел, заткнув уши, сутулый чиновник, а лоснящийся от пота палач, чем-то похожий на дантиста, перебирал в железном тазу лязгающие инструменты.

Румата аккуратно закрыл за собой дверь, подошел сзади к палачу и ударил его рукояткой меча по затылку. Палач повернулся, охватил голову и сел в таз. Румата извлек из ножен меч и перерубил стол с бумагами, за которым сидел чиновник. Все было в порядке. Палач сидел в тазу, слабо икая, а чиновник очень проворно убежал на четвереньках в угол и прилег там. Румата подошел к барону, с радостным любопытством глядевшему на него снизу вверх, взялся за цепи, державшие баронские ноги, и в два рывка вырвал их из стены. Затем он осторожно поставил ноги барона на пол. Барон замолчал, застыл в странной позе, затем рванулся и освободил руки.

— Могу ли я поверить, — снова загремел он, вращая налитыми кровью белками, — что это вы, мой благородный друг?! Наконец-то я нашел вас!

— Да, это я, — сказал Румата. — Пойдемте отсюда, мой друг, вам здесь не место.

— Пива! — сказал барон. — Где-то здесь было пиво. — Он пошел по камере, волоча обрывки цепей и не переставая громыхать. — Полночи я бегал по городу! Черт возьми, мне сказали, что вы арестованы, и я перебил массу народу! Я был уверен, что найду вас в этой тюрьме! А, вот оно!

Он подошел к палачу и смахнул его, как пыль, вместе с тазом. Под тазом обнаружился бочонок. Барон кулаком выбил дно, поднял бочонок и опрокинул его над собой, задрав голову. Струя пива с клокотанием устремилась в его глотку. Что за прелесть, думал Румата, с нежностью глядя на барона. Казалось бы, бык, безмозглый бык, но ведь искал же меня, хотел спасти, ведь пришел, наверное, сюда в тюрьму за мной, сам... Нет, есть люди и в этом мире, будь он проклят... Но до чего удачно получилось!

Барон осушил бочонок и швырнул в угол, где шумно дрожал чиновник. В углу пискнуло.

— Ну вот, — сказал барон, вытирая бороду ладонью. — Теперь я готов следовать за вами. Это ничего, что я голый?

Румата огляделся, подошел к палачу и вытряхнул его из фартука.

— Возьмите пока это, — сказал он.

— Вы правы, — сказал барон, обвязывая фартук вокруг чресел. — Было бы неудобно явиться к баронессе голым...

Они вышли из камеры. Ни один человек не решился заступить им дорогу, коридор пустел за двадцать шагов.

— Я их всех разнесу, — ревел барон. — Они заняли мой замок! И посадили там какого-то отца Ариму! Не знаю, чей он там отец, но дети его, клянусь господом, скоро осиротеют. Черт побери, мой друг, вы не находите, что здесь удивительно низкие потолки? Я исцарапал всю макушку...

Они вышли из башни. Мелькнул перед глазами и шарахнулся в толпу шпион-телохранитель. Румата дал Будаху знак следовать за ними. Толпа у ворот раздалась, как будто ее рассекли мечом. Было слышно, как одни кричат, что сбежал важный государственный преступник, а другие, что «вот он, Голый Дьявол, знаменитый эсторский палач-расчленитель».

Барон вышел на середину площади и остановился, морщась от солнечного света. Следовало торопиться. Румата быстро огляделся.

— Где-то тут была моя лошадь, — сказал барон. — Эй, кто там! Коня!

У коновязи, где топтались лошади орденской кавалерии, возникла суета.

— Не ту! — рявкнул барон. — Вон ту — серую в яблоках!

— Во имя господа! — запоздало крикнул Румата и потащил через голову перевязь с правым мечом.

Испуганный монашек в замаранной рясе подвел барону лошадь.

— Дайте ему что-нибудь, дон Румата, — сказал барон, тяжело поднимаясь в седло.

— Стой, стой! — закричали у башни.

Через площадь, размахивая дубинками, бежали монахи. Румата сунул барону меч.

— Торопитесь, барон, — сказал он.

— Да, — сказал Пампа. — Надо спешить. Этот Арима разграбит мой погреб. Я жду вас у себя завтра или послезавтра, мой друг. Что передать баронессе?

— Поцелуйте ей руку, — сказал Румата. Монахи уже были совсем близко. — Скорее, скорее, барон!..

— Но вы-то в безопасности? — с беспокойством осведомился барон.

— Да, черт возьми, да! Вперед!

Барон бросил коня в галоп, прямо на толпу монахов. Кто-то упал и покатился, кто-то заверещал, поднялась пыль, простучали копыта по каменным плитам — и барон исчез. Румата смотрел в переулок, где сидели, ошалело тряся головами, сбитые с ног, когда вкрадчивый голос произнес над его ухом:

— Мой благородный дон, а не кажется ли вам, что вы слишком много себе позволяете?

Румата обернулся. В лицо ему с несколько напряженной улыбкой пристально глядел дон Рэба.

— Слишком много? — переспросил Румата. — Мне не знакомо это слово — «слишком». — Он вдруг вспомнил дона Сэра. — И вообще не вижу, почему бы одному благородному дону не помочь другому в беде.

Мимо, уставив пики, тяжко проскакали всадники — в погоню. В лице дона Рэбы что-то изменилось.

— Ну хорошо, — сказал он. — Не будем об этом... О, я вижу здесь высокоученого доктора Будаха... Вы прекрасно выглядите, доктор. Мне придется обревизовать свою тюрьму. Государственные преступники, даже отпущенные на свободу, не должны выходить из тюрьмы — их должны выносить.

Доктор Будах, как слепой, двинулся на него. Румата быстро встал между ними.

— Между прочим, дон Рэба, — сказал он, — как вы относитесь к отцу Ариме?

— К отцу Ариме? — Дон Рэба высоко поднял брови. — Прекрасный военный. Занимает видный пост в моей епископии. А в чем дело?

— Как верный слуга вашего преосвященства, — кланяясь, с острым злорадством сказал Румата, — спешу сообщить вам, что этот видный пост вы можете считать вакантным.

— Но почему?

Румата посмотрел в переулок, где еще не рассеялась желтая пыль. Дон Рэба тоже посмотрел туда. На лице его появилось озабоченное выражение.

Было уже далеко за полдень, когда Кира пригласила благородного господина и его высокоученого друга к столу. Доктор Будах, отмывшийся, переодетый во все чистое, тщательно побритый, выглядел очень внушительно. Движения его оказались медлительны и исполнены достоинства, умные серые глаза смотрели благосклонно и даже снисходительно. Прежде всего он извинился перед Руматой за свою вспышку на площади. «Но вы должны меня понять, — говорил он. — Это страшный человек. Это оборотень, который явился на свет только упущением божьим. Я врач, но мне не стыдно признаться, что при случае я охотно умертвил бы его. Я слыхал, что король отравлен. И теперь понимаю, чем он отравлен. (Румата насторожился.) Этот Рэба явился ко мне в камеру и потребовал, чтобы я

составил для него яд, действующий в течение нескольких часов. Разумеется, я отказался. Он пригрозил мне пытками — я засмеялся ему в лицо. Тогда этот негодяй крикнул палачей, и они привели ему с улицы дюжину мальчиков и девочек не старше десяти лет. Он поставил их передо мной, раскрыл мой мешок со снадобьями и объявил, что будет пробовать на этих детях все снадобья подряд, пока не найдет нужное. Вот как был отравлен король, дон Румата...» Губы Будаха начали подергиваться, но он взял себя в руки. Румата, деликатно отвернувшись, кивал. Понятно, думал он. Все понятно. Из рук своего министра король не взял бы и огурца. И мерзавец подсунул королю какого-то шарлатанчика, которому был обещан титул лейб-знахаря за излечение короля. И понятно, почему Рэба так возликовал, когда я обличал его в королевской опочивальне: трудно было придумать более удобный способ подсунуть королю лже-Будаха. Вся ответственность падала на Румату Эсторского, ируканского шпиона и заговорщика. Щенки мы, подумал он. В Институте надо специально ввести курс феодальной интриги. И успеваемость оценивать в рэбах. Лучше, конечно, в децирэбах. Впрочем, куда там...

По-видимому, доктор Будах был очень голоден. Однако он мягко, но решительно отказался от животной пищи и почтил своим вниманием только салаты и пирожки с вареньем. Он выпил стакан эсторского, глаза его заблестели, на щеках появился здоровый румянец. Румата есть не мог. Перед глазами у него трещали и чадили багровые факелы, отовсюду несло горелым мясом, и в горле стоял клубок величиною с кулак. Поэтому, ожидая, пока гость насытится, он стоял у окна, ведя вежливую беседу, медлительную и спокойную, чтобы не мешать гостю жевать.

Город постепенно оживал. На улице появились люди, голоса становились все громче, слышался стук молотков и треск дерева — с крыш и со стен сбивали языческие изображения. Толстый лысый лавочник прокатил тележку с бочкой пива — продавать на площади

по два гроша за кружку. Горожане приспосабливались. В подъезде напротив, ковыряя в носу, болтал с тощей хозяйкой маленький шпион-телохранитель. Потом под окном поехали подводы, нагруженные до второго этажа. Румата сначала не понял, что это за подводы, а потом увидел синие и черные руки и ноги, торчащие из-под рогож, и поспешно отошел к столу.

— Сущность человека, — неторопливо жуя, говорил Будах, — в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Ни лошадь, ни собака, ни мышь не обладают таким свойством. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны, привычка терпеть и приспосабливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в беззащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...

Румата поглядел на Киру. Она сидела напротив Будаха и слушала, не отрываясь, подперев щеку кулачком. Глаза у нее были грустные: видно, ей было очень жалко людей.

— Вероятно, вы правы, почтенный Будах, — сказал Румата. — Но возьмите меня. Вот я — простой благородный дон (у Будаха высокий лоб пошел морщинами, глаза удивленно и весело округлились), я безмерно люблю ученых людей, это дворянство духа. И мне невдомек, почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадежно пассивны? Почему вы безропотно даете себя презирать, бросать в тюрьмы, сжигать на кострах? Почему вы отрываете смысл своей жизни — добывание знаний — от практических потребностей жизни — борьбы против зла?

Будах отодвинул от себя опустевшее блюдо из-под пирожков.

— Вы задаете странные вопросы, дон Румата, — сказал он. — Забавно, что те же вопросы задавал мне благородный дон Гуг, постельничий нашего герцога. Вы знакомы с ним? Я так и подумал... Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему. Для нас, ученых, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество — благо, а все зло от знания. Для землепашца зло — налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи — добро. Для рабов зло — это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника — алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата? — Он грустно оглядел слушателей. — Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счет ухудшения судьбы других. И всегда будут короли, более или менее жестокие, бароны, более или менее дикие, и всегда будет невежественный народ, питающий восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И все потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир.

— Мир все время меняется, доктор Будах, — сказал Румата. — Мы знаем время, когда королей не было...

— Мир не может меняться вечно, — возразил Будах, — ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. Взгляните, например, как устроено наше общество. Как радует глаз эта четкая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними король. Как все продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! Чему еще меняться в этом отточенном кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира? Нет зданий прочнее пирамидальных, это вам скажет любой знающий архитектор. — Он поучающе поднял палец. — Зерно, высыпаемое из

мешка, не ложится ровным слоем, но образует так называемую коническую пирамиду. Каждое зернышко цепляется за другое, стараясь не скатиться вниз. Так же и человечество. Если оно хочет быть неким целым, люди должны цепляться друг за друга, неизбежно образуя пирамиду.

— Неужели вы серьезно считаете этот мир совершенным? — удивился Румата. — После встречи с доном Рэбой, после тюрьмы...

— Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих. Какой смысл дереву сетовать, что оно не может двигаться, хотя оно и радо было бы, наверное, бежать со всех ног от топора дровосека.

— А что, если бы можно было изменить высшие предначертания?

— На это способны только высшие силы...

— Но все-таки, представьте себе, что вы бог...

Будах засмеялся.

— Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

— Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

— У вас богатое воображение, — с удовольствием сказал Будах. — Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами...

— Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?..

Будах, одобрительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. Кира жадно смотрела на него.

— Что ж, — сказал он, — извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, может быть, ты и не собираешься делать людей добрыми и счастливыми. Захоти этого! Так просто этого

достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и все, что разделяет людей».

— И это все? — спросил Румата.

— Вам кажется, что этого мало?

Румата покачал головой.

— Бог ответил бы вам: «Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

— Я бы попросил бога оградить слабых. «Вразуми жестоких правителей», — сказал бы я.

— Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах перестал улыбаться.

— Накажи жестоких, — твердо сказал он, — чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым.

— Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

— Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

— И это не пойдет людям на пользу, — вздохнул Румата, — ибо когда получат они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

— Не давай им всего сразу! — горячо сказал Будах. — Давай понемногу, постепенно!

— Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах неловко засмеялся.

— Да, я вижу, это не так просто, — сказал он. — Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали все. Впрочем, — он подался впе-

ред, — есть еще одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

Да, это мы тоже намеревались попробовать, подумал Румата. Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках...

— Я мог бы сделать и это, — сказал он. — Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

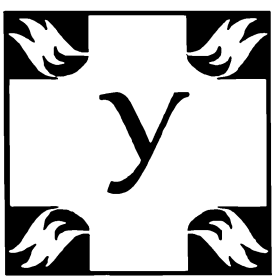
Будах, сморщив лоб, молчал обдумывая. Румата ждал. За окном снова тоскливо заскрипели подводы. Будах тихо проговорил:

— Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце мое полно жалости, — медленно сказал Румата. — Я не могу этого сделать.

И тут он увидел глаза Киры. Кира глядела на него с ужасом и надеждой.

ГЛАВА 9

ложив Будаха отдохнуть перед дальней дорогой, Румата направился к себе в кабинет. Действие спорамина кончалось, он снова чувствовал себя усталым и разбитым, снова заныли ушибы и стали вспухать изуродованные веревкой запястья. Надо поспать, думал он, надо обязательно поспать, и надо связаться с доном Кондором. И надо связаться с патрульным дирижаблем, пусть сообщат на Базу. И надо прикинуть, что мы теперь должны делать, и можем ли мы что-нибудь сделать, и как быть, если мы ничего больше не сможем сделать.

В кабинете за столом сидел, сгорбившись в кресле, положив руки на высокие подлокотники, черный монах в низко надвинутом капюшоне. Ловко, подумал Румата.

— Кто ты такой? — устало спросил он. — Кто тебя пустил?

— Добрый день, благородный дон Румата, — произнес монах, откидывая капюшон.

Румата покачал головой.

— Ловко! — сказал он. — Добрый день, славный Арата. Почему вы здесь? Что случилось?

— Все как обычно, — сказал Арата. — Армия разбрелась, все делят землю, на юг идти никто не хочет. Герцог собирает недорезанных и скоро развесит моих мужиков вверх ногами вдоль Эсторского тракта. Все как обычно, — повторил он.

— Понятно, — сказал Румата.

Он повалился на кушетку, заложил руки за голову и стал смотреть на Арату. Двадцать лет назад, когда Антон мастерил модельки и играл в Вильгельма Телля, этого человека звали Аратой Красивым, и был он тогда, вероятно, совсем не таким, как сейчас.

Не было у Араты Красивого на великолепном высоком лбу этого уродливого клейма — оно появилось после мятежа соанских корабельщиков, когда три тысячи голых рабов-ремесленников, согнанных на соанские верфи со всех концов Империи и замордованных до потери инстинкта самосохранения, в одну ненастную ночь вырвались из порта, прокатились по Соану, оставляя за собой трупы и пожары, и были встречены на окраине закованной в латы имперской пехотой...

И были, конечно, у Араты Красивого целы оба глаза. Правый глаз выскочил из орбиты от молодецкого удара баронской булавы, когда двадцатитысячная крестьянская армия, гоняясь по метрополии за баронскими дружинами, сшиблась в открытом поле с пятитысячной гвардией императора, была молниеносно разрезана, окружена и вытоптана шипастыми подковами боевых верблюдов...

И был, наверное, Арата Красивый строен как тополь. Горб и новое прозвище он получил после вилланской войны в герцогстве Убанском за два моря отсюда, когда после семи лет мора и засух четыреста тысяч живых скелетов вилами и оглоблями перебили дворян и осадили герцога Убанского в его резиденции; и герцог, слабый ум которого обострился от

невыносимого ужаса, объявил подданным прощение, впятеро снизил цены на хмельные напитки и пообещал вольности; и Арата, уже видя, что все кончено, умолял, требовал, заклинал не поддаваться на обман, был взят атаманами, полагавшими, что от добра добра не ищут, избит железными палками и брошен умирать в выгребную яму...

А вот это массивное железное кольцо на правом запястье было у него, наверное, еще когда он назывался Красивым. Оно было приковано цепью к веслу пиратской галеры, и Арата расклепал цепь, ударил этим кольцом в висок капитана Эгу Любезника, захватил корабль, а потом и всю пиратскую армаду и попытался создать вольную республику на воде... И кончилась эта затея пьяным кровавым безобразием, потому что Арата тогда был молод, не умел ненавидеть и считал, что одной лишь свободы достаточно, чтобы уподобить раба богу...

Это был профессиональный бунтовщик, мститель божьей милостью, в средние века фигура довольно редкая. Таких щук рождает иногда историческая эволюция и запускает в социальные омуты, чтобы не дремали жирные караси, пожирающие придонный планктон... Арата был здесь единственным человеком, к которому Румата не испытывал ни ненависти, ни жалости, и в своих горячечных снах землянина, прожившего пять лет в крови и вони, он часто видел себя именно таким вот Аратой, прошедшим все ады вселенной и получившим за это высокое право убивать убийц, пытать палачей и предавать предателей...

— Иногда мне кажется, — сказал Арата, — что все мы бессильны. Я вечный главарь мятежников, и я знаю, что вся моя сила в необыкновенной живучести. Но эта сила не помогает моему бессилию. Мои победы волшебным образом оборачиваются поражениями. Мои боевые друзья становятся врагами, самые храбрые бегут, самые верные предают или умирают. И нет у меня ничего, кроме голых рук, а голыми руками не доста-

нешь раззолоченных идолов, сидящих за крепостными стенами...

— Как вы очутились в Арканаре? — спросил Румата.

— Приплыл с монахами.

— Вы с ума сошли. Вас же так легко опознать...

— Только не в толпе монахов. Среди офицеров Ордена половина юродивых и увечных, как я. Калеки угодны богу. — Он усмехнулся, глядя Румате в лицо.

— И что вы намерены делать? — спросил Румата, опуская глаза.

— Как обычно. Я знаю, что такое Святой Орден; не пройдет и года, как арканарский люд полезет из своих щелей с топорами — драться на улицах. И поведу их я, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд.

— Вам понадобятся деньги? — спросил Румата.

— Да, как обычно. И оружие... — Он помолчал, затем сказал вкрадчиво: — Дон Румата, вы помните, как я был огорчен, когда узнал, кто вы такой? Я ненавижу попов, и мне очень горько, что их лживые сказки оказались правдой. Но бедному мятежнику надлежит извлекать пользу из любых обстоятельств. Попы говорят, что боги владеют молниями... Дон Румата, мне очень нужны молнии, чтобы разбивать крепостные стены.

Румата глубоко вздохнул. После чудесного спасения на вертолете Арата настоятельно потребовал объяснений. Румата попытался рассказать о себе, он даже показал в ночном небе Солнце — крошечную, едва видную звездочку. Но мятежник понял только одно: проклятые попы правы, за небесной твердью действительно живут боги, всеблагие и всемогущие. И с тех пор каждый разговор с Руматой он сводил к одному: бог, раз уж ты существуешь, дай мне свою силу, ибо это лучшее, что ты можешь сделать.

И каждый раз Румата отмалчивался или переводил разговор на другое.

— Дон Румата, — сказал мятежник, — почему вы не хотите помочь нам?

— Одну минутку, — сказал Румата. — Прошу прощения, но я хотел бы знать, как вы проникли в дом?

— Это неважно. Никто, кроме меня, не знает этой дороги. Не уклоняйтесь, дон Румата. Почему вы не хотите дать нам вашу силу?

— Не будем говорить об этом.

— Нет, мы будем говорить об этом. Я не звал вас. Я никогда никому не молился. Вы пришли ко мне сами. Или вы просто решили позабавиться?

Трудно быть богом, подумал Румата. Он сказал терпеливо:

— Вы не поймете меня. Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог, — вы так и не поверили. И вы не поймете, почему я не могу помочь вам оружием...

— У вас есть молнии?

— Я не могу дать вам молнии.

— Я уже слышал это двадцать раз, — сказал Арата. — Теперь я хочу знать: почему?

— Я повторяю: вы не поймете.

— А вы попытайтесь.

— Что вы собираетесь делать с молниями?

— Я выжгу золоченую сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их крепости. Я сожгу их армии и всех, кто будет защищать их и поддерживать. Можете не беспокоиться — ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобожденные рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их.

Арата замолчал, тяжело дыша. Лицо его потемнело от прилившей крови. Наверное, он уже видел охваченные пламенем герцогства и королевства, и груды обгорелых тел среди развалин, и огромные армии победителей, восторженно ревущих: «Свобода! Свобода!»

— Нет, — сказал Румата. — Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас... (Арата слушал, уронив голову на грудь.) — Румата стиснул пальцы. — Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймете его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны; и если вы погибнете, если молнии перейдут в другие руки, уже не такие чистые, как ваши, тогда даже мне страшно подумать, чем это может кончиться...

Они долго молчали. Потом Румата достал из погребца кувшин эсторского и еду и поставил перед гостем. Арата, не поднимая глаз, стал ломать хлеб и запивать вином. Румата ощущал странное чувство болезненной раздвоенности. Он знал, что прав, и тем не менее эта правота странным образом унижала его перед Аратой. Арата явно превосходил его в чем-то, и не только его, а всех, кто незваным пришел на эту планету и полный бессильной жалости наблюдал страшное кипение ее жизни с разреженных высот бесстрастных гипотез и чужой здесь морали. И впервые Румата подумал: ничего нельзя приобрести, не утратив, — мы бесконечно сильнее Араты в нашем царстве добра и бесконечно слабее Араты в его царстве зла...

— Вам не следовало спускаться с неба, — сказал вдруг Арата. — Возвращайтесь к себе. Вы только вредите нам.

— Это не так, — мягко сказал Румата. — Во всяком случае, мы никому не вредим.

— Нет, вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды...

— Кому?

— Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а теперь вы сделали так, что я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вел каждый бой так, словно это мой последний бой. А теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими, потому что вы примете в них участие... Уходите отсюда, дон Румата, вернитесь

к себе на небо и никогда больше не приходите. Либо дайте нам ваши молнии, или хотя бы вашу железную птицу, или хотя бы просто обнажите ваши мечи и встаньте во главе нас.

Арата замолчал и снова потянулся за хлебом. Румата глядел на его пальцы, лишенные ногтей. Ногти специальным приспособлением вырвал два года тому назад лично дон Рэба. Ты еще не знаешь всего, подумал Румата. Ты еще тешишь себя мыслью, что обречен на поражение только ты сам. Ты еще не знаешь, как безнадежно само твое дело. Ты еще не знаешь, что враг не столько вне твоих солдат, сколько внутри них. Ты еще, может быть, свалишь Орден, и волна крестьянского бунта забросит тебя на Арканарский трон, ты сровняешь с землей дворянские замки, утопишь баронов в Проливе, и восставший народ воздаст тебе все почести, как великому освободителю, и ты будешь добр и мудр — единственный добрый и мудрый человек в твоем королевстве. И по дороге ты станешь раздавать земли своим сподвижникам, а на что сподвижникам земли без крепостных? И завертится колесо в обратную сторону. И хорошо еще будет, если ты успеешь умереть своей смертью и не увидишь появления новых графов и баронов из твоих вчерашних верных бойцов. Так уже бывало, мой славный Арата, и на Земле и на твоей планете.

— Молчите? — сказал Арата. Он отодвинул от себя тарелку и смел рукавом рясы крошки со стола. — Когда-то у меня был друг, — сказал он. — Вы, наверное, слыхали — Вага Колесо. Мы начинали вместе. Потом он стал бандитом, ночным королем. Я не простил ему измены, и он знал это. Он много помогал мне — из страха и из корысти, — но так и не захотел никогда вернуться: у него были свои цели. Два года назад его люди выдали меня дону Рэбе... — Он посмотрел на свои пальцы и сжал их в кулак. — А сегодня утром я настиг его в Арканарском порту... В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — это всегда наполовину враг. — Он под-

нялся и надвинул капюшон на глаза. — Золото на прежнем месте, дон Румата?

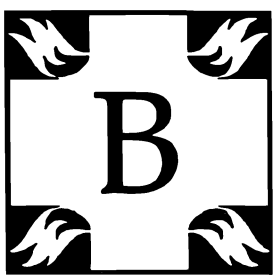
— Да, — сказал Румата медленно, — на прежнем.

— Тогда я пойду. Благодарю вас, дон Румата.

Он неслышно прошел по кабинету и скрылся за дверью. Внизу в прихожей слабо лязгнул засов.

Вот и еще одна забота, подумал Румата. Как же он все-таки проник в дом?..

ГЛАВА 10

Пьяной Берлоге было сравнительно чисто, пол тщательно подметен, стол выскоблен добела, в углах для благовония лежали охапки лесных трав и лапника. Отец Кабани чинно сидел в углу на лавочке, трезвый и тихий, сложив мытые руки на коленях. В ожидании, пока Будах заснет, говорили о пустяках. Будах, сидевший за столом возле Руматы, с благосклонной улыбкой слушал легкомысленную болтовню благородных донов и время от времени сильно вздрагивал, задремывая. Впалые щеки его горели от лошадиной дозы тетралюминала, незаметно подмешанной ему в питье. Старик был очень возбужден и засыпал трудно. Нетерпеливый дон Гуг сгибал и разгибал под столом верблюжью подкову, сохраняя, однако, на лице выражение веселой непринужденности. Румата крошил хлеб и с усталым интересом следил, как дон Кондор медленно наливается желчью: Хранитель больших печатей нервничал, опаздывая на чрезвычайное ночное заседа-

ние Конференции двенадцати негоциантов, посвященное перевороту в Арканаре, на котором ему надлежало председательствовать.

— Мои благородные друзья! — звучно сказал, наконец, доктор Будах, встал и упал на Румату.

Румата бережно обнял его за плечи.

— Готов? — спросил дон Кондор.

— До утра не проснется, — сказал Румата, поднял Будаха на руки и отнес на ложе отца Кабани.

Отец Кабани проговорил с завистью:

— Доктору, значит, можно закладывать, а отцу Кабани, значит, нельзя, вредно. Нехорошо получается!

— У меня четверть часа, — сказал дон Кондор по-русски.

— Мне хватит и пяти минут, — ответил Румата, с трудом сдерживая раздражение. — И я так много говорил вам об этом раньше, что хватит и минуты. В полном соответствии с базисной теорией феодализма, — он яростно поглядел прямо в глаза дону Кондору, — это самое заурядное выступление горожан против баронства, — он перевел взгляд на дона Гуга, — вылилось в провокационную интригу Святого Ордена и привело к превращению Арканара в базу феодально-фашистской агрессии. Мы здесь ломаем головы, тщетно пытаясь втиснуть сложную, противоречивую, загадочную фигуру орла нашего дона Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером, Токугавой Иэясу, Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком! Он предал и продал все, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть струсил и кинулся спасаться к Святому Ордену. Через полгода его зарежут, а Орден останется. Последствия этого для Запроливья, а затем и для всей Империи я просто боюсь себе представить. Во всяком случае, вся двадцатилетняя работа в пределах Империи пошла насмарку. Под Святым Орденом не развернешься. Вероятно, Будах — это последний человек, которого я спасаю. Больше спасать будет некого. Я кончил.

Дон Гуг сломал, наконец, подкову и швырнул половинки в угол.

— Да, проморгали, — сказал он. — А может быть, это не так уж страшно, Антон?

Румата только посмотрел на него.

— Тебе надо было убрать дона Рэбу, — сказал вдруг дон Кондор.

— То есть как это «убрать»?

На лице дона Кондора вспыхнули красные пятна.

— Физически! — резко сказал он.

Румата сел.

— То есть убить?

— Да. Да! Да!!! Убить! Похитить! Сместить! Заточить! Надо было действовать. Не советоваться с двумя дураками, которые ни черта не понимали в том, что происходит.

— Я тоже ни черта не понимал.

— Ты по крайней мере чувствовал.

Все помолчали.

— Что-нибудь вроде Барканской резни? — вполголоса осведомился дон Кондор, глядя в сторону.

— Да, примерно. Но более организованно.

Дон Кондор покусал губу.

— Теперь его убирать уже поздно? — сказал он.

— Бессмысленно, — сказал Румата. — Во-первых, его уберут без нас, а во-вторых, это вообще не нужно. Он по крайней мере у меня в руках.

— Каким образом?

— Он меня боится. Он догадывается, что за мною сила. Он уже даже предлагал сотрудничество.

— Да? — проворчал дон Кондор. — Тогда не имеет смысла.

Дон Гуг сказал, чуть заикаясь:

— Вы что, товарищи, серьезно все это?

— Что именно? — спросил дон Кондор.

— Ну все это?.. Убить, физически убрать... Вы что, с ума сошли?

— Благородный дон поражен в пятку, — тихонько сказал Румата.

Дон Кондор медленно отчеканил:

— При чрезвычайных обстоятельствах действенны только чрезвычайные меры.

Дон Гуг, шевеля губами, переводил взгляд с одного на другого.

— В-вы... Вы знаете, до чего так докатитесь? — проговорил он. — В-вы понимаете, до чего вы так докатитесь, а?

— Успокойся, пожалуйста, — сказал дон Кондор. — Ничего не случится. И хватит пока об этом. Что будем делать с Орденом? Я предлагаю блокаду Арканарской области. Ваше мнение, товарищи? И побыстрее, я тороплюсь.

— У меня никакого мнения еще нет, — возразил Румата. — А у Пашки тем более. Надо посоветоваться с Базой. Надо оглядеться. А через неделю встретимся и решим.

— Согласен, — сказал дон Кондор и встал. — Пошли.

Румата взвалил Будаха на плечо и вышел из избы. Дон Кондор светил ему фонариком. Они подошли к вертолету, и Румата уложил Будаха на заднее сиденье. Дон Кондор, гремя мечом и путаясь в плаще, забрался в водительское кресло.

— Вы не подбросите меня до дому? — спросил Румата. — Я хочу, наконец, выспаться.

— Подброшу, — буркнул дон Кондор. — Только быстрее, пожалуйста.

— Я сейчас вернусь, — сказал Румата и побежал в избу.

Дон Гуг все еще сидел за столом и, уставясь перед собой, тер подбородок. Отец Кабани стоял рядом с ним и говорил:

— Так оно всегда и получается, дружок. Стараешься, как лучше, а получается хуже...

Румата сгреб в охапку мечи и перевязи.

— Счастливо, Пашка, — сказал он. — Не огорчайся, просто мы все устали и раздражены.

Дон Гуг помотал головой.

— Смотри, Антон, — проговорил он. — Ох, смотри!.. О дяде Саше я не говорю, он здесь давно, не нам его переучивать. А вот ты...

— Спать я хочу, вот что, — сказал Румата. — Отец Кабани, будьте любезны, возьмите моих лошадей и отведите их к барону Пампе. На днях я у него буду.

Снаружи мягко взвыли винты. Румата махнул рукой и выскочил из избы. В ярком свете фар вертолета заросли гигантского папоротника и белые стволы деревьев выглядели причудливо и жутко. Румата вскарабкался в кабину и захлопнул дверцу.

В кабине пахло озоном, органической обшивкой и одеколоном. Дон Кондор поднял машину и уверенно повел ее над Арканарской дорогой. Я бы сейчас так не смог, с легкой завистью подумал Румата. Позади мирно причмокивал во сне старый Будах.

— Антон, — сказал дон Кондор, — я бы... э-э... не хотел быть бестактным, и не подумай, будто я... э-э... вмешиваюсь в твои личные дела.

— Я вас слушаю, — сказал Румата. Он сразу догадался, о чем пойдет речь.

— Все мы разведчики, — сказал дон Кондор. — И все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника.

— Вы говорите о Кире? — спросил Румата.

— Да, мой мальчик. Если все, что я знаю о доне Рэбе, — правда, то держать его в руках — занятие нелегкое и опасное. Ты понимаешь, что я хочу сказать...

— Да, понимаю, — сказал Румата. — Я постараюсь что-нибудь придумать.

Они лежали в темноте, держась за руки. В городе было тихо, только изредка где-то неподалеку злобно визжали и бились кони. Время от времени Румата погружался в дремоту и сразу просыпался, оттого что Кира затаивала дыхание — во сне он сильно стискивал ее руку.

— Ты, наверное, очень хочешь спать, — сказала Кира шепотом. — Ты спи.

— Нет-нет, рассказывай, я слушаю.

— Ты все время засыпаешь.

— Я все равно слушаю. Я, правда, очень устал, но еще больше я соскучился по тебе. Мне жалко спать. Ты рассказывай, мне очень интересно.

Она благодарно потерлась носом о его плечо и поцеловала в щеку и снова стала рассказывать, как нынче вечером пришел от отца соседский мальчик. Отец лежит. Его выгнали из канцелярии и на прощание сильно побили палками. Последнее время он вообще ничего не ест, только пьет — стал весь синий, дрожащий. Еще мальчик сказал, что объявился брат — раненый, но веселый и пьяный, в новой форме. Дал отцу денег, выпил с ним и опять грозился, что они всех раскатают. Он теперь в каком-то особом отряде лейтенантом, присягнул на верность Ордену и собирается принять сан. Отец просил, чтобы она домой пока ни в коем случае не приходила. Брат грозился с ней разделаться за то, что спуталась с благородным, рыжая стерва...

Да, думал Румата, уж конечно, не домой. И здесь тоже оставаться ей ни в коем случае нельзя. Если с ней хоть что-нибудь случится... Он представил себе, что с ней случилось плохое, и сделался весь как каменный.

— Ты спишь? — спросила Кира.

Он очнулся и разжал ладонь.

— Нет-нет... А еще что ты делала?

— А еще я прибрала твои комнаты. Ужасный у тебя все-таки развал. Я нашла одну книгу, отца Гура сочинение. Там про то, как благородный принц полюбил прекрасную, но дикую девушку из-за гор. Она была совсем дикая и думала, что он бог, и все-таки очень любила его. Потом их разлучили, и она умерла от горя.

— Это замечательная книга, — сказал Румата.

— Я даже плакала. Мне все время казалось, что это про нас с тобой.

— Да, это про нас с тобой. И вообще про всех людей, которые любят друг друга. Только нас не разлучат.

Безопаснее всего было бы на Земле, подумал он. Но как ты там будешь без меня? И как я здесь буду один? Можно было бы попросить Анку, чтобы дружила с тобою там. Но как я буду здесь без тебя? Нет, на Землю мы полетим вместе. Я сам поведу корабль, а ты будешь сидеть рядом, и я буду все тебе объяснять. Чтобы ты ничего не боялась. Чтобы ты сразу полюбила Землю. Чтобы ты никогда не жалела о своей страшной родине. Потому что это не твоя родина. Потому что твоя родина отвергла тебя. Потому что ты родилась на тысячу лет раньше своего срока. Добрая, верная, самоотверженная, бескорыстная... Такие, как ты, рождались во все эпохи кровавой истории наших планет. Ясные, чистые души, не знающие ненависти, не приемлющие жестокость. Жертвы. Бесполезные жертвы. Гораздо более бесполезные, чем Гур Сочинитель или Галилей. Потому что такие, как ты, даже не борцы. Чтобы быть борцом, нужно уметь ненавидеть, а как раз этого вы не умеете. Так же, как и мы теперь...

...Румата опять задремал и сейчас же увидел Киру, как она стоит на краю плоской крыши Совета с дегравитатором на поясе, и веселая насмешливая Анка нетерпеливо подталкивает ее к полуторакилометровой пропасти.

— Румата, — сказала Кира. — Я боюсь.

— Чего, маленькая?

— Ты все молчишь и молчишь. Мне страшно...

Румата притянул ее к себе.

— Хорошо, — сказал он. — Сейчас я буду говорить, а ты меня внимательно слушай. Далеко-далеко за сайвой стоит грозный, неприступный замок. В нем живет веселый, добрый и смешной барон Пампа, самый добрый барон в Арканаре. У него есть жена, красивая, ласковая женщина, которая очень любит Пампу трезвого и терпеть не может Пампу пьяного...

Он замолчал, прислушиваясь. Он услышал цокот множества копыт на улице и шумное дыхание многих

людей и лошадей. «Здесь, что ли?» — спросил грубый голос под окном. «Вроде как здесь...» — «Сто-ой!» По ступенькам крыльца загремели каблуки, и сейчас же несколько кулаков обрушились на дверь. Кира, вздрогнув, прижалась к Румате.

— Подожди, маленькая, — сказал он, откидывая одеяло.

— Это за мной, — сказала Кира шепотом. — Я так и знала!

Румата с трудом высвободился из рук Киры и подбежал к окну. «Во имя господа! — ревели внизу. — Открывай! Взломаем — хуже будет!» Румата отдернул штору, и в комнату хлынул знакомый пляшущий свет факелов. Множество всадников топтались внизу — мрачных черных людей в остроконечных капюшонах. Румата несколько секунд глядел вниз, потом осмотрел оконную раму. По обычаю, рама была вделана в оконницу намертво. В дверь с треском били чем-то тяжелым. Румата нашарил в темноте меч и ударил рукояткой в стекло. Со звоном посыпались осколки.

— Эй, вы! — рявкнул он. — Вам что, жить надоело?

Удары в дверь стихли.

— И ведь всегда они напутают, — негромко сказали внизу. — Хозяин-то дома...

— А нам что за дело?

— А то дело, что он на мечах первый в мире.

— А еще говорили, что уехал и до утра не вернется.

— Испугались?

— Мы-то не испугались, а только про него ничего не велено. Не пришлось бы убить...

— Свяжем. Покалечим и свяжем! Эй, кто там с арбалетами?

— Как бы он нас не покалечил...

— Ничего, не покалечит. Всем известно: у него обет такой — не убивать.

— Перебью как собак, — сказал Румата страшным голосом.

Сзади к нему прижалась Кира. Он слышал, как бешено стучит ее сердце. Внизу скомандовали скрипуче: «Ломай, братья! Во имя господа!» Румата обернулся и взглянул Кире в лицо. Она смотрела на него, как давеча, с ужасом и надеждой. В сухих глазах плясали отблески факелов.

— Ну что ты, маленькая, — сказал он ласково. — Испугалась? Неужели этой швали испугалась? Иди одевайся. Делать нам здесь больше нечего... — Он торопливо натягивал металлопластовую кольчугу. — Сейчас я их прогоню, и мы уедем. Уедем к Пампе.

Она стояла у окна, глядя вниз. Красные блики бегали по ее лицу. Внизу трещало и ухало. У Руматы от жалости и нежности сжалось сердце. Погоню, как псов, подумал он. Он наклонился, отыскивая второй меч, а когда снова выпрямился, Кира уже не стояла у окна. Она медленно сползала на пол, цепляясь за портьеру.

— Кира! — крикнул он.

Одна арбалетная стрела пробила ей горло, другая торчала из груди. Он взял ее на руки и перенес на кровать. «Кира...» — позвал он. Она всхлипнула и вытянулась. «Кира...» — сказал он. Она не ответила. Он постоял немного над нею, потом подобрал мечи, медленно спустился по лестнице в прихожую и стал ждать, когда упадет дверь...

ЭПИЛОГ

— А потом? — спросила Анка.

Пашка отвел глаза, несколько раз хлопнул себя ладонью по колену, наклонился и потянулся за земляникой у себя под ногами. Анка ждала.

— Потом... — пробормотал он. — В общем-то никто не знает, что было потом, Анка. Передатчик он оставил дома, и когда дом загорелся, на патрульном дирижабле поняли, что дело плохо, и сразу пошли в Арканар. На всякий случай сбросили на город шашки с усыпляющим газом. Дом уже догорал. Сначала растерялись, не знали, где его искать, но потом увидели... — Он замялся. — Словом, видно было, где он шел.

Пашка замолчал и стал кидать ягоды в рот одну за другой.

— Ну? — тихонько сказала Анка.

— Пришли во дворец... Там его и нашли.

— Как?

— Ну... он спал. И все вокруг... тоже... лежали... Некоторые спали, а некоторые... так... Дона Рэбу тоже там нашли... — Пашка быстро взглянул на Анку и снова отвел глаза. — Забрали его, то есть Антона, доставили на Базу... Понимаешь, Анка, ведь он ничего не рассказывает. Он вообще теперь говорит мало.

Анка сидела очень бледная и прямая и смотрела поверх Пашкиной головы на лужайку перед домиком. Шумели, легонько раскачиваясь, сосны, в синем небе медленно двигались пухлые облака.

— А что стало с девушкой? — спросила она.

— Не знаю, — жестко сказал Пашка.

— Слушай, Паша, — сказала Анка. — Может быть, мне не стоило приезжать сюда?

— Нет, что ты! Я думаю, он тебе обрадуется...

— А мне все кажется, что он прячется где-нибудь в кустах, смотрит на нас и ждет, пока я уеду.

Пашка усмехнулся.

— Вот уж нет, — сказал он. — Антон в кустах сидеть не станет. Просто он не знает, что ты здесь. Ловит где-нибудь рыбу, как обычно.

— А с тобой как он?

— Никак. Терпит. Но ты-то другое дело...

Они помолчали.

— Анка, — сказал Пашка. — Помнишь анизотропное шоссе?

Анка наморщила лоб.

— Какое?

— Анизотропное. Там висел «кирпич». Помнишь, мы втроем?

— Помню. Это Антон сказал, что оно анизотропное.

— Антон тогда пошел под «кирпич», а когда вернулся, то сказал, будто нашел там взорванный мост и скелет фашиста, прикованный к пулемету.

— Не помню, — сказала Анка. — Ну и что?

— Я теперь часто вспоминаю это шоссе, — сказал Пашка. — Будто есть какая-то связь... Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошел. И наткнулся на прикованный скелет.

— Я тебя не понимаю. При чем здесь прикованный скелет?

— Не знаю, — признался Пашка. — Мне так кажется.

Анка сказала:

— Ты не давай ему много думать. Ты с ним все время о чем-нибудь говори. Глупости какие-нибудь. Чтобы он спорил.

Пашка вздохнул.

— Это я и сам знаю. Да только что ему мои глупости?.. Послушает, улыбнется и скажет: «Ты, Паша, тут посиди, а я пойду поброжу». И пойдет. А я сижу... Первое время, как дурак, незаметно ходил за ним, а теперь просто сижу и жду. Вот если бы ты...

Анка вдруг поднялась. Пашка оглянулся и тоже встал. Анка не дыша смотрела, как через поляну к ним идет Антон — огромный, широкий, со светлым, не загорелым лицом. Ничего в нем не изменилось, он всегда был немного мрачный.

Она пошла ему навстречу.

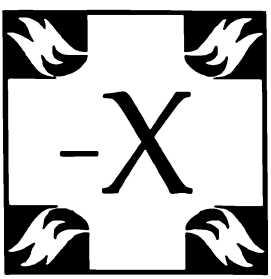
— Анка, — сказал он ласково. — Анка, дружище...

Он протянул к ней огромные руки. Она робко потянулась к нему и тут же отпрянула. На пальцах у него... Но это была не кровь — просто сок земляники.

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

I

ороший сегодня будет день! — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам, и глядел в сад. Ночью шел дождь, и трава была мокрая, кусты были мокрые, и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. Небо было серое, а на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, спрыгнул в траву и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен; не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгоряченный, очень довольный собой, все наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких

серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем, где стоял «Корабль».

«Корабль» был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Черные матовые его бока были абсолютно сухи и едва заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце: «Корабль» по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг «Корабля» была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Впрочем, это был приличный, тихого нрава звездолет типа «турист». Рейсовый рабочий звездолет за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, оскальзываясь на поворотах, обежал «Корабль» и направился домой. Пока он, стеная от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед дядя Саша со скальпелем в руке. Вадим помахал ему полотенцем. Соседу было полтораста лет, и он день-деньской возился со своим вертолетом, но все было втуне — «колибри» летал неохотно. Сосед задумчиво поглядел на Вадима.

— У тебя нет запасных биоэлементов? — спросил он.

— Что, сгорели?

— Не знаю. У них ненормальная характеристика.

— Можно связаться с Антоном, дядя Саша, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезет вам парочку.

Сосед подошел к вертолету и стукнул его скальпелем по носу.

— Что же ты не летаешь, дурачок? — сказал он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы... — ворчал дядя Саша, запуская скальпель во внутренности «колибри». — Кому это надо? Живые механизмы... Полуживые механизмы... Почти неживые механизмы... Ни монтажа, ни электроники... Одни нервы! Простите, но я не хирург. — Вертолет дернулся. — Тихо ты, животное! Стой смирно! —

Он извлек скальпель и повернулся к Вадиму. — Это негуманно наконец! — объявил он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб! Может быть, я слишком старомоден? Мне ее жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже, — пробормотал Вадим, натягивая рубашку.

— Что?

— Я говорю: может быть, вам помочь?

Дядя Саша некоторое время переводил взгляд с вертолета на скальпель и обратно.

— Нет, — сказал он решительно. — Я не желаю применяться к обстоятельствам. Он у меня будет летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой «Новейшие приемы выслеживания тахоргов». Книга была старинная, бумажная, читанная-перечитанная еще дедом Вадима. На обложке был изображен пейзаж планеты-заповедника Пандоры с двумя чудовищами на первом плане.

Вадим ел, листая книжку, и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциолизма. Дикторша была новая, и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

— Эмоциолизм! — со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козьим сыром. — Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. Поедем лучше с нами! А оно пусть остается на Земле. Оно наверняка умрет к нашему возвращению — можешь быть уверена.

— Эмоциолизм как направление обещает многое, — невозмутимо говорила дикторша. — Потому что только он сейчас дает по-настоящему глубокую перспективу существенного уменьшения энтропии эмоциональной информации в искусстве. Потому что только он сейчас...

Вадим встал и с бутербродом в руке подошел к распахнутой стене.

— Дядя Саша, — позвал он, — вам ничего не слышится в слове «эмоциолизм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным вертолетом. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

— Что? — сказал дядя Саша, не оборачиваясь.

— Слово «эмоциолизм», — повторил Вадим. — Я уверен, что в нем слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

— Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим, — сказал старик со вздохом. — А слово действительно скверное.

— Совершенно безграмотное, — подтвердил Вадим, жуя. — Я рад, что вы это тоже чувствуете... Послушайте, а где ваш скальпель?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолет.

— Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша? — сказал он. — Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он привезет вам другой скальпель.

— А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

— Смотрите, — сказал он, показывая остаток бутерброда. — Видите? — он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента.

Дядя Саша посмотрел на вертолет. Вертолет перестал вибрировать.

— Все, — сказал Вадим. — Нет больше вашего скальпеля. Зато «колибри» у вас теперь заряжен. Часов на тридцать непрерывного хода.

Сосед пошел вокруг вертолета, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доедал второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щелкнул замок информатора и тихий, спокойный голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон, уходя в город, желает доброго утра и предлагает немедленно после завтрака начать отрешение от всего земного. В институт поступило девять новых задач...

— Не надо подробностей, — попросил Вадим.

— ...Задача номер девятнадцать пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиномиальной операции над Ку-полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь. Все.

Информатор щелкнул, помолчал и добавил поучающе:

— Завидовать дурно. Завидовать дурно.

— Балбес! — сказал Вадим. — Я совершенно не завидую. Я радуюсь! Молодчина, Пэл! — Он задумался, глядя в сад. — Нет, — сказал он. — Сейчас все это долой. Надо отрешаться от земного.

Он швырнул грязную посуду в мусоропровод и вскричал:

— На тахоргов! Украсим кабинет Пэл Минчин — Ричмонд, семнадцать-семнадцать-семь — черепом тахорга!

И он спел:

Пусть тахорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идет войною
Структуральнейший лингвист!

— Теперь так, — сказал Вадим. — Где радиофон? — он набрал номер. — Антон? Как дела?

— Стою в очереди, — ответил Антон.

— Что ты говоришь? И все на Пандору?

— Многие. И кто-то распространяет слух, что охота на тахоргов скоро будет запрещена.

— Но мы-то успеем?

Антон некоторое время молчал.

— Успеем, — сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Как не быть...

— А они тоже успеют?

— Сейчас спрошу... Они говорят, что успеют.

— Передай им привет от знакомого структурального лингвиста шести футов росту, с благородной осанкой... Слушай, Антон, что я хотел тебе сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше скальпель. И пару «БЭ-6». И заодно «БЭ-7».

— И заодно новый вертолет, — сказал Антон. — Что этот старец сделал со своим скальпелем?

— Ну как ты думаешь, что можно сделать со скальпелем?

— Не знаю, — сказал Антон, подумав. — Скальпель — это вещь на века. Как Баальбекская платформа.

— Он уронил его в желудок своему «колибри».

В радиофоне захихикало несколько голосов. Очередь развлекалась.

— Ладно уж, — сказал Антон. — Жди, я скоро буду. Будь моим суперкарго и начинай погрузку.

Вадим сунул радиофон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

— Дух ног слаб, — процитировал он, — рук мощь зла!

Он встал на руки и живо побежал к выходу. На крыльце он сделал сальто и с криком «У-ух!» упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнес с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз —
Символ счастья и веселья —
Структуральнейший лингвист.

Затем он неторопливо отправился в аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи, одежду — отдельно для охоты и отдельно, чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эверины, где между столиками вольно гуляет

пряный ветер, а под обрывом на трехсотметровой глубине громоздятся, подобно грозовым тучам, непроходимые черные заросли; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые фляги «Крови тахорга» и вывихивают себе плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в темно-зеленых сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвездное небо зыбкие сплющенные луны.

Вадим присел на корточки спиной к самому тяжелому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в тумане и шесть сотен патронов в плоских пластмассовых обоймах. Пружиня при каждом шаге, Вадим понес ящик через сад к «Кораблю». Он зашел со стороны приемника и пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахнуло холодом.

Вадим пошел обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого-то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

Надо взять не меньше пяти тахоргов, думал он. Один череп для Пэл Минчин Ричмондской. Пусть знает, что я хороший парень. Один череп маме. Мама череп не возьмет, она человек серьезный, и тогда я подарю этот череп первой девушке, которая пройдет мимо меня на углу Невского и Садовой после десяти утра. Третьим черепом я брошу в Самсона, чтобы умерить его скепсис: он странно вел себя у Нели, когда я рассказывал ей о последнем походе на Пандору. Четвертый череп — Нели, чтобы она верила мне, а не Самсону. А пятый череп я повешу над стереовизором. Он с наслаждением представил себе, как отлично будет выглядеть хорошенькая дикторша под оскаленным черепом чудовища.

Он перенес на «Корабль» четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и еще один большой ящик с подарками для старожилов и с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры».

Где-то за тучами солнце поднималось все выше и выше, становилось жарко. Все вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распахивались стены. Дядя Саша повесил гамак и разлегся возле своего «колибри» с газетой. Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете, — сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете?

— Ага.

— Вот тут пишут, что заповедник собираются закрыть. На несколько лет.

— Ничего, дядя Саша, — сказал Вадим. — Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Мне здесь очень скучно будет одному.

Вадим перестал жевать.

— Так мы же вернемся, дядя Саша! Через месяц.

— Все равно. Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь один буду делать в пяти коттеджах? — он посмотрел на вертолет. — С этим дурачком. Полуживым.

В небе послышалось негромкое фырканье.

— Вон еще один летит, — сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над поселком медленно выписывал восьмерку ярко-красный «рамфоринх». На тощем брюхе четко выделялся белый номер.

— Так-то я тоже могу, — сказал дядя Саша. — А вот вы, голубчик, спикируйте винтом, и чтобы не боком и не в пруд, а рядом...

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за садом послышалось сопение машины.

— В нашем поселке становится оживленно, — сказал дядя Саша. — Движение как на Невском.

— Это Антон! — Вадим вскочил и побежал к «Кораблю».

Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

— Все в порядке, Димка. Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил...

— Но? — спросил проницательный Вадим.

— Что — но?

— Я отчетливо слышу в твоей речи «но».

Антон сказал неохотно:

— Я заезжал к Галке. Она не поедет.

— Из-за меня?

— Нет. — Антон помолчал. — Из-за меня.

— М-да, — глубокомысленно сказал Вадим.

Антон спросил:

— А как у нас с погрузкой, суперкарго?

— Все в порядке, шкип. Можно стартовать.

— А как у нас в доме? Прибрано ли?

— В чьем доме?

— Например, в моем?

— Нет, шкип. Виноват, шкип. Я только что кончил грузить, шкип.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

— Что за притча? — удивился он. — Опять ЦЩ-268. По-моему, я стал объектом пристального внимания. Этот красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ-268 гонится за мной с Дворцовой площади.

— Не замешана ли здесь женщина? — осведомился Вадим.

— Не думаю. Никогда еще женщины не гонялись за мной.

— Они могли бы и начать... — сказал Вадим, но тут его осенила новая мысль. — А может быть, это член тайного общества покровителей тахоргов?

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.

— Э, да это к дяде Саше, — сказал Вадим. — Пойдет на запасные органы. Бедный «рамфоринх»! Кстати, ты привез?

— Привез, — сказал Антон, глядя мимо него. — Нет, структуральный суперкарго. Это не к дяде Саше...

Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и белых брюках. У него было очень смуглое худое лицо с мохнатыми бровями и большие коричневые уши. В руке он держал объемистый портфель.

— Он, — сказал Антон.

— Кто?

— Человек в белом. Он все время бродил около очереди. И смотрел всем в глаза.

— Сейчас я ему объясню, что такое тахорги, — проговорил Вадим, — и он поймет.

Человек в белом подошел вплотную и внимательно осмотрел обоих охотников.

— Вы знаете, что тахорги нападают на людей и иногда серьезно калечат их? — сказал Вадим. — Наносят им серьезные увечья.

— Вот как? — сказал человек в белом. — Тахорги? В первый раз слышу. Впрочем, это не по моей части. Я пришел к вам с просьбой. Здравствуйте, — он коснулся двумя пальцами виска.

— Здравствуйте, — сказал Антон. — Вы ко мне?

Незнакомец бросил портфель под ноги и вытер со лба пот. В портфеле что-то глухо брякнуло. Это было огромное, битком набитое вместилище, сильно потертое, с огромным количеством ремней и медных застежек. «Портфель» по-японски — «кабан», — подумал Вадим. Японцы правы.

Незнакомец медленно проговорил:

— Да. Я к вам, — он зажмурился и снова с силой провел ладонью по лицу. — Только, пожалуйста, не спрашивайте, почему именно к вам. Совершенно случайно к вам... Мог к кому-нибудь другому...

— Нам необыкновенно повезло, — весело сказал Вадим. — Просто удивительно, как нам сегодня везет.

Незнакомец поглядел на него без улыбки.

— Капитан вы? — спросил он.

— Я капитан потенциально, — ответил Вадим. — А кинетически я суперкарго и старший специалист по тахоргам... Если угодно, зверовед-аматёр...

Вадима понесло, но уже не мог удержаться. Он должен был во что бы то ни стало вызвать на лице незнакомца улыбку, хотя бы вежливую.

— Кроме того, я второй пилот-аматёр, — говорил он. — Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горничной...

Незнакомец молча слушал. Антон сказал негромко:

— Очень смешно.

Наступила тишина.

— Как я понял, вы летите на Пандору, — сказал незнакомец. Он смотрел на Антона.

— Да, мы идем на Пандору. — Антон покосился на портфель. — Вы хотите что-нибудь переслать с нами?

— Нет, — сказал незнакомец. — Пересылать мне нечего. У меня совсем другое... У меня есть к вам предложение. Ведь вы едете развлекаться?

— Да, — сказал Антон.

— Если опасную охоту можно считать развлечением, — значительно добавил Вадим.

— Это славный отдых, — сказал Антон. — Турперелет и охота.

— Турперелет... — медленно, словно удивляясь, проговорил незнакомец. — Туристы... Послушайте, молодые люди, вы совсем не похожи на туристов. Вы молодые, здоровые ребята-открыватели... Зачем это вам — обжитые планеты, электрифицированные джунгли, автоматы с газировкой в пустынях? Да что говорить! Почему вам не взять неизвестную планету?

Ребята переглянулись.

— Какую именно планету? — спросил Антон.

— Не все ли равно? Любую. На которой человека еще не было... — незнакомец вдруг широко раскрыл глаза. — Или таких уже нет?

Он не шутил. Это было совершенно очевидно, и ребята снова переглянулись.

— Почему же? — сказал Антон. — Таких планет сколько угодно. Но мы всю зиму собирались поохотиться на Пандоре.

— Лично я, — подхватил Вадим, — уже раздарил знакомым черепа своих неубитых тахоргов.

— И потом — что мы будем делать на новой планете? — мягко сказал Антон. — Мы не научная экспедиция, мы не специалисты. Вот Вадим лингвист, я звездолетчик, пилот... Мы не сумеем даже составить первичного описания... Впрочем, может быть, у вас есть какая-нибудь идея?

Незнакомец сдвинул мохнатые брови.

— Нет у меня никаких идей, — резко сказал он. — Просто мне нужно на неизвестную планету. И вопрос стоит так: можете вы мне помочь или нет?

Вадим стал застегивать и расстегивать «молнию» на куртке. Тон незнакомца его покоробил: это был не тот тон, к которому Вадим привык. И тем не менее положение было тяжелое. Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу. Аргументов у Вадима не было, и поэтому он совсем было решил придраться к манерам, но тут случилось странное происшествие.

За деревьями залаяла собака. Это был дяди Сашин эрдель Трофим, дряхлый глупый пес с признаками аристократического вырождения и необыкновенно густым голосом. Залаял он скорее всего потому, что на нос ему села оса и он не знал, что с ней делать, но лицо незнакомца вдруг страшно исказилось. Он пригнулся и прыгнул далеко в сторону. Вадим даже не понял, что произошло. Прыгнув, незнакомец выпрямился и нарочно медленными шагами вернулся на место. На лбу у него блестела испарина. Вадим оглянулся на Антона. Лицо Антона было задумчиво-спокойным.

— Ну что ж, — сказал он рассудительно. — Во второй окрестности много желтых карликов с приличными

планетами земного типа. Давайте слетаем. Возьмем хотя бы ЕН 7031. Туда уже собирались лететь да отложили. Показалось неинтересно. Добровольцы не любят желтых карликов — им подавай гиганта, лучше красного... Устроит вас ЕН 7031?

— Да, вполне, — сказал незнакомец. Он уже пришел в себя. — Если только это действительно необитаемая планета.

— Это не планета, — вежливо поправил Антон. — Это звезда. Солнце. Но там есть и планеты. По всей видимости, необитаемые. А как вас зовут?

— Меня зовут Саул, — сказал незнакомец и впервые улыбнулся. — Саул Репнин. Я историк. Двадцатый век. Но я постараюсь быть полезным. Я умею готовить, водить наземные машины, шить, чинить обувь, стрелять... — Он помолчал. — И кроме того, я знаю, как все это делалось раньше. И еще я знаю несколько языков — польский, словацкий, немецкий, немного французский и английский...

— Жалко, что вы не умеете водить звездолет, — вздохнул Вадим.

— Да, жалко, — сказал Саул. — Но это ничего, звездолет умеете водить вы.

— Не вздыхай, Димка, — сказал Антон. — Пора и тебе посмотреть на странные пейзажи безымянных планет. Танцевать в кафе можно и на Земле. Покажи себя там, где нет девушек, воздыхатель...

— Я вздыхаю от восторга, — отозвался Вадим. — В конце концов что такое тахорги? Громоздкие и всем известные животные...

Саул любезно осведомился:

— Надеюсь, я не вырвал согласие силой? Надеюсь, ваше согласие является в достаточной степени добровольным и свободным?

— А как же, — сказал Вадим. — Ведь что такое свобода? Осознанная необходимость. А все остальное — нюансы.

— Пассажир Саул Репнин, — сказал Антон. — Старт в двенадцать ноль-ноль. Ваша каюта третья, если

вы не захотите занять каюту четвертую, пятую, шестую или седьмую. Пойдемте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем, и у него из-за пазухи выскользнул и тяжело шлепнулся на траву большой черный предмет. Антон поднял брови. Вадим приглядел и тоже поднял брови. Это был скорчер — тяжелый длинноствольный пистолет-дезинтегратор, стреляющий миллионовольтными разрядами. Такие предметы Вадим видел только в кино. На всей Планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолетов.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал Саул, подобрал скорчер и сунул его под мышку. Затем он поднял портфель и объявил: — Я готов.

Некоторое время Антон смотрел на него, словно собираясь спросить о чем-то. Затем он сказал:

— Пойдемте, Саул. А ты, Вадим, прибери дома и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду, конечно, инструмент.

— Слушаю, шкип, — сказал Вадим и пошел в гараж.

Трудно быть оптимистом, размышлял он. Ведь что есть оптимист? Помнится, в каком-то старинном вокабулярии сказано, что оптимист суть человек, полный оптимизма. Там же, статьей выше, сказано, что оптимизм суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в будущее, в успех. Хорошо быть лингвистом — сразу все становится на свои места. Остается только совместить бодрое, а равно и жизнерадостное мироощущение с пребыванием на борту тяжело вооруженного лунатика...

Он забрал из багажника скальпель и биоэлементы и направился к дяде Саше. Старик сидел на корточках под красным «рамфоринхом».

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вот вам новый скальпель и...

— Не надо, — сказал дядя Саша. Он вылез из-под «рамфоринха». — Спасибо. Мне подарили вот это, —

он похлопал «рамфоринха» по полированному боку. — Говорят, он очень живуч, а?

— Подарили?

— Да, один молодой человек, весь в белом.

— Ах, вот как, — сказал Вадим. — Значит, он был уверен, что улетит с нами. Или, может быть, он намеревался прорваться в «Корабль» с боем?

— Что? — спросил дядя Саша.

— Дядя Саша, — сказал Вадим, — вы знаете, что такое скорчер?

— Скорчер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь их нет, но, помню, лет семьдесят назад... А что, этот человек в белом тоже старый ткач?

— Может быть, он и ткач тоже, но скорчер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Вадим задумчиво пошел к своему коттеджу. Дома он бросил постельное белье в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск. Прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. Прибирая Антонов коттедж, он продолжал размышлять. В конце концов, не все потеряно. Тахорги, надо признаться, уже основательно приелись. Пандора, если говорить честно, — это всего-навсего очень модный курорт. Можно только удивляться, как я там высидел три сезона. Какой стыд, подумал он вдруг с энтузиазмом. Ведь было время, когда я хвастался ожерельем из зубов тахорга и разводил несусветную пандориану! Швырять в Самсона черепом тахорга — какая банальность! Самсон достоин большего, и Самсон будет увековечен. Неизвестная планета — это неизвестная планета. По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедняги, еще не знают, как их зовут. А я уже знаю. Там я добуду первого в истории «самсона непарноногого перепончатоухого» или, скажем, «самсона неполнозубого гребенчатозадого»... Запустить в Самсона черепом самсона — такого еще не было.

Когда он вернулся на лужайку, «Корабль» был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, иней на траве вокруг исчез.

Вадим удобно устроился в люке, свесив ногу. Он смотрел на Антонов коттедж с распахнутой стеной, на зеленые кроны сосен, на низкие облака, в которых то появлялись, то исчезали голубые проталины. Да, друг Самсон, непарноногий брат мой, мстительно подумал он. Может быть, ты и не плох против какого-нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом... Но что забавно: мне бы и в голову не пришло тащиться отдыхать на неизвестную планету, если бы не этот старик в белом. До чего же мы косный народ, даже лучшие из структуральных лингвистов! Вечно нас тянет на обжитые планеты...

На лужайку вышел эрдель Трофим. Он помигал на Вадима добрыми слезящимися глазами, зевнул, сел и принялся чесать задней ногой у себя за ухом. Жизнь была прекрасна и многообразна. Вот Трофим, подумал Вадим. Стар, глуп, добр, но — смотрите-ка! — может еще напугать... А может быть, все лунатики боятся собачьего лая? — Вадим уставился на Трофима. — А почему я, собственно, решил, что Саул Репнин лунатик или как это там называлось?.. Зачем такое искусственное предположение? Проще предположить, что историк Саул никакой не историк, а просто соглядатай какой-нибудь гуманоидной расы у нас на планете. Как Бенни Дуров на Тагоре... Это было бы славно — целый месяц неизвестных планет и таинственных незнакомцев... И как все отлично объясняется! Самостоятельно с Земли он выбраться не может, собак он боится, а на неизвестную планету ему нужно, чтобы за ним туда прислали корабль — на нейтральную, так сказать, почву. Вернется он к себе и расскажет: так, мол, и так, люди они хорошие, полны оптимизма, и завяжутся у нас с ними нормальные гуманоидные отношения...

Вадим спохватился и крикнул в коридор:

— Антон, я на борту!

— Наконец-то, — откликнулся Антон. — Я было решил, что ты дезертировал.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, начал описывать вокруг «Корабля» круг почета. Дядя Саша, откинув дверцу, махал чем-то белым. Вадим помахал в ответ.

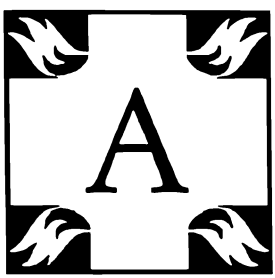
— Старт! — предупредил Антон.

«Корабль» пошевелился и, мягко подпрыгнув — Вадим успел оттолкнуться от земли ногой, — стал подниматься в небо.

— Димка! — крикнул Антон. — Закрой-ка люк! Сквозняк.

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

II

нтон передал управление на кибершturман и, сложив руки на животе, задумчиво глядел на обзорный экран. «Корабль» шел на север по меридиану. Вокруг было густо-фиолетовое небо стратосферы, а глубоко внизу белела мутная пелена облаков. Пелена эта казалась гладкой и ровной, и только кое-где угадывались провалы исполинских воронок над макропогодными станциями — синоптики, пролив над Северной Европой дождь, загоняли облака в ловушки.

Антон размышлял над странностями человеческими. Он вспоминал странных людей, с которыми встречался. Яков Осиновский, капитан «Геркулеса», терпеть не мог лысых. Он их просто презирал. «А вы меня не убеждайте, — говорил он. — Вы мне лучше покажите лысого, чтобы он был настоящим человеком». Наверное, с лысыми у него были связаны какие-то нехорошие ассоциации, и он никогда никому не говорил какие. Он не переменился даже после того, как начисто облысел

сам во время сарандакской катастрофы! Он только восклицал с заметной горечью: «Единственный! Заметьте, единственный среди них!»

Вальтер Шмидт с базы «Гаттерия» так же странно относился к врачам. «Врачи... — цедил он с неприличным презрением. — Знахарями они были, знахарями и останутся. Раньше была пыльная паутина и гнилая змеиная кровь, а теперь психодинамическое поле, о котором никто ничего не знает. Кому какое дело до того, что у меня внутри? Головоногие живут по тысяче лет безо всяких врачей и до сих пор благополучно остаются владыками глубин...»

Волкова звали Дредноут, и он был этим очень доволен: Дредноут Адамович Волков. Канэко никогда не ел горячего. Ралф Пинетти верил в левитацию и упорно тренировался... Историк Саул Репнин боится собак и не хочет жить с людьми. Я не удивлюсь, если окажется, что он не хочет жить с людьми именно потому, что боится собак. Странно, правда? Но он от этого не станет хуже.

Странности... Нет никаких странностей. Есть просто неровности. Внешние свидетельства непостижимой тектонической деятельности в глубинах человеческой натуры, где разум насмерть бьется с предрассудками, где будущее насмерть бьется с прошлым. А нам обязательно хочется, чтобы все вокруг были гладкие, такие, какими мы их выдумываем в меру нашей жиденькой фантазии... чтобы можно было описать их в элементарных функциях детских представлений: добрый дядя, жадный дядя, скучный дядя. Страшный дядя. Дурак.

А вот Саулу нисколько не странно, что он боится собак. И Канэко не кажется странным, что он не терпит ничего горячего. Так же, как и Вадиму никогда в голову не придет, что его дурацкие стишки кое-кому кажутся не забавными, а странными. Галке, например.

Возьмем теперь меня. Вот я собрался было на Пандору. Если бы об этом узнал, скажем, капитан Малышев, он бы с изумлением на меня посмотрел и сказал: «Если ты собираешься отдыхать, то лучшего места, чем

Земля, тебе не найти. А если ты решил поработать, то возьми черную систему ЕН 8742, которая стоит на очереди в плане, или возьми гиганта ЕН 6124 — им почему-то интересуются специалисты на Тагоре». И Малышев был бы прав. И чтобы Малышев меня понял и перестал смотреть с изумлением, пришлось бы сказать, что я соскучился по Димке и что Димка хочет стрелять тахоргов.

Антон усмехнулся. Зачем так сложно? Просто теперь все летают на Пандору, и однажды Галка сказала мне, что слетала бы туда. Так организуются в наше время перелеты. И так легко меняются планы. А мог бы я признаться Малышеву, что все дело в Галке? Почему человек никак не научится жить просто? Откуда-то из бездонных патриархальных глубин все время ползут тщеславие, самолюбие, уязвленная гордость. И почему-то всегда есть что скрывать. И всегда есть чего стесняться.

Антон посмотрел на букетик гвоздики, лежащий перед экраном. Эх, Галка, подумал он. Он подышал на пульт и написал пальцем на исчезающем матовом круге: «Эх ты, Галка...» Буквы быстро растаяли, он даже не успел поставить восклицательный знак. Тогда он еще раз подышал на пульт и поставил восклицательный знак отдельно. Потом он снова откинулся в кресле и в сто первый раз попытался логически решить задачу: «Я люблю девушку, девушка меня не любит, но относится хорошо. Что делать?»

Что, собственно, изменилось бы, если бы она меня полюбила? Можно было бы обнимать ее и целовать. Можно было бы быть все время вместе с ней. Я бы гордился. Все, кажется. Глупо, но все. Просто исполнилось бы еще одно желание. Как все это убого выглядит, когда рассуждаешь логически! А по-другому рассуждать я не умею. Пустой я человек, циник. Он увидел Галку, как она говорит, — немного через плечо, и глаза у нее прикрыты ресницами... Почему все устроено так глупо: можно спасти человека от любой неважной беды — от болезни, от равнодушия, от смерти, и только

от настоящей беды — от любви — ему никто и ничем не может помочь... Всегда найдется тысяча советчиков, и каждый будет советовать сам себе. Да и потерпевший-то, дурак, сам не хочет, чтобы ему помогали, вот что дико.

— Позвольте, однако же, куда вы? — громко спросил Саул.

— В рубку, — ответил Вадим.

— Подождите! Ведь мы, по существу, еще не познакомились...

Дверь в рубку была открыта. Антон все время краем уха слышал, как в кают-компании бубнят что-то о тахоргах, о зарослях и о теории исторических последовательностей. Теперь он стал слушать внимательней.

— Ведь вас, кажется, зовут Вадим? — сказал Саул.

— Как правило, — серьезно ответил Вадим. — Но иногда меня зовут Структуральнейшим, иногда Летающим Быком, а в специальных случаях — Димочкой.

— Стало бы, Вадим... И сколько же вам лет?

— Двадцать два локально-земных...

— Локально... Ну да, разумеется... Как вы сказали? Локально-земных?

— Да. В старых звездных я не участвовал.

— Совершенно верно. Я так и думал. А отец ваш, извините, кем будет?

— Кем будет? Наверное, так и останется мелиоратором.

— Э-э... Понимаю, понимаю... Я это, собственно, и имел в виду.

Наступила пауза.

— Очень изящный стол, — стесненно сказал Саул.

Снова пауза.

— Стол хороший. Прочный.

— А мамаша ваша?

— Мамаша? Она у меня... это... станционный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

Было слышно, как Саул забарабанил по столу пальцами.

— Не надо так, Вадим, — попросил он. — Вы не должны обращать на это внимания... Конечно, я странно говорю, и это, вероятно, смешно немножко... Здесь, видите ли, вот какое дело... Мой образ жизни... Мой, так сказать, модус вивенди... Я узкий специалист. Весь в двадцатом веке. Как говорилось когда-то, книжный червь. Вечно в музеях, вечно со старыми книгами...

— Влияние обстановки.

— Да-да, вот именно. Я редко бываю на людях, а теперь вот пришлось. Вы знаете профессора Арнаутова?

— Нет.

— Очень крупный специалист. Мой идейный противник. Он попросил меня проверить некоторые аспекты его новой теории. Ведь я не мог не согласиться, правда? Вот так мне и пришлось... покинуть пенаты. Вот... Но что это мы все обо мне да обо мне!.. Вы, кажется, структуральный лингвист?

— Да.

— Интересная работа?

— А разве бывает неинтересная работа?

— Да, конечно... И чем же вы занимаетесь?

— Я занимаюсь структурным анализом. Но учтите, Саул, я отрешился от земного. Давайте я расскажу вам еще что-нибудь про тахоргов.

— Да нет, благодарю вас, про тахоргов не надо. Лучше расскажите, как вы работаете.

— Саул, я же сказал, что отрешился.

— Ну как же это так — отрешился? Что же, вы теперь совсем не думаете о работе?

— Наоборот. Все время думаю. Я всегда думаю о той работе, которой занят в данный момент. Сейчас я суперкарго и второй пилот — это на тот случай, если у Антона вдруг случится отложение солей. Впрочем, об этом я, кажется, уже... Так вот, мне сейчас очень хочется пойти и немножко поводить «Корабль».

— Да вы еще успеете поводить! И потом, я прошу рассказать не о сущности вашей работы, а о внешней форме, так сказать... Вот вы приходите на работу. Обычные трудовые будни...

— Хорошо. Будни. Я ложусь на вычислитель и думаю.

— Ну-ну... Постойте — на вычислитель? Ну да, понимаю. Вы лингвисты, и вы ложитесь на... И что же дальше?

— Час думаю. Другой думаю. Третий думаю...

— И наконец?..

— Пять часов думаю, ничего у меня не получается. Тогда я слезаю с вычислителя и ухожу.

— Куда?!

— Например, в зоопарк.

— В зоопарк? Отчего же в зоопарк?

— Так. Люблю зверей.

— А как же работа?

— Что ж работа... Прихожу на другой день и опять начинаю думать.

— И опять думаете пять часов и уходите в зоопарк?

— Нет. Обычно ночью мне в голову приходят какие-нибудь идеи, и на другой день я только додумываю. А потом сгорает вычислитель.

— Так. И вы уходите в зоопарк?

— При чем здесь зоопарк? Мы начинаем чинить вычислитель. Чиним до утра.

— Ну, а потом?

— А потом кончаются будни и начинается сплошной праздник. У всех глаза на лоб, и у всех одно на уме: вот сейчас все застопорится, и начинай думать сначала.

— Ну, ладно. Это будни. Однако же нельзя все время работать...

— Нельзя, — сказал Вадим с сожалением. — Я, например, не могу. В конце концов заходишь в тупик, и приходится развлекаться.

— Как?

— Как придется. Например, гоняю на буерах. Вы любите гонять на буерах?

— Э-э... Мне как-то не приходилось.

— Что же вы, Саул! Я вас обязательно покатаю. Какой у вас индекс здоровья?

— Индекс здоровья? Я вполне здоров. А над чем вы теперь работаете?

— Над свертками разобщенных структур.

— А зачем это нужно?

— Что значит — зачем?

— Ну, кому от этого будет польза?

— Каждому, кто этим заинтересуется. Вот сейчас проектируют универсальный транслятор. Универсальный транслятор должен уметь свертывать разобщенные структуры.

— Скажите, Вадим, а здесь, на «Корабле», можно послушать музыку?

— Конечно. Что бы вы хотели? Хотите «Трели» Шеера? Под эту музыку изумительно ведется «Корабль».

— А Бах?

— О, Бах! По-моему, у нас есть и Бах. Слушайте, Саул, а ведь с вами, наверное, слушать музыку будет очень приятно.

— Почему?

— Не знаю. Всегда приятно слушать музыку с человеком, который хорошо ее знает. Мендельсона вы любите?

— Вы знаете Мендельсона?

— Саул! Мендельсон — это лучший из старых! Я надеюсь, вы любите Мендельсона. Правда, его плохо слушать в «Корабле». Вы меня понимаете?

— Пожалуй... Я слушаю Мендельсона в своем уютном кабинете.

Разговорились наконец, подумал Антон. Он взглянул на часы. «Корабль» входил в стартовую зону над Северным полюсом. На экране в фиолетовой глубине возникли темные точки звездолетов, ожидающих старта. Антон крикнул в дверь:

— Простите, что прерываю. Скоро старт. Димка, покажи Саулу, как пользоваться безынерционной камерой.

Антон послал на контрольную станцию запрос о программе предстоящего перелета и через тридцать минут, в течение которых «Корабль» плавал в стартосфере вместе с двумя десятками других больших и малых звез-

долетов, получил программу на переход, семь вариантов программы обратного пути и разрешение на выход в Подпространство. Тогда он попросил пассажиров укрыться в камерах, вошел в камеру сам, произвел перекличку и дал «Кораблю» команду на старт.

Как всегда, Антона сильно затошнило. Через все тело прошла раскаленная волна, лицо и спина покрылись холодным потом. Антон осоловелым взглядом следил, как красная стрелка рывками прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну пространства. Двести риманов... четыреста... восемьсот... тысяча шестьсот риманов на секунду... Пространство вокруг «Корабля» скручивалось все туже. Антон знал, как это выглядит со стороны. Четкий черный конус «Корабля» становится зыбким, медленно тает и вдруг исчезает совсем, а на его месте вспыхивает на солнце огромное облако твердого воздуха. Температура на сто километров вокруг резко падает на пять-десять градусов... Три тысячи риманов. Огненная стрелка остановилась. Эпсилон-деритринитация закончилась, и «Корабль» перешел в состояние Подпространства. С точки зрения земного наблюдателя он был сейчас «размазан» на протяжении всех полутора́ста парсеков от Солнца до EH 7031. Теперь предстоял обратный переход.

При выходе из Подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой-нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже и внутри нее. Правда, опасность эта является чисто теоретической. Вероятность ее гораздо меньше вероятности угодить точно в печную трубу Эрмитажа, вывалившись над Ленинградом из стратоплана. Во всяком случае, ни то, ни другое событие ни разу не имело места за всю историю человечества. Корабль Антона благополучно выскочил в нормальное пространство на расстоянии двух астрономических единиц от желтого карлика EH 7031.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из камеры. В рубке все было в порядке. Он прошелся вдоль пульта, скользнул взглядом по обзорному экрану, затем выключил автоматику перехода. На пульте перед

экраном по-прежнему лежал букетик гвоздики. Антон остановился. «Жалко», — пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем, и цветы рассыпались в зеленоватую пыль. «Бедняги, — подумал Антон. — Не выдержали. Да и кто выдержит?» Он вспомнил о пассажирах и спустился в кают-компанию.

Зал кают-компании был круглый, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовые, кухня-синтезатор, душ и прочее. Антон оглядел стол, кресла, поправил крышку мусоропровода и направился в каюту Вадима. Там он отодвинул заслонку камеры, и Вадим вывалился на него. Он был белый и мокрый, как мышь.

— Плохо? — участливо спросил Антон.

Вадим грудным голосом пропел:

Воет ветер дальних странствий,
Раздается жуткий свист —
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

— Вот почему я не стал звездолетчиком, — сказал он немного хрипло и прилег.

— Каждый раз ты это говоришь, — сказал Антон. Вадим промолчал. — Пойду освобожу Саула, — сказал Антон.

— Ты слышал нашу беседу? — спросил Вадим, не открывая глаз.

— Да.

— Интересный человек, а?

— Не знаю, — сказал Антон. — По-моему, он человек в беде.

— Еще бы! Другого бы ты на «Корабль» не взял. Стоит нам собраться куда-нибудь вдвоем, как ты начинаешь альтруировать. Постой, не уходи...

Антон остановился в дверях.

— Ты несешь болезненную чепуху, — сказал он, — а Саулу там сейчас, наверное, плохо. Это трудно пред-

ставить, но он, я думаю, еще более хилый межпланетник, чем ты.

Вадим неожиданно вскричал трагическим шепотом:

— Слепец! Слепец!.. Нет, не уходи — мне тоже плохо... Неужели ты еще не понимаешь, кто он?!

— Что ты имеешь в виду?

Вадим, наконец, сел.

— Он же ничего не смыслит в лингвистике, — сказал он. — Надеюсь, это ты заметил?

— А что ты понимаешь в истории?

— Ты мне еще скажи, что он книжный червь. Мы все знаем одного такого червя. Его зовут Бенни Дуров. Поговори о нем с тагорянами.

Антон нехотя улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Только ты все-таки воздерживайся. Я-то тебя переношу в любых дозах, а вот на свежего человека ты иногда производишь совершенно удручающее впечатление. Поменьше жеребячьего оптимизма и побольше такта.

— Слушаю, шкип, — серьезно сказал Вадим. — Есть, шкип.

Антон вышел. Огибая стол, он опять улыбнулся: с Вадимом не соскучишься. В каюте номер три он прежде всего откинул диван и только тогда откатил заслонку, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из камеры повалил синий дым. Антон отпрянул.

— Что, разве уже? — раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон вгляделся. Саул сидел на своем портфеле, поставленном на попа, и курил длинную черную трубку. Вид у него был рассеянный и благодушный.

— Вас не тошнит? — спросил Антон, попятился и сел на диван.

— Отнюдь нет. Что, можно выходить?

— Прошу вас, — сказал Антон.

Саул поднялся, взял портфель и, наклонясь, вышел из камеры.

— Мы почти на месте, — сказал Антон. — Остается только выбрать планету и решить, где высадиться.

Саул сел рядом с ним.

— Мы далеко от Земли? — спросил он.

— Полтораста парсеков. Почти на пределе для нашего «Корабля».

Вадим заорал из своей каюты:

— Саул! Требуйте землеподобную планету! В скафандре вам не понравится, а кислородная маска — это еще туда-сюда...

Антон встал и плотно прикрыл дверь.

— Мне все равно, какую планету,— тихо сказал Саул. — Но, конечно, лучше такую, где можно дышать, — он вдруг усмехнулся. — Это очень важно, чтобы можно было дышать. — Антон внимательно смотрел на него. — Но самое важное — чтобы там никого не было...

— Вот что, Саул,— сказал Антон.— Планету мы вам найдем. Это пустяки. У нас на борту есть жилой купол на шесть человек, есть глайдер, есть запас пищи для инициирования цикла, есть хорошая радиостанция. Мы поможем вам устроиться и сейчас же уйдем. Хорошо?

Саул сидел, опустив голову.

— Да, — сказал он хрипло. — Так будет лучше всего. Наверное.

— Ну, вот и хорошо, — Антон толкнул дверь. — Я пойду в рубку, а вы... Если захотите, тоже приходите в рубку.

В рубке Антон включил бортовой каталог и просмотрел сведения о системе ЕН 7031. Сведения были неинтересные. Вокруг желтого карлика крутились четыре планеты и два пояса астероидов. Пожалуй, больше всего подходила вторая планета: она была землеподобна и находилась на расстоянии полутора астрономических единиц от своего солнца. Антон подал эфемериду на киберштурман.

Из кают-компании доносились голоса.

— Как вы перенесли переход, Саул?

— Какой переход? Я не заметил никакого перехода.

— Я так и думал.

— Что?

— Что вы не заметите. Хотите душ?

— Нет. Нам долго еще?

— Наверное, нет. Чувствуете? — «Корабль» шевельнулся, и пол поплыл из-под ног. — Это он ложится на курс. Пойдемте в рубку, а?

— А мы не помешаем?

— Конечно, нет. Мы же туристы. Вот в десантном или рейсовом звездолете нас бы не пустили... Зачем вы носите с собой портфель?

— Он мне дорог...

— Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Антон внимательно рассматривал изображение планеты на обзорном экране. Планета была голубая, как Земля, покрытая белой пеленой облаков, но очертания материков были незнакомые — один большой материк тянулся вдоль экватора, другой, поменьше, тяготел к полюсу.

— Вот ваша планета, Саул, — сказал Антон и взял листок, выпавший из вывода антенны-анализатора. — Прекрасная планета. Сжатия нет. Сутки — двадцать восемь часов, масса — один и одна десятая. Вредных газов тоже нет. Кислорода много. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Он поглядел на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким-то странным выражением. Мохнатые брови его поднялись дугами, и Антону показалось даже, что он может заплакать. Антон был тронут.

— Товарищи! — сказал вдруг Вадим. — Давайте назовем эту планету Саулой.

— Нарекается Саулой! — сказал Антон.

Он пригнул к себе раструб бортового дневника и продиктовал:

— Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь. Вторая планета системы ЕН 7031 нарекается Саулой, по имени члена экипажа историка Саула Репнина.

Все это не имело ровно никакого значения. Планеты нарекались по названиям кораблей и городов, по именам любимых литературных героев, названиями приборов и просто громкими звукосочетаниями. А у кого не хватало

фантазии, тот брал какую-нибудь книгу, открывал на какой-нибудь странице, выбирал какое-нибудь слово и как-нибудь его переделывал. И тогда получалось что-нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии.

Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал: «Спасибо, спасибо, друзья», — и жал Вадиму руку. Это было очень трогательно.

А между тем планета росла. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Антон спросил:

— Так где же мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Антону показалось, что он сделал это зажмурившись.

— Това-арищи, — протянул Вадим, — давайте поближе к побережью.

Было ясно, что ему хочется искупаться. Искупаться в океане Саулы, в волнах, которые не омывали еще ни одного землянина, которые не омывали, может быть, вообще ни одно разумное существо.

— Н-ну... К побережью так к побережью, — неуверенно сказал Саул. Он посмотрел на Антона. — Для моих целей, — он кашлянул, — выбор места не является существенным.

— Чудесно! — сказал Вадим. Он проворно уселся в кресло рядом с Антоном. — Хватит! — заявил он. — Капитана разбил паралич, и он в дурном состоянии отнесен в каюту. Широкоплечий и статный второй пилот взял управление на себя. — Он положил пальцы на контакты биоуправления, и «Корабль» сейчас же провалился в пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться. Вадим провозгласил:

Все от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист!
Кораблем повелевает
Структуральнейший лингвист.

Саул с шумом уронил портфель и вцепился Антону в плечо.

— Димка, скажи хоть, куда ты целишься, — попросил Антон.

— Туда, — смутно ответил Вадим. — Где синие волны ласкают песок.

Корабль завалило на правый борт.

— Легче, легче, — сказал Антон. — Меньше эмоций. В материк не попадешь.

— Авось попаду.

— Тормоза! Ты же видишь — заносит!

— Я все вижу.

— Ох, и грохнет он нас сейчас, — сказал Антон в пространство.

— Небось, небось, — приговаривал Вадим.

Экран помутнел. «Корабль» вошел в атмосферу. Вспыхнула и пропала радуга на тучах твердого воздуха. Замелькали белые и черные пятна.

— Обдув, — посоветовал Антон.

— Знаю.

— Ох, и валит тебя и кривит!

Вадим быстро сказал:

— Перехватишь управление — я тебе не друг.

— Вы, Вадим, и в самом деле не промахнитесь, — сказал Саул осторожно.

Карусель на экране прекратилась. Быстро надвинулось белое поле, потом экран потемнел и погас. «Корабль» вздрогнул.

— Вот и все, — сказал Вадим. Он потянулся, хрустнув пальцами.

— Что все? — спросил Саул. — Сломали?

— Сели, — сказал Антон. — Добро пожаловать на Саулу.

— Однако же вы лихой пилот, — сказал Саул Вадиму.

— Весьма лихой, — согласился Антон. — Знаешь, на сколько ты промахнулся, Димка? Километров на двести. Но экран выключить успел, молодец.

— Привычка, — небрежно сказал Вадим.

Антон встал.

— Между прочим, что такое «банный лист»? — спросил он.

Вадим тоже встал.

— Это Тошка, вопрос темный. Есть такая архаическая идиома: «дрожать как банный лист». Банный лист — это такая жаровня, — он стал показывать руками. — Ее устанавливали в подах курных бань, и, когда поддавали пару, то есть обливали жаровню водой, раскаленный лист начинал вибрировать.

Саул неожиданно захохотал. Он смеялся густо и с наслаждением, вытирая слезы ладонью и топая башмаками. Никто ничего не понимал, и через минуту смеялись уже все.

— Забавный обычай, верно? — сказал Вадим, кашляя от смеха.

— Правда, Саул, отчего вы смеетесь? — спросил Антон.

— Ох! — сказал Саул. — Я так рад, что прибыл на свою планету...

Вадим перестал смеяться.

— В конце концов я не славяновед, — сказал он с достоинством. — Моя специальность — структурный анализ.

— Ну ладно, — сказал Антон, — пойдемте наружу.

Все пошли из рубки. Вадим, придерживая Саула под локоть, говорил:

— Это не мой вывод. Это наиболее распространенная гипотеза.

— Неважно, неважно, — быстро отвечал Саул. Он стал серьезным. — Эта ваша гипотеза настолько далека от истины, что я не мог удержаться. Если я вас задел — простите...

— А вы как считаете? — спрашивал Вадим.

Саул раздраженно сказал:

— Нет такого выражения: «дрожать как банный лист». Есть выражения: «дрожать как осиновый лист» и «липнуть как банный лист».

— Но липнуть как лист — это примитивная метафора. Она восходит к липким листьям липы. Как может липнуть банный лист? Это же не лист растения.

Чего ради листья каких-то растений попадут в баню? Это смешно!

Антон вскрыл мембрану люка. Крепкий морозный воздух хлынул в «Корабль». Саул оттолкнул Вадима и крикнул:

— Подождите! Пропустите меня, пожалуйста!

Антон, уже перенесший ногу через порог, остановился. Саул, держа над головой скорчер, протиснулся вперед.

— Хотите ступить первым? — спросил Антон улыбаясь.

— Да, — пробормотал Саул. — Лучше я.

Он пролез в узкий люк и остановился, загораживая дорогу. Антон лезший следом, боднул его головой.

— Вперед, Саул, — сказал он.

Саул был как каменный. Сзади Вадим нетерпеливо постучал Антона по согнутой спине.

— Дайте же пройти, Саул, — попросил Антон.

Саул наконец посторонился, и Антон выбрался наружу. Вокруг был снег. И сверху падал снег большими ленивыми хлопьями. «Корабль» стоял среди однообразных круглых холмов, едва заметных на белой равнине. Под ногами из снега торчала короткая бледно-зеленая травка и много мелких голубых и красных цветов. А в десяти шагах от люка, припорошенный снегом, лежал человек.

III

Вадим вылез из «Корабля» последним и сейчас же обратился к Саулу:

— Проще всего было бы проверить это по старинным словарям Даля и Ушакова. Но на борту...

Тут он заметил, что Саул его не слушает. Саул держал скорчер на изготовку — стволом на согнутом локте, — и лицо у него было обеспокоенное. Глаза его бегали. Вадим быстро огляделся и тоже увидел человека.

— Вот тебе на, — растерянно сказал он.

Антон подошел к лежащему, а Саул остался на месте. Неужели я сбил его «Кораблем» при посадке? — с ужасом подумал Вадим. Внутри у него все сжалось от этой мысли. Он бросился вслед за Антоном и тоже наклонился над телом. Он только взглянул, затем сейчас же выпрямился и стал смотреть в сторону. Вокруг тянулись унылые холмы, заснеженные и одинаковые, небо было затянуто низкими облаками, а на горизонте

угадывались бледные очертания горного хребта. Какая печальная планета, подумал он.

И поля и горы —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто.

Антон опустился на колени и осторожно потрогал руку лежащего. Рука была узкая, белая, с тонкими фарфоровыми пальцами, длинные ногти отливали золотом.

— Ну? — сказал Вадим и глотнул.

Антон поднялся и тщательно стер снег с голых колен.

— Замерз. Несколько дней назад. И он очень истощен.

— Безнадежно?

Антон кивнул.

— Это уже камень.

— Камень... — повторил Вадим. — Как же так? Смотри, он совсем мальчишка... — он заставил себя смотреть на лицо мертвого. — Смотри, он похож на Валерку! Помнишь Валерку?

Антон положил ему руку на плечо.

— Да, похож.

— Я так испугался. Я думал, что сбил его при посадке.

— Нет, он лежит уже несколько дней. Он упал от слабости и замерз.

— Слушай, Антон, а почему он в рубашке?

— Не знаю. Пойдем на «Корабль».

Вадим не двинулся.

— Я не понимаю. Значит, мы не первые?

Он огляделся, ища взглядом Саула. Саула не было.

— Антон, может быть, ты ошибся? Может быть, еще можно что-нибудь сделать?

— Пойдем, пойдем, Димка.

— А как же... он?

— Откуда я знаю? Пойдем.

Они увидели Саула. Саул медленно спускался по склону холма, скользя по сыроватому снегу. Они стояли и ждали, пока он не подошел. Лицо у него было грустное, на щеках таяли большие снежинки. Колени были в снегу. Он подошел, вынул изо рта погасшую трубку и сказал:

— Плохо дело, молодые люди. Там еще четверо. — Он посмотрел на мертвого. — Тоже раздеты. Что вы намерены предпринять?

— Идемте в «Корабль», — сказал Антон, — там все тщательно обдумаем.

В кают-компании они сели в кресла и некоторое время молчали. Вадима бил озноб. И почему-то очень хотелось говорить.

— Ну и планета! — сказал он, напрягая челюсти. — Никогда о таком не слыхал. Ничего не понять. Что? Откуда? Почему? Ведь говорили, что никто здесь раньше не бывал. И главное — мальчик. Мальчик-то как сюда попал? — Он замолчал и закрыл глаза, стараясь прогнать видение припорошенного снегом лица.

Антон поднялся и стал ходить вокруг стола, опустив голову. Саул набил трубку.

— Разрешите мне закурить, — попросил он.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон рассеянно. Он остановился. — Сейчас мы сделаем вот что, — решительно заговорил он. — У нас есть глайдер. Возьмем продовольствие и одежду и проведем спиральный поиск вокруг «Корабля». На холмах могут оставаться живые.

В голосе его звучали твердые, незнакомые Вадиму нотки. Вадим с любопытством поглядел на него, и Антон заметил его взгляд.

— Видите ли, товарищи, — сказал он мягче, — турпохода у нас не вышло. Обстоятельства, по-моему, чрезвычайные. Мне, наверное, придется приказывать, а вам придется подчиняться, — он поглядел на Саула и виновато развел руками. — Вы видите, Саул, ничего не поделаешь.

— Да, — сказал Саул. — Да. Конечно. Я готов, капитан. Приказывайте.

— А ты что, уже все понял? — спросил Вадим.

— Потом поговорим, — сказал Антон. — Сначала надо вырастить глайдер. Пойдем, Вадим.

Саул положил трубку и тоже поднялся, поправляя на плече ремень скорчера.

— Спасибо, Саул, мы сами справимся, — сказал Антон.

— Я хотел бы с вами, — сказал Саул. — Я вам не помешаю, капитан.

Они вынесли Яйцо и уложили его на вершине холма поодаль. Снег пошел гуще, снежинки щекотали щеки, и Вадим раздраженно размазывал их по лицу. Дул ветер, и было холодно стоять и смотреть, как Антон неторопливо и аккуратно укрепляет активаторы на гладкой поверхности механозародыша. Ветер обжигал голые руки и ноги, и Вадим вдруг подумал, что, может быть, где-то за холмами бредут сейчас, проваливаясь в сугробы, босые люди в длинных серых рубахах.

Антон выпрямился и подышал на покрасневшие руки.

— Кажется, так, — сказал он. — Проверь, Дима.

Вадим осмотрел расположение активаторов. Все было в порядке. Они пошли обратно к «Кораблю». Саул шел следом — он все время держался у них за спиной. «Корабль» уже набирал энергию, он черной горой возвышался на белом, изогнутая верхушка его следила за невидимой ЕН 7031. По дороге Вадим сорвал несколько цветков и пожалел их — какие они жалкие и бледные.

И живых и мертвых —
Снег тихонько все украл...
Сразу стало пусто.

Снег валил все сильнее и сильнее, и, когда они подошли к «Кораблю», Саул сказал:

— Скоро все заметет. Неплохо бы произвести вскрытие.

— Зачем? — сказал Антон. — Он безнадежно мертв.

— Вот именно. Надо бы выяснить, почему они умерли.

— Они замерзли, — сказал Антон. — И не нужно нам никакого вскрытия.

— Мне казалось... — начал Саул, но тут же замолчал и полез в люк.

В кают-компании Антон сказал:

— Поймите, я не настоящий врач. Мне... не хочется.

— Я понимаю, — сказал Саул.

— Вадим, — сказал Антон, — упакуй продовольствие. Все наличные запасы. Саул, вы говорили, что умеете шить. Надо подогнать костюмы. А я соберу медикаменты.

Комбинезоны были безразмерные, но разница в росте между Саулом и Антоном была слишком велика. Комбинезон для Антона надо было сжимать, а для Саула — растягивать. И сразу же выяснилось, что шить Саул не умеет. Он растерянно вертел в руках ультразвуковую насадку, мял и разглаживал костюмы и смущенно поглядывал на Антона. По-видимому, историки, сидя в своих уютных кабинетах, понятия не имели о таких простых вещах. Вероятно, их главным образом интересовало, как это делалось раньше. Вадиму пришлось отобрать у Саула насадку и показать, как это делается сейчас. К его изумлению, историк оказался понятлив, и через несколько минут каждый уже занимался своим делом.

Саул сказал, не поднимая головы от работы:

— Почему вы думаете, капитан, что остались еще живые?

— Я не думаю, — ответил Антон. — Я надеюсь.

Вадим кончил укладывать мешок, застегнул его и присел к столу.

— А те остальные четверо тоже молодые? — спросил он.

— Да, — сказал Саул. — Совсем мальчики. Почти подростки. Гораздо моложе вас.

— Лет пять назад, — проговорил Вадим, — мы с ребятами хотели взять корабль и слетать на Тагору. Нам, конечно, не дали... Может быть, этим повезло?

— Непонятно, — сказал Антон. — Корабль может получить только пилот со стажем. А какой у этих стаж... Мальчишки! Вообще все непонятно. Золоченые ногти. Какие-то дикие рубахи на голое тело... И главное, как они попали сюда?

— Очень просто, — сказал Вадим. — Кто-нибудь собирался лететь, оставил звездолет перед домом, они ночью забрались и стартовали. Играли в Румату-Искателя. А здесь вылезли и заблудились. Ударил мороз. Вот и все.

— То, что ты говоришь, — холодно сказал Антон, — совершенно невозможно. Если бы даже все было так, то я бы об этом знал. Они погибли несколько дней назад. На Земле был бы объявлен глобальный поиск.

— А если они здесь с кем-нибудь из старших?

Антон помолчал.

— Тогда поищем старших, — сказал он наконец.

— Меня смущает одно, — сказал Вадим. — Эти невообразимые рубахи...

— Это не рубахи, — сказал Саул неожиданно.

Ребята повернулись к нему.

— Это мешки. С дырками для головы и рук. Грубые джутовые мешки. Теперь таких не бывает, — он невесело усмехнулся. — Понимаете, Вадим, мальчикам было бы легче раздобыть скорчер или батисферу, чем один такой вот мешок. Это было очень, очень давно. И мне очень не нравится, что они голые и что вместо одежды на них мешки.

Вадим почувствовал, что у него перестало биться сердце. Странным и жутким показалось ему это — джутовые мешки, которые были очень, очень давно. Это было ощущение не опасного, а именно жуткого. Как

будто на твоих глазах человек вдруг стал стареть, стареть, стареть и превратился в дряхлого, морщинистого старика. Он встряхнулся, и ощущение пропало. Саул развернул комбинезон, поднял его на вытянутых руках и осмотрел.

— И поэтому я не согласен с вами, — продолжал он. — Я думаю, это местные жители. И... не знаю, поймете ли вы меня... Во времена джутовых мешков происходили странные вещи. Мне представляется, что этих юношей раздели до нитки. И бросили здесь, в пустыне. Примерьте, Антон.

Антон взял комбинезон.

— Значит, по-вашему, на Сауле существует своя цивилизация? — недоверчиво спросил он. — И здесь времена джутовых мешков?

— Ну, откуда я могу это знать, капитан? Я говорю только то, что вижу. Я вижу джутовые мешки, я знаю, что джутовых мешков на Земле в наше время нет. Значит, это не земляне. Может быть, это ограбленные. А может быть, это паломники. Фанатики. Шли на поклонение святым мощам, шли, по обету одетые в мешковину, сбились с дороги, попали в метель... Не знаю.

До Вадима все это плохо доходило. Все эти слова — «паломник», «мощи», «обет» — они были знакомы ему, это было что-то связанное с религиозной обрядностью, но они не имели для него никакого реального содержания. Мельком он подумал с уважением, что Саул, по-видимому, настоящий специалист. Но не это поразило его.

— Позвольте, — сказал он. — Значит, цивилизация? Вот так так... Отправились на прогулку и между делом открыли цивилизацию! Не верю, — заявил он.

— Между делом, — сказал Антон задумчиво. — Между делом ли? ЕН 7031 значится в плане исследований...

— Да, ты говорил об этом. Экспедиция не состоялась.

— Экспедиция не состоялась. А между тем ЕН 7031 находится в списке звезд, лежащих на гипотетическом пути Странников.

— Никогда не слыхал о таком списке, — сказал Вадим.

— Такой список есть. Список Горбовского — Бадера. Так что шансы найти цивилизацию были, Вадим. И может быть, Саул прав, это местные мальчики. А вот какое они имеют отношение к Странникам — это уже другой вопрос...

Вадим сидел, поставив локти на стол и обхватив голову руками. Вот так цивилизация! Хорошо, думал он, пусть это жертвы грабителей. Но это же чушь: здоровые шестнадцатилетние мальчишки дали себя раздеть без сопротивления и покорно замерзли. Но не фанатики же они! Он представил себе фанатика. Это был изможденный плешивый старик с безумными глазами, с огромной ржавой цепью через плечо. Нет, подумал он. Какие это фанатики!.. Может быть, это сами Странники? Да. В джутовых мешках. Он вспомнил циклопические сооружения, оставленные Странниками на Владиславе, и его охватила тоска. Такая тоска наваливалась на него каждый раз, когда он брался за непосильную задачу.

— Антон, — сказал он. — Как там глайдер?

Антон взглянул на часы.

— Пора, — сказал он. — Пойдемте. Одевайтесь и берите по мешку.

— Позвольте, однако же, уточнить, — сказал Саул. — Что мы будем искать?

Вадиму показалось, что Антон колеблется.

— Мы будем искать терпящих бедствие.

Саул застегнул комбинезон.

— А если, по счастью, здесь больше никто не терпит бедствие? Я имею в виду вариант с грабителями.

— При этом варианте я бы не стал стесняться, — пробормотал Вадим.

— При любом другом варианте, — раздельно сказал Антон, — прошу не делать ни одного движения без моего приказа.

Он пошел к двери.

— Вы не берете оружия? — спросил Саул.

— Нам не понадобится оружие, — ответил Антон.

— Хватит здесь мертвецов, — сказал Вадим.

Они вышли из «Корабля» и сразу провалились в глубокий снег. Глайдер был еле виден за белой завесой. Это был глайдер-антиграв «кузнечик», надежная шестиместная машина, очень популярная у десантников и следопытов. Он стоял на краю громадной ямы-проталины, откуда поднимался густой пар, и гладкие борта его были еще теплыми, а в кабине было даже жарко.

Они свалили мешки в багажник и забрались в машину под гладкий прозрачный фонарь.

— Ах, досада! — сказал Антон неожиданно. — Димка, прости, пожалуйста. Ведь тебе для перевода, наверное, понадобится анализатор.

— Для какого перевода? — спросил Саул.

Вадим потер подбородок.

— Анализатор — не анализатор, — сказал он медленно, — а без мнемокристаллов на первый случай не обойтись. Придется кому-то сходить в «Корабль».

— Эх, — сказал Антон и полез из глайдера. — Сколько тебе их нужно?

— Одной пары будет достаточно. Только бери с присосками, чтобы не держать в руках.

Антон побежал по снегу к «Кораблю».

— О чем здесь шла речь? — осведомился Саул.

— Надо же будет как-то общаться с людьми, если мы их найдем, — ответил Вадим.

Он включил двигатель, мягко поднял глайдер и снова опустил.

— И вы об этом так, — Саул пошевелил пальцами, — легко говорите?

Вадим посмотрел на него с удивлением.

— А как я должен говорить?

— Ну да, естественно, — сказал Саул.

«Вот странный человек, — подумал Вадим. — Неужели он действительно всю свою жизнь просидел в своем кабинете, слушая Мендельсона?»

— Саул, — сказал он. — После работ Сугимото общение с гуманоидами — задача чисто техническая. Вы что, не помните, как Сугимото договорился с тагорцами? Это же была большая победа, об этом много писали и говорили...

— Ну как же! — с энтузиазмом произнес Саул. — Как такое забудешь! Но я думал почему-то, что... э-э... на это способен только Сугимото.

— Нет, — сказал Вадим пренебрежительно. — Это может сделать любой структуральный лингвист.

Вернулся Антон, сунул Вадиму коробку с кристаллами и забрался на свое место.

— Вперед, — сказал он. Затем посмотрел на Саула. — Что тут у вас произошло?

— А в чем дело?

— Мне показалось... Ну, это неважно. Вперед.

— Слушай, — сказал Вадим, глядя на еле заметный снежный холмик возле «Корабля». — Нехорошо оставлять их так. Может, сначала похороним?

— Нет, — сказал Антон. — Честно говоря, даже на это мы не имеем права.

Вадим понял. Это не наши мертвые, и не нам хоронить их по нашим законам. Он взялся за рукоятку руля и включил двигатель. Глайдер плавно взмыл над сугробами и кинулся в белую мглу.

Вадим сидел, привычно ссутулившись, и только чуть шевелил руль, проверяя устойчивость. Навстречу мчался снег. Вадим видел только белую тысячехвостую звезду, центр которой медленно плавал перед его глазами. Он включил поисковые локаторы.

— Что это за экраны? — спросил позади Саул.

Вадим объяснил:

— Во-первых, я ничего не вижу, а во-вторых, их могло засыпать снегом.

— Спасибо, — сказал Саул. — Я понял.

Глайдер выскочил из метели. Он несся над заснеженной холмистой равниной. Вадим медленно наращивал скорость, и двигатель густо свистел, и бешено неслись под днищем округлые вершины холмов. Небо было совершенно белое, невысоко над горизонтом справа светилось слепящее пятно — ЕН 7031, а на севере отчетливо проступили очертания скалистых гор. Слепящее пятно медленно смещалось вправо и назад: глайдер шел по десятикилометровой дуге вокруг «Корабля». И впереди, и справа, и слева были только холмы, холмы, холмы. Антон вдруг сказал:

— Глядите, стадо!

Вадим затормозил и развернулся. Глайдер повис неподвижно. В ложбине между холмами быстро двигалась кучка каких-то животных. Это были некрупные четвероногие, похожие на безрогих оленей, и они, выбиваясь из сил, прыгали, проваливаясь в снег, закидывая назад длинные черноносые головы. Тонкие ноги их застревали в сугробах, и они падали, барахтались, поднимая тучи снежной пыли, и снова вскакивали, и снова бежали, изгибаясь при каждом прыжке. За ними оставалась борозда взрытого снега. А по этой борозде, низко пригнув длинные вытянутые шеи, мчались на голых голенастых ногах громадные, похожие на страусов птицы. Только клювы у этих птиц были не как у страусов — мощные, горбатые, с загнутым вниз страшным острием.

Вадим спикировал и пошел вдоль ложбины. Стадо пробежало под глайдером, даже не заметив его, а птицы — их было три — разом остановились, присели на согнутых ногах и, задрав головы, страшно разинули клювы. Какая охота, мельком подумал Вадим, какая могла бы быть охота! Он снова поднял глайдер и перевел его в джамп-режим. Совсем близко, едва не царапнув по спектролиту фонаря, щелкнули чудовищные клювы и сразу исчезли. Теперь глайдер мчался двухкилометровыми прыжками, взлетая к низкому небу, и каждый раз равнина словно распахивалась внизу, и было видно, что на десятки

километров вокруг тянется бескрайняя снежная пустыня.

— Плохо дело, — пробормотал Саул.

— Почему?

— Птицы...

Ну и цивилизация, подумал Вадим. Не могли организовать поиск. Дали мальчишкам уйти голыми, безоружными. Здесь, наверное, и шагу нельзя пройти без оружия. А ведь смелые, наверное, были ребятишки...

Глайдер замкнул десятикилометровый виток и начал второй, в двадцать километров. И сейчас же Антон сказал:

— Вот они откуда, наверное. Тридцать градусов вправо по курсу!

На краю равнины под серо-синей массой хребта виднелись какие-то смутные, правильной формы темные пятна.

— Похоже на большой населенный пункт, — сказал Саул. — Здесь нет бинокля?

Спектролит фонаря рассеивал дымку, и Вадим, нагнувшись к окулярам, различил очертания зданий, зубчатых стен и куполов.

— Город, — сказал он. — Что будем делать?

— Город? — спросил Саул.— Любопытно. И сколько до него?

— Километров пятнадцать.

— Так. Значит, до «Корабля» от города километров тридцать... При известной выдержке это можно пройти даже босиком.

Вадима передернуло.

— В жизни не стал бы пробовать, — пробормотал он.

Глайдер, чуть подрагивая под порывами ветра, висел в двух десятках метров над землей. До чего же здесь все нелепо устроено, думал Вадим. Где поисковые партии? Где глайдеры и вертолеты с добровольцами? Люди замерзли рядом с городом, и здесь на десятки километров вокруг ни одной живой души, кроме этих птичек.

А птичкам здесь как раз совершенно нечего делать. Надо было их выбить еще сто лет назад и не устраивать под боком заповедника хищников. И чего медлит Антон? Почему бы нам не явиться в город и не наставить обитателей на путь истинный? Честное слово, формальностями первого контакта можно для такого случая пренебречь. Он поглядел на Антона.

Антон медлил. Он сидел, выпрямившись, сильно прищурив глаза и сжав губы. Такое лицо у него было, когда он решал в уме навигационную задачу.

— Итак, шкип? — сказал Вадим.

Лицо Антона приняло обычное выражение.

— Честно говоря, — проговорил он, — нам следует сейчас вернуться на «Корабль». Но... Вперед. Остановишься на окраине. Держись повыше.

Глайдер преодолел расстояние до города в три прыжка, и уже в конце второго Вадим понял, что это не город. Во всяком случае, он сразу понял, почему здесь никто не беспокоится о судьбе пропавших мальчиков.

— Здесь произошел ужасный взрыв, — пробормотал за спиной Саул.

Глайдер повис над краем исполинской воронки, похожей на жерло действующего вулкана. Воронка шириной в полкилометра была до краев наполнена тяжелым шевелящимся дымом. Дым был сизый, и он лениво слоился и покачивался и был, вероятно, намного тяжелее воздуха, потому что ни одной струйки не поднималось над воронкой. Со стороны казалось, что это не дым, а жидкость. К краям воронки лепились засыпанные снегом развалины. Из сугробов торчали обглоданные остатки разноцветных стен, покосившиеся башни, скрученные металлические конструкции, проломленные купола.

Вадим ошеломленно глядел вниз. Саул бормотал невнятно:

— Ну, это нам знакомо... Бомбежка... Взорвались склады... И совсем недавно — дым еще не рассеялся, что-то там горит...

Вадим помотал головой:

— В таком городе жить нельзя. Люди разбежались кто куда, конечно. Удивительно, что мы нашли только пятерых.

— Остальные там, — сказал Саул, глядя в воронку.

— Это не цивилизация, а безобразие, — проворчал Вадим. — Что за подлое легкомыслие? Кто же ставит такие опыты в городе? Нужно быть последним...

Антон сказал негромко.

— А вон там идут машины...

С севера к воронке подходила узкая, едва заметная отсюда лента дороги. По ней густо и неторопливо ползли темные точки. Ага, подумал Вадим, значит, еще не все потеряно. Он повернул глайдер, пересек воронку, и они увидели превосходное шоссе, уходящее прямо в дым, а на шоссе — бесконечную колонну машин. Машины занимали все полотно шоссе. Они плотным строем шли с севера, только с севера, плоские зеленые машины, похожие на пассажирские атомокары, но без ветрового стекла; маленькие бело-синие машины, тащившие за собой длинный хвост пустых открытых платформ; оранжевые машины, похожие на полевые синтезаторы; огромные черные башни на гусеницах и маленькие машины с широкими раскинутыми крыльями — все они неодолимо, ряд за рядом, в полном порядке катились по шоссе, с отчетливой точностью сохраняя интервалы и дистанции, и ряд за рядом скрывались в сизом дыму воронки.

— Это всего лишь автоматы, — сказал Вадим.

— Да, — сказал Антон.

— Значит, их кто-то посылает. Скорее всего на восстановительные работы. И мы найдем людей на другом конце шоссе... — Вадим запнулся. — Послушайте, Саул, — сказал он, — а были такие машины в эпоху джутовых мешков?

Саул не отвечал. Как завороженный он глядел вниз, и на лице его были восхищение и благоговение. Он

поднял на Вадима вытаращенные глаза. Мохнатые брови его торчали дыбом.

— Какая техника! — проговорил он. — Какое гомерическое шествие! Какие грандиозные масштабы! Им конца нет!

Вадим удивился и тоже посмотрел вниз.

— А что такое? — спросил он. — А! Масштабы? Да, масштабы безобразные. На восстановление города хватило бы десятка киберов.

Он снова посмотрел на Саула. Саул быстро замигал.

— А мне вот нравится, — сказал он. — Это же очень красиво. Разве вы не видите, что это красиво?

— Вадим, — сказал Антон, — давай вдоль шоссе. Разбираться так разбираться.

Вадим пустил глайдер. Поток машин внизу слился в пеструю полосу.

— Вот теперь красиво, — сказал Вадим. — Но вы мне не ответили, Саул. Совмещаются джутовые мешки с этой техникой?

— А почему же нет? Из разрушенных городов люди убегали и вовсе без ничего. Дались вам эти джутовые мешки! Джутовые мешки существовали несколько веков. Дешевая удобная вещь. Дрова носить, например.

— Какие дрова?

— Деревянные. Баню топить.

Вадим вспомнил про банный лист и замолчал, глядя вперед. Ни конца шоссе, ни конца колонне машин видно не было. По обе стороны шоссе уходила к горизонту нетронутая заснеженная равнина. Вадим прибавил скорость. Какое-то бессмысленное предприятие, размышлял он. Уходят в дым как в пропасть. Он прикинул возможные размеры воронки и количество падающих в нее машин. Получалась нелепость. Впрочем, я не инженер. Рядовой гуманоид с Тагоры — они там все инженеры — решил бы, что это шоссе просто довольно большой конвейер, несущий детали какой-то средних

размеров машины, которую собирают под землей. А вот простой буколический леонидянин был бы убежден, что это стада животных, перегоняемых с пастбища на бойню.

— Антон, — позвал он. — Представляешь леонидян на нашем месте?

Антон ответил:

— Глупый леонидянин вообразил бы, что все ясно. А умный сказал бы, что информации недостаточно.

Да, информации недостаточно. Все машины идут на юг, и ни одна не возвращается. Если они действительно идут на восстановление города, то они восстанавливают его из самих себя. А почему бы, собственно, и нет?

— Вы знаете, — сказал Саул, — мне даже как-то страшно. Сколько мы уже прошли? Километров сорок? А они все идут и идут.

— Лучше бы они пустили эту технику, чтобы искать разбежавшихся, — сказал Вадим.

— Ну, это вы зря, — возразил Саул. — В такой каше не до отдельных людей.

— Как это так — не до людей? Для кого же они город восстанавливают? Тем мальчикам город уже не нужен...

Саул пренебрежительно махнул рукой.

— Во время взрыва погибло, наверное, тысяч десять таких мальчиков. Жалко, конечно, да не до них.

Вадим взбеленился. Глайдер рыскнул в сторону.

— Вы, Саул, извините меня, но ваш уютный кабинет и занятия историей повлияли на вас странно. Вы рассуждаете, как я не знаю кто. Вы еще нам тут скажите, что цель оправдывает средства.

— А что же, — согласился Саул хладнокровно, — бывает, что и оправдывает.

Вадим сдержался. Кабинетный реликт, подумал он. А вот оставь его без штанов в снегу, и он будет страшно обижен, почему вся техника Планеты не спешит к нему

на помощь. Тут Вадим увидел проселок и резко затормозил.

Проселок уходил от шоссе на восток, петляя между холмами.

— Это первая дорога в сторону, — сообщил Вадим. — Будем сворачивать?

— Да не стоит, — сказал Саул. — Ну, что там может быть интересного?

Антон колебался. Ну что он все время мямлит, с раздражением подумал Вадим. Словно подменили человека.

— Так как же? — сказал он. — Я за то, чтобы идти дальше по шоссе.

— Я тоже, — сказал Саул. — Вернуться мы всегда успеем. Ведь правда, Вадим?

— Хорошо, лети прямо, — нерешительно сказал Антон. — Лети прямо. Хотя... имей в виду... Ладно, лети прямо.

Вадим снова погнал глайдер вдоль шоссе.

— Что с тобой сегодня, Тошка? — осведомился он. — Ты мямлишь, как витязь на распутье: пойдешь направо — глайдер потеряешь, пойдешь налево — голову потеряешь...

— Вперед, вперед смотри, — ответил Антон спокойно.

Вадим пожал плечами и стал демонстративно смотреть вперед. Через пять минут он увидел впереди серое пятно.

— Опять яма с дымом, — сказал он.

Это была точно такая же воронка. Края ее были запорошены снегом, в ней тяжело колыхался все тот же сизый дым, и из дыма непрерывным потоком поднимались машины.

— Нечто подобное я ожидал увидеть, — сказал Антон.

— Но здесь же нет людей, — растерянно сказал Вадим. — Мы опять ничего не узнаем.

Странная мысль поразила его. Он взглянул на компас и нагнулся к окулярам. Развалин по краям воронки не было. Это была другая воронка.

— Потрясающе, — сказал Саул. — Выходят из дыма и уходят в дым.

— Давайте поворачивать, — нетерпеливо сказал Вадим. Он уставился на Антона. На лице Антона была опять та же отвратительная нерешительность.

— Виноват, — сказал Саул. — Пройти мимо такого удивительного феномена!..

— Да какой там феномен! — вскричал Вадим. — Что вы все восхищаетесь? Какой-то бездарный инженер перебрасывает машины через Подпространство... Нашел место для нуль-транспортировки! Развалил город, бесталанный дурак... Ну, что ты все размышляешь, Антон?

— Шумно у нас что-то стало, — сказал Антон, глядя в сторону.

— Ну, а в чем дело? Тебя что, интересуют местные производственные процессы?

— Да нет... — вяло сказал Антон. — Какое мне до них дело?

Вадим повернулся вместе с креслом кругом, упер руки в колени и принялся рассматривать по очереди Антона и Саула. У Антона был такой вид, словно он засыпает. Он даже руки сложил на животе и сцепил пальцы. А Саул смотрел на Вадима с выражением какого-то удивленного восхищения и умиления. Рот у него был полуоткрыт.

— В чем дело? — сказал Вадим. — Чего вы оба нанюхались?

Саул встрепенулся.

— Да, конечно! — воскликнул он. — Как я сразу не подумал! Все понятно: имеем две дыры на расстоянии восьмидесяти километров. Из одной дыры выходят машины, проходят по превосходной автостраде и безо всякого видимого эффекта уходят в другую дыру. Из другой дыры они по подземному ходу возвращаются в первую...

Вадим тяжко вздохнул.

— Они не возвращаются в первую, — сказал он. — Это нуль-транспортировка, понимаете? (После каждого

слова Саул истово кивал.) Элементарная нуль-транспортировка. Кто-то использует это место, чтобы перегонять технику на большие расстояния кратчайшим путем. Может быть, на тысячи километров. Может быть, на тысячи парсеков. Неужели не понятно?

— Да нет, почему же, все понятно! — воскликнул Саул. Вид у него был несколько обалделый. — Чего тут не понять? Типичная нуль-транспортировка...

— Ну да, — сказал Вадим. — И нет нам до нее никакого дела. Людей надо искать!

— Хорошо, — сказал Антон. — Будем искать людей. Поворачивай на проселок.

Вадим развернул глайдер и погнал его по шоссе обратно.

— Антон, ты что, плохо себя чувствуешь? — спросил он, помолчав.

— Чувствую я себя неважно, — сказал Антон. — Потом не забудь подтвердить это, если тебя спросят...

— Кто спросит?

— Спросят, — сказал Антон. — Будут такие... интересующиеся...

Вадим не стал расспрашивать — было ясно, что это бессмысленно. Он посмотрел на машины внизу, затем на спидометр.

— Примитивные автоматы, — пробормотал он. — Постоянная скорость, постоянные интервалы... Стоило из-за них сворачивать пространство...

Показался проселок.

— Как лететь? — спросил Вадим. — Над проселком или срезать?

— Над проселком, — ответил Антон. — И спустись пониже.

Вадим с удовольствием опустился почти к самой земле и пошел точно над дорогой — он очень любил быструю езду с крутыми поворотами. Сбоку, прыгая на неровностях, неслась по снегу округлая тень глайдера.

— Ну вот, опять птицы, — сказал Саул сердито.

Впереди у самой дороги топталось несколько давешних голенастых чудовищ. Они разгребали когтистыми лапами сугробы и шарили в разрыхленном снегу. Когда глайдер приблизился, они разом присели на лапы, закинули шеи и распахнули черные клювы. С клювов свисали какие-то лохмотья.

— Что за мерзкие твари! — сказал Саул с отвращением. Он перегнулся на сиденье и поглядел назад. — Что они там выкапывают?

Вадим вдруг понял, что́ они там выкапывают, но это было так страшно, что он не поверил.

— Вы не видели тахоргов, Саул, — сказал он с принужденной веселостью. — По сравнению с тахоргами это желтоносые цыплята. Надо будет подстрелить одну, Антон, а?

— Можно, — сказал Антон.

Саул сел прямо.

— Мне не нравится, что они там что-то выкапывают, — сказал он мрачно.

Никто не ответил. Так в молчании они летели еще минут десять. Снег на проселке был какого-то скверного навозного цвета. На нем виднелись следы не то гусениц, не то колес, а справа и слева по снежной целине местами тянулись цепочки человеческих следов. Круглые холмы по сторонам были пусты. Кое-где из сугробов торчали чахлые прутики да черные кривые корни, похожие на скрюченные руки.

— Еще одна, — сказал Саул.

На вершине холма стояла птица. Заметив глайдер, она стремительно ринулась наперерез. Она мчалась, высоко задирая ноги, растопырив маленькие крылья, вытянув жилистую шею и пригнув клюв к самому снегу. Маленький горящий глаз был устремлен на глайдер.

— Не успеет! — с сожалением проговорил Вадим.

Но птица успела. «Тэ-эк!» — крякнул Вадим с удовольствием. Глайдер содрогнулся. В воздухе мелькнула растопыренная когтистая лапа. Антон и Саул сейчас же обернулись.

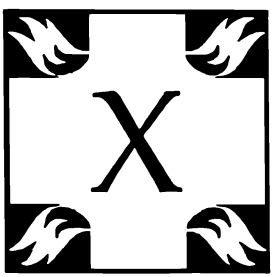
— Еще катится! — сообщил Саул. — На редкость мерзкое животное... Ух ты! — изумленно воскликнул он.

Вадим сейчас же включил экран заднего вида. Взъерошенная птица была уже на ногах и, прихрамывая, мчалась следом за глайдером. Вид у нее был остервенелый. Скоро она отстала и скрылась за поворотом.

— Если мы встретим людей, — сказал Вадим, — я им предложу истребить эту мерзость на всей равнине. Раз у них у самих руки не доходят... Как ты полагаешь, Тошка?

— Там видно будет, — сказал Антон.

IV

олмы стали ниже, и вдруг впереди открылся высокий снежный вал. Антон заметил крошечные черные фигурки, копошившиеся на его гребне. Ну, начинается, подумал он и сказал:

— Останови.

— Зачем? — возразил Вадим. — Ты что, не видишь — там люди!

— Останови, говорят тебе!

— Ну вот, — недовольно сказал Вадим, но повиновался.

Сейчас он повернется и посмотрит на меня с неодобрением, подумал Антон. До чего же мне трудно...

Ему было трудно. Шанс столкнуться с неизвестной цивилизацией был чрезвычайно мал, но реален, и каждый звездолетчик знал инструкцию Комиссии по контактам, запрещавшую самодеятельные контакты с неизвестными цивилизациями. Теперь глупо отступать, думал он. Надо было покинуть Саулу сразу же, едва мы

увидели трупы. Надо было... Только никто бы этого не сделал. И все же существует инструкция. И составлена она как раз на такой вот случай — когда у тебя в экипаже один так и горит от жажды деятельности, а другой вообще непонятно чего хочет. А самого тебя раздирают противоречия. Ведь почти наверняка где-то поблизости тысячи людей терпят бедствие. Во-он те самые человечки, которые бессмысленно бродят по гребню... И Димка смотрит с неодобрением... И Саул смотрит с совершенно неуместным любопытством. Историк со скорчером. Кстати, не забыть о скорчере... И инструкция, очень толковая и простая инструкция: «...никаких самодеятельных контактов с аборигенами...» Очень просто: вышел, осмотрелся, заметил признаки живой цивилизации и... «необходимо немедленно покинуть планету, тщательно уничтожив все следы своего пребывания». А у меня там огромная яма из-под глайдера, а рядом с ямой — пять трупов...

— Ну, в чем дело? — спросил Вадим. — Приступ меланхолии?

Разумеется, структуральные лингвисты и историки понятия не имеют об инструкции. Объяснить им — наверняка воспримут как личное оскорбление: «Мы не дети! Сами знаем, что хорошо, а что плохо!»

Тут Антон обнаружил, что глайдер медленно ползет по направлению к валу. И он решился.

— Поднимайся на гребень, — сказал он. — Сядь подальше от людей. И вот что, товарищи. Я вас очень прошу. Не устраивайте вы там братства цивилизаций.

— Мы не дети, — с достоинством сказал Вадим, увеличивая скорость.

Глайдер рывком взлетел на гребень вала. Вадим откинул фонарь, высунулся и изумленно свистнул. Внизу за валом открылся гигантский котлован, и там было полно людей и машин. Но Антон не смотрел вниз.

Он с ужасом и жалостью смотрел на сгорбленного, синего от стужи человека в рваном джутовом мешке, который медленно, с трудом переставляя ноги, шел прямо на глайдер. Лицо его казалось пестрым от коросты,

голые руки и ноги были покрыты цыпками, слипшиеся грязные волосы торчали во все стороны. Человек скользнул по глайдеру равнодушным взглядом и, обогнув его, пошел дальше по гребню. Оступаясь, он жалобно и привычно постанывал. Это же не человек, подумал Антон, это же только похоже на человека...

— Господи боже мой! — хрипло воскликнул Саул. — Что же там делается!

Тогда Антон посмотрел вниз. На дне котлована на грязном растоптанном снегу среди десятков разнообразных машин копошились, сидели и даже лежали, бродили и перебегали люди, босые люди в длинных серых рубахах. Вокруг на границе цельного снега люди стояли неровными, изломанными шеренгами. Их было много — сотни, а может быть, и тысячи. Они стояли понуро, глядя себе под ноги. Кое-где в шеренгах были видны лежащие, и на них никто не обращал внимания.

Машин в котловане было несколько десятков. Некоторые из них зарылись в землю, другие были скрыты под снегом, но Антон сразу увидел, что это такие же машины, как и те, что двигались по шоссе. Несколько машин судорожно дергались, разбрызгивая комья грязи и снега, безо всякого порядка и видимой цели.

Антон вдруг сообразил, что в котловане несоответственно тихо. Тысячи людей находятся там, а слышно было только приглушенное ворчание механизмов да изредка пронзительные жалобные выкрики.

И кашель. Время от времени кто-то где-то начинал хрипло, надсадно кашлять, задыхаясь и сипя, так что начинало першить в горле. Этот кашель немедленно подхватывали десятки глоток, и через несколько секунд котлован наполнялся трескучими сухими звуками. На некоторое время движение людей останавливалось, затем раздавались жалобные выкрики, резкие, как выстрелы, щелчки, и кашель прекращался...

Антону было двадцать шесть лет, он давно уже работал звездолетчиком и повидал многое. Ему приходилось видеть, как становятся калеками, как теряют друзей, как теряют веру в себя, как умирают, он сам терял

друзей и сам умирал один на один с равнодушной тишиной, но здесь было что-то совсем другое. Здесь было темное горе, тоска и совершенная безысходность, здесь ощущалось равнодушное отчаяние, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, когда впереди нет абсолютно ничего, кроме смерти один на один с безучастной толпой. Не может быть, подумал он. Просто очень большая беда. Просто я никогда еще не видел такого.

— Никогда мы не сможем им помочь, — пробормотал Вадим. — Тысячи людей, и у них ничего нет...

Антон пришел в себя. Два десятка грузовых звездолетов, подумал он. Одежда. Пять тысяч комплектов. Еда, десяток полевых синтезаторов. Госпиталь, штук шестьдесят домов. Или мало? Может быть, здесь не все? И может быть, не только здесь?..

Хорош бы я был, если бы приказал с шоссе вернуться на «Корабль», подумал он с удовлетворением.

Они стояли молча, не выходя из глайдера. Было непонятно, чем заняты люди на дне котлована. Они возились с машинами. Наверное, машины были их надеждой. Может быть, они хотели исправить их или использовать, чтобы выбраться из снежной пустыни.

Вадим сел и включил двигатель.

— Стой, — сказал Антон. — Ты куда?

— На Землю, — ответил Вадим. — Нам не справиться.

— Выключи двигатель. Начинаются нервы.

— При чем здесь нервы? Нашими семью хлебами ты их не накормишь.

Антон поднял мешок с медикаментами и перебросил через борт. Потом он поднял мешок с продовольствием.

— Возьмите, — сказал он Саулу. — Вадим, приготовь свой транслятор. Будешь переводить.

— Зачем это? — сказал Вадим. — Зачем так усложнять? Мы только потеряем время, а здесь умирают каждую минуту, наверное.

Антон перебросил через борт мешок с продовольствием.

— Узнаем, сколько их. Узнаем, что им нужно. Узнаем всё. С чем ты собираешься возвращаться на Землю?

Вадим, не говоря ни слова, спрыгнул в снег и взял на плечо мешок с медикаментами. Антон выжидательно посмотрел на Саула. Саул вынул изо рта трубку.

— Все это правильно, — проговорил он. — Но не берите еду.

— Почему? Самых слабых мы накормим сразу же.

— Не делайте глупостей. Они увидят еду. Они увидят одежду. Они вас растопчут вместе с вашими мешками.

— Это не для всех, — вразумляюще сказал Антон. — Мы объясним, что это для самых слабых.

Несколько секунд Саул с выражением странного сожаления глядел на него. Затем он спросил:

— Вы знаете, что такое толпа?

— Берите мешок, — тихо сказал Антон. — Что такое толпа, вы мне расскажете потом.

Саул со вздохом взвалил мешок на плечо и нагнулся за скорчером, валявшимся на сиденье.

— Нет, эту штуку вы оставьте, — попросил Антон.

— Нет, это я возьму, — возразил Саул. Он с сопением продел голову в ремень скорчера.

— Я вас прошу, Саул. Вы боитесь и можете выстрелить.

— Конечно, боюсь. Я боюсь за вас.

— Я понимаю, что не за себя, — сказал Антон терпеливо.

Саул, оскалившись, полез через борт.

— Саул Репнин, — железным голосом сказал Антон. — Дайте сюда оружие!

Саул сел на борт.

— Вы не умеете стрелять, — заявил он.

— Умею, — сказал Антон, глядя ему в глаза.

И каждый раз так, с досадой подумал он. Каждый раз в самый важный момент объявляется кто-нибудь с нервами. И приходится урезонивать, вместо того чтобы заниматься делом.

Саул отдал скорчер. Антон сунул оружие за пазуху и прыгнул в снег рядом с Вадимом. Вадим с мешком на плече стоял, наклонив голову, и, поправляя на виске мнемокристалл, с любопытством следил за действиями шкипа.

— Так я возьму третий мешок, — сказал Саул как ни в чем не бывало.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон вежливо.

Они стали спускаться в котлован.

— В случае чего, — сказал Саул, — стреляйте в воздух. Все сразу разбегутся.

Антон не ответил. Он думал, как действовать дальше.

— Вадим, — окликнул он. — Ты сумеешь с ними договориться?

— Как-нибудь. Главное — ты. Будь ты настоящим врачом, я бы ни о чем не беспокоился.

Да, подумал Антон, если бы я был настоящим врачом... Конечно, они гуманоиды. И анатомия их, наверное, не очень отличается от нашей. Но вот физиология... Он вспомнил, какие ужасные последствия вызвало применение простого йода гуманоидами на Тагоре.

— Хорошо было бы разобраться в машинах, — озабоченно сказал Вадим. — Мы бы вывезли их отсюда. Может быть, им больше ничего и не нужно. Только почему им никто не помогает? Что за нелепая планета!.. Не удивлюсь, если у них взорвались сразу все города...

Они уже прошли половину склона, когда Саул попросил:

— Подождите минуточку.

Все остановились.

— Что случилось? — спросил Антон. — Устали?

— Нет, — сказал Саул. — Я никогда не устаю. — Он пристально всматривался во что-то внизу. — Видите такую уродливую машину с краю? Во-он ту, самую ближнюю. На крыле — человек в сером...

— Вижу, — неуверенно сказал Антон.

— Ну-ка, ну-ка... У вас глаза помоложе.

Антон напряг зрение.

— Сидит человек, — сказал он и вдруг замолчал. — Странно... — пробормотал он.

— Там сидит человек в меховой одежде, — объявил Вадим. — Вот что я вижу. Закутан в меха до глаз.

— Ничего не понимаю, — сказал Антон. — Может быть, это больной?

— Может быть, — сказал Саул. — А вон еще двое больных. Я давно на них смотрю. Далеко только очень...

На противоположной стороне вала на фоне белесого неба четко выделялись две черные мохнатые фигурки. Они стояли совершенно неподвижно, широко расставив ноги, держа в отставленной руке длинные тонкие шесты.

— Что это у них? — спросил Вадим. — Антенны?

— Антенны ли? — проговорил Саул, вглядываясь. — Кажется, я знаю, что это за антенны...

Резкий крик огласил котлован. Антон вздрогнул. Оглушительно взревел какой-то двигатель, раздался многоголосый жалобный вопль, и они увидели, как громоздкая, похожая на глубоководный танк машина со скрежетом закрутилась на месте и вдруг поползла, все увеличивая скорость и опрокидывая другие механизмы, прямо на шеренгу людей. Из ее недр выкарабкивались и кубарем скатывались в истоптанный снег человеческие фигурки. Шеренга не шелохнулась. Антон закрыл руками рот, чтобы не вскрикнуть. Сквозь грохот и рев прозвучал высокий жалобный голос, и тогда шеренга вдруг сомкнулась в плотную толпу и двинулась навстречу танку. Антон не выдержал — он закрыл глаза. Ему казалось, что сквозь рев двигателя слышится жуткий мокрый хруст.

— Боже мой... — непонятно бормотал над ухом Саул. — Ох, боже мой...

Антон заставил себя открыть глаза. На месте танка громоздилась огромная шевелящаяся куча, которая медленно двигалась, все больше и больше кренясь набок. За ней на снегу расплывалась широкая ярко-красная полоса. Вокруг этой груды тел была пустота, только

четверо людей в шубах неторопливо шли в этой пустоте, не отставая ни на шаг от облепленного людьми танка.

Антон машинально поглядел на людей с шестами. Они стояли там же, в прежней позе, совершенно неподвижные, только один из них вдруг медленным движением переложил шест в другую руку и снова застыл. Кажется, они даже не глядели вниз.

Рев двигателя смолк. Танк был повален на бок, и люди медленно сползали с него, отходя в сторону. Тогда Вадим, не говоря ни слова, швырнул свой мешок вниз и гигантскими прыжками кинулся вслед за ним. Антон тоже побежал вниз. Сквозь шум в ушах он слышал, как спешивший по пятам Саул выкрикивает задыхаясь: «Ах, мерзавцы!.. Ах, подлецы!..»

Когда Антон добежал до танка, люди в мешковине уже снова строились в шеренгу, а люди в шубах ходили среди них и кричали жалобными, стонущими голосами. Вадим, волоча за собой мешок, вымазанный в грязи и крови, ползал на четвереньках среди разбросанных под танком тел и был, по-видимому, в отчаянии. Он поднял к Антону бледное лицо и проговорил:

— Здесь одни мертвые... Здесь все уже умерли...

Антон осмотрелся. Задыхающиеся, мокрые от пота и тающего снега, едва прикрытые серой рваной мешковиной, люди глядели на него мутными неподвижными глазами. И люди в шубах, сбившись поодаль в кучку, тоже глядели на него. На секунду ему показалось, что перед ним старинное натуралистическое панно: все они были неподвижны и смотрели на него сотнями пар неподвижных глаз.

Он взял себя в руки. Те, кого искал Вадим, стояли в шеренге — высокий костлявый старик с ободранным влажно-красным лицом; юноша, прижимающий к груди неестественно вывернутую руку; совершенно голый человек с серым лицом, вцепившийся себе в живот растопыренными пальцами с золотыми ногтями; человек с закрытыми глазами, поджавший одну ногу, из которой толчками била черная кровь... Все живые стояли в шеренгах.

— Спокойно, — сказал Антон вслух. Он нагнулся, раскрыл мешок с медикаментами и достал банку с коллоидом. Отвинчивая на ходу крышку, он направился к человеку с раздавленной ногой. Вадим с охапкой тампопластыря шел за ним по пятам.

...Скверная рана... Разворочены мускулы, кровь почти уже не идет. Почему он не сядет?.. Почему его никто не поддержит? Коллоид... Теперь пластырь... Клади ровнее, Вадим, не выдавливай коллоид... Почему так тихо? Вот это уже хуже — разорван живот... Он уже мертв. Как же он стоит?.. Вывернута рука — пустяк... Держи крепче, Вадим! Крепче! Почему он не кричит? Почему никто не кричит? А вон там уже кто-то упал... Да поднимите же вы его, вы там, здоровые!..

Кто-то тронул его за плечо, и он резко повернулся. Перед ним стоял человек в шубе. У него было румяное грязноватое лицо, скошенные вниз глаза, на кончике короткого носа висела мутная капля. Ладони в меховых рукавицах были сложены перед грудью.

— Здравствуйте, здравствуйте... — сказал Антон. — Потом... Вадим, разберись с ним.

Человек в шубе покачал головой и быстро заговорил, и сейчас же рядом заговорил Вадим с очень похожей интонацией. Человек в шубе замолчал, с изумлением поглядел на Вадима, затем снова на Антона и попятился. Антон досадливым движением поправил за пазухой тяжелый скорчер и повернулся к раненому. Раненый стоял, закрыв лицо руками. И все люди справа и слева от Антона стояли, закрыв лица руками, кроме того, мертвого, с серым лицом, который по-прежнему держался за живот.

— Ничего, ничего, — сказал Антон ласково. — Опустите руки, не бойтесь. Все будет хорошо...

Но в ту же минуту высокий жалобный голос что-то прокричал, и все люди в мешковинах разом повернулись направо. Люди в шубах трусцой побежали вдоль шеренги. Снова прокричал жалобный голос, и колонна двинулась.

— Стойте! — крикнул Антон. — Не сходите с ума!

Никто даже не обернулся. Колонна проходила, и все, кто проходил возле Антона, закрывали лица руками. Только человек с распоротым животом остался стоять, потом кто-то задел его, и он мягко свалился в снег. Колонна ушла.

Антон растерянно провел мокрой ладонью по глазам и огляделся. Он увидел громадный поваленный танк, длинного черного Саула рядом, Вадима, дико глядевшего вслед колонне, да несколько десятков тел на растоптанном снегу. И стало совсем уже тихо, слышались только редкие жалобные выкрики в отдалении.

— Почему? — спросил Вадим. — Чего они испугались?

— Они испугались нас, — сказал Антон. — А скорее всего они испугались нашей медицины...

— Я догоню и постараюсь объяснить...

— Ни в коем случае. Это надо делать очень деликатно. Как ваше мнение, Саул?

Саул, повернувшись спиной к ветру, раскуривал трубку.

— Мое мнение... — проговорил он. — Мне здесь очень не нравится...

— Да, — подхватил Вадим. — Какое-то ужасное, болезненное неблагополучие...

— Почему обязательно неблагополучие? — сказал Саул. — Вот как, по-вашему, кто эти подлецы в шубах?

— Почему обязательно подлецы?

— А кто они, по-вашему?

Вадим молчал.

— Здоровые, упитанные парни в шубах, — сказал Саул со странным выражением. — Они приказывают людям кидаться под танк. Они не работают, а только смотрят, как работают. Они фигурно торчат на валу с пиками наготове. Кто они, по-вашему, эти парни?

Вадим молчал.

— Вот подумайте, — сказал Саул. — Здесь есть о чем подумать...

Антон сказал, глядя на небо:

— Смеркается. Давайте осмотрим машину, раз уж мы здесь. Все равно этим придется заняться рано или поздно...

— Пойдемте, — сказал Саул.

Антон аккуратно закрыл мешок с медикаментами, и они пошли к танку. Вадим не двинулся. Он угрюмо смотрел на склон, по которому медленно полз черный пунктир — хвост уходящей через вал колонны.

Овальный панцирь танка был раскрыт. Корпус машины разгораживала перепончатая стенка. Антон включил фонарик, и они стали осматривать гофрированные борта кабины, матовые сочленения двигателя, какие-то кривые зеркала на коленчатых шестах, похожих на бамбук, и дно кабины — чашевидное, покрытое множеством маленьких отверстий, похожее на гигантскую шумовку.

— Да-а, — протянул Саул. — Любопытная машина. Где же управление?

— Возможно, это кибер, — рассеянно сказал Антон. — Впрочем, нет, вряд ли... Слишком много пустого места...

Он забрался в двигатель. Это был довольно примитивный квазиживой механизм с высокочастотным питанием.

— Мощная машина, — с уважением сказал Саул. — Только вот как она управляется?

Они снова вернулись к кабине.

— Дырочки какие-то, — бормотал Саул. — Где же здесь руль?

Антон попробовал просунуть в одно из отверстий указательный палец. Палец не влезал. Тогда Антон сунул мизинец. Он ощутил короткий болезненный укол, и в то же мгновение в двигателе что-то с рычанием проснулось.

— Ну, вот и все ясно, — сказал Антон, рассматривая мизинец.

— Что ясно?

— Мы не сможем управлять этой машиной... И они тоже не смогут.

— А кто сможет?

— Боюсь утверждать наверняка, но, по-видимому, это из хозяйства Странников. Видите?.. Это машина не для гуманоидов.

— Что вы говорите? — пробормотал Саул.

Некоторое время они молча стояли перед кабиной, пытаясь представить себе существо, которое чувствовало себя в этой шумовке так же удобно, как они сами в водительских креслах перед пультами и экранами.

— Я почему-то так и думал, — объявил Саул. — Слишком это парадоксально: джутовые мешки и нультранспортировка...

— Вадим, — позвал Антон.

— Что? — мрачно донеслось сверху. Вадим стоял на танке.

— Слышал?

— Слышал. Тем хуже для них... — Вадим тяжело спрыгнул в снег. — Пора возвращаться, — сказал он. — Темнеет...

Они взвалили на плечи мешки и стали подниматься на вал.

Какая каша, думал Антон. Машины, оставленные не гуманоидами. Гуманоиды, потерявшие человеческий облик, отчаянно пытающиеся разобраться в этих машинах. Ведь они, несомненно, пытаются в них разобраться. Наверное, для них это единственное спасение... И у них, конечно, ничего не выходит. И еще какие-то странные люди в шубах...

— Саул, — сказал он. — Что такое пики?

— Копья, — ответил Саул, кряхтя.

— Копья...

— Длинный деревянный шест, — раздраженно сказал Саул. — На конце — острый железный наконечник, часто зазубренный. Используется для протыкания насквозь ближнего своего. — Саул помолчал, тяжело дыша. — Может быть, вам заодно объяснить, что такое меч?

— Знаем мы, что такое меч, — сказал Вадим, не оборачиваясь. Он лез первым.

— Так вот, у каждого из этих бандитов в шубах висел за спиной меч, — сказал Саул. — Слушайте, молодые люди, давайте передохнем...

Они уселись на мешки.

— Вы много курите, — сказал Антон. — Это очень вредно.

— Курить — здоровью вредить, — отозвался Саул.

Стало совсем темно. Котлован внизу наполнился сумеречными тенями. Небо очистилось от туч, появились звезды. Слева таяло зеленоватое сияние заката. У Антона замерзли уши, и он с содроганием подумал о несчастных, бредущих сейчас босиком по скрипучему снегу. А куда они бредут? Может быть, здесь поблизости есть какое-нибудь убежище?.. А ведь еще только вчера мы сидели с Димкой на крыльце, было тепло, изумительным запахом несло из сада, кричали цикады, и дядя Саша звал нас из своего коттеджа отведать самодельного морса... Почему это Саул настроен против людей в мехах?

Саул со вздохом поднялся и сказал:

— Пошли.

Они ввалились в глайдер, задвинули фонарь, и Вадим сразу же на полную мощность включил отопление. Антон расстегнул куртку, вытащил теплый скорчер и бросил его на сиденье рядом с Саулом. Саул сердито дышал в пригоршню. На мохнатых бровях его таял иней.

— Итак, Вадим, — сказал он, — что вы надумали?

Вадим сел в водительское кресло.

— Думать будем потом, — заявил он. — Сейчас надо действовать. Люди нуждаются в помощи и...

— Почему вы, собственно, решили, что люди нуждаются в помощи?

— Вы, надеюсь, не шутите? — спросил Вадим.

— Мне не до шуток, — сказал Саул. — Я удивляюсь, почему вы не хотите попытаться понять, что здесь происходит. Почему вы все время твердите одно и то же: «нуждаются в помощи, нуждаются в помощи»?

— А как по-вашему? Не нуждаются?

Саул вскочил, стукнулся головой о фонарь и снова сел. Несколько секунд он молчал.

— Я снова обращаю ваше внимание, — сказал он наконец, — на то необычайно важное обстоятельство, что там, в котловане, вовсе не все люди нуждаются в одежде и прочем. Что там, в котловане, мы видели людей здоровых, сытых, вооруженных. И для этих людей положение дел не представляется таким уж безнадежным, как для вас. Вы хотите помочь страждущим. Это великолепно. Возлюби, так сказать, дальнего. Но не кажется ли вам, что этим самым вы вступите в конфликт с некоторым установившимся порядком? — Он замолчал, пристально глядя на Антона.

— Не кажется, — сказал Вадим. — Я не хочу думать о людях хуже, чем о самом себе. У меня нет никаких оснований считать себя лучше других. Да, там, в котловане, есть неравенство. И меховые шубы выглядят дико. Но я совершенно уверен, что всему этому есть вполне человечное объяснение. И помощь землян никогда не будет вредной. — Он перевел дух. — А что касается пик и мечей, то кто-то ведь должен охранять потерпевших? Надеюсь, вы не забыли приятных птичек на равнине?

Антон задумчиво покивал. Как это было на «Цветке», подумал он. Мы две недели сидели на половинном кислородном пайке и ничего не ели и не пили. Инженеры чинили синтезаторы, и мы отдали им все, что у нас было. И вид у нас в конце второй недели был, наверное, немногим лучше, чем у этих людей...

Саул нагнул голову и с тоской хрустнул пальцами.

— Плоскость, плоскость... — пробормотал он. — Все в одной плоскости, как всегда. Как тысячи лет назад.

Ребята молча ждали.

— Вы славные люди, — тихо сказал Саул. — Но сейчас я не знаю, плакать или радоваться, глядя на вас. Вы не замечаете того, что совершенно очевидно для меня. И я не могу вас винить за это. Но послушайте одну маленькую притчу. В незапамятные времена

какие-то пришельцы — возможно, это были ваши Странники — забыли на Земле такой автоматический прибор. Он состоял из двух частей: из робота-автомата и из аппарата для управления этим роботом на расстоянии. Причем управлять роботом можно было при помощи мысли. Эти вещи провалялись в Аравии несколько тысячелетий. А потом аппарат для управления нашел арабский мальчик, по имени Аладдин. Историю Аладдина вы, наверное, знаете. Мальчишка принял аппарат за лампу. Он тер ее, и со страшным грохотом прибегал неведомо откуда черный и, может быть, даже огнедышащий робот. Он улавливал несложные мысли, в которые были оформлены несложные желания Аладдина, и он разрушал города и строил дворцы. Вы представляете себе — нищий, грязный, невежественный арабский мальчишка. Его мир — это мир ифритов и волшебников, и робот для него — это, конечно, джинн, раб аппарата, похожего на лампу. Если бы кто-нибудь попытался втолковать ему, что джинн — дело рук человеческих, мальчишка сражался бы до последнего издыхания, отстаивая свой мир, стремясь остаться в плоскости своих представлений. И вы поступаете так же. Отстаиваете целостность своего мировоззрения, стремитесь отстоять достоинство разума. И никак не хотите понять, что здесь мы имеем дело не с катастрофой, не с каким-то стихийным или техническим бедствием, а с определенным порядком вещей. С системой, молодые люди. И это так естественно. Всего два с половиной века назад половина человечества была уверена, что черного кобеля не отмоешь добела и что человек как зверем был, так зверем и останется, и было достаточно оснований думать именно так. — Он хрустнул зубами. — Не хочу, чтобы вы вмешивались в это дело. Вас здесь убьют. Вам нужно вернуться на Землю и забыть обо всем этом. — Он посмотрел на Антона. — А я останусь здесь.

— Зачем? — спросил Антон.

— Мне нужно, — медленно сказал Саул. — Я сделал одну глупость. За глупости платят.

Антон лихорадочно думал: что сказать этому странному человеку?

— Вы, конечно, можете остаться, — сказал он наконец. — Но дело уже не в вас. Не только в вас. Мы тоже останемся. И давайте-ка пока держаться вместе.

— Вас убьют, — безнадежно сказал Саул. — Ведь вы же не умеете стрелять в людей.

Вадим хлопнул себя по коленям и сказал прочувствованно:

— Мы же вас понимаем, Саул! Но в вас говорит историк, и вы тоже не можете выйти из плоскости своих представлений. Никто нас не убьет. Давайте попроще. Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди, и давайте действовать как люди.

— Давайте, — устало сказал Саул. — И давайте поедим. Неизвестно, что будет дальше.

Антону не хотелось есть, но еще меньше ему хотелось спорить. И Саул был, наверное, прав, и Вадим был прав, и, как всегда, была права Комиссия по контактам, и вообще сейчас больше всего нужна была информация.

Вадим неохотно ковырял ложкой в банке с консервами. Саул ел с громадным аппетитом, невнятно приговаривая:

— Ешьте, ешьте. Основа каждого мероприятия — сытый желудок.

Антон обдумывал план действий. Стихийное бедствие или социальное бедствие — все равно это бедствие. И вмешательство неизбежно. Только не следует оголтело, без оглядки кидаться домой, на Землю, с воплем: «Помогите!» — или так же оголтело вламываться в гущу событий, размахивая одиноким мешком с продовольствием... Саула жалко, но Саула пока придется отставить. Так что прежде всего информация... Антон сказал:

— Сейчас мы полетим по следам колонны. Думаю, что поблизости у них есть поселок.

Саул убежденно покивал.

— Найдем кого-нибудь посмышленей, — продолжал Антон, — и ты, Димка, у него все узнаешь. А там видно будет.

— Возьмем «языка», — заявил Саул, облизывая ложку, — правильно.

Несколько секунд Антон пытался понять: при чем здесь язык? Потом он вспомнил из какой-то книжки: «Идите, лейтенант, и без „языка“ не возвращайтесь». Он покачал головой.

— Да нет, Саул, при чем тут «язык»? Все должно быть тихо, мирно. Но на всякий случай вы держитесь лучше позади. Оставайтесь в глайдере. Вы никогда не были в опасных ситуациях, и я просто боюсь, что вы растеряетесь.

Несколько секунд Саул смотрел на него запавшими глазами.

— Да, конечно, — медленно сказал он. — Книжный, так сказать, червь.

Была уже ночь, когда глайдер снялся с места, перепрыгнул через котлован и помчался вдоль утоптанной дороги, ведущей на восток. Над равниной поднималась маленькая яркая луна, а на западе над хребтом висел багровый узкий серп. Дорога свернула, огибая высокий холм, и они увидели несколько рядов занесенных снегом хижин.

— Здесь, — сказал Антон. — Снижайся, Вадим.

V

Вадим посадил глайдер на первой же улице. Он откинул фонарь, и в кабину ворвался гадкий запах — вонь испражнений на морозе, тоскливый запах большой беды. По сторонам улицы стояли покосившиеся, обшарпанные лачуги без окон, в лунном свете серебрились шапки чистого снега на плоских крышах и отвратительно чернели сугробы у входов. Улица была пуста, и можно было подумать, что поселок покинут, но тишина была полна хрипами, вздохами и заглушенным треском сухого кашля.

Вадим медленно повел глайдер вдоль улицы. Вонючий мороз обжигал лицо. Ни на улице, ни в темных боковых проулках не было видно ни души.

— Измотались, — сказал Вадим. — Спят. Придется будить. — Он снова остановил глайдер. — Вы здесь подождите, а я схожу посмотрю.

— Ну, хорошо, пойдем, — сказал Антон.

— Незачем вдвоем ходить, — возразил Вадим, выскакивая на дорогу. — Я только посмотрю и сейчас же вернусь. Если здесь ничего не получится, поедем дальше.

Антон сказал:

— Саул, посидите здесь. Мы сейчас вернемся.

— Не поднимайте шума, — предупредил Саул.

Вадим нерешительно остановился перед узкой загаженной тропинкой, ведущей к двери ближайшей лачуги. Страшно и гадко было идти туда. Он оглянулся. Антон уже стоял рядом.

— Ну, что ты? — сказал он. — Вперед.

Вадим решительно шагнул на тропинку, поскользнулся и чуть не упал. Его затошнило, и он зашагал, подняв голову, чтобы не видеть тропинки. Дверь с визгливым скрипом открылась ему навстречу, и из нее выпал совершенно голый, длинный, как палка, человек. Он повалился на обледенелый сугроб и мертво стукнулся о стену хижины. Вадим нагнулся над ним. Это был мертвец, уже давно закоченевший. Сколько же их я увидел за сегодняшний день, — подумал Вадим. В хижине кашляли, и вдруг высокий скрипучий голос затянул песню. Это было похоже на вой. Голос выводил одни только тоскливые рулады без слов. А может быть, это был просто плач.

Вадим снова оглянулся. На дороге чернела округлая глыба глайдера, из нее неподвижно торчал черный силуэт Саула. Жутко блестел под яркой луной снег на пустынной улице. И протяжно плакал и жаловался высокий голос за дверью. Антон тихонько толкнул Вадима в бок.

— Что, страшно? — спросил он вполголоса. Лицо у него было белое, словно замерзшее.

Вадим не ответил. Он распахнул дверь и включил фонарик. Скверный, душный воздух ударил ему в нос, и он задохнулся. Круг света упал на сырой земляной пол, покрытый бледной вытоптанной травой. Вадим увидел десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огром-

ными ступнями, высохшие лица, искаженные резкими тенями, раскрытые черные рты — люди спали прямо на земле и друг на друге. Казалось, они лежат штабелями в несколько рядов, и они дрожали во сне. А вой тянулся без передышки, не прекращаясь, и Вадим не сразу заметил певца, а потом поймал его в круг света. Человек, обхватив острые колени, сидел на спинах спящих. Он глядел на свет фонарика остекленевшими глазами и пел, вытягивая растрескавшиеся губы.

— Товарищ, — сказал Вадим. — Послушай меня. Погоди петь. Скажи что-нибудь.

Человек не шевелился. Казалось, он не видит света и не слышит голоса.

— Товарищ, — повторил Вадим. — Послушай.

Певец вдруг закончил песню сиплым выкриком, повалился навзничь и замер. Он сразу же смешался со спящими, и Вадим уже не смог бы найти его. Он судорожно глотнул, сделал шаг вперед и похлопал кого-то по голой ноге. Нога была ледяная, мертвая. Вадим дотронулся до другой ноги. И эта нога тоже была ледяная, мертвая. Тогда он повернулся и, пошатнувшись, налетел на что-то широкое и теплое.

— Тихо, — сказал голос Антона.

Вадим мотнул головой, приходя в себя. Он совсем забыл про Антона.

— Не могу, — пробормотал он. — Это безнадежно.

Антон взял его за локоть и повел к выходу. Морозный воздух показался Вадиму чистым и сладким.

— Не могу, — повторил он. — Здесь не найти живых. Они все окоченевшие. Мертвые. — Он отстранился от Антона и осторожно пошел по тропинке к дороге. Саул по-прежнему неподвижно торчал из глайдера. Вадим заметил, что фонарик еще горит, выключил его, сунул в карман и полез в глайдер. Саул молча смотрел на него. Подошел Антон, облокотился на борт и тоже стал смотреть на Вадима. Вадим уткнулся лицом в дугу руля и сказал сквозь зубы: — Это не люди. Люди не могут так. — Он вдруг поднял голову. — Это

киберы! Люди только те, которые в шубах! А это киберы, безобразно похожие на людей!

Саул глубоко вздохнул.

— Вряд ли, Вадим, — сказал он. — Это люди, безобразно похожие на киберов.

Антон перелез через борт и сел на свое место.

— Ну-ка, возьмем себя в руки, — сказал он. — Не будем терять времени. Нужен «язык». — Он хлопнул Вадима по плечу. — Действуйте, лейтенант, и без «языка» не возвращайтесь.

Саул не то всхлипнул, не то рассмеялся.

— Хотите, я пойду в хижину и возьму любого на выбор? — предложил он. — Только, по-моему, нам не это нужно.

— Тогда они днем работают, а на ночь умирают, — упрямо сказал Вадим. — Какая уродливая затея!

— Правильно, — сказал Саул. — Затея уродливая, и надо взять одного из затейников. В шубах.

Вадим смотрел вдоль улицы.

— Оптимизм, — сказал он, — суть бодрое, жизнерадостное мироощущение, при котором человек...

В лунном свете он вдруг увидел, как вдали, пересекая улицу, цепочкой прошло несколько серых теней в рубахах.

— Смотрите, — сказал он.

Люди брели и брели через улицу, их было человек двадцать, а за ними прошли двое в мехах с длинными шестами.

— На ловца и зверь бежит, — зловеще сказал Саул. — Всего и дела-то — догнать и взять...

— Вы думаете, этих? — нерешительно сказал Антон.

— А вы собираетесь обшаривать лачугу за лачугой? Затейники в лачугах не живут, уверяю вас. Поехали, а то еще потеряем...

Вадим вздохнул и тронул глайдер. Он медленно ехал вдоль улицы. И пытался представить себе, как они берут испуганного, ничего не понимающего человека под руки, тащат его к глайдеру и впихивают в

кабину, а он жалобно кричит и отбивается. Попробовали бы меня так, подумал он. Я бы все разнес... Он прислушался. Саул говорил:

— Не беспокойтесь. Я знаю, как это делается. У меня он не будет отбиваться.

— Вы меня неправильно поняли, — терпеливо сказал Антон. — Ни о каком насилии не может быть и речи.

— Слушайте, предоставьте вы это мне. Вы ведь только все испортите. Ткнут вас копьем, и начнется такая кровавая кутерьма...

Ай да кабинетный ученый! — подумал удивленно Вадим. Антон сказал:

— Вот что, Саул. Вы мне не нравитесь. Сидите в машине и ничего не смейте предпринимать.

— О господи, — вздохнул Саул и замолчал.

Вадим вывернул на поперечную улицу, они увидели вдали приятного вида двухэтажный домик, возле которого толпились люди, освещенные красным огнем факелов. Сбившись в кучку, стояли люди в мешковине, а вокруг них сновали люди в шубах. Вадим поехал совсем медленно, прижимая глайдер к теневой стороне улицы. Он представления не имел, с чего начинать и что делать. Антон, судя по всему, тоже. Во всяком случае, он молчал.

— Вот здесь живут затейники, — сказал Саул. — Видите, какой уютный, теплый домик? А где-нибудь поблизости и уборная есть. Самое милое дело — брать «языка» возле уборной. Кстати, вы заметили, что здесь нет ни одной женщины?

Дверь домика раскрылась, оттуда вышли двое и остановились на крыльце. Раздался протяжный жалобный крик. Кучка людей в мешковине пришла в движение, построилась в ряды и вдруг двинулась прямо навстречу глайдеру. Около крыльца закричали в несколько голосов. Вадим поспешно затормозил и посадил глайдер.

Он глядел во все глаза и ничего не понимал. Над ухом тяжело дышал Антон. Люди в мешковине приблизились и быстрым шагом прошли мимо. Вадим ахнул.

Два десятка босых людей были впряжены в неуклюжие тяжелые сани, в которых развалился закрытый по пояс шкурами человек в шубе и в меховой конической шапке. В руках он вертикально держал длинное копье с устрашающе зазубренным наконечником. Лица запряженных людей выражали радость, и они громко, ликующе вскрикивали. Вадим оглянулся на Саула. Саул провожал глазами странную упряжку, и рот его был широко раскрыт.

— Хватит с меня загадок, — сказал вдруг Антон. — Поезжай прямо к дому.

Вадим рванул руль на себя, и домик стремительно бросился навстречу глайдеру. Люди в шубах, стоявшие у крыльца, несколько секунд смотрели на приближающуюся машину, а затем с удивительной быстротой рассыпались полукругом и выставили вперед копья. На крыльце запрыгал, что-то жалобно выкрикивая, круглый мохнатый великан. Он размахивал над головой широким блестящим лезвием. Вадим посадил глайдер перед копьями и вылез из кабины. Люди в шубах пятились, теснее прижимаясь друг к другу. Острия копий были направлены Вадиму прямо в грудь.

— Мир! — сказал Вадим и поднял руки.

Люди в шубах попятились еще немного. От них валил пар и несло козлом. Под капюшонами блестели испуганно вытаращенные глаза и ощеренные зубы. Толстый человек на крыльце разразился длинной речью. Он был неимоверно толст и огромен. У него была гигантская трясущаяся физиономия. Физиономия блестела от пота. Он приседал, и снова выпрямлялся, и даже становился на цыпочки, тыкал мечом то себе под ноги, то в небо и визжал неестественно высоким жалобным женским голосом. Вадим слушал, склонив голову. Мнемокристаллы на его висках фиксировали незнакомые слова и интонации, анализировали их и уже давали первые, еще неопределенные варианты перевода. Речь шла о какой-то угрозе, о чем-то громадном и сильном, о жестоких наказаниях... Толстяк вдруг замолчал, вытер потное лицо рукавом и, надсаживаясь,

провизжал что-то короткое и резкое. В голосе его было страдание. Люди с копьями сейчас же нагнулись и очень медленно двинулись на Вадима.

— Ну, все ясно, — сказал Саул. — Начнем?

Он положил ствол скорчера на борт.

— Прекратите, Саул, — сказал Антон. — Вадим, в кабину!

— Ну, что вы раздумываете? — сказал Саул со злобой. — Это же дрянь, эсэсовцы! Жабы!

Люди в шубах все надвигались короткими медленными шажками. Когда широкие блестящие лезвия уперлись в грудь Вадима, он отступил и, повернувшись спиной, полез в глайдер.

— Типичный корнеизолирующий язык, — сообщил он, усаживаясь. — Очень ограниченный словарный запас, судя по всему. Мира они не хотят, это ясно.

— Давайте хоть страху нагоним, — попросил Саул. — Дать разок в воздух, чтобы они штаны потеряли!

Антон захлопнул фонарь. Люди в шубах вернулись к крыльцу и подняли копья. Все они смотрели на глайдер. На необъятной физиономии толстяка бродила презрительная ухмылка.

— Эх, вы! — сказал Саул. — Нужен вам «язык» или нет? Давайте возьмем этого жирного! Это же живой рапортфюрер!

— Да поймите же, — с отчаянием сказал Антон, — они не хотят с нами договариваться! И это их право! Ну, что мы можем сделать?

— Нужен вам «язык» или нет? — повторил Саул. — Преимущество внезапности мы уже потеряли. Здесь без боя не обойтись. Но есть еще этот гад, который уехал на упряжке.

Ох, и лексика же у него! — с уважением подумал Вадим. Настоящий двадцатый век. Какой великолепный специалист! Он посмотрел на Антона. Антон был бледен и растерян. Никогда Вадим еще не видел его таким.

— Одно из двух, — продолжал Саул. — Или мы хотим узнать, что здесь делается, или мы летим на

Землю, и пусть сюда пришлют людей порешительнее. А нам надо решать поскорее, пока против нас только копья...

Мешкаем, подумал Вадим. Все время мешкаем. А в хижинах умирают.

— Тошка, — сказал он. — Давай догоним упряжку. Там только один с копьем, там будет проще. Отберем у него копье и пригласим на «Корабль».

— Ухмыляются, жабы, — проговорил Саул, глядя через спектролит.

Он выразительно погрозил кулаком толстяку на крыльце. Тот тряхнул щеками и не менее выразительно помахал мечом.

— Видали? — сказал Саул с веселым бешенством. — Как мы друг друга понимаем, а?

— Попробую еще раз, — сказал Антон и распахнул фонарь. Толстяк вскрикнул. Один из копейщиков широко развернулся, сдвигая рукав шубы к плечу, и с натугой метнул тяжелое копье. Железный наконечник с визгом полоснул по спектролиту. Саул даже присел.

— Ну, семь-восемь... — сказал он непонятно, но чрезвычайно энергично. Антон успел поймать его за руку. Глаза у Антона были как черные щелки.

— Понятно, — сказал он зловеще и задохнулся. — Вадим, разворачивайся!

Вадим повернул глайдер.

— За упряжкой! — приказал Антон и откинулся на спинку кресла. — Здесь мы ничего не узнаем, — проворчал он. — Какая-то непроходимая тупость.

— Дать разок в воздух, — пренебрежительно сказал Саул, — и бери их голыми руками.

Антон молчал. Глайдер пронесся по пустынной улице и через несколько минут вылетел в поле.

— Я скажу вам только одно, — проговорил вдруг Антон. — Всем нам потом будет очень стыдно.

— А что делать? — спросил Вадим. — Люди-то умирают!

— Если бы я знал, что делать, — сказал Антон. — Комиссии и не снились такие обстоятельства.

«Какой комиссии?» — хотел спросить Вадим, но тут Саул произнес:

— Да перестаньте вы стесняться. Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть более активно, чем зло, иначе все остановится.

— Добро, добро, — проворчал Антон. — Кому хочется быть услужливым дураком?

— Это уж точно, — сказал Саул. — Зато у вас совесть будет спокойна.

Они нагнали упряжку километрах в пяти от поселка. Люди бежали по целине, спотыкаясь и увязая в снегу, а человек в шубе, нахохлившийся в санях, то и дело лениво тыкал копьем отстающих.

— Я снижаюсь, — сказал Вадим.

— Сядь перед упряжкой, — приказал Антон, — и поговори с ним. Саул, дайте сюда скорчер. И сидите в машине, это не гад, а человек.

— Ладно, — сказал Саул. — Вот вам скорчер. А если он возьмет — и Вадима копьем? Вместо разговоров...

Вадим сказал:

— Копье я у него отберу. Постромки надо будет перерезать, а еду и одежду раздать этим беднягам.

— Правильно, — сказал Антон.

Глайдер рухнул в снег прямо перед упряжкой, и люди-лошади остановились как вкопанные. Вадим выскочил наружу. Люди в мешковине стояли, закрыв лица руками. Они тяжело, со всхлипом дышали. Пробегая мимо них, Вадим весело крикнул:

— Всё, друзья! Сейчас пойдете домой!

Он направился к саням, на ходу примериваясь, как лучше отбить копье. Человек в шубе стоял на коленях и с изумлением и страхом смотрел на него. Копье он держал наперевес.

— Пойдемте, — предложил Вадим и схватился за древко.

Человек в шубе сейчас же выпустил копье и выхватил откуда-то меч. Он был уже на ногах.

— Ну-ну, не надо, — сказал Вадим, отбрасывая копье.

Человек в шубе вдруг заорал, протяжно и жалобно. Вадим взял его за руку, держащую меч, и потянул за собой. Ему было очень неловко. Человек в шубе рванулся. Вадим ухватил его крепче.

— Ну, что вы, в самом деле, все будет хорошо. Все будет в порядке, — убеждающе говорил он, разжимая плотный кулак с мечом. Меч упал в снег. Вадим обнял человека в шубе за плечи и повел к глайдеру. Он бормотал какие-то ласковые слова, стараясь придать голосу местные интонации. Тут раздался предупреждающий крик Саула, и он почувствовал, что его валят с ног. Чьи-то ладони схватили его за лицо, кто-то повис на шее, несколько рук вцепились в его ноги — слабые, дрожащие руки.

— Что вы, с ума посходили? — заорал Саул обиженно. — Антон, держи их!

Человек в шубе снова сильно рванулся. Вадиму накинули на голову какое-то вонючее тряпье, и он ничего не видел. Он едва стоял в куче копошащихся тел, изо всех сил прижимая к себе человека в шубе. Потом он почувствовал острый удар в бок и боль. Он выпустил «языка», двинул плечами и, освободившись, сорвал с лица вонючий мешок. Он увидел барахтающихся в снегу людей и Антона, который пробирался к нему, шагая через тела. Он повернулся. Голый человек с мечом стоял перед ним по колено в снегу.

— За что? — сказал Вадим.

Человек ударил наотмашь, но меч в руке у него повернулся и упал на плечо Вадима плашмя. Вадим толкнул человека в грудь. Тот упал в снег и замер. Вадим поднял меч и, размахнувшись, забросил его далеко в сторону. Он чувствовал, как по бедру ползет что-то горячее и мокрое. Он огляделся.

Люди в снегу лежали неподвижно, как мертвые. Человека в шубе среди них не было.

— Ты жив? — крикнул Антон задыхаясь.

— Вполне, — сказал Вадим. — А где «язык»?

Он увидел Саула. Саул, широко шагая, шел к ним, волоча за шиворот человека в шубе.

— Вздумал удрать, — объявил он. — Но каковы людишки!

— Пойдемте отсюда, — сказал Антон.

Они пошли к глайдеру, осторожно ступая среди неподвижных тел. Саул рывком поднял человека в шубе на ноги и повел, толкая его рукой между лопаток.

— Иди, подлец! — приговаривал он. — Иди, жирная морда! Воняет от него ужасно, — сообщил он. — Год, наверное, не мылся.

Когда они подошли к глайдеру, Антон взял «языка» за меховое плечо и показал на кабину. Тот отчаянно закрутил головой, так что у него свалилась шапка. Потом он сел в снег.

— Цацкаться тут с тобой! — заорал Саул.

Он поднял «языка» за шубу и перевалил через борт. «Язык» с шумом упал на дно кабины и затих.

— Фу, — сказал Антон, — ну и работа!

Он взял два мешка, стоявшие возле глайдера, и потащил их к упряжке. Он распаковал мешки, достал всю одежду и разложил на снегу. То же самое он сделал с продуктами. Люди казались мертвыми и только тихонько поджимали ноги, когда Антон проходил мимо.

Вадим стоял, устало прислонившись к теплому борту машины, и смотрел на взрытый снег, на опрокинутые сани, на тела, скорчившиеся под лунным светом. Он слышал, как Антон грустно сказал:

— Комиссия по контактам, где ты?

Вадим потрогал бок. Кровь еще шла. Он почувствовал дурноту и слабость и забрался в кабину. Все было не так, все получилось нехорошо. Пленник лежал ничком, закрыв голову руками. Судя по всему, он ждал смерти, а может быть, и пыток. Над ним, не сводя с него глаз, сидел свирепый Саул. Подошел Антон и тоже влез в кабину.

— Что же ты? — спросил он.

Вадим с трудом проговорил:

— Ты знаешь, Тошка, меня ранили. Я сейчас ничего не могу.

Антон секунду смотрел на него.

— А ну-ка, раздевайся, — потребовал он.

— Эх! — с досадой крякнул Саул.

Вадим стащил куртку. Его мутило, и в глазах было темно. Он увидел сосредоточенное лицо Антона и лицо Саула, сморщенное от жалости. Потом он почувствовал прохладные пальцы у себя на боку.

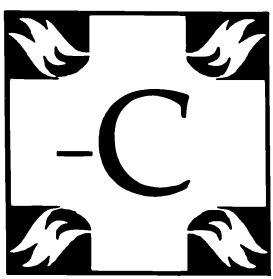
— Ножом, — сказал Саул. Голос его доносился словно из-за стены. — Как вы все это неумело! Я бы его одной рукой взял.

— Это не он, — пробормотал Вадим. — Это мечом... один голый...

— Голый? — сказал Саул. — Ну, товарищи, этого даже я не понимаю.

Антон что-то ответил, но тут перед глазами Вадима поплыли круги и звездочки, и он потерял сознание.

VI

мотрите, Антон, — заговорил Саул. — Антон! Он в обмороке, вы видите?

— Он спит, — сказал Антон. Он внимательно осматривал рану. Рана была рубленая и довольно глубокая. Удар пришелся под ребро, и меч расслоил мышцы. Антон облегченно вздохнул. Саул глядел через его плечо, встревоженно сопя.

— Плохо? — спросил он шепотом.

— Нет, вздор, — сказал Антон. — Через час все будет в порядке. — Он отстранил Саула. — Только вы сядьте, пожалуйста.

Саул откинулся в кресле и злобно уставился на неподвижного «языка». Антон неторопливо расстегнул мешок, вытащил банку с коллоидом и густо залил рану. Оранжевое желе сразу стало розовым, подернулось розовыми стрелочками — как пенка на молоке. Вот кровь, подумал Антон. Здоровенный парень Димка! Он посмотрел на лицо Вадима. Оно было

немного бледнее обычного, но такое же спокойное и умиротворенное, как всегда, когда он спал. И дышал он, как всегда, носом — глубоко, бесшумно и просторно. Антон положил пальцы по сторонам раны и закрыл глаза.

Простейшие приемы психохирургии входили в подготовку звездолетчика. Практически каждый пилот умел вскрыть и срастить живую ткань, используя психодинамический резонанс. Это требовало большого напряжения и сосредоточенности. В стационарных условиях применялись нейрогенераторы, а в поле приходилось делать это по-знахарски, и каждый раз Антон жалел знахарей.

Словно сквозь сон, Антон слышал, как позади тяжело вздыхает и ворочается Саул и бормочет, всхлипывая, пленник. От пленника в кабине стоял неприятный кислый дух.

Антон открыл глаза. Рана затянулась, выдавив коллоид, — теперь это был просто розовый шрам. Пожалуй, хватит, подумал Антон. Иначе не смогу вести глайдер. Он был весь мокрый.

— Ну, вот и все, — сказал он, переводя дыхание.

Саул приподнялся и посмотрел на рану.

— Черт знает что, — проворчал он. — Как вы это делаете?

Антон огляделся и вздрогнул. Снаружи к фонарю прильнули страшные лица, тощие, с ввалившимися щеками, оскаленные. В этом была какая-то древняя исконная жуть· словно мертвецы заглядывали в твой дом. У Антона мороз пошел по коже. Саул сдвинул мохнатые брови и погрозил пальцем. По спектролиту бесшумно застучали костлявые кулаки.

— Домой идите! Домой! — громко сказал Саул.

Антон стал одевать Вадима.

— Сейчас полетим, — сказал он.

— Вы их всех поубиваете.

Антон покачал головой и перебрался на место водителя. Глайдер дрогнул и начал медленно подниматься. Лица за фонарем пропали. Длинная костлявая рука с

обломанными ногтями скользнула по спектролиту и тоже пропала.

Развернув глайдер на пеленг «Корабля», Антон дал полный ход. Он спешил — была уже полночь.

— Что они в нем нашли? — пробормотал Саул. — Эсэсовец, животное, я сам видел, как он колол их пикой — подгонял.

Антон промолчал.

— О господи! — сказал Саул. — Сколько на нем всякой гадости. Так и ползают...

— Что ползает?

— Что-то вроде вшей. Надо сначала его вымыть и все продезинфицировать...

Вот и еще одно дело, подумал Антон. Саул, словно угадав его мысли, добавил:

— Ничего, я сам этим займусь. Только бы он не издох с непривычки.

Антон вел глайдер на максимальной скорости, держась в ста метрах над землей. Маленькая яркая луна стояла почти в зените, красный серп давно зашел, а навстречу из-за белого горизонта поднималась третья луна, розовая и сплющенная. Вадим пошевелился, громко зевнул и, пробормотав: «Ты меня залечил?» — снова заснул.

— Что он делает? — спросил Антон. Он так устал, что ему не хотелось оборачиваться.

— Кто?

— «Язык».

— Лежит. Воняет. Давненько не слыхал этого запаха.

Давненько, подумал Антон. Я вообще никогда не слыхал. И не хотел бы... Саул прав: зря мы ввязались в эту историю. Саул умница. Это действительно система. Культура рабовладения. Рабы и господа. Правда, я думал, что верные рабы встречаются только в плохих книжках... Верный раб — какая это гадость! Ну ладно, дело сделано, отступать поздно и глупо. По крайней мере мы все узнаем наверняка. Да и не в этом суть... Если бы даже я сразу понял, что здесь происходит, все

равно я не смог бы повернуться спиной... К котловану, где машины давят людей... к загаженному поселку... интересно, потерпит ли Мировой Совет существование планеты с рабовладельческим строем? Он вдруг ощутил всю громадность проблемы. Никогда еще не было такой альтернативы: вмешиваться или не вмешиваться в судьбу чужой планеты? Жители Леониды и Тагоры слишком далеки от людей. Психология леонидян до сих пор загадка, и никто не скажет, какой там общественный строй... А гуманоиды Тагоры хотят от природы так мало, что вообще непонятно, как они доросли до создания своей техники... Но здесь, на Сауле, совсем другое дело. Нигде больше общественные отношения не принимают такой уродливой и в то же время, по-видимому, такой необходимой формы... Родной брат человечества — очень юный, очень незрелый и очень жестокий... И вдобавок ко всему эти дурацкие машины пришельцев...

Далеко впереди на голубой равнине показалась маленькая черная точка. Вот и «Корабль», подумал Антон. А возле, под снегом, мертвые. Как странно, всего день прошел, а я уже привык. Точно всю жизнь ходил среди голых мертвецов в снегу. Легко привыкает человек. Психическая аккомодация. Странно. Может быть, дело в том, что они все-таки чужие. Может быть, на Земле я сошел бы от всего этого с ума. Нет, просто я отупел...

Снижая скорость, он сделал круг над «Кораблем». «Корабль» выглядел ободряюще — знакомый черный корпус над голубыми холмами. И две резкие тени от него: короткая черная и длинная розоватая. Глайдер опустился перед входом. Снег смерзся вокруг «Корабля» в сплошное ледяное поле. Антон похлопал Вадима по колену.

— Ну что, что? — сонно спросил Вадим.

— Подъем.

— А ну тебя...

— Вставай, Димка. Пойдем на «Корабль».

— Сейчас, — сказал Вадим и зачмокал. — Еще минуточку...

— Пощекотать его? — деловито предложил Саул.

Вадим сразу открыл глаза и поднялся.

— Ага, это «Корабль»... Понимаю.

Они вылезли на твердый скользкий снег. От морозного воздуха захватило дух. Было слышно, как Вадим застучал зубами. Саул придерживал «языка» за шиворот. Что думает сейчас этот бедняга? — подумал Антон.

— Вы поднимайтесь, — сказал Саул, — а я его прямо в душевую.

Они вошли в «Корабль», зарастили люк, и Антон, подталкивая Вадима, стал подниматься в кают-компанию. Вадим, постукивая зубами, дремал. Внизу страшно заорал пленник. Вадим встрепенулся.

— Чего они там? — тревожно спросил он.

— Мыть повели, — объяснил Антон. — Он весь в паразитах.

Послышался голос Саула:

— Добром иди, небось не сдохнешь...

Дверь душевой хлопнула. Они вошли в кают-компанию и разом повалились в кресла.

— Милый, добрый «Корабль», — сказал Вадим. — Как хорошо, как чисто...

Антон лежал с закрытыми глазами.

— Болит? — спросил он.

— Чешется...

— Значит, все хорошо... Слушай, что тебе нужно для работы?

— Вычислитель, — сказал Вадим. — Половина памяти. Оба анализатора. Побольше кофе и какой-нибудь вкусной еды для «языка». Через два часа он будет сидеть здесь за столом и беседовать с тобой о смысле жизни.

Снизу опять донеслись вопль, возня и шлепанье босых ног.

— Куда? — взревел Саул. — На место... Дай сюда!

— Здорово он его моет, — сказал Вадим с уважением. — Наверное, мыло в глаза попало... А вот интонации у Саула не те. Весь этот рев бедняга «язык»

воспринимает как умоляющий лепет. Тон приказа вот, — Вадим, вытянув шею, жалобно и нестерпимо завизжал.

— Котенку наступили на голову, — сказал Антон.

— Вот-вот!

— Ну ладно, рубку ты займешь... Я все принесу.

Вадим внимательно поглядел на него.

— А ведь ты, милый, выжат, как лимон, — сказал он.

— Есть немножко... Рана у тебя не очень серьезная, но я измотался. Знаешь, как это изматывает?

— Ложись спать, я справлюсь один. А Саул все принесет.

— Ладно, — сказал Антон. — Это моя забота. Иди, — он махнул рукой. — Готовься.

Вадим поднялся.

— Советую все-таки поспать. — Он пошел в рубку и вдруг остановился. — А взяли они одежду?

Сначала Антон не понял, а потом сказал:

— Честно говоря, не знаю... Не помню. Но они нами очень недовольны.

— Ох, и каша, ну и каша! — сказал Вадим. — Ничего не понимаю. За что он меня ткнул мечом?

Он покачал головой и пошел в рубку. Антон сейчас же задремал. Ему приснилось, что он пошел на кухню, сварил очень много кофе, принес кофейник и консервы в рубку, а Вадим был занят и огрызнулся, и тогда он пошел в свою каюту, сел за стол, чтобы подобрать программу обратного перелета, но ему очень хотелось спать и все время попадались старые программы его прежних рейсов. Потом его разбудил Саул.

— Вот, — сказал Саул.

Перед Антоном стоял стройный светлолицый парень в трусах и тетраканэтиленовой куртке, черноглазый и испуганный.

— Хорош? — спросил Саул насмешливо.

Антон засмеялся.

— Красивая раса, — сказал он. — Здравствуй, младший брат.

Младший брат смотрел на него круглыми от страха глазами. Ну до чего славный парнишка, — подумал Антон.

— А вот это было у него под шубой, — сказал Саул и положил на стол твердый пакет.

Пленник сделал движение к пакету.

— Н-но, — грозно сказал Саул. — Опять? Я тебя!

Пленник съежился. По-видимому, интонации Саула он уже усвоил хорошо. Антон взял пакет, осмотрел его и вскрыл. В конверте из отлично обработанной кожи лежали замысловато сложенный лист бумаги, какой-то чертеж и несколько кусков окровавленного тампопластыря.

— Понимаете? — сказал Саул. — Это они ободрали с раненых.

Антон вспомнил изуродованных людей в шеренге и стиснул зубы.

— Это, наверное, донесение, — сказал он, помолчав. — О нашем появлении. Вадим! — позвал он.

Пленник вдруг заговорил. Он говорил быстро, ударяя себя ладонями по груди, на лице его были ужас и отчаяние, и это странно не вязалось с резкими и даже как будто насмешливыми интонациями его голоса. В зал спустился Вадим и остановился позади пленника, прислушиваясь. Пленник замолчал и закрыл лицо руками.

— Посмотри-ка, Вадим, — сказал Антон, протягивая листок.

— О! — сказал Вадим. — Письмо! Это же просто прелесть! Вдвое меньше работы!

Он взял пленника за рукав и повел в рубку, на ходу рассматривая листок. Пленник покорно плелся за ним. Саул внимательно изучал чертеж.

— Я не специалист, — сказал он, — но, по-моему, это точное изображение внутренности того танка. Помните, в котловане?

Он перебросил чертеж Антону. Чертеж был сделан синей краской, очень аккуратно, но на бумаге было много следов грязных пальцев. Это был план кабины-шумовки — по-видимому, очень точный план. Некоторые

отверстия были отмечены грубо намалеванными крестиками, некоторые просто зачеркнуты. Антон зевнул и потер глаза. Ну вот, вяло подумал он. Отличные чертежи делают рабовладельцы.

— Слушайте, капитан, — сказал Саул, — идите спать. Все равно, пока наш лингвист не кончит, вы никому здесь не нужны.

— Вы думаете?

— Уверен.

Голос Вадима из рубки потребовал:

— Кофе и банку варенья.

— Сейчас! — крикнул Саул. — Идите, идите, Антон, — сказал он.

— Никуда я не пойду, — сказал Антон. — Я — здесь.

Он закрыл глаза и перестал сопротивляться. Он спал неспокойно, часто просыпался и открывал глаза. Он видел, как на цыпочках проходил Саул — в одной руке у него была пустая банка, в другой кофейник. В следующий раз Саул прошел в рубку с заставленным подносом, и в кают-компании пахло томатом. Потом Саул очутился за столом. Он задумчиво сосал пустую трубку и внимательно разглядывал Антона. Сверху из рубки доносились монотонные голоса. «Су-у... Му-у... Бу-у...» — говорил Вадим, и механический голос повторял: «Су-у... Му-у... Бу-у... Работать — ка-ро-су-у... Рабочий — ка-ро-бу... Стать рабочим — карому-у...» Сон наплывал и уплывал снова. Голос Вадима непонятно вещал: «Блистающий... великий и могучий утес... идай-хикари... тика-удо...», и визгливый голос пленника поправлял: «Тико-о... удо-о...» Вадим кричал: «Саул! Кофе!» — «Третий кофейник!» — недовольно бормотал Саул.

Потом Антон проснулся и почувствовал, что больше не хочет спать. Саула в зале не было. Изрядно осипший голос Вадима старательно выговаривал наверху: «Соринака-бу... торунака-бу... сапонури-су...» Пленник что-то басовито ворковал в ответ. Антон взглянул на часы. Было три часа утра местного времени. Ай да

структуральнейший, — подумал Антон с уважением. Его вдруг охватило нетерпение. Надо было кончать.

— Димка! — крикнул он. — Как дела?

— Проснулся? — сипло отозвался Вадим. — Мы тебя ждем. Сейчас спускаемся.

Из каюты высунулась голова Саула.

— Уже? — осведомился он. Из приоткрытой двери валил дым.

— Входите, Саул, — сказал Антон. — Сейчас начнем.

Саул сел в кресло и бросил на стол чертеж. Из рубки спустился пленник, его покачивало. Щеки у него были вымазаны вареньем. Не обращая ни на кого внимания, он остановился и стал смотреть вверх с выражением собачьей почтительности в глазах. Сверху же спускался Вадим, держа в обнимку большой блестящий ящик — приставку-анализатор. Он подошел к столу, поставил анализатор и рухнул в кресло. На лице у него было ликование.

— Я гений! — сообщил он сипло. — Я ум-ни-ца! Великий и могучий утес! Хикари-тико-удо!

При этих словах пленник перестал облизывать пальцы и сложил почтительно руки перед грудью.

— А? — вскричал Вадим, простирая к нему руку. Потом он заявил:

Есть на всякий, есть на случай
В «Корабле» специалист —
Наш великий и могучий
Структуральнейший лингвист.

Антон с удовольствуем посмотрел на него. На висках у Вадима торчали желтые рожки мнемокристаллов. У пленника тоже торчали желтые рожки мнемокристаллов. Было в них обоих что-то от добродушных молодых бесов. Впрочем, пленник был больше похож на теленка. Саул тоже улыбался, посасывая трубку.

— Предупреждаю, — заявил Вадим, — абстрактных вопросов ему задавать не надо. Дубина редкостная.

Образование — два класса. — Он встал и роздал Антону и Саулу по паре мнемокристаллов. — Мыслит он исключительно конкретно. — Он повернулся к пленнику: — Ринга хоси-му?

«Хочешь варенья?» — понял Антон.

«Язык» заискивающе улыбнулся и опять сложил руки перед грудью.

— Вот видите? — сказал Вадим. — Он опять хочет варенья. Но он подождет. Давайте приступать.

Антон замялся. Он вдруг обнаружил, что не имеет ни малейшего понятия о том, как это делается. Вадим и Саул выжидательно смотрели на него. Пленник тоскливо переступал с ноги на ногу.

— Как вас зовут? — спросил Антон очень мягко. Ему не нравилось, что пленник до сих пор чувствует себя неуверенно и, несомненно, испытывает страх.

Пленник посмотрел на него с недоумением.

— Хайра, — ответил он и перестал переминаться.

«Из рода холмов», — понял Антон.

— Очень приятно, — сказал он. — Меня зовут Антон.

Недоумение на физиономии Хайры возросло.

— Скажите, пожалуйста, Хайра, кем вы работаете?

— Я не работаю. Я воин.

— Видите ли, — сказал Антон, — вы, наверное, оскорблены насилием, которое мы были вынуждены применить по отношению к вам. Но вы не должны обижаться. Право, у нас не было иного выхода.

Пленник упер руку в бок, отвесил нижнюю губу и стал смотреть мимо Антона. Саул гулко кашлянул и принялся барабанить пальцами по столу.

— Вы не должны бояться, — продолжал Антон. — Мы не сделаем вам ничего дурного.

На лице пленника явственно проступила надменность. Он осмотрелся, отошел на два шага в сторону и сел на пол боком к Антону, скрестив ноги. Осваивается, подумал Антон. Это хорошо. Вадим, развалившись в кресле, взирал на все это с удовлетворением.

Саул перестал барабанить пальцами и начал постукивать по столу трубкой.

— Мы только хотим задать вам несколько вопросов, — с подъемом продолжал Антон, — потому что нам необходимо знать, что здесь происходит.

— Варенья, — неприятным голосом произнес Хайра. — И быстро.

Вадим захохотал от удовольствия.

— Such a little pig![1] — сказал он.

Антон покраснел и оглянулся на Саула. Саул медленно поднимался. Лицо у него было неподвижное и скучающее.

— Почему не несут варенья? — осведомился Хайра в пространство. — И пусть все молчат, пока я буду спрашивать. И пусть принесут варенья и одеяла, потому что мне жестко сидеть.

Воцарилось молчание. Вадим перестал улыбаться и с сомнением посмотрел на анализатор.

— Do you think, — растерянно спросил Антон, — we should better bring him some jam?[2]

Саул, не отвечая, медленно приблизился к пленнику. Пленник сидел с каменным лицом. Саул повернулся к Антону.

— You have taken a wrong way, boys[3], — проговорил он. — It won't pay with SS-men[4]. — Его рука мягко опустилась на шею Хайры. На лице Хайры мелькнуло беспокойство. — He is a pitekantropos, that's what he is, — нежно сказал Саул. — He mistakes your soft handling for a kind of weakness[5].

— Саул, Саул! — сказал Антон встревоженно.

— Speak but English[6], — быстро предупредил Саул.

---

[1] Каков поросенок!

[2] Как вы думаете, может быть, действительно принести ему варенья?

[3] Вы избрали неправильный путь, мальчики.

[4] С эсэсовцами это не годится.

[5] Это же питекантроп. Мягкое обращение он принимает за слабость.

[6] Говорите только по-английски.

— Где варенье? — неуверенно спросил пленник.

Саул мощным рывком поднял его на ноги. На каменном лице Хайры проступило смятение. Саул медленно пошел вокруг него, оглядывая его с головы до ног. Ну и зрелище, подумал Антон с невольным страхом и отвращением. У Саула был очень непривлекательный вид. Зато Хайра снова сложил на груди руки и заискивающе улыбался. Саул неторопливо вернулся к своему креслу и сел. Хайра смотрел теперь только на него. В кают-компании стояла мертвая тишина.

Саул стал набивать трубку, время от времени поглядывая на Хайру исподлобья.

— Now I interrogate[1], — сказал он. — And you don't interfere. Of you choose to talk to me, speak English[2].

— Agreed[3], — сказал Вадим и что-то переключил в анализаторе. Антон кивнул.

— What did you do to that box?[4] — подозрительно спросил Саул.

— Took measures, — ответил Вадим. — We don't need him to learn English as well, do we?[5]

— О'кей, — сказал Саул. Он раскурил трубку. Хайра с ужасом смотрел на него, отклоняясь от клубов дыма.

— Имя? — хмуро спросил Саул.

Пленник вздрогнул и согнулся.

— Хайра.

— Должность?

— Носитель копья. Стражник.

— Кто начальник?

— Кадайра. («Из рода вихрей», — понял Антон.)

— Должность начальника?

— Носитель отличного меча. Начальник охраны.

---

[1] Я сейчас буду вести допрос.

[2] А вы не мешайте. Если захотите что-нибудь сказать мне, говорите по-английски.

[3] Ясно.

[4] Что вы сделали с этим ящиком?

[5] Принял меры. Ведь нам не нужно, чтобы он научился заодно и английскому?

— Сколько стражников в лагере?

— Два десятка.

— Сколько людей в хижинах?

— В хижинах нет людей.

Антон и Вадим переглянулись. Саул бесстрастно продолжал:

— Кто живет в хижинах?

— Преступники.

— А преступники не люди?

На лице Хайры изобразилось искреннее недоумение. Вместо ответа он нерешительно улыбнулся.

— Ладно. Сколько преступников в лагере?

— Очень много. Никто не считает.

— Кто прислал сюда преступников?

Пленник говорил долго и вдохновенно, но Антон услышал только:

— Их прислал Великий и могучий Утес, сверкающий бой, с ногой на небе, живущий, пока не исчезнут машины.

— Ого, — сказал Саул, — они знают слово «машины»...

— Нет, — отозвался Вадим, — это я знаю слово «машины». Имеются в виду машины в котловане и на шоссе. А Великий и так далее — это, вероятно, местный царь.

Пленник слушал этот диалог с выражением тупого отчаяния.

— Ну ладно, — сказал Саул. — Продолжим. В чем вина преступников?

Пленный оживился и снова принялся говорить долго и много, и снова Антон понял далеко не все.

— Есть преступники, желавшие сменить Утес... Есть преступники, бравшие чужие вещи... Есть преступники, убивавшие людей... Есть преступники, желавшие странного...

— Понятно. Кто прислал сюда стражников?

— Великий и могучий Утес с ногой на земле.

— Зачем?

Пленник молчал.

— Я спрашиваю, что здесь делает стража?

Пленник молчал. Он даже закрыл глаза. Саул свирепо засопел.

— Так! Что здесь делают преступники?

Пленник, не открывая глаз, замотал головой.

— Говори! — рявкнул Саул так, что Антон вздрогнул. Комиссия по контактам, горестно подумал он, где ты?

Пленник жалобно застонал.

— Меня убьют, если расскажу.

— Тебя убьют, если ты не расскажешь, — пообещал Саул. Он достал из кармана перочинный нож и раскрыл его. Пленник затрепетал.

— Саул! — сказал Антон. — Stop it[1].

Саул стал чистить ножом трубку.

— Stop what?[2] — осведомился он.

— Преступники заставляют машины двигаться, — едва слышно произнес Хайра. — Стражники смотрят.

— На что смотрят?

— Как машины двигаются.

Саул взял чертеж и сунул пленнику под нос.

— Рассказывай все, — сказал он.

Хайра рассказывал долго и сбивчиво, Саул подгонял и подправлял его. Дело, по-видимому, сводилось к тому, что местные власти пытались овладеть способом управления машинами. Методы при этом использовались чисто варварские. Преступников заставляли тыкать пальцами в отверстия, кнопки, клавиши, запускать руки в двигатели и смотрели, что при этом происходит. Чаще всего не происходило ничего. Часто машины взрывались. Реже они начинали двигаться, давя и калеча всех вокруг. И совсем редко удавалось заставить машины двигаться упорядоченно. В процессе работы стражники садились подальше от испытываемой машины, а преступники бегали от них к машине и обратно, сообщая, в какую дыру или в какую кнопку

[1] Прекратите.

[2] Что прекратить?

будет сунут палец. Все это тщательно заносилось на чертежи.

— Кто делает чертежи?

— Не знаю.

— Верю. Кто привозит чертежи?

— Большие начальники на птицах.

— Имеются в виду наши знакомые птички, — пояснил Вадим. — Наверное, здесь их приручают.

— Кому нужны машины?

— Великому и могучему Утесу, сверкающему бою, с ногой на небе, живущему, пока не исчезнут машины.

— Что он делает с машинами?

— Кто?

— Утес.

На лице пленника изобразилось смятение.

— Это же должность, Саул, — сказал Вадим. — Говорите полностью.

— Хорошо. Что делает с машинами Великий и могучий Утес, с ногой на небе... или на земле?.. Тьфу, черт, не помню... живущий, пока... это...

— Пока не исчезнут машины, — подсказал Вадим.

— Бессмыслица какая-то, — сказал сердито Саул. — При чем здесь машины?

— Это титулование, — пояснил Вадим. — Символ вечности.

— Слушайте, Вадим. Спросите его, что он делает с машинами.

— Кто?

— Да Утес же, черт бы его пробрал!

— Говорите просто, — сказал Вадим. — Великий и могучий Утес.

Саул отдулся и положил трубку на стол.

— Итак, что делает с машинами Великий и могучий Утес?

— Никто не знает, что делает Великий и могучий Утес, — с достоинством сказал пленник.

Антон не выдержал и засмеялся. Вадим хохотал, держась за подлокотники. Пленник глядел на них со страхом.

— Откуда привозят чертежи?
— Из-за гор.
— Что за горами?
— Мир.
— Сколько в мире людей?
— Очень много. Сосчитать невозможно.
— Кто привозит машины?
— Преступники.
— Откуда?
— С твердой дороги. Там очень много машин. — Пленник подумал и добавил: — Сосчитать нельзя.
— Кто делает машины?
Хайра удивленно улыбнулся.
— Машины никто не делает. Машины есть.
— Откуда они взялись?
Хайра произнес речь. Он тер лицо, гладил себя по бокам и поглядывал на потолок. Он закатывал глаза и временами даже принимался петь. Получалось приблизительно следующее.
Давным-давно, когда еще никто не родился, с красной луны упали большие ящики. В ящиках была вода. Жирная и липкая, как варенье. И она была темно-красная, как варенье. Сначала вода сделала город. Потом она сделала в земле две дыры и наполнила эти дыры дымом смерти. Потом вода стала твердой дорогой между дырами, а из дыма родились машины. С тех пор один дым рождает машины, другой дым глотает машины, и так всегда будет.
— Ну, это мы и без тебя знаем, — сказал Саул. — А если преступники не захотят двигать машины?
— Их убивают.
— Кто?
— Стражники.
— И ты убивал?
— Я убил троих, — гордо сказал Хайра.
Антон закрыл глаза. Мальчишка, подумал он. Славный, симпатичный мальчишка. И он говорит об этом с гордостью...
— Как же ты их убивал? — спросил Саул.

— Одного я убил мечом. Я доказывал начальнику, что могу разрубить тело одним ударом. Теперь он знает, что я это могу. Другого я убил кулаком. А третьего я приказал сбросить мне на копье.

— Кому приказал?

— Другим преступникам.

Некоторое время Саул молчал.

— Скучно, — сказал пленник. — Служба гордая, но скучная. Нет женщины. Нет умных бесед. Скучно, — повторил он и вздохнул.

— Почему преступники не бегут?

— Они бегут. Пусть. На равнине снег и птицы. В горах стража. Умные не бегут. Все хотят жить.

— Почему у некоторых золотые ногти?

Пленник сказал шепотом:

— Это были люди большого богатства. Но они хотели странного, а некоторые даже пытались сменить Утес. Они отвратительны, как падаль, — сказал он громко. — Великий и могучий Утес, сверкающий бой присылает их сюда со всеми родными. Кроме женщин, — добавил он с сожалением.

— Вы знаете, — сказал Саул, — я испытываю огромное желание повесить сначала его, а потом всех остальных носителей мечей и копий на этой равнине. Но это, к сожалению, бесполезно. — Он снова набил трубку. — У меня больше нет вопросов. Спрашивайте вы, если хотите.

— Нас нельзя вешать, — быстро сказал побледневший Хайра. — Великий и могучий Утес с ногой на небе жестоко накажет вас.

— Плевать я хотел на твоего Великого и могучего, — сказал Саул, раскуривая трубку. Пальцы его дрожали. — Будете еще спрашивать или нет?

Антон помотал головой. Никогда в жизни он не испытывал такого отвращения. Вадим подошел к Хайре и сорвал с его висков мнемокристаллы.

— Что будем делать? — спросил он.

— Таков человек, — задумчиво проговорил Саул. — На пути к вам он должен пройти через все это

и многое другое. Как долго он еще остается скотом, после того как поднимается на задние лапы и берет в руки орудия труда. Этих еще можно извинить, они понятия не имеют о свободе, равенстве и братстве. Впрочем, это им еще предстоит. Они еще будут спасать цивилизацию газовыми камерами. Им еще предстоит стать мещанами и поставить свой мир на край гибели. И все-таки я доволен. В мире этом царит средневековье, это совершенно очевидно. Все это титулование, пышные разглагольствования, золоченые ногти, невежество... Но уже теперь здесь есть люди, которые желают странного. Как это прекрасно — человек, который желает странного! И этого человека, конечно, боятся. Этому человеку тоже предстоит долгий путь. Его будут жечь на кострах, распинать, сажать за решетку, потом за колючую проволоку... Да. — Он помолчал. — А какова затея! — воскликнул он. — Овладеть машинами, не имея никакого понятия о машинах! Представляете? Какой это был дерзкий ум! Сейчас-то его, конечно, посадили бы в лагерь. Сейчас это все рутина, что-то вроде обряда в честь могучих предков... Сейчас, наверное, никто и не знает и знать не хочет, для чего все это нужно. Разве что как повод для создания лагеря смерти. А когда-то это была идея...

Он замолчал и стал усиленно сипеть трубкой. Антон сказал:

— Ну, зачем же так мрачно, Саул? Им вовсе не обязательно проходить через газовые камеры и прочее. Ведь мы уже здесь.

— Мы! — Саул усмехнулся. — Что мы можем сделать? Вот нас здесь трое, и все мы хотим творить добро активно. И что же мы можем? Да, конечно, мы можем пойти к Великому Утесу этакими парламентерами разума и попросить его, чтобы он отказался от рабовладения и дал народу свободу. Нас возьмут за штаны и бросят в котлован. Можно напялить белые хламиды — и прямо в народ. Вы, Антон, будете Христос, Вадим будет апостолом Павлом, а я, конечно, Фомой. И мы

станем проповедовать социализм и даже, может быть, сотворим несколько чудес. Что-нибудь вроде нультранспортировки. Местные фарисеи посадят нас на кол, а люди, которых мы хотели спасти, будут с гиком кидать в нас калом... — Он поднялся и прошел вокруг стола. — Правда, у нас есть скорчер. Мы можем, например, перебить стражу, построить голых в колонну и прорваться через горы, сжечь сюзеренов и вассалов вместе с их замками и пышными титулами, и тогда города фарисеев превратятся в головешки, а нас поднимут на копья или скорее всего зарежут из-за угла, а в стране воцарится хаос, из которого вынырнут какие-нибудь саддукеи. Вот что мы можем.

Он сел. Антон и Вадим улыбались.

— Нас не трое, — сказал Антон. — Нас, дорогой Саул, двадцать миллиардов. Наверное, раз в двадцать больше, чем на этой планете.

— Ну и что? — сказал Саул. — Вы понимаете, что́ вы хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Хотите изменить естественный ход истории! А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству.

— Никто не собирается ломать хребты, — возразил Вадим. — Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм. И никакие хребты не ломались. Вы что, боитесь войны? Войны не будет. Два миллиона добровольцев, красивый, благоустроенный город, ворота настежь, просим! Вот вам врачи, вот вам учителя, вот вам инженеры, ученые, артисты... Хотите, как у нас? Конечно! И мы этого хотим! Кучка вонючих феодалов против коммунистической колонии — тьфу! Конечно, это случится не сразу. Придется поработать, лет пять потребуется...

— Пять! — сказал Саул, поднимая руки к потолку. — А пятьсот пятьдесят пять не хотите? Тоже мне просветители! Народники-передвижники! Это же планета, понимаете? Не племя, не народ, даже не страна —

планета! Целая планета невежества, трясина! Артисты! Ученые! А что вы будете делать, когда придется стрелять? А вам придется стрелять, Вадим, когда вашу подругу-учительницу распнут грязные монахи... И вам придется стрелять, Антон, когда вашего друга-врача забьют насмерть палками молодчики в ржавых касках! И тогда вы озвереете и из колонистов превратитесь в колонизаторов...

— Пессимизм, — сказал Вадим, — есть мрачное мироощущение, при котором человек во всем склонен видеть дурное, неприятное.

Саул несколько секунд дико глядел на него.

— Вы не шути́те, — сказал он наконец. — Это не шутки. Коммунизм — это прежде всего идея! И идея не простая. Ее выстрадали кровью! Ее не преподашь за пять лет на наглядных примерах. Вы обрушите изобилие на потомственного раба, на природного эгоиста. И знаете, что у вас получится? Либо ваша колония превратится в няньку при разжиревших бездельниках, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности, либо здесь найдется энергичный мерзавец, который с помощью ваших же глайдеров, скорчеров и всяких других средств вышибет вас вон с этой планеты, а все изобилие подгребет себе под седалище, и история все-таки двинется своим естественным путем.

Саул рывком откинул крышку мусоропровода и принялся яростно выбивать туда свою трубку.

— Нет, голубчики. Коммунизм надо выстрадать. За коммунизм надо драться вот с ним, — он ткнул трубкой в сторону Хайры, — с обыкновенным простаком-парнем. Драться, когда он с копьем, драться, когда он с мушкетом, драться, когда он со «шмайссером» и в каске с рожками. И это еще не все. Вот когда он бросит «шмайссер», упадет брюхом в грязь и будет ползать перед вами — вот когда начнется настоящая борьба! Не за кусок хлеба, а за коммунизм! Вы его из этой грязи поднимете, отмоете его...

Саул замолчал и откинулся в кресле.

Вадим задумчиво чесал затылок.

Антон сказал:

— Вам виднее, Саул, вы историк. Конечно, все это будет очень трудно. Вадим тут нес, как всегда, легкомысленную чушь. Мы вдвоем с Вадимом или втроем с вами никогда не решим эту задачу — даже теоретически. Но мы все знаем одно: не было еще такого случая, чтобы человечество поставило перед собой задачу и не смогло ее решить.

Саул что-то неразборчиво проворчал.

— Как это будет делаться конкретно... — Антон пожал плечами. — Что ж, если придется стрелять, вспомним, как это делалось, и будем стрелять. Только, по-моему, обойдется без стрельбы. Пригласим, например, этих желающих странного на Землю. Начнем с них. Они, наверное, захотят уехать отсюда...

Саул быстро вскинул и снова опустил глаза.

— Нет, — сказал он. — Только не так. Настоящий человек уехать не захочет. А ненастоящий... — он снова поднял глаза и посмотрел прямо в лицо Антону. — А ненастоящему на Земле делать нечего. Кому он нужен, дезертир в коммунизм?

Почему-то все замолчали. И почему-то Антону стало нестерпимо жалко Саула и страшно за него. У Саула, несомненно, была беда. И очень непростая беда, такая же, наверное, необычная, как он сам, как его слова и поступки.

Вадим с деланным оживлением вскричал:

— А вот, кстати... Мы же забыли! За что меня пырнули мечом эти угнетенные? Надо выяснить!

Он подбежал к Хайре, у которого ноги подламывались от усталости и плохих предчувствий, и снова прикрепил к его вискам рожки мнемокристаллов.

— Слушай-ка, питекантроп, — сказал он. — Почему преступники, которые везли тебя, напали на нас? Они что, тебя очень любят?

Хайра ответил:

— По велению Великого и могучего Утеса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут

машины, преступники заточаются здесь до тех пор, пока не исчезнут машины...

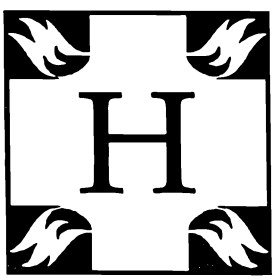
— То есть навсегда, — пояснил Вадим.

— ...но если преступник сделает, чтобы машина двигалась, он получает милость и возвращается за горы. Те, которые везли меня, шли домой. Они были почти уже люди. На заставе я должен был отпустить их и пересесть на птиц. Но они не сумели сохранить меня, хотя и хотели, потому что хотели жить. А теперь их заколют. — Он нервно зевнул и добавил: — Если солнце уже взошло, то их уже закололи.

Антон вскочил, опрокинув кресло.

— О господи! — сказал Саул и выронил трубку.

VII

осителя копья из рода холмов посадили между Саулом и Антоном. Он снова был закутан в свою шубу, от которой теперь пахло дезинсекталем, и сидел смирно, беспокойно шевеля коротким носом: принюхивался. Было пять часов утра, занималась бледная ледяная заря. И было очень холодно.

Вадим молча вел глайдер на максимальной скорости и думал только одно: «Успеем или не успеем?» Хоть бы эти бедняги не решились сразу возвращаться в поселок. Но он понимал, что больше им деваться некуда. Это был их единственный шанс на спасение — попытаться смягчить начальника стражи рассказом о том, как они геройски защищали его посланника. Эта грубая скотина прикончит их сразу же, с горечью подумал Вадим. Если мы не успеем. Он представил себе, как они поставят Хайру перед толстым носителем отличного меча, и он, Вадим, скажет: «Кайра-мэ сорината-му каросика!» — «Вот ваш человек!» — и визгливо-жалобно

завопит: «Титамата-нэ корису!» — «Не сметь убивать этих свободных!» Он все время твердил в уме эти фразы, и в конце концов они потеряли для него всякий смысл. Все это не так просто. Может быть, придется вести длинный разговор. А вряд ли носитель меча согласится добровольно прикрепить к своей немытой начальственной голове мнемокристаллы. Вадим покосился на блестящий ящик анализатора. Придется его скрутить. Не зря же я тащил эти двадцать четыре килограмма от кают-компании до глайдера.

Антон спросил:

— А что было в послании?

Вадим достал из кармана смятый листок и, не оборачиваясь, протянул через плечо.

— Я немного подредактировал, — сказал он. — Перевод карандашом между строчек.

Антон взял листок и стал читать вполголоса:

— «Лучезарному колесу в золотых мехах, носителю грозной стрелы, слуге под самым седалищем Великого и могучего Утеса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, к ступне повергает это донесение ничтожный стражник из рода вихрей, носитель отличного меча. Доношу первое: большая машина «воин-купол» пришла в движение от пальца в отверстии пятом и от пальца в отверстии сорок седьмом, и движение было неодолимое, быстрое и прямое. Доношу второе: явились на небывалой машине трое, не знающие речи, не носящие оружия, не понимающие установления и желающие странного. Не зная их сущности, пребываю в ожидании высоких приказаний. Доношу третье: уголь кончается, а топить мертвецами по вашему милостивому слову мы за невежеством и недоумением не умеем. При сем прилагаю: первое — чертеж большой машины «воин-купол» и второе — образы материи, приклеенные неизвестными людьми к ранам преступников». Да, здесь ничего нового, — сказал Антон.

— Феодализм чистейшей воды, — произнес Саул. — Не особенно церемоньтесь с ними, не то как раз сядете на копья.

Да, церемониться неохота, подумал Вадим. И, конечно, не из-за копий. Пленник вдруг заерзал на месте и грубым басом заискивающе попросил:

— Ринга...

— Сэнту! — визгливо крикнул Вадим.

Пленник замер.

— Опять варенья просит, — сказал Вадим.

— Потерпит, — сказал Саул. — «Жрать и пить, морду бить...»

— Ничего, — сказал Вадим. — Он у нас еще захочет странного.

— Вадим, — попросил Антон, — дай-ка пару кристаллов. Я хочу поговорить с ним.

— В кармашке справа, — сказал Вадим, не оборачиваясь.

— Слушай, Хайра, — сказал Антон. — Если мы тебя вернем в поселок, отпустит твой начальник освобожденных, которые защищали тебя?

— Да, — быстро сказал Хайра. — А вы меня вернете в поселок?

— Конечно, вернем, — сказал Антон. — Не убивать же тебя.

Вадим посмотрел через плечо. Хайра приосанился.

— Начальник строг, — произнес он. — Начальник, может быть, не отпустит их и пошлет обратно в котлован. Но вы можете надеяться на милость. Возможно, он даже отпустит вас, если вы дадите ему ценные подарки. У вас есть ценные подарки?

— Есть, — рассеянно сказал Антон. — У нас все есть.

— Что он говорит? — проворчал Саул. — Вадим, где мои кристаллы? А, вот они...

— Может быть, действительно придется выкупить их, — проговорил Антон задумчиво. — Не устраивать же драку... Мне этого совсем не хочется.

Хайра заговорил снова, и голос его был тверд и визглив.

— А мне вы дадите вот эту куртку, — от ткнул пальцем в куртку Саула. — И этот ящик, — он показал

на анализатор. — И все варенье. Все равно у вас все отберут перед тем, как отправить в хижины. Вы правильно решили — не устраивать драку. Наши копья остры и зазубрены, и при обратном движении они извлекают из врага внутренности. И еще я возьму вот эту обувь. И вот эту тоже. Ибо все между землей и небом принадлежит Великому и могучему... И это я тоже возьму.

Хайра замолчал озабоченно. Вадим, развлекаясь от души, оглянулся. Антон сосредоточено смотрел в окно — видимо, он не слушал. Хайра сидел на полу, скрестив ноги, и осматривал его ботинки. Саул смотрел на Хайру, придерживая у виска один из кристаллов. На лице его было бешенство. Поймав взгляд Вадима, он нехорошо улыбнулся. Хайра наставительно сказал:

— Когда вас будут раздевать, не забудьте сказать, что это, — он показал пальцем, — это и это мое. Я первый.

— Молчать, — тихо сказал Саул.

— Молчи сам, — с достоинством сказал Хайра. — Или мы забьем тебя насмерть палками.

— Саул, — сказал Антон. — Перестаньте. Что вы как ребенок...

— Да, он не умен, — сказал Хайра. — Но куртка его хороша.

А ведь он действительно уверен, что мы в его власти, подумал Вадим. Он уже видит это — как нас раздевают и сталкивают в котлован, и мы спим на земляном полу, покрытом нечистотами, и всегда молчим, а он гонит нас босых по снегу, колет копьем, бьет по лицу, чтобы не отставали. А вокруг люди, которые думают только о себе, которые мечтают только о том, чтобы попасть пальцем именно в ту дырку, которая приведет машину в движение, и тогда их, радостных и ликующих, запрягут в сани и погонят по снегу навстречу свободе, босиком, через заснеженные холмы, под седалище Великого и могучего... У Вадима круги пошли перед глазами от боли — так крепко он закусил губу. Я бы им устроил праздничек, подумал он с ненавистью. Это было стран-

ное чувство — ненависть. От него холодело внутри и напрягались все мускулы. Он никогда раньше не испытывал ненависти к людям. Он услыхал, как Саул страшно сопит у него за спиной. Хайра мурлыкал песенку.

Внизу показался грязный котлован. На дне его в беспорядке сгрудились машины, нелепые и дикие орудия унижения и смерти. Эх вы, пришельцы, подумал Вадим. Впрочем, что с вас взять! Вы ведь даже не гуманоиды. Вода с неба... Варенье...

Он снизился и, тормозя, пошел вдоль улицы прямо к домику охраны. Хайра, узнав родные места, разразился радостными воплями, которые не брал даже мощный анализатор.

Перед домиком было полно народу. В зеленоватом свете зари мерцал снег. На снегу, сбившись в кучку, жалкие, голые, стояли, опустив головы, два десятка бывших освобожденных. Вокруг них, опираясь на копья, расставив ноги, стояли стражники в шубах. На крыльце возвышался носитель отличного меча. Отличный меч он держал перед собой и, повернув оттопыренное ухо к мечу, водил по острию большим пальцем. Потом он заметил снижающийся глайдер и замер, раскрыв черную пасть.

Вадим посадил глайдер прямо перед крыльцом. Он распахнул фонарь и крикнул:

— Кайра-мэ сорината-му! Татимата-нэ кори-су!

Он выбрался из-за руля, сгреб носителя копья из рода холмов в охапку и поставил его на ступеньки крыльца. Начальник опустил меч и с отчетливым хрустом захлопнул рот. Хайра согнулся и мелкими шажками проворно подбежал к нему.

— Почему ты еще не убит? — изумленно спросил начальник.

Хайра, сложив руки перед грудью, быстро и басовито заворковал:

— Случилось, что должно было случиться! Я рассказал им о величии и мощи Великого и могучего Утеса, сверкающего боя, с одной ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, и они в страхе пустили воду.

Они накормили меня вкусной пищей и говорили со мной, как покорные. И они явились сюда, чтобы склониться перед тобой.

Копейщики почтительно сплотились у крыльца. Только два десятка голых стояли на месте, покорно ожидая своей участи. Начальник важно и медлительно вложил меч в ножны. Он больше не смотрел на глайдер. Он принялся равнодушно и неторопливо расспрашивать Хайру.

— Где они живут?

— У них большой дом на равнине. Очень теплый.

— Где они взяли эту машину?

— Не знаю. Наверное, на дороге.

— Ты должен был сказать им, что все небо и вся земля принадлежат Великому и могучему Утесу.

— Я сказал им. Но их обувь, и одна куртка, и блестящий ящик принадлежат мне. Не забудь этого потом, светлый и сильный.

— Ты дурак, — сказал начальник презрительно. — Все принадлежит Великому и могучему Утесу. А ты получишь то, что тебе достанется. Где послание?

— Они отобрали, — разочарованно сказал Хайра.

— Ты дурак еще раз. Это будет стоить тебе кожи.

Хайра увял. Начальник посмотрел куда-то в пространство между Вадимом и Антоном и произнес:

— Пусть они покажут свою обувь.

Саул зарычал и полез к борту.

— Тихо, тихо, — сказал Антон.

Начальник меланхолически высморкался на крыльцо.

— А какую еду ел ты? — спросил он.

— Варенье. Это не совсем варенье, но оно сладкое и радует язык.

Начальник слегка оживился.

— А у них много этого варенья?

— Очень много! — с энтузиазмом вскричал Хайра. — Но не приказывай бить меня.

— Я решил, — сказал начальник. — Пусть они отправляются домой и принесут к моим ногам все варенье. И всю другую еду. У них нет угля?

Хайра вопросительно посмотрел на Антона. Антон резко сказал:

— Потребуй у него свободы этим преступникам!

— Что он говорит? — спросил начальник.

— Он просит, чтобы ты не убивал этих преступников.

— А как ты понимаешь его речь?

Хайра указал обеими руками на рожки мнемокристаллов у себя на висках.

— Если приставить это к голове, то ты слышишь чужую речь, а понимаешь ее как свою.

— Дай сюда, — потребовал начальник. — Это тоже принадлежит Великому и могучему Утесу.

Он отобрал у Хайры мнемокристаллы и после нескольких неудачных попыток пристроил их у себя на лбу. Антон сейчас же сказал:

— Немедленно отпусти этих людей, заслуживших свободу.

Начальник с удивлением посмотрел на него.

— Ты не можешь говорить так, — сказал он. — Я прощаю тебя потому, что ты низкий и не знаешь слов. Ступай. И принеси также письмо и чертеж. — Он повернулся к копейщикам, которые почтительно ему внимали, и заорал: — Ну что вы тут стали, труполюбы? Нечего вам обнюхивать их штаны! Штаны всех людей, кто разговаривает со мной, воняют одинаково. За работу! Гоните эту падаль в котлован. Гей! Гей!

Копейщики загоготали и трусцой побежали по улице, гоня перед собой бывших освобожденных. Начальник дружелюбно хлопнул Хайру по уху и приказал ему убираться. Хайра, шатнувшись от удара, юркнул в дверь. Оставшись один, начальник посмотрел на небо, посмотрел на хижины, протяжно, с прискуливанием зевнул, посмотрел на глайдер, лениво отхаркался и, глядя в сторону, сказал скучающим голосом:

— Делайте, как я указал. Возвращайтесь в свой дом, принесите мне сюда варенье и всю другую еду и идите в котлован, если хотите жить.

Вадим смотрел на эту громадную грязную фигуру и испытывал странную слабость во всех членах. У него было такое ощущение, как будто он во сне пытается взобраться на скользкую отвесную стену. Антон пробормотал рядом:

— Смотри, Димка, смотри хорошенько. Это тебе не мальчишка Хайра.

— Не могу, — странным бесцветным голосом сказал Саул. — Я его сейчас удавлю.

— Ни в коем случае, — сказал Антон.

Начальник гаркнул в открытую дверь:

— Зажарь мне мяса, Хайра, труполюб! И согрей ложе! Я сегодня весел. — Потом он встал к глайдеру боком и, глядя на горы, заговорил, подняв грязный указательный палец: — Сейчас вы еще неразумны и окаменели от страха. Но вам надлежит знать, что впредь, разговаривая со мной, вы должны согнуться в пояснице и прижать ладони к груди. И не смотреть на меня, потому что вы низкие и взор ваш нечист. Сегодня я вас прощаю, а завтра прикажу избить древками копий. И еще вы должны помнить, что самая высокая добродетель состоит в повиновении и молчании. — Он сунул указательный палец в пасть и стал копаться в зубах. Речь его стала невнятной. — Когда вы вернетесь сюда с вареньем, письмом и чертежом, вы разденетесь и оставите все на крыльце. Я не выйду к вам. Потом пойдите в хижины и обдерите там рубахи с мертвецов. Две рубахи брать нельзя. — Он вдруг заржал. — А то вы вспотеете на работе. Можете взять рубахи с живых, но только с тех, у кого золотые ногти...

В полуоткрытую дверь просунулся Хайра.

— Все готово, светлый и сильный, — сказал он.

Начальник продолжал.

— Ваша судьба будет легка. Великому и могучему Утесу нужны люди, умеющие двигать машины. Ибо будет же наконец война за земли, которые ему принадлежат! И тогда Великий и могучий Утес, — он поднял указательный палец, — сверкающий бой, с ногой

на небе и с ногой на земле, живущий, пока не исчезнут машины...

— Гад! — оглушительно рявкнул Саул. Над ухом Вадима тускло блеснул вороненый ствол скорчера.

— Не надо! — крикнул Антон.

Саул оттолкнул Вадима и схватился за руль.

— Не надо? — закричал он. — А что же надо? Терпеть и ждать, пока не исчезнут машины? Хорошо!

Страшный рывок повалил Вадима между сидений. Не закрывая фонаря, Саул бросил глайдер в воздух. Раздался треск, над кабиной пролетело расщепленное бревно. Ледяной ветер завыл в ушах, глайдер круто накренился, и Вадим успел увидеть, что начальник стоит на четвереньках на крыльце, задрав необъятный зад, а крыша дома, вертясь и разваливаясь, падает на середину улицы. Вадим попытался закрыть фонарь. Фонарь не закрывался.

— Саул! — крикнул Вадим. — Сбросьте скорость!

Саул не ответил. Он гнал глайдер над улицей, по которой уже двигались цепочки заключенных, прямо к котлованy. Он скрючился, скрывая лицо за маленьким козырьком. Скорчер лежал у него на коленях. Глайдер шел неверными толчками, встречный ветер стремился перевернуть его.

Вадим все пытался одной рукой закрыть фонарь. Другой он придерживал упавший ему на колени ящик анализатора. Саул говорил сквозь зубы:

— Мерзавцы.. подлецы... мучители... Машины вам? Будут вам машины!.. Земли воевать? Будут вам земли!..

Вадиму, наконец, удалось вскарабкаться на сиденье, и он огляделся. Глайдер мчался прямо на котлован. Антон, вцепившись в подлокотники, щурясь от ветра, молча смотрел в спину Саула.

— Варенье тебе? — рычал Саул. — Я тебе покажу варенье!.. Сладкую еду... труполюбы...

Глайдер взлетел над котлованом. Саул замолчал и, перегнувшись через борт, выпалил из скорчера прямо вниз. Вадим отшатнулся. Ослепительное лиловое пламя

выбросилось из котлована, громовой удар рванул уши, и все осталось позади.

Вадим, напрягаясь так, что все у него внутри захрустело, захлопнул, наконец, фонарь. Стало тихо.

— Я им внушу другие понятия о вечности, — сказал Саул и замолчал.

— А может быть, не надо? — робко предложил Вадим. Он еще не понимал, чего хочет Саул. Ну, что с них взять, думал он. Тупые, невежественные люди. Разве на них можно сердиться по-серьезному?

Глайдер с ревом несся над верхушками холмов, разбрасывая тучи снежной пыли. Саул был очень неважным водителем, и подавал на двигатель слишком много энергии, и двигатель работал наполовину вхолостую. Зато за глайдером тянулась плотная стена изморози. Несколько птиц кинулись наперерез и сейчас же пропали в снежном вихре. А позади, над искрящейся мутью, поднимался в небо дымный столб.

— Одно жалко, одно... — снова заговорил Саул. — Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом всю тупость и жестокость, не уничтожив при этом человека... Ну, одну-то глупость в этой безмерно глупой стране!..

— Вы летите к шоссе? — спокойно спросил Антон.

— Да. И не пытайтесь остановить меня.

— И не подумаю, — сказал Антон. — Только будьте осторожны.

Теперь Вадим понял и уставился на скорчер. Кажется, начнется такое, подумал он, чего я никогда в жизни не смогу описать... и не смогу понять.

На шоссе все было по-прежнему. Как и вчера, как и сто лет назад, бесшумно, ровными рядами шли машины. Из дыма выходили и уходили в дым. И так могло бы быть вечно. Но вот Саул посадил глайдер в двадцати метрах от полотна, откинул фонарь и положил ствол скорчера на борт.

— Я не терплю ничего вечного, — неожиданно спокойно сказал он и выстрелил.

Первый удар пришелся по громадной черепахообразной машине. Панцирь вспыхнул и разлетелся, как

яичная скорлупа, а платформа на одной гусенице завертелась на месте, сшибая и опрокидывая идущие за нею маленькие зеленые кары.

— Нельзя изменить законы истории... — сказал Саул.

С громом запылала огромная черная башня на колесах, а другая такая же башня опрокинулась и загородила часть шоссе.

— ...но можно исправить некоторые исторические ошибки, — продолжал Саул, целясь.

Лиловая молния миллионовольтного разряда лопнула под днищем оранжевой машины, похожей на полевой синтезатор, и она, распадаясь на части, взлетела высоко в воздух.

— ...эти ошибки даже должно исправлять, — приговаривал Саул, непрерывно стреляя. — Феодализм... и без того достаточно... грязен.

Потом он замолчал. Справа росла груда раскаленных обломков, а слева шоссе опустело — впервые, вероятно, за тысячи лет, — там пробегали только отдельные машины, случайно прорвавшиеся через огненную завесу. Потом пылающая гора распалась с шипением и треском, поднялся высокий столб искр и пепла, и сквозь облака дыма на шоссе хлынули новые ряды машин. Саул зарычал и снова припал к скорчеру. Снова загремели разряды, запылали, взрываясь, машины, и снова начала расти груда раскаленных обломков. Черные тяжелые клубы, прорезаемые фонтанами искр, повисли в небе. Из дыма мохнатыми хлопьями падал пепел, и снег вокруг почернел и дымился. У шоссе обнажилась земля.

Вадим сидел, упираясь ногами в ящик анализатора, вздрагивая и щурясь при каждой вспышке. Потом он привык и перестал щуриться. Снова и снова вырастала на шоссе пылающая гора, снова и снова она рассыпалась, разбрасывая горящие обломки, шумно вздыхая волнами нестерпимого жара, а машины все шли и шли неодолимым потоком, равнодушные ко всему этому уничтожению, и не было им конца.

— Наверное, хватит, Саул! — попросил Антон.

Это бесполезно, подумал Вадим. Саул перестал стрелять — кончились заряды — и уронил голову на руки. Горячее дуло скорчера задралось в небо. Вадим поглядел на покрытые копотью голову и руки Саула и ощутил огромную усталость. Не понимаю, подумал он. Все зря. Бедный Саул. Бедный Саул.

— История, — хрипло сказал Саул, не поднимая головы. — Ничего нельзя остановить.

Он выпрямился и посмотрел на ребят.

— Сердце не вытерпело, — сказал он. — Простите меня. Сердце не вытерпело. Я просто не смог. Надо было хоть что-нибудь сделать.

Они сидели и долго глядели на шоссе. Машины ряд за рядом катились своим путем, сталкивая обломки на обочины, сметая пепел, и скоро все стало по-прежнему, только поперек шоссе медленно остывало багровое пятно, чернел испачканный снег вокруг и долго не рассеивалась над головой дымная пелена, сквозь которую, вздрагивая, глядел красный искаженный диск — желтый карлик ЕН 7031.

Саул закрыл глаза и сказал непонятно:

— Это как печи... Если разрушить только печи — построят новые, и все.

Где-то неподалеку раздались знакомые до отвращения жалобные крики. Вадим неохотно повернул голову. На проселке возле шоссе стояла толпа измученных людей в мешковине, и стражники в шубах и с копьями суетились вокруг. Что им здесь надо? — равнодушно подумал Вадим. Стражники древками пик выгнали из толпы какого-то несчастного. Дрожа и оглядываясь, он прошел по черному снегу и вышел на шоссе. Громадная блестящая башня мягко катилась на него. Несчастный с отчаянием посмотрел на стражников. Те проорали что-то про руки. Преступник закрыл глаза и раскинул руки крестом. Машина сшибла его и покатилась дальше. Саул поднялся. Скорчер, глухо стукнув, упал на дно кабины.

— Хочу набить им морду, — сказал Саул. Пальцы у него сгибались и разгибались.

Антон поймал его за куртку.

— Честное слово, Саул, — сказал он, — это тоже бесполезно.

— Знаю. — Саул сел. — Вы думаете, я не знаю? Ну, почему я ничего не могу сделать? Почему я не там, ни здесь ничего не могу сделать?

Стражники вытолкнули на дорогу другого заключенного. Первый так и остался лежать, плоский, как пустой мешок. Второй раскинул руки и встал на пути красной платформы с кубическим ящиком. Платформа снизила скорость и остановилась перед ним в двух шагах. Стражники закричали. Заключенный поднял руки и, пятясь, стал сходить с шоссе. Красная машина, как привязанная, поползла за ним. Она съехала на проселок и тяжело закачалась на колдобинах. Заключенный все пятился и пятился, уводя ее от шоссе к котловану. А по шоссе все шли, шли и шли машины.

— Чепуху я сделал, — горестно сказал Саул. — Ругайте меня. Но все равно начинать здесь нужно с чего-нибудь подобного. Вы сюда вернетесь, я знаю. Так помните, что начинать нужно всегда с того, что сеет сомнение... Ну, что же вы меня не ругаете?

Вадим только судорожно вздохнул, а Антон сказал ласково:

— За что же, Саул? Вы не сделали ничего плохого. Вы сделали только странное.

VIII

имка, — сказал Антон, — пойди посмотри, как там Саул.

Вадим поднялся и вышел из рубки. Он спустился в кают-компанию и заглянул к Саулу. На него пахнуло застоявшимся табачным дымом. Саул лежал на диване в той же позе, в которой они уложили его после перехода: вытянув ноги с огромными ступнями, закинувшись, выставив щетинистый кадык. Вадим присел рядом и потрогал его лоб. Лоб горел. Саул несвязно забормотал:

— Сухари... сухари нужны... Что вы ко мне с ножницами? В портняжной ножницы... не маникюрные же... Я вас о сухарях спрашиваю... а вы мне ножницы... — Он вдруг сильно вздрогнул и прохрипел: — Цум бефаль, господин блоковый... Никак нет, бьем вшей...

Вадим погладил его по бессильной руке. На Саула было тяжело смотреть. Всегда тяжело видеть сильного, уверенного человека в таком беспомощном состоянии. Саул медленно открыл глаза.

— А... — проговорил он. — Вадим... Димочка... Ты ничего не думай... На допрос всегда противно смотреть... Ты не думай обо мне плохо... Я вернусь... Это была просто слабость... А теперь я отдохнул немножко и вернусь...

Глаза его снова стали закатываться. Вадим с жалостью глядел на него.

— Опять горим... — забормотал Саул. — Как дрова горим. Степанов горит! Да в рощу же, в рощу!..

Вадим вздохнул и поднялся. Он оглядел каюту. Беспорядок здесь был страшный. На полу валялся, вывернув внутренности, нелепый портфель. Содержимое было разбросано — странные серые картонные чехлы, набитые бумагой, украшенные стилизованным изображением какой-то птицы с раскинутыми крыльями. Один из чехлов раскрылся, и бумаги рассыпались по всей каюте. На столике тоже лежали бумаги. Вадим хотел было прибрать, но заметил, что Саул заснул. Тогда он на цыпочках вышел и прикрыл за собой дверь.

Антон сидел за пультом, положив пальцы на контакты, и задумчиво глядел на обзорный экран. По экрану медленно проползали вершины сосен, далекие сияющие этажи домов, красные огоньки энергоприемников.

— Плохо ему, — сказал Вадим. — Бредит. Сейчас, правда, заснул.

Он присел на подлокотник и уставился на стену, разрисованную изображениями человеческих фигурок и предметов.

— Вот стену я напрасно испачкал, — проговорил он. — Надо было у Саула попросить бумаги. У него, оказывается, полный портфель бумаги. Между прочим, Хайра до икоты испугался, когда я стал рисовать...

— Ты знаешь, Димка, — сказал Антон задумчиво. — Саул, конечно, человек странный. Но чтобы у взрослого дяди не было прививки биоблокады... — Он покачал головой.

— Ты хоть представляешь, чем он болен?

— Я тебе уже говорил — не представляю. Заразился чем-нибудь от Хайры...

Вадим представил себе, чем можно заразиться от Хайры, поморщился и сполз в кресло.

— Мне Саул нравится, — объявил он. — Он чудак с точкой зрения. И он восхитительно загадочен. Никогда в жизни я не слыхал такого загадочного бреда.

— А сколько раз ты вообще слыхал бред?

— Это несущественно. Я читал. Между прочим, он сказал, что его бегство с Земли было просто слабостью. Теперь, говорит, я отдохнул немного и вернусь. Я рад за него, Тошка.

— Это он тебе в бреду говорил?

— Нет. У него было прояснение. — Вадим посмотрел на экран. «Корабль» плыл над Хибинами. — Как ты думаешь, сколько времени прошло?

— Тысяча лет, — сказал Антон.

Вадим усмехнулся.

— На редкость содержательный отпуск. Здорово мы там, верно? — блаженно улыбаясь, он стал вспоминать героические эпизоды, репетируя завтрашнее выступление перед Нели и Самсоном. Самсон зачахнет безо всяких черепов: я покажу ему шрам.

— Жаль, — сказал он вслух.

— Что?

— Жаль, что он ударил меня в бок. Надо было по лицу. Представляешь? Шрам от левого виска и через глаз до подбородка!

Антон посмотрел на него.

— Знаешь, Димка, — сказал он, — я к тебе, кажется, никогда не привыкну.

— А ты не беспокойся, Антон. Ты тоже был ничего. Мямлил, правда. Я расскажу Гале, что ты здорово командуешь.

Антон скривился.

— Нет уж, ты лучше ничего не рассказывай. — Он помолчал. — Здорово мямлил?

— По-моему, да.

— Понимаешь, ничего не мог с собой поделать. Никогда мне еще не приходилось так туго. Всякое бывало, но вот такой ситуации, Димка, когда нужно что-то делать и абсолютно ничего нельзя сделать, когда вот так нужно что-то улучшить и знаешь, что сделать можно только хуже... Мямлил, конечно.

Вадим рассматривал Хибины.

— А командовал ты все-таки хорошо. Любопытно было видеть тебя в таком амплуа... Послушай, а Хайрато лежит сейчас на своих вонючих шкурах и думает: какие были ботинки, ни у кого таких нет! Антон, дружище, а ты не можешь побыстрее?

— Не могу. Здесь нельзя быстрее.

— Мало ли чего нельзя... Давай я поведу.

— Нет уж, — сказал Антон. — И так вся эта эскапада будет стоить мне пилотского права.

— А что ты сделал?

— Да уж сделал... Уверяю тебя, второй раз на Саулу я полечу уже не классным звездолетчиком, а плохим врачом-энтузиастом.

Вадим удивился. Что мы сделали? Делали все, что могли, и все, что должны были делать. Как же иначе? Нас было-то всего трое. Будь нас человек двадцать, мы бы просто разоружили охрану, и конец делу. Во всяком случае, ругать нас не за что. Нехорошо, правда, получилось с теми ребятами, которые везли Хайру. Но откуда нам было знать? Да нет, что там говорить, разведку мы провели отлично. С честью. Теперь надо засучить рукава и собирать ребят. Сначала — комитет. Ну, я, Антон, несомненно. Саула я уломаю. Без Саула нельзя: нужен скептик. И человек он боевой и решительный, весь в двадцатом веке. Потом Самсон. Отличный инженер, при всей его ядовитости. Нели, артистка, пусть пленяет. Гриша Барабанов необходим: во-первых, он сам учитель; во-вторых, он знает бездну других учителей, судя по всему, людей настоящих... Врач! Врач нужен... Не может быть, чтобы в бездне учителей не нашлось ни одного врача. И охотников нужно. Вот что нужно так нужно. Выбить клювастых

птичек-самсончиков. Вадим хихикнул. А потом мы всем комитетом выступим перед Землей, бросим клич...

У Вадима сладостно замерло сердце, когда он представил себе весь размах этой новой ослепительной затеи. Эскадры рейсовых Д-звездолетов, битком набитых удалыми добровольцами, синтезаторами, медикаментами... целые тонны эмбриомеханических яиц, из которых в полчаса вырастут дома, глайдеры, синоптические установки... и двадцать тысяч, тридцать тысяч, сто тысяч новых знакомств!

— Весь космофлот в разгоне, — сказал Антон.

— Что?

— Я говорю, весь космофлот в разгоне. Я прикинул: для начала нужно по крайней мере десяток рейсовых «призраков», а их всего пятьдесят четыре, и все сейчас у ЕН 117 для броска за Слепое Пятно.

— Построим новые, — решил Вадим.

Антон покосился на него.

— Опять у тебя в голове сверкающая каша... Ты, Димка, имей в виду, что на Саулу тебя скорее всего больше не пустят.

— Как это так — не пустят?

— Очень просто. Там нужны не двадцатилетние рубаки, а профессионалы в самом серьезном смысле слова. Я вот представить себе не могу, чтобы столько настоящих профессионалов можно было оторвать от Планеты. И это еще полбеды.

— Ну-ну, — поощрил Вадим. — А вторая половина?

— А вторая половина, голубчик ты мой... — Антон вздохнул. — Существует уже два века такая незаметная организация — Комиссия по контактам. И что для нее характерно: во-первых, без ее разрешения ни один звездолетчик не сядет в кресло пилота, а во-вторых, в ее составе нет ни одного рубаки, а люди все, как на подбор, серьезные, умные и видящие последствия.

Антон говорил серьезно, но Вадим все-таки спросил его:

— Ты что, серьезно?

— Совершенно серьезно. — Антон пробежал пальцами по контактам и сказал: — Дать тебе, что ли, снизиться в утешение... Нет, не дам. Хватит с меня мертвецов.

«Корабль» мягко и бесшумно опустился на поляне почти на том же месте, откуда взлетел тридцать девять часов назад. Антон выключил двигатель и немного посидел, ласково гладя рукой пульт.

— Значит, так, — сказал он. — Сначала — Саул.

Вадим, надувшись, смотрел перед собой. Антон включил бортовой радиофон и настроился на волну скорой помощи.

— Пункт одиннадцать-одиннадцать, — сказал спокойный женский голос.

— Требуется врач-эпидемиолог, — попросил Антон. — Заболел человек, вернувшийся с новой планеты земного типа.

Некоторое время приемник молчал. Затем голос удивленно переспросил:

— Простите, как вы сказали?

— Видите ли, — объяснил Антон, — у него не была привита биоблокада.

— Странно. Хорошо... Ваш пеленг?

— Даю.

— Благодарю, приняла. Ждите через десять минут.

Антон поглядел на Вадима.

— Не дуйся, структуральнейший, обойдется. Пойдем к Саулу.

Вадим медленно выбрался из кресла. Они сошли в зал и сразу увидели, что дверь в каюту Саула открыта. Саула в каюте не было. Не было и его портфеля и бумаг, а на столике лежал скорчер.

— Где же он? — спросил Антон.

Вадим бросился к выходу. Люк был вскрыт, снаружи стояла теплая звездная ночь. Громко кричали цикады.

— Саул! — позвал Вадим.

Никто не отозвался. Вадим в растерянности сделал несколько шагов по мягкой траве. «Куда же он ушел, больной?» — подумал он и снова крикнул:

— Саул!

И снова никто не отозвался. Налетел теплый ветерок и нежно погладил Вадима по лицу.

— Димка, — негромко позвал Антон, — поди сюда...

Вадим вернулся к освещенному люку. Антон протянул ему листок бумаги.

— Саул оставил записку, — сказал он. — Положил под скорчер.

Это был обрывок грубой серой бумаги, захватанный грязными пальцами. Вадим прочел:

«Дорогие мальчики! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обойма. Иду... Прощайте. Ваш С. Репнин».

— Слушай, он совсем больной, — сказал Вадим растеряно. — Бежим его искать!

— Посмотри на обороте, — сказал Антон.

Вадим перевернул листок. На обороте большими корявыми буквами было написано:

«Господину рапортфюреру
обершарфюреру СС господину Вирту от блокфризера
шестого блока заключенного
№ 658617

ДОНЕСЕНИЕ

Настоящим доношу, что по собранным мною наблюдениям заключенный № 819360 не является уголовным по кличке «Саул», а есть бывший бронетанковый командир Красной Армии Савел Петрович Репнин, взятый в плен немецкой армией еще под Ржевом в бессознательном состоянии. Указанный № 819360 есть

скрытый коммунист и, безусловно, вредный для порядка человек. Он мною уличен, что готовит побег и участвует в той группе, про которую я Вам доносил в донесении от июля сего 1943. И еще настоящим доношу, что они готовятся...»

На этом текст обрывался. Вадим уставился на Антона.

— Не понимаю, — сказал он.

— Я тоже, — тихо сказал Антон.

Яркий свет упал на поляну. Над «Кораблем» медленно снижался санитарный «Огонек».

— Объясняйся с врачом, — сказал Антон с неопределенной усмешкой, — а я пойду и свяжусь с Советом.

— Что же я ему объясню? — пробормотал Вадим, глядя на клочок бумаги.

Заключенный № 819360 лежал ничком, уткнувшись лицом в липкую грязь, у обочины шоссе. Правая рука его еще цеплялась за рукоятку «шмайссера».

— Кажется, готов, — с сожалением сказал Эрнст Брандт. Он был еще бледен. — Мой бог, стекла так и брызнули мне в лицо...

— Этот мерзавец подстерегал нас, — сказал оберштурмфюрер Дейбель.

Они оглянулись на шоссе. Поперек шоссе стоял размалеванный камуфляжной краской вездеход. Ветровое стекло его было разбито, с переднего сиденья, зацепившись шинелью, свисал убитый водитель. Двое солдат волокли под мышки раненого. Раненый громко вскрикивал.

— Это, наверное, один из тех, что убили Рудольфа, — сказал Эрнст. Он уперся сапогом в плечо трупа и перевернул его на спину.

— Крайцхагельдоннерветтернохайнмаль, — сказал он. — Это же портфель Рудольфа!

Дейбель, перекосив жирное лицо, нагнулся, оттопырив необъятный зад. Дряблые щеки его затряслись.

— Да, это его портфель, — пробормотал он. — Бедный Рудольф! Вырваться из-под Москвы и погибнуть от пули вшивого заключенного...

Он выпрямился и посмотрел на Эрнста. У Эрнста Брандта было румяное глупое лицо и блестящие черные глаза. Дейбель отвернулся.

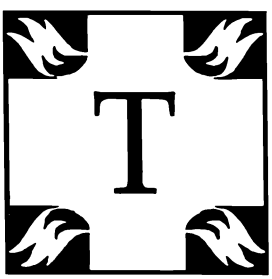
— Возьми портфель, — буркнул он и горестно уставился вдаль, где над лесом торчали толстые трубы лагерных печей, из которых валил отвратительный жирный дым.

А заключенный № 819360 широко открытыми мертвыми глазами глядел в низкое серое небо.

ДАЛЕКАЯ РАДУГА

ГЛАВА 1

анина ладонь, теплая и немного шершавая, лежала у него на глазах, и больше ему ни до чего не было дела. Он чувствовал горько-соленый запах пыли, скрипели спросонок степные птицы, и сухая трава колола и щекотала затылок. Лежать было жестко и неудобно, шея чесалась нестерпимо, но он не двигался, слушая тихое, ровное дыхание Тани. Он улыбался и радовался темноте, потому что улыбка была, наверное, до неприличия глупой и довольной.

Потом не к месту и не ко времени в лаборатории на вышке заверещал сигнал вызова. Пусть! Не первый раз. В этот вечер все вызовы не к месту и не ко времени.

— Робик, — шепотом сказала Таня. — Слышишь?

— Совершенно ничего не слышу, — пробормотал Роберт.

Он помигал, чтобы пощекотать Танину ладонь ресницами. Все было далеко-далеко и совершенно не нужно. Патрик, вечно обалделый от недосыпания, был

далеко. Маляев со своими манерами Ледяного Сфинкса был далеко. Весь их мир постоянной спешки, постоянных заумных разговоров, вечного недовольства и озабоченности, весь этот внечувственный мир, где презирают ясное, где радуются только непонятному, где люди забыли, что они мужчины и женщины, — все это было далеко-далеко... Здесь была только ночная степь, на сотни километров одна только пустая степь, проглотившая жаркий день, теплая, полная темных, возбуждающих запахов.

Снова заверещал сигнал.

— Опять, — сказала Таня.

— Пускай. Меня нет. Я помер. Меня съели землеройки. Мне и так хорошо. Я тебя люблю. Никуда не хочу идти. С какой стати? А ты бы пошла?

— Не знаю.

— Это потому, что ты любишь недостаточно. Человек, который любит достаточно, никогда никуда не ходит.

— Теоретик, — сказала Таня.

— Я не теоретик. Я практик. И, как практик, я тебя спрашиваю: с какой стати я вдруг куда-то пойду? Любить надо уметь. А вы не умеете. Вы только рассуждаете о любви. Вы не любите любовь. Вы любите о ней рассуждать. Я много болтаю?

— Да. Ужасно!

Он снял ее руку с глаз и положил себе на губы. Теперь он видел небо, затянутое облаками, и красные опознавательные огоньки на фермах вышки на двадцатиметровой высоте. Сигнал верещал непрерывно, и Роберт представил себе сердитого Патрика, как он нажимает на клавишу вызова, обиженно выпятив добрые толстые губы.

— А вот я тебя сейчас выключу, — сказал Роберт невнятно. — Танек, хочешь, он у меня замолчит навеки? Пусть уж все будет навеки. У нас будет любовь навеки, а он замолчит навеки.

В темноте он видел ее лицо — светлое, с огромными блестящими глазами. Она отняла руку и сказала:

— Давай я с ним поговорю. Я скажу, что я галлюцинация. Ночью всегда бывают галлюцинации.

— У него никогда не бывает галлюцинаций. Такой уж это человек, Танечка. Он никогда себя не обманывает.

— Хочешь, я скажу тебе, какой он? Я очень люблю отгадывать характеры по видеофонным звонкам. Он человек упрямый, злой и бестактный. И он ни за какие коврижки не станет сидеть с женщиной ночью в степи. Вот он какой — как на ладони. И про ночь он знает только, что ночью темно.

— Нет, — сказал справедливый Роберт. — Насчет коврижек верно. Но зато он добрый, мягкий и рохля.

— Не верю, — сказала Таня. — Ты только послушай. — Они послушали. — Разве это рохля? Это явный «tenacem propositi virum»[1].

— Правда? Я ему скажу.

— Скажи. Пойди и скажи.

— Сейчас?

— Немедленно.

Роберт встал, а она осталась сидеть, обхватив руками колени.

— Только поцелуй меня сначала, — попросила она.

В кабине лифта он прислонился лбом к холодной стене и некоторое время стоял так, с закрытыми глазами, смеясь и трогая языком губы. В голове не было ни единой мысли, только какой-то торжествующий голос бессвязно вопил: «Любит!.. Меня!.. Меня любит!.. Вот вам, вы!.. Меня!..» Потом он обнаружил, что кабина давно остановилась, и попытался открыть дверь. Дверь нашлась не сразу, а в лаборатории оказалось множество лишней мебели: он ронял стулья, сдвигал столы и ударялся о шкафы до тех пор, пока не сообразил, что забыл включить свет. Заливаясь смехом, он нащупал выключатель, поднял кресло и присел к видеофону.

[1] «Муж, упорный в своих намерениях» (Гораций).

Когда на экране появился сонный Патрик, Роберт приветствовал его по-дружески:

— Добрый вечер, поросеночек! И чего это тебе не спится, синичка ты моя, трясогузочка?

Патрик озадаченно глядел на него, часто помаргивая воспаленными веками.

— Что же ты молчишь, песик? Верещал-верещал, оторвал меня от важных занятий, а теперь молчишь!

Патрик, наконец, открыл рот.

— У тебя... Ты... — Он постучал себя по лбу, и на лице его появилось вопросительное выражение. — А?..

— Еще как! — воскликнул Роберт. — Одиночество! Тоска! Предчувствия! И мало того — галлюцинации! Чуть не забыл!

— Ты не шутишь? — серьезно спросил Патрик.

— Нет! На посту не шутят. Но ты не обращай внимания и приступай.

Патрик неуверенно моргал.

— Не понимаю, — признался он.

— Да где уж тебе, — злорадно сказал Роберт. — Это эмоции, Патрик! Знаешь?.. Как бы это тебе попроще, попонятнее?.. Ну, не вполне алгоритмируемые возмущения в сверхсложных логических комплексах. Воспринял?

— Ага, — сказал Патрик. Он поскреб пальцами подбородок, сосредоточиваясь. — Почему я тебе звоню, Роб? Вот в чем дело: опять где-то утечка. Может быть, это и не утечка, но может быть, утечка. На всякий случай проверь ульмотроны. Какая-то странная сегодня Волна...

Роберт растерянно посмотрел в распахнутое окно. Он совсем забыл про извержение. Оказывается, я сижу здесь ради извержений. Не потому, что здесь Таня, а потому что где-то там — Волна.

— Что ты молчишь? — терпеливо спросил Патрик.

— Смотрю, как там Волна, — сердито сказал Роберт.

Патрик вытаращил глаза.

— Ты видишь Волну?

— Я? С чего ты взял?

— Ты только что сказал, что смотришь.

— Да, смотрю!

— Ну?

— И все. Чего тебе от меня надо?

Глаза у Патрика опять посоловели.

— Я тебя не понял, — сказал он. — О чем это мы говорили? Да! Так ты непременно проверь ульмотроны.

— Ты понимаешь, что говоришь? Как я могу проверить ульмотроны?

— Как-нибудь, — сказал Патрик. — Хотя бы подключения... Мы совсем потерялись. Я тебе объясню сейчас. Сегодня в институте послали к Земле массу... Впрочем, это ты все знаешь. — Патрик помахал перед лицом растопыренными пальцами. — Мы ждали Волну большой мощности, а регистрируется какой-то жиденький фонтанчик... Фонтанчик... — Он придвинулся к своему видеофону вплотную, так что на экране остался только огромный, тусклый от бессонницы глаз. Глаз часто мигал. — Понял? — оглушительно загремело в репродукторе. — Аппаратура у нас регистрирует квази-нуль поле. Счетчик Юнга дает минимум... Можно пренебречь. Поля ульмотронов пересекаются так, что резонирующая поверхность лежит в фокальной гиперплоскости, представляешь? Квази-нуль поле двенадцатикомпонентное, и приемник свертывает его по шести четным компонентам. Так что фокус шестикомпонентный.

Роберт подумал о Тане, как она терпеливо сидит внизу и ждет. Патрик все бубнил, придвигаясь и отодвигаясь, голос его то громыхал, то становился еле слышен, и Роберт, как всегда, очень скоро потерял нить его рассуждений. Он кивал, картинно морщил лоб, подымал и опускал брови, но он решительно ничего не понимал и с невыносимым стыдом думал, что Таня сидит там, внизу, уткнув подбородок в колени, и ждет, пока он закончит свой важный и непостижимый для непосвященных разговор с ведущими нульфизиками планеты, пока он не выскажет ведущим

нуль-физикам свою, совершенно оригинальную точку зрения по вопросу, из-за которого его беспокоят так поздно ночью, и пока ведущие нуль-физики, удивляясь и покачивая головами, не занесут эту точку зрения в свои блокноты.

Тут Патрик замолчал и поглядел на него со странным выражением. Роберт хорошо знал это выражение, оно преследовало его всю жизнь. Разные люди — и мужчины и женщины — смотрели на него так. Сначала смотрели равнодушно или ласково, затем выжидающе, потом с любопытством, но рано или поздно наступал момент, когда на него начинали смотреть вот так. И каждый раз он не знал, что ему делать, что говорить и как держать себя. И как жить дальше.

Он рискнул.

— Пожалуй, ты прав, — озабоченно заявил он. — Однако все это следует тщательно продумать.

Патрик опустил глаза.

— Продумай, — сказал он, неловко улыбаясь. — И не забудь, пожалуйста, проверить ульмотроны.

Экран погас, и наступила тишина. Роберт сидел сгорбившись, вцепившись обеими руками в холодные шероховатые подлокотники. Кто-то когда-то сказал, что дурак, понимающий, что он дурак, уже тем самым не дурак. Может быть, когда-нибудь так оно и было. Но сказанная глупость — всегда глупость, а я никак по-другому не могу. Я очень интересный человек: все, что я говорю, старо, все, о чем я думаю, банально, все, что мне удалось сделать, сделано в позапрошлом веке. Я не просто дубина, я дубина редкостная, музейная, как гетманская булава. Он вспомнил, как старый Ничепоренко поглядел однажды с задумчивостью в его, Роберта, преданные глаза и промолвил: «Милый Скляров, вы сложены как античный бог. И, как всякий бог, простите меня, вы совершенно не совместимы с наукой...»

Что-то треснуло. Роберт перевел дух и с изумлением уставился на обломок подлокотника, зажатый в белом кулаке.

— Да, — сказал он вслух. — Это я могу. Патрик не может. Ничепоренко тоже не может. Один я могу.

Он положил обломок на стол, встал и подошел к окну. За окном было темно и жарко. Может быть, мне уйти, пока не выгнали? Да, только как я буду без них? И без этого удивительного чувства по утрам, что, может быть, сегодня лопнет, наконец, эта невидимая и непроницаемая оболочка в мозгу, из-за которой я не такой, как они, и я тоже начну понимать их с полуслова и вдруг увижу в каше логико-математических символов нечто совершенно новое, и Патрик похлопает меня по плечу и скажет радостно: «Эт-то здорово! Как это ты?», а Маляев нехотя выдавит: «Умело, умело... Не лежит на поверхности...» И я начну уважать себя.

— Урод, — пробормотал он.

Надо было проверить ульмотроны, а Таня пусть посидит и посмотрит, как это делается. Хорошо еще, что она не видела моей физиономии, когда погас экран.

— Танюшка, — позвал он в окно.

— Ау?

— Танек, ты знаешь, что в прошлом году Роджер ваял с меня «Юность Мира?»

Таня, помолчав, негромко сказала:

— Подожди, я поднимусь к тебе.

Роберт знал, что ульмотроны в порядке, он это чувствовал. Но все же он решил проверить все, что можно было проверить в лабораторных условиях, во-первых, для того, чтобы отдышаться после разговора с Патриком, а во-вторых, потому, что он умел и любил работать руками. Это всегда развлекало его и на какое-то время давало ему то радостное ощущение собственной значительности и полезности, без которого совершенно невозможно жить в наше время.

Таня — милый, деликатный человек — сначала молча сидела поодаль, а потом так же молча принялась помогать ему. В три часа ночи снова позвонил Патрик, и Роберт сказал ему, что никакой утечки нет. Патрик был обескуражен. Некоторое время он сопел

перед экраном, подсчитывая что-то на клочке бумаги, потом скатал бумагу в трубочку и по обыкновению задал риторический вопрос. «И что мы по этому поводу должны думать, Роб?» — спросил он.

Роберт покосился на Таню, которая только что вышла из душевой и тихонько присела сбоку от видеофона, и осторожно ответил, что вообще не видит в этом ничего особенного. «Обычный очередной фонтан, — сказал он. — После вчерашней нуль-транспортировки был такой. И на той неделе такой же». Затем он подумал и добавил, что мощность фонтана соответствует примерно ста граммам транспортированной массы. Патрик все молчал, и Роберту показалось, что он колеблется. «Все дело в массе, — сказал Роберт. Он посмотрел на счетчик Юнга и совсем уже уверенно повторил: — Да, сто—сто пятьдесят граммов. Сколько сегодня запустили?..» — «Двадцать килограммов», — ответил Патрик. «Ах, двадцать кило... Да, тогда не получается. — И тут Роберта осенило: — А по какой формуле вы подсчитывали мощность?» — спросил он. «По Драмбе», — безразлично ответил Патрик. Роберт так и думал: формула Драмбы оценивала мощность с точностью до порядка, а у Роберта давно уже была припасена своя собственная, тщательно выверенная и выписанная и даже обведенная цветной рамочкой универсальная формула оценки мощности извержения вырожденной материи. И сейчас, кажется, наступил самый подходящий момент, чтобы продемонстрировать Патрику все ее преимущества.

Роберт уже взялся было за карандаш, но тут Патрик вдруг уплыл с экрана. Роберт ждал, закусив губу. Кто-то спросил: «Ты собираешься выключать?» Патрик не отзывался. К экрану подошел Карл Гофман, рассеянно-ласково кивнул Роберту и позвал в сторону: «Патрик, ты еще будешь говорить?» Голос Патрика пробубнил издалека: «Ничего не понимаю. Придется этим заняться обстоятельно». — «Я спрашиваю, ты разговаривать будешь еще?» — повторил Гофман. «Да нет же, нет...» — раздраженно откликнулся Патрик.

Тогда Гофман, виновато улыбаясь, сказал: «Прости, Роба, мы здесь спать укладываемся. Я выключу, а?»

Стиснув зубы так, что затрещало за ушами, Роберт нарочито медленным движением положил перед собой лист бумаги, несколько раз подряд написал заветную формулу, пожал плечами и бодро сказал:

— Я так и думал. Все ясно. Теперь будем пить кофе.

Он был отвратителен себе до последней степени и сидел перед шкафчиком с посудой до тех пор, пока снова не почувствовал себя в состоянии владеть лицом. Таня сказала:

— Кофе свари ты, ладно?

— Почему я?

— Ты вари, а я посмотрю.

— Что это ты?

— Люблю смотреть, как ты работаешь. Ты очень совершенно работаешь. Ты не делаешь ни одного лишнего движения.

— Как кибер, — сказал он, но ему было приятно.

— Нет. Не как кибер. Ты работаешь совершенно. А совершенное всегда радует.

— «Юность Мира», — пробормотал он. Он был красен от удовольствия.

Он расставил чашки и подкатил столик к окну. Они сели, и он разлил кофе. Таня сидела боком к нему, положив ногу на ногу. Она была замечательно красива, и его опять охватили какое-то щенячье изумление и растерянность.

— Таня, — сказал он. — Этого не может быть. Ты галлюцинация.

Она улыбалась.

— Можешь смеяться сколько угодно. Я и без тебя знаю, что у меня сейчас жалкий вид. Но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется сунуть голову тебе под мышку и вертеть хвостом. И чтобы ты похлопала меня по спине и сказала: «Фу, глупый, фу!..»

— Фу, глупый, фу! — сказала Таня.

— А по спине?

— А по спине потом. И голову под мышку потом.

— Хорошо, потом. А сейчас? Хочешь, я сделаю себе ошейник? Или намордник...

— Не надо намордник, — сказала Таня. — Зачем ты мне в намордник?

— А зачем я тебе без намордника?

— Без намордника ты мне нравишься.

— Слуховая галлюцинация, — сказал Роберт. — Чем это я могу тебе нравиться?

— У тебя ноги красивые.

Ноги были слабым местом Роберта. У него они были мощные, но слишком толстые. Ноги «Юности Мира» были изваяны с Карла Гофмана.

— Я так и думал, — сказал Роберт. Он залпом выпил остывший кофе. — Тогда я скажу, за что я люблю тебя. Я эгоист. Может быть, я последний эгоист на земле. Я люблю тебя за то, что ты единственный человек, способный привести меня в хорошее настроение.

— Это моя специальность, — сказала Таня.

— Замечательная специальность! Плохо только, что от тебя приходят в хорошее настроение и стар и млад. Особенно млад. Какие-то совершенно посторонние люди. С нормальными ногами.

— Спасибо, Роби.

— В последний раз в Детском я заметил одного малька. Зовут его Валя... или Варя... Этакий белобрысый, конопатый, с зелеными глазами.

— Мальчик Варя, — сказала Таня.

— Не придирайся. Я обвиняю. Этот Варя своими зелеными глазами смел на тебя смотреть так, что у меня руки чесались.

— Ревность оголтелого эгоиста.

— Конечно, ревность.

— А теперь представь, как ревнует он.

— Что-о?

— И представь, какими глазами он смотрел на тебя. На двухметровую «Юность Мира». Атлет, красавец,

физик-нулевик несет воспитательницу на плечах, а воспитательница тает от любви...

Роберт счастливо засмеялся.

— Танюша, как же так? Мы же были тогда одни!

— Это вы были одни. Мы в Детском никогда не бываем одни.

— Да-а... — протянул Роберт. — Помню я эти времена, помню. Хорошенькие воспитательницы и мы, пятнадцатилетние балбесы... Я до того доходил, что бросал цветы в окно. Слушай, и часто это бывает?

— Очень, — задумчиво сказала Таня. — Особенно часто с девочками. Они развиваются раньше. А воспитатели у нас, знаешь, какие? Звездолетчики, герои... Это пока тупик в нашем деле.

Тупик, подумал Роберт. И она, конечно, очень рада этому тупику. Все они радуются тупикам. Для них это отличный предлог, чтобы ломать стены. Так и ломают всю жизнь одну стену за другой.

— Таня, — сказал он. — Что такое дурак?

— Ругательство, — ответила Таня.

— А еще что?

— Больной, которому не помогают никакие лекарства.

— Это не дурак, — возразил Роберт. — Это симулянт.

— Я не виновата. Это японская пословица: «Нет лекарства, которое излечивает дурака».

— Ага, — сказал Роберт. — Значит, влюбленный тоже дурак. «Влюбленный болен, он неисцелим». Ты меня утешила.

— А разве ты влюблен?

— Я неисцелим.

Тучи разошлись и открыли звездное небо. Близилось утро.

— Смотри, вон Солнце, — сказала Таня.

— Где? — спросил Роберт без особого энтузиазма.

Таня выключила свет, села к нему на колени и, прижавшись щекой к его щеке, стала показывать.

— Вот четыре яркие звезды — видишь? Это Коса Красавицы. Левее самой верхней сла-абенькая звездочка. Это наше Солнце...

Роберт поднял ее на руки, встал, осторожно обогнул столик и только тогда в зеленоватом сумеречном свете приборов увидел длинную человеческую фигуру в кресле перед рабочим столом. Он вздрогнул и остановился.

— Я думаю, теперь можно включить свет, — сказал человек, и Роберт сразу понял, кто это.

— И появился третий, — сказала Таня. — Пусти-ка меня, Роб.

Она высвободилась и нагнулась, ища упавшую туфлю.

— Знаете что, Камилл, — раздраженно начал Роберт.

— Знаю, — сказал Камилл.

— Чудеса, — проговорила Таня, надевая туфлю. — Никогда не поверю, что у нас плотность населения один человек на миллион квадратных километров. Хотите кофе?

— Нет, благодарю вас, — сказал Камилл.

Роберт включил свет. Камилл, как всегда, сидел в очень неудобной, удивительно неприятной для глаз позе. Как всегда, на нем была белая пластмассовая каска, закрывающая лоб и уши, и ни любопытства, ни смущения не было в его круглых немигающих глазах. Роберт, щурясь от света, спросил:

— Вы хоть давно здесь?

— Недавно. Но я не смотрел на вас и не слушал, что вы говорите.

— Спасибо, Камилл, — весело сказала Таня. Она причесывалась. — Вы очень тактичны.

— Бестактны только бездельники, — сказал Камилл.

Роберт разозлился.

— Между прочим, Камилл, что вам здесь надо? И что это за надоевшая манера появляться как привидение?

— Отвечаю по порядку, — спокойно произнес Камилл. Это тоже была его манера — отвечать по порядку. — Я приехал сюда потому, что начинается извержение. Вы отлично знаете, Роби, — он даже глаза закрыл от скуки, — что я приезжаю сюда каждый раз, когда перед фронтом вашего поста начинается извержение. Кроме того... — Он открыл глаза и некоторое время молча смотрел на приборы. — Кроме того, вы мне симпатичны, Роби.

Роберт покосился на Таню. Таня слушала очень внимательно, замерев с поднятой расческой.

— Что касается моих манер, — продолжал Камилл монотонно, — то они странны. Манеры любого человека странны. Естественными кажутся только собственные манеры.

— Камилл, — сказала Таня неожиданно. — А сколько будет шестьсот восемьдесят пять умножить на три миллиона восемьсот тысяч пятьдесят три?

К своему огромному изумлению, Роберт увидел, как на лице Камилла проступило нечто похожее на улыбку. Зрелище было жутковатое. Так мог бы улыбаться счетчик Юнга.

— Много, — ответил Камилл. — Что-то около трех миллиардов.

— Странно, — вздохнула Таня.

— Что «странно»? — тупо спросил Роберт.

— Точность маленькая, — объяснила Таня. — Камилл, скажите, почему бы вам не выпить чашку кофе?

— Благодарю вас, я не люблю кофе.

— Тогда до свиданья. До Детского лететь четыре часа. Робик, ты меня проводишь вниз?

Роберт кивнул и с досадой посмотрел на Камилла. Камилл разглядывал счетчик Юнга. Словно в зеркало гляделся.

Как обычно на Радуге, солнце взошло на совершенно чистое небо — маленькое белое солнце, окруженное тройным галосом. Ночной ветер утих, и стало еще более душно. Желто-коричневая степь с проплешинами

солончаков казалась мертвой. Над солончаками возникли зыбкие туманные холмики — пары летучих солей.

Роберт закрыл окно и включил кондиционирование, затем не торопясь и со вкусом починил подлокотник. Камилл мягко и бесшумно расхаживал по лаборатории, поглядывал в окно, выходившее на север. Видимо, ему совсем не было жарко, а Роберту жарко было даже смотреть на него — на его толстую белую куртку, на длинные белые брюки, на круглую блестящую каску. Такие каски надевали иногда во время экспериментов нуль-физики: они предохраняли от излучений.

Впереди был целый день дежурства, двенадцать часов палящего солнца над крышей, пока не рассосутся извержения и не исчезнут все последствия вчерашнего эксперимента. Роберт сбросил куртку и брюки и остался в одних трусах. Кондиционирование работало на пределе, и ничего нельзя было сделать.

Хорошо бы плеснуть на пол жидкого воздуха. Жидкий воздух есть, но его мало, и он нужен для генератора. Придется пострадать, подумал Роберт покорно. Он снова уселся перед приборами. Как славно, что хотя бы в кресле прохладно и обшивка совсем не липнет к телу!

В конце концов, говорят, что главное — это быть на своем месте. Мое место здесь. И я не хуже других выполняю свои маленькие обязанности. И в конце концов, не моя вина, что я не способен на большее. И между прочим, дело даже не в том, на месте я или нет. Просто я не могу уйти отсюда, если бы даже и захотел. Я просто прикован к этим людям, которые так меня раздражают, и к этой грандиозной затее, в которой я так мало понимаю.

Он вспомнил, как еще в школе поразила его эта задача: мгновенная переброска материальных тел через пропасти пространства. Эта задача была поставлена вопреки всему, вопреки всем сложившимся представлениям об абсолютном пространстве, о пространстве—времени, о каппа-пространстве... Тогда это называлось «проколом Римановой складки». Потом «гиперпроса-

чиванием», «сигма-просачиванием», «нуль-сверткой». И, наконец, нуль-транспортировкой или, коротко, «нуль-Т». «Нуль-Т-установка». «Нуль-Т-проблематика». «Нуль-Т-испытатель». Нуль-физик. «Где вы работаете?» — «Я нуль-физик». Изумленно-восхищенный взгляд. «Слушайте, расскажите, пожалуйста, что это такое — нуль-физика? Я никак не могу понять». — «Я тоже». Н-да...

В общем-то кое-что рассказать было бы можно. И об этой поразительной метаморфозе элементарных законов сохранения, когда нуль-переброска маленького платинового кубика на экваторе Радуги вызывает на полюсах ее — почему-то именно на полюсах! — гигантские фонтаны вырожденной материи, огненные гейзеры, от которых слепнут, и страшную черную Волну, смертельно опасную для всего живого...

И о свирепых, пугающих своей непримиримостью схватках в среде самих нуль-физиков, об этом непостижимом расколе среди замечательных людей, которым, казалось бы, работать и работать плечом к плечу, но они таки раскололись (хотя знают об этом не многие), и если Этьен Ламондуа упрямо ведет нуль-физику в русле нуль-транспортировки, то школа молодых считает самым важным в нуль-проблеме Волну, этого нового джинна науки, рвущегося из бутылки.

И о том, что по неясным причинам до сих пор никак не удается осуществить нуль-транспортировку живой материи, и несчастные собаки, вечные мученицы, прибывают на финиш комьями органического шлака... И о нуль-перелетчиках, об этой «ревущей десятке» во главе с великолепным Габой, об этих здоровых, сверхтренированных ребятах, которые вот уже три года слоняются по Радуге в постоянной готовности войти в стартовую камеру вместо собаки...

— Скоро мы расстанемся, Роби, — сказал вдруг Камилл.

Задремавший было Роберт встрепенулся. Камилл стоял спиной к нему у северного окна. Роберт выпрямился и провел рукой по лицу. Ладонь стала мокрой.

— Почему? — спросил он.

— Наука. Как это безнадежно, Роби!

— Я это давно знаю, — проворчал Роберт.

— Для вас наука — это лабиринт. Тупики, темные закоулки, внезапные повороты. Вы ничего не видите, кроме стен. И вы ничего не знаете о конечной цели. Вы заявили, что ваша цель — дойти до конца бесконечности, то есть вы попросту заявили, что цели нет. Мера вашего успеха не путь до финиша, а путь от старта. Ваше счастье, что вы не способны реализовать абстракции. Цель, вечность, бесконечность — это только лишь слова для вас. Абстрактные философские категории. В вашей повседневной жизни они ничего не значат. А вот если бы вы увидели весь этот лабиринт сверху...

Камилл замолчал. Роберт подождал и спросил:

— А вы видели?

Камилл не ответил, и Роберт решил не настаивать. Он вздохнул, положил подбородок на кулаки и закрыл глаза. Человек говорит и действует, думал он. И все это внешние проявления каких-то процессов в глубине его натуры. У большинства людей натура довольно мелкая, и поэтому любые ее движения немедленно проявляются внешне, как правило, в виде пустой болтовни и бессмысленного размахивания руками. А у таких людей, как Камилл, эти процессы должны быть очень мощными, иначе они не пробьются к поверхности. Заглянуть бы в него хоть одним глазком. Роберту представилась зияющая бездна, в глубине которой стремительно проносятся бесформенные фосфоресцирующие тени.

Его никто не любит. Его все знают — нет на Радуге человека, который не знал бы Камилла, — но его никто-никто не любит. В таком одиночестве я бы сошел с ума, а Камилла это, кажется, совершенно не интересует. Он всегда один. Неизвестно, где он живет. Он внезапно появляется и внезапно исчезает. Его белый колпак видят то в Столице, то в открытом море; и есть люди, которые утверждают, что его неоднократно видели одновременно

и там и там. Это, разумеется, местный фольклор, но вообще все, что говорят о Камилле, звучит странным анекдотом. У него странная манера говорить «я» и «вы». Никто никогда не видел, как он работает, но время от времени он является в Совет и говорит там непонятные вещи. Иногда его удается понять, и в таких случаях никто не может возразить ему. Ламондуа как-то сказал, что рядом с Камиллом он чувствует себя глупым внуком умного деда. Вообще впечатление такое, будто все физики на планете от Этьена Ламондуа до Роберта Склярова пребывают на одном уровне...

Роберт почувствовал, что еще немного, и он сварится в собственном поту. Он поднялся и направился под душ. Он стоял под ледяными струями, пока кожа от холода не покрылась пупырышками и не пропало желание забраться в холодильник и заснуть.

Когда он вернулся в лабораторию, Камилл разговаривал с Патриком. Патрик морщил лоб, растерянно шевелил губами и смотрел на Камилла жалобно и заискивающе. Камилл скучно и терпеливо говорил:

— Постарайтесь учесть все три фактора. Все три фактора сразу. Здесь не нужна никакая теория, только немного пространственного воображения. Нуль-фактор в подпространстве и обеих временных координатах. Не можете?

Патрик медленно помотал головой. Он был жалок. Камилл подождал минуту, затем пожал плечами и выключил видеофон. Роберт, растираясь грубым полотенцем, сказал решительно:

— Зачем же так, Камилл? Это же грубо. Это оскорбляет.

Камилл снова пожал плечами. Это получалось у него так, будто голова его, придавленная каской, ныряла куда-то в грудь и снова выскакивала наружу.

— Оскорбляет? — сказал он. — А почему бы и нет?

Ответить на это было просто нечего. Роберт инстинктивно чувствовал, что спорить с Камиллом на моральные темы бесполезно. Камилл просто не поймет, о чем идет речь.

Он повесил полотенце и стал готовить завтрак. Они молча поели. Камилл удовольствовался кусочком хлеба с джемом и стаканом молока. Камилл всегда очень мало ел. Потом он сказал:

— Роби, вы не знаете, они отправили «Стрелу»?

— Позавчера, — сказал Роберт.

— Позавчера... Это плохо.

— А зачем вам «Стрела», Камилл?

Камилл сказал равнодушно:

— Мне «Стрела» не нужна.

ГЛАВА 2

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Он вылез из машины и сказал:

— Очень хочется прогуляться.

— Пойдемте, — сказал Марк Валькенштейн и тоже вылез.

На прямом блестящем шоссе было пусто, вокруг желтела и зеленела степь, а впереди сквозь сочную зелень земной растительности проглядывали разноцветными пятнами стены городских зданий.

— Слишком жарко, — возразил Перси Диксон. — Нагрузка на сердце.

Горбовский сорвал у обочины и поднес к лицу цветочек.

— Люблю, когда жарко, — сказал он. — Пойдемте с нами, Перси. Вы совсем обрюзгли.

Перси захлопнул дверцу.

— Как хотите. Если говорить честно, я ужасно устал от вас обоих за последние двадцать лет. Я старый

человек, и мне хочется немножко отдохнуть от ваших парадоксов. И будьте любезны, не подходите ко мне на пляже.

— Перси, — сказал Горбовский, — поезжайте лучше в Детское. Я, правда, не знаю, где это, но там детишки, наивный смех, простота нравов... «Дядя! — закричат они. — Давай играть в мамонта!»

— Только берегите бороду, — добавил Марк, осклабясь. — Они на ней повиснут.

Перси что-то буркнул себе под нос и умчался. Марк и Горбовский перешли на тропинку и неторопливо двинулись вдоль шоссе.

— Стареет бородач, — сказал Марк. — Вот и мы ему уже надоели.

— Да ну что вы, Марк, — сказал Горбовский. Он вытащил из кармана проигрыватель. — Ничего мы ему не надоели. Просто он устал. И потом он разочарован. Шутка сказать — человек потратил на нас двадцать лет: уж так ему хотелось узнать, как влияет на нас космос. А он почему-то не влияет... Я хочу Африку. Где моя Африка? Почему у меня всегда все записи перепутаны?

Он брел по тропинке следом за Марком, с цветком в зубах, настраивая проигрыватель и поминутно спотыкаясь. Потом он нашел Африку, и желто-зеленая степь огласилась звуками тамтама. Марк поглядел через плечо.

— Выплюньте вы эту дрянь, — сказал он брезгливо.

— Почему же дрянь? Цветочек.

Тамтам гремел.

— Сделайте хотя бы потише, — сказал Марк.

Горбовский сделал потише.

— Еще тише, пожалуйста.

Горбовский сделал вид, что делает тише.

— Вот так? — спросил он.

— Не понимаю, почему я его до сих пор не испортил? — сказал Марк в пространство.

Горбовский поспешно сделал совсем тихо и положил проигрыватель в нагрудный карман.

Они шли мимо веселых разноцветных домиков, обсаженных сиренью, с одинаковыми решетчатыми кону-

сами энергоприемников на крышах. Через тропинку, крадучись, прошла рыжая кошка. «Кис-кис-кис!» — обрадованно позвал Горбовский. Кошка опрометью бросилась в густую траву и оттуда поглядела дикими глазами. В знойном воздухе лениво гудели пчелы. Откуда-то доносился густой рыкающий храп.

— Ну и деревня, — сказал Марк. — Столица. Спят до девяти...

— Ну зачем вы так, Марк, — возразил Горбовский. — Я, например, нахожу, что здесь очень мило. Пчелки... Киска вон давеча пробежала... Что вам еще нужно? Хотите, я громче сделаю?

— Не хочу, — сказал Марк. — Не люблю я таких ленивых поселков. В ленивых поселках живут ленивые люди.

— Знаю я вас, знаю, — сказал Горбовский. — Вам бы все борьбу, чтобы никто ни с кем не соглашался, чтобы сверкали идеи, и драку бы неплохо, но это уже в идеале... Стойте, стойте! Тут что-то вроде крапивы. Красивая, и очень больно...

Он присел перед пышным кустом с крупными черно-полосыми листьями. Марк сказал с досадой:

— Ну что вы тут расселись, Леонид Андреевич? Крапивы не видели?

— Никогда в жизни не видел. Но я читал. И знаете, Марк, давайте я спишу вас с корабля... Вы как-то испортились, избаловались. Разучились радоваться простой жизни.

— Я не знаю, что такое простая жизнь, — сказал Марк, — но все эти цветочки-крапивочки, все эти стежки-дорожки и разнообразные тропиночки — это, по-моему, Леонид Андреевич, только разлагает. В мире еще достаточно неустройства, рано еще перед всей этой буколикой ахать.

— Неустройства — да, есть, — согласился Горбовский. — Только они ведь всегда были и всегда будут. Какая же это жизнь без неустройства? А в общем-то все очень хорошо. Вот слышите, поет кто-то... Невзирая ни на какие неустройства...

Навстречу им по шоссе вынесся гигантский грузовой атомокар. На ящиках в кузове сидели здоровенные полуголые парни. Один из них, самозабвенно изогнувшись, бешено бил рукой по струнам банджо, и все дружно ревели:

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд...[1]

Атомокар промчался мимо, и волна горячего воздуха на секунду пригнула траву. Горбовский сказал:

— Вам это должно нравиться, Марк. В девять часов люди уже на ногах и работают. А песня вам понравилась?

— Это тоже не то, — упрямо сказал Марк.

Тропинка свернула в сторону, огибая огромный бетонированный бассейн с темной водой. Они пошли через заросли высокой, по грудь, желтоватой травы. Стало прохладнее — сверху нависла густая листва черных акаций.

— Марк, — сказал Горбовский шепотом. — Девушка идет!

Марк остановился как вкопанный. Из травы вынырнула высокая полная брюнетка в белых шортах и коротенькой белой курточке с оторванными пуговицами. Брюнетка с заметным напряжением тянула за собой тяжелый кабель.

— Здравствуйте! — сказали хором Горбовский и Марк.

Брюнетка вздрогнула и остановилась. На лице ее изобразился испуг. Горбовский и Марк переглянулись.

— Здравствуйте, девушка! — рявкнул Марк.

Брюнетка выпустила кабель из рук и понурилась.

— Здравствуйте, — прошептала она.

— У меня такое ощущение, Марк, — сказал Горбовский, — что мы помешали.

[1] Из «Переводов» С. Я. Маршака.

— Может быть, вам помочь? — галантно спросил Марк.

Девушка смотрела на него исподлобья.

— Змеи, — сказала вдруг она.

— Где? — воскликнул Горбовский с ужасом и поднял одну ногу.

— Вообще змеи, — пояснила девушка. Она оглядела Горбовского. — Видели сегодня восход? — вкрадчиво осведомилась она.

— Мы сегодня видели четыре восхода, — небрежно сказал Марк.

Девушка прищурилась и точно рассчитанным движением поправила волосы. Марк сейчас же представился:

— Валькенштейн. Марк.

— Д-звездолетчик, — добавил Горбовский.

— Ах, Д-звездолетчик, — сказала девушка со странной интонацией. Она подняла кабель, подмигнула Марку и скрылась в траве. Кабель зашуршал по тропинке. Горбовский смотрел на Марка. Марк смотрел вслед девушке.

— Идите, Марк, идите, — сказал Горбовский. — Это будет вполне логично. Кабель тяжеленный, девушка слабая, красивая, а вы здоровенный звездолетчик.

Марк задумчиво наступил на кабель. Кабель задергался, и из травы донеслось:

— Вытравливай, Семен, вытравливай!..

Марк поспешно убрал ногу. Они пошли дальше.

— Странная девушка, — сказал Горбовский. — Но мила! Кстати, Марк, почему вы все-таки не женились?

— На ком? — спросил Марк.

— Ну-ну, Марк. Не надо так. Это же все знают. Очень славная и милая женщина. Тонкая очень и деликатная. Я всегда считал, что вы для нее несколько грубоваты. Но она, кажется, так не считала...

— Да так, не женился, — сказал Марк неохотно. — Не получилось.

Тропинка снова вывела их к шоссе. Теперь слева тянулись какие-то длинные белые цистерны, а впереди блестел на солнце серебристый шпиль над зданием Совета. Вокруг по-прежнему было пусто.

— Она слишком любила музыку, — сказал Марк. — Нельзя же в каждый полет брать с собой хориолу. Хватит с нас и вашего проигрывателя. Перси терпеть не может музыки.

— В каждый полет, — повторил Горбовский. — Все дело в том, Марк, что мы слишком стары. Двадцать лет назад мы не стали бы взвешивать, что ценнее — любовь или дружба. А теперь уже поздно. Теперь мы уже обречены. Впрочем, не теряйте надежды, Марк. Может быть, мы еще встретим женщин, которые станут для нас дороже всего остального.

— Только не Перси, — сказал Марк. — Он даже не дружит ни с кем, кроме нас с вами. А влюбленный Перси...

Горбовский представил себе влюбленного Перси Диксона.

— Перси был бы отличный отец, — неуверенно предположил он.

Марк поморщился.

— Это было бы нечестно. А ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель. А человеку — хороший друг. А женщине — любимый человек. И вообще поговорим лучше о стежках-дорожках.

Площадь перед зданием Совета была пуста, только у подъезда стоял большой неуклюжий аэробус.

— Мне бы хотелось повидаться с Матвеем, — сказал Горбовский. — Пойдемте со мной, Марк.

— Кто это — Матвей?

— Я вас познакомлю. Матвей Вязаницын. Матвей Сергеевич. Он здешний директор. Старый мой приятель, звездолетчик. Еще из десантников. Да вы его должны помнить, Марк. Хотя нет, это было до.

— Ну что ж, — сказал Марк. — Пойдемте. Визит вежливости. Только выключите ваш звучок. Неудобно все-таки — Совет.

Директор им очень обрадовался.

— Великолепно! — басил он, усаживая их в кресла. — Это великолепно, что вы прилетели! Молодчина,

Леонид! Ах, какой молодец! Валькенштейн? Марк? Ну как же, как же!.. Однако почему вы не лысый? Леонид определенно говорил мне, что вы лысый... Ах да, это он о Диксоне! Правда, Диксон прославлен бородой, но это ничего не значит — я знаю массу бородатый лысых людей! Впрочем, вздор, вздор! Жарко у нас, вы не заметили? Леонид, ты плохо питаешься, у тебя лицо дистрофика! Обедаем вместе... А пока позвольте предложить вам напитки. Вот апельсиновый сок, вот томатный, вот гранатовый... Наши собственные! Да! Вино! Свое вино на Радуге, ты представляешь, Леонид? Ну как? Странно, мне нравится... Марк, а вы? Ну, никогда бы не подумал, что вы не пьете вина! Ах, вы не пьете местных вин? Леонид, у меня к тебе тысяча вопросов... Я не знаю, с чего начать, а через минуту я буду уже не человек, а взбесившийся администратор. Вы никогда не видели взбесившегося администратора? Сейчас увидите. Я буду судить, карать, распределять блага! Я буду властвовать, предварительно разделив! Теперь я представляю, как плохо жилось королям и всяким там императорам-диктаторам! Слушайте, друзья, вы только, пожалуйста, не уходите! Я буду гореть на работе, а вы сидите и сочувствуйте. Мне здесь никто не сочувствует... Ведь вам хорошо здесь, правда? Окно я отворю, пусть ветерок... Леонид, ты представить себе не можешь... Марк, вы можете отодвинуться в тень. Так вот, Леонид, ты понимаешь, что здесь происходит? Радуга взбесилась, и это тянется уже второй год.

Он рухнул в застонавшее кресло перед диспетчерским пультом — огромный, дочерна загорелый, косматый, с торчащими вперед, как у кота, усами, — распахнул до самого живота ворот сорочки и с удовольствием посмотрел через плечо на звездолетчиков, прилежно сосавших через соломинки ледяные соки. Усы его задвигались, и он раскрыл было рот, но тут на одном из шести экранов пульта появилась миловидная худенькая женщина с обиженными глазами.

— Товарищ директор, — сказала она очень серьезно. — Я Хаггертон, вы меня, возможно, не помните. Я

обращалась к вам по поводу лучевого барьера на Алебастровой горе. Физики отказываются снимать барьер.

— Как так отказываются?

— Я говорила с Родригосом — он, кажется, там главный нулевик? Он заявил, что вы не имеете права вмешиваться в их работу.

— Они морочат вам голову, Элен! — сказал Матвей. — Родригос такой же главный нулевик, как я ромашка-одуванчик. Он сервомеханик и в нуль-проблемах понимает меньше вас. Я займусь им сейчас же.

— Пожалуйста, мы вас очень просим...

Директор, мотая головой, щелкнул переключателями.

— Алебастровая! — гаркнул он. — Дайте Пагаву!

— Слушаю, Матвей.

— Шота? Здравствуй, дорогой! Почему не снимаешь барьер?

— Снял барьер. Почему не снимаю?

— Ага, хорошо. Передай Родригосу, чтобы перестал морочить людям голову, а то я его вызову к себе! Передай, что я его хорошо помню. Как ваша Волна?

— Понимаешь... — Шота помолчал. — Интересная Волна. Так долго рассказывать, потом расскажу.

— Ну, желаю удачи! — Матвей, перевалившись через подлокотник, повернулся к звездолетчикам. — Вот кстати, Леонид! — вскричал он. — Вот кстати! Что у вас говорят о Волне?

— Где у нас? — хладнокровно спросил Горбовский и пососал через соломинку. — На «Тариэле»?

— Ну вот что ты думаешь о Волне?

Горбовский подумал.

— Ничего не думаю, — сказал он. — Может быть, Марк? — Он неуверенно посмотрел на штурмана.

Марк сидел очень прямо и официально, держа бокал в руке.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — Волна — это некий процесс, связанный с нуль-транспортировкой. Я знаю об этом немного. Нуль-транспортировка, конечно, интересует меня, как и всякого звездолетчика, — он

слегка поклонился директору, — но на Земле нуль-проблематике не придают особого значения. По-моему, для земных дискретников это слишком частная проблема, имеющая явно прикладное значение.

Директор желчно хохотнул.

— Как это тебе нравится, Леонид? — сказал он. — Частная проблема! Да, видно, слишком далеко от вас наша Радуга, и все, что у нас происходит, кажется вам слишком маленьким. Дорогой Марк, эта самая частная проблема битком набивает всю мою жизнь, а ведь я даже не нулевик! Я изнемогаю, друзья! Позавчера я вот в этом самом кабинете собственноручно разнимал Ламондуа и Аристотеля, и теперь я смотрю на свои руки, — он вытянул перед собой мощные загорелые ладони, — и, честное слово, я удивлюсь, как это на них нет укусов и царапин. А под окнами ревели две толпы, и одна гремела: «Волна! Волна!» — а другая вопила: «Нуль-Т!» И вы думаете, это был научный диспут? Нет! Это была средневековая квартирная склока из-за электроэнергии! Помните эту смешную, хотя, признаюсь, не совсем понятную книгу, где человека высекли за то, что он не гасил свет в уборной? «Золотой козел» или «Золотой осел»?.. Так вот, Аристотель и его банда пытались высечь Ламондуа и его банду за то, что те прибрали к своим рукам весь резерв энергии... Честная Радуга! Еще год назад Аристотель ходил с Ламондуа в обнимку! Нулевик нулевику был друг, товарищ и брат, и никому в голову не приходило, что увлечение Форстера Волной расколет планету пополам! В каком мире я живу! Ничего не хватает: энергии не хватает, аппаратуры не хватает, из-за каждого желторотого лаборанта идет бой! Люди Ламондуа воруют энергию, люди Аристотеля ловят и пытаются вербовать аутсайдеров — этих несчастных туристов, прилетевших отдохнуть или написать о Радуге что-нибудь хорошее! Совет — Совет!!! — превратился в конфликтный орган! Я попросил прислать мне «Римское право»... Последнее время я читаю одни исторические романы. Честная Радуга! Скоро я заведу здесь полицию и суд присяжных. Я

привыкаю к новой, совершенно дикой терминологии. Позавчера я обозвал Ламондуа ответчиком, а Аристотеля истцом. Я без запинки произношу такие слова, как юриспруденция и полицейпрезидиум!..

Один из экранов засветился. Появились две круглолицые девочки лет десяти. Одна в розовом платьице, другая в голубом.

— Ну, ты говори! — сказала розовая полушепотом.

— Почему это я, когда договорились, что ты...

— Договорились, что ты!

— Вредная!.. Здравствуйте, Матвей Семенович.

— Сергеевич!..

— Матвей Сергеевич, здравствуйте!

— Здравствуйте, дети, — сказал директор. По лицу его было заметно, что он что-то забыл, а ему напомнили. — Здравствуйте, цыплята! Здравствуйте, мыши!

Розовая и голубая разом зарделись.

— Матвей Сергеевич, мы приглашаем вас в Детское на наш летний праздник.

— Сегодня, в двенадцать часов!..

— В одиннадцать!..

— Нет в двенадцать!

— Приеду! — закричал директор восторженно. — Обязательно приеду! И в одиннадцать приеду и в двенадцать!..

Горбовский допил бокал, налил себе еще, затем лег в кресле, вытянув ноги на середину комнаты, и поставил бокал себе на грудь. Ему было хорошо и уютно.

— Я тоже поеду в Детское, — заявил он. — Мне совершенно нечего делать. А там я скажу какую-нибудь речь. Я никогда в жизни не произносил речей, и мне ужасно хочется попробовать.

— Детское! — Директор снова перевалился через подлокотник. — Детское — это единственное место, где у нас сохраняется порядок. Дети — отличный народ! Они прекрасно понимают слово «нельзя»... О наших нулевиках этого не скажешь, нет! В прошлом году они съели два миллиона мегаватт-часов! В этом — уже пятнадцать и представили заявок еще на шестьдесят. Вся

беда в том, что они абсолютно не желают знать слова «нельзя»...

— Мы тоже не знали этого слова, — заметил Марк.

— Дорогой Марк. Мы жили с вами в хорошее время. Это был период кризиса физики. Нам не нужно было больше, чем нам давали. Да и зачем? Ну что у нас было? Д-процессы, электронная структура... Сопряженными пространствами занимались единицы, да и то на бумаге. А сейчас? Сейчас эта безумная эпоха дискретной физики, теория просачивания, подпространство!.. Честная Радуга! Все эти нуль-проблемы! Безусому мальчишке, тонконогому лаборанту на каждый плюгавый эксперимент нужны тысячи мегаватт, уникальнейшее оборудование, которое на Радуге не создашь и которое, между прочим, выходит после эксперимента из строя... Вот вы привезли сотню ульмотронов. Спасибо вам. Но нужно-то их шесть сотен! И энергия... Энергия! Откуда я ее возьму? Вы же не привезете нам энергию! Более того, вам самим нужна энергия. Мы с Канэко обращаемся к Машине: «Дай нам оптимальную стратегию!» Она, бедняга, только руками разводит...

Дверь распахнулась, и стремительно вошел невысокий, очень изящный и красиво одетый мужчина. В гладко зачесанных черных волосах его торчали какие-то репьи, неподвижное лицо выражало холодное, сдержанное бешенство.

— Легок на помине... — начал директор, простирая к нему руки.

— Прошу отставки, — звонким металлическим голосом сказал вошедший. — Я считаю, что не способен более работать с людьми, и поэтому прошу отставки. Извините, пожалуйста. — Он коротко поклонился звездолетчикам. — Канэко — план-энергетик Радуги. Бывший план-энергетик.

Горбовский торопливо заскреб ногами по скользкому полу, стараясь подняться и поклониться одновременно. Бокал с соком он при этом поднял над головой и стал похож на пьяного гостя в триклинии у Лукулла.

— Честная Радуга! — сказал директор озабоченно. — Что еще стряслось?

— Полчаса назад Симеон Галкин и Александра Постышева тайно подключились к зональной энергостанции и взяли всю энергию на двое суток вперед. — По лицу Канэко прошла судорога. — Машина рассчитана на честных людей. Мне неизвестна программа, учитывающая существование Галкина и Постышевой. Факт сам по себе недопустимый, хотя, к сожалению, и не новый для нас. Возможно, я справился бы с ними сам. Но я не дзюдотэ и не акробат. И я работаю не в детском саду. Я не могу допустить, чтобы мне устраивали ловушки... Они замаскировали подключение в густом кустарнике за оврагом, а поперек тропинки натянули проволоку. Они прекрасно знали, что я должен был бежать, чтобы предотвратить огромную утечку... — Он вдруг замолчал и принялся нервно вытаскивать репьи из волос.

— Где Постышева? — спросил директор, наливаясь венозной кровью.

Горбовский сел прямо и с некоторым испугом поджал ноги. На лице Марка был написан живой интерес к происходящему.

— Постышева сейчас будет здесь, — ответил Канэко. — Я тоже уверен, что именно она является инициатором этого безобразия. Я вызвал ее сюда от вашего имени.

Матвей подтянул к себе микрофон всеобщего оповещения и негромко пробасил:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Инцидент с утечкой энергии мне известен. Инцидент разбирается.

Он встал, боком подобрался к Канэко, положил руку ему на плечо и как-то виновато проговорил:

— Ну что же делать, дружище... Я же тебе говорил: Радуга сошла с ума. Терпи, дружище!.. Я тоже терплю. А Постышеву я сейчас взгрею. Она у меня не обрадуется, вот увидишь...

— Я понимаю, — сказал Канэко. — Прошу извинить меня: я был взбешен. С вашего разрешения, я отправляюсь на космодром. Самое, пожалуй, неприятное дело

сегодня — выдача ульмотронов. Вы знаете, пришел десантник с грузом ульмотронов.

— Да, — сказал директор с чувством. — Я знаю. Вот. — Он уставил квадратный подбородок на звездолетчиков. — Настоятельно рекомендую — мои друзья. Командир «Тариэля» Леонид Андреевич Горбовский и его штурман Марк Валькенштейн.

— Рад, — сказал Канэко, наклонив голову с перьями.

Марк и Горбовский тоже наклонили головы.

— Постараюсь свести повреждения корабля к минимуму, — сказал Канэко без улыбки, повернулся и пошел к двери.

Горбовский с беспокойством посмотрел ему вслед.

Дверь перед Канэко отворилась, и он вежливо шагнул в сторону, уступая дорогу. В дверях стояла давешняя брюнетка в белой курточке с оторванными пуговицами. Горбовский заметил, что шорты ее были прожжены сбоку, а левая рука испачкана копотью. Рядом с нею изящный и подтянутый Канэко казался пришельцем из далекого будущего.

— Извините, пожалуйста, — сказала брюнетка бархатным голоском. — Разрешите войти. Вы меня вызывали, Матвей Сергеевич?

Канэко, отвернув лицо, обошел ее стороной и скрылся за дверью. Матвей вернулся в кресло, сел и уперся руками в подлокотники. Лицо его вновь посинело.

— Ты что думаешь, Постышева, — едва слышно начал он, — я не знаю, чьи это затеи?..

На экране появился розовощекий юноша в кокетливо сдвинутом набок беретике.

— Простите, Матвей Сергеевич, — весело улыбаясь, сказал он. — Я хотел бы напомнить, что два комплекта ульмотронов наши.

— В порядке очереди, Карл, — буркнул Матвей.

— В порядке очереди мы первые, — сообщил юноша.

— Значит, вы получите первыми. — Матвей все время смотрел на Постышеву, сохраняя вид свирепый и неприступный.

— Простите еще раз, Матвей Сергеевич, но нас очень беспокоит поведение группы Форстера. Я видел, что они уже выслали на космодром свой грузовик...

— Не беспокойтесь, Карл, — сказал Матвей. Он не удержался и расплылся в улыбке. — Ты только полюбуйся, Леонид! Пришел и ябедничает! Кто? Гофман! На кого? На учителя своего — Форстера! Ступайте, ступайте, Карл! Никто не получит вне очереди!

— Спасибо, Матвей Сергеевич, — сказал Гофман. — Мы с Маляевым очень на вас рассчитываем.

— Он с Маляевым! — сказал директор, поднимая глаза к потолку.

Экран погас и через мгновение вспыхнул снова. Пожилой угрюмый человек в темных очках с какими-то приспособлениями на оправе прогудел недовольно:

— Матвей, я хотел бы уточнить относительно ульмотронов...

— Ульмотроны в порядке очереди, — сказал Матвей.

Брюнетка томно вздохнула, зорко поглядела на Марка и с покорным видом присела на край кресла.

— Нам полагается вне очереди, — сказал человек в очках.

— Значит, вы получите вне очереди, — сказал Матвей. — Существует очередь внеочередников, и ты там восьмым...

Брюнетка, грациозно изогнувшись, принялась рассматривать дырку на шортах, затем, послюнив палец, стерла сажу с локтя.

— Одну минуточку, Постышева, — сказал Матвей и наклонился к микрофону. — Внимание, Радуга! Говорит директор. Распределение ульмотронов, прибывших на звездолете «Тариэль», будет производиться по спискам, утвержденным в Совете, и никаких исключений делаться не будет. Так вот, Постышева... Вызвал я тебя для того, чтобы сказать, что ты мне надоела. Я был мягок... Да, да, я был терпелив. Я сносил все. Ты не можешь упрекнуть меня в жестокости. Но честная Радуга! Есть же предел всему! Одним словом, передай

Галкину, что я отстранил тебя от работы и с первым же звездолетом отправляю тебя на Землю.

Огромные прекрасные глаза Постышевой немедленно наполнились слезами. Марк скорбно покачал головой, Горбовский пригорюнился. Директор, выпятив челюсть, смотрел на Постышеву.

— И поздно теперь плакать, Александра, — сказал он. — Плакать надо было раньше. Вместе с нами.

В кабинет вошла хорошенькая женщина в плиссированной юбке и легкой кофточке. Она была подстрижена под мальчика, русая челка падала ей на глаза.

— Хэлло! — сказала она, приветливо улыбаясь. — Матвей, я не помешала вам? О! — Она заметила Постышеву. — Что такое? Мы плачем? — Она обняла Постышеву за плечи и прижала ее голову к груди. — Матвей, это вы? Как не стыдно! Вероятно, вы были грубы. Иногда вы бываете невыносимы!

Директор пошевелил усами.

— Доброе утро, Джина, — сказал он. — Отпустите Постышеву, она наказана. Она тяжко оскорбила Канэко, и она украла энергию...

— Какой вздор! — воскликнула Джина. — Успокойся, девочка! Какие слова: «украла», «оскорбила», «энергия»! У кого она украла энергию? Ведь не у Детского же! Не все ли равно, кто из физиков тратит энергию — Аля Постышева или этот ужасный Ламондуа!

Директор величественно поднялся.

— Леонид, Марк, — сказал он. — Это Джина Пикбридж, старший биолог Радуги. Джина, это Леонид Горбовский и Марк Валькенштейн, звездолетчики.

Звездолетчики встали.

— Хэлло, — сказала Джина. — Нет, я не хочу с вами знакомиться... Почему вы — двое здоровых красивых мужчин — так равнодушны? Как вы можете сидеть и смотреть на плачущую девочку?

— Мы не равнодушны! — запротестовал Марк. Горбовский с изумлением посмотрел на него. — Мы как раз хотели вмешаться...

— Так вмешивайтесь же! Вмешивайтесь! — сказала Джина.

— Ну знаете, товарищи! — загремел директор. — Мне это совсем не нравится! Постышева, вы свободны. Идите, идите... В чем дело, Джина? Отпустите Постышеву и изложите ваше дело... Ну, вот видите, она вам всю кофту заревела. Постышева, идите, я вам сказал!

Постышева встала и, закрыв лицо ладонями, вышла. Марк вопросительно посмотрел на Джину.

— Ну разумеется, — сказала она.

Марк одернул куртку, строго посмотрел на Матвея, поклонился Джине и тоже вышел. Матвей расслабленно махнул рукой.

— Отрекусь, — сказал он. — Никакой дисциплины. Вы понимаете, что вы делаете, Джина?

— Понимаю, — сказала Джина, подходя к столу. — Вся ваша физика и вся ваша энергия не стоят одной Алиной слезинки.

— Скажите это Ламондуа. Или Пагаве. Или Форстеру. Или, к примеру, Канэко. А что касается слезинок, то у каждого свое оружие. И хватит об этом, с вашего позволения! Я вас слушаю.

— Да, хватит, — сказала Джина. — Я знаю, что вы столь же упрямы, сколь и добры. А следовательно, упрямы бесконечно. Матвей, мне нужны люди. Нет-нет... — Она подняла маленькую ладонь. — Дело предстоит очень рискованное и интересное. Мне стоит только поманить пальцем, и половина физиков сбежит от своих зловещих руководителей.

— Если поманите вы, — сказал Матвей, — то сбегут и сами руководители...

— Благодарю вас, но я имею в виду охоту на кальмаров. Мне нужно двадцать человек, чтобы отогнать кальмаров от Берега Пушкина.

Матвей вздохнул.

— Чем вам не понравились кальмары? — сказал он. — У меня нет людей.

— Хотя бы десять человек. Кальмары систематически грабят рыбозаводы. Чем у вас сейчас заняты испытатели?

Матвей оживился.

— Да, верно! — сказал он. — Габа! Где у меня сейчас Габа? Ага, помню... Все в порядке, Джина, у вас будут десять человек.

— Вот и хорошо. Я знала, что вы добры. Я пойду завтракать, и пусть они меня найдут. До свиданья, милый Леонид. Если захотите принять участие, мы будем только рады.

— Уф!.. — сказал Матвей, когда дверь закрылась. — Прелестная женщина, но работать я предпочитаю все-таки с Ламондуа... Но каков твой Марк!

Горбовский самодовольно ухмыльнулся и налил себе еще соку. Он снова блаженно вытянулся в кресле и, молвив тихо: «Можно?» — включил проигрыватель. Директор тоже откинулся на спинку кресла.

— Да! — мечтательно произнес он. — А помнишь, Леонид, — Слепое Пятно, Станислав Пишта кричит на весь эфир... Да, кстати! Ты знаешь...

— Матвей Сергеевич, — сказал голос из репродуктора. — Сообщение со «Стрелы».

— Читай, — сказал Матвей, наклоняясь вперед.

— «Выхожу на деритринитацию. Следующая связь через сорок часов. Все благополучно. Антон». Связь неважная, Матвей Сергеевич: магнитная буря...

— Спасибо, — сказал Матвей. Он озабоченно обернулся к Горбовскому. — Между прочим, Леонид, что ты знаешь о Камилле?

— Что он никогда не снимает шлема, — сказал Горбовский. — Я его однажды прямо об этом спросил, когда мы купались. И он мне прямо ответил.

— И что ты думаешь о нем?

Горбовский подумал.

— Я думаю, что это его право.

Горбовскому не хотелось говорить на эту тему. Некоторое время он слушал тамтам, затем сказал:

— Понимаешь, Матюша, как-то так получилось, что меня считают чуть ли не другом Камиллы. Иногда меня спрашивают, что да как. А я этой темы не люблю. Если у тебя есть какие-нибудь конкретные вопросы, пожалуйста.

— Есть, — сказал Матвей. — Камилл не сумасшедший?

— Не-ет, ну что ты! Он просто обыкновенный гений.

— Ты понимаешь, я все время думаю: ну что он все предсказывает и предсказывает? Какая-то у него мания — предсказывать...

— И что же он предсказывает?

— Да так, пустяки, — сказал Матвей. — Конец света. Вся беда в том, что его, беднягу, никто-никто не может понять... Впрочем, не будем об этом. О чем это мы с тобой говорили?..

Экран снова осветился. Появился Канэко. Галстук у него съехал набок.

— Матвей Сергеевич, — сказал он, чуть задыхаясь. — Разрешите уточнить список. У вас должна быть копия.

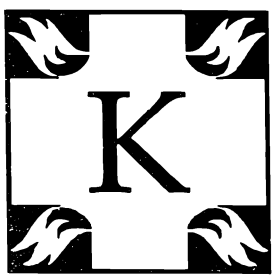
— О, как мне все это надоело! — сказал Матвей. — Леонид, прости меня, пожалуйста. Мне придется уйти.

— Конечно, иди, — сказал Горбовский. — А я пока прогуляюсь обратно на космодром. Как там мой «Тариэль»...

— К двум часам ко мне обедать, — сказал Матвей.

Горбовский допил стакан, поднялся и с удовольствием увеличил громкость тамтама до предела.

ГЛАВА 3

десяти часам жара стала невыносимой. Из раскаленной степи в щели закрытых окон сочились терпкие пары летучих солей. Над степью плясали миражи. Роберт установил у своего кресла два мощных вентилятора и полулежал, обмахиваясь старым журналом. Он утешал себя мыслью о том, что часам к трем будет гораздо тяжелее, а там, глядишь, и вечер. Камилл застыл у северного окна. Они больше не разговаривали.

Из регистратора тянулась бесконечная голубая лента, покрытая зубчатыми линиями автоматической записи, счетчик Юнга медленно, незаметно для глаза наливался густым сиреневым светом, тоненько пищали ульмотроны — за их зеркальными окошечками зловеще играли отблески ядерного пламени. Волна развивалась. Где-то за северным горизонтом, над необозримыми пустырями мертвой земли били в стратосферу исполинские фонтаны горячей ядовитой пыли...

Заверещал сигнал видеофона, и Роберт немедленно принял деловую позу. Он думал, что это Патрик или — что было бы страшно в такую жару — Маляев. Но это оказалась Таня, веселая и свежая; и было сразу видно, что там у нее нет сорокаградусной жары, нет вонючих испарений мертвой степи, воздух сладок и прохладен, а с близкого моря ветер приносит чистые запахи цветников, обнажившихся при отливе.

— Как ты там без меня, Робик? — спросила она.

— Плохо, — пожаловался Роберт. — Пахнет. Жарко. Потно. Тебя нет. Спать хочется невыносимо, и никак не заснуть.

— Бедный мальчик! А я славно вздремнула в вертолете. У меня тоже будет трудный день. Летний праздник — всеобщее столпотворение, столоверчение и светопреставление. Ребята носятся как ошалелые. Ты один?

— Нет. Вон стоит Камилл и не видит нас и не слышит. Танек, я сегодня жду тебя. Только где?

— А ты разве сменяешься? Жалко. Полетим на юг!

— Давай. Помнишь кафе в Рыбачьем? Будем есть миноги, пить молодое вино... ледяное! — Роберт застонал и закатил глаза. — Сейчас я буду ждать этого вечера. О, как я буду его ждать!

— Я тоже... — Она оглянулась. — Целую, Роби, — сказала она. — Жди звонка.

— Очень буду ждать, — успел сказать Роберт.

Камилл все смотрел в окно, сцепив руки за спиной. Пальцы его пребывали в непрерывном движении. У Камилла были необычайно длинные белые гибкие пальцы с коротко остриженными ногтями. Они причудливо сплетались и расплетались, и Роберт поймал себя на том, что пытается проделать то же самое с собственными пальцами.

— Началось, — сказал вдруг Камилл. — Советую посмотреть.

— Что началось? — спросил Роберт. Ему не хотелось подниматься.

— Пошла степь, — сказал Камилл.

Роберт неохотно встал и подошел к нему. Сначала он ничего не заметил. Затем ему показалось, что он видит мираж. Но, вглядевшись, он так стремительно подался вперед, что стукнулся лбом о стекло. Степь шевелилась. Степь быстро меняла цвет — жуткая красноватая каша ползла через желтое пространство. Внизу под вышкой можно было разглядеть, как копошатся среди высохших стеблей красные и рыжие точки.

— Мама моя!.. — ахнул Роберт. — Красная зерноедка! Что же вы стоите?! — Он метнулся к видеофону. — Пастухи! — крикнул он. — Дежурный!

— Дежурный слушает.

— Говорит пост Степной. С севера идет зерноедка! Вся степь покрыта зерноедкой!

— Что? Повторите... Кто говорит?

— Говорит пост Степной, наблюдатель Скляров! Красная зерноедка идет с севера! Хуже, чем в позапрошлом году! Поняли? Вся степь кишит зерноедкой!

— Есть... Ясно... Спасибо, Скляров... Вот беда! А у нас все на юге... Вот беда!.. Ну ладно...

— Дежурный! — крикнул Роберт. — Слушайте, свяжитесь с Алебастровой или с Гринфилдом, там полно нулевиков, они помогут!

— Все понял! Спасибо, Скляров. Когда зерноедка кончит идти, сообщите сразу, пожалуйста.

Роберт снова подскочил к окну. Зерноедка шла валом, травы уже не было видно.

— Вот несчастье! — бормотал Роберт, прижимаясь лицом к стеклу. — Вот уж действительно беда!

— Не обольщайтесь, Роби, — сказал Камилл. — Это еще не беда. Это просто интересно.

— А вот выжрет она посевы, — сказал Роберт со злостью, — останемся без хлеба, без скота.

— Не останемся, Роби. Она не успеет.

— Надеюсь. На это только и надеюсь. Вы только посмотрите, как она идет. Ведь вся степь красная.

— Катаклизм, — сказал Камилл.

Неожиданно наступили сумерки. Огромная тень упала на степь. Роберт оглянулся и перебежал к восточному

окну. Широкая дрожащая туча закрыла солнце. И опять Роберт не сразу понял, что это. Сначала он просто удивился, потому что днем на Радуге никогда не бывало туч. Но потом он увидел, что это птицы. Тысячи тысяч птиц летели с севера, и даже сквозь закрытые окна слышались непрерывный шелестящий шум крыльев и пронзительные тонкие крики. Роберт попятился к столу.

— Откуда птицы? — проговорил он.

— Все спасается, — сказал Камилл. — Все бежит. На вашем месте, Роби, я бы тоже бежал. Идет Волна.

— Какая Волна? — Роберт нагнулся и посмотрел на приборы. — Нет же никакой Волны, Камилл...

— Нет? — сказал Камилл хладнокровно. — Тем лучше. Давайте останемся и посмотрим.

— Я и не собираюсь бежать. Меня просто удивляет все это. Надо, пожалуй, сообщить в Гринфилд. И главное, откуда эти птицы? Там же пустыня.

— Там очень много птиц, — сказал спокойно Камилл. — Там огромные синие озера, тростники... — Он замолчал.

Роберт недоверчиво смотрел на него. Десять лет он работал на Радуге и всегда был убежден, что к северу от Горячей параллели нет ничего: ни воды, ни травы, ни жизни. Взять флаер и слетать туда с Танюшкой, мельком подумал он. Озера, тростники...

Затрещал сигнал вызова, и Роберт повернулся к экрану. Это был сам Маляев.

— Скляров, — сказал он обычным неприязненным тоном, и Роберт по привычке почувствовал себя виноватым, виноватым за все, в том числе за зерноедок и птиц. — Скляров, слушайте приказ. Немедленно эвакуируйте пост. Забирайте оба ульмотрона.

— Федор Анатольевич, — сказал Роберт, — идет зерноедка, летят птицы. Я только что хотел сообщить вам...

— Не отвлекайтесь. Я повторяю. Заберите оба ульмотрона, садитесь в вертолет и немедленно в Гринфилд. Поняли меня?

— Да.

— Сейчас... — Маляев посмотрел куда-то вниз. — Сейчас десять сорок пять. В одиннадцать ноль-ноль вы должны быть в воздухе. Имейте в виду, я выдвигаю «харибды», и на всякий случай держитесь выше. Если не успеете демонтировать ульмотроны — бросьте их.

— А что случилось?

— Идет Волна, — сказал Маляев и впервые посмотрел Роберту в глаза. — Она перешла Горячую параллель. Торопитесь.

Секунду Роберт стоял, собираясь с мыслями. Затем он снова осмотрел приборы. Судя по приборам, извержение шло на убыль.

— Ну, это не мое дело, — сказал Роберт вслух. — Камилл, вы мне поможете?

— Теперь я уже никому не могу помочь, — отозвался Камилл. — Впрочем, это не мое дело. Что нужно — тащить ульмотроны?

— Да. Только сначала их нужно демонтировать.

— Хотите добрый совет? — сказал Камилл. — Добрый совет за номером семь тысяч восемьсот тридцать два.

Роберт уже отключил ток и, обжигая пальцы, скручивал разъемы.

— Давайте ваш совет, — сказал он.

— Бросьте эти ульмотроны, садитесь в вертолет и летите к Тане.

— Хороший совет, — сказал Роберт, торопливо обрывая соединения. — Приятный. Помогите-ка мне его вытащить...

Ульмотрон весил около центнера, толстый гладкий цилиндр в полтора метра длиной. Они извлекли его из гнезда и внесли в кабину лифта. Завыл ветер, вышка начала вибрировать.

— Достаточно, — сказал Камилл. — Спустимся вместе.

— Надо взять второй.

— Роби, вам даже этот больше не понадобится. Послушайтесь моего совета.

Роберт посмотрел на часы.

— Время есть, — деловито сказал он. — Спускайтесь и выкатывайте его на землю.

Камилл закрыл дверцу. Роберт вернулся к установке. Снаружи стоял красный сумрак. Птиц больше не было, но небо затягивала мутная пелена, сквозь которую еле просвечивал маленький диск солнца. Вышка вздрагивала и раскачивалась под порывами ветра.

— Успеть бы! — вслух подумал Роберт.

Он, напрягаясь, вытянул второй ульмотрон, поднял на плечо и понес к лифту. Тут за его спиной с раздирающим хрустом вылетели оконные рамы, и в лабораторию ворвались облака колючей пыли пополам с раскаленным ветром. Что-то с силой ударило по ногам. Роберт поспешно присел, прислонил ульмотрон к стене и нажал кнопку вызова. Двигатель подъемника взвыл вхолостую и сейчас же умолк.

— Ками-илл! — крикнул Роберт, прижавшись лицом к решетчатой двери.

Никто не отозвался. Ветер выл и свистел в разбитых окнах, вышка раскачивалась, и Роберт едва держался на ногах. Он снова нажал кнопку. Подъемник не действовал. Тогда, преодолевая ветер, он подобрался к окну и выглянул наружу. Степь была затянута клубами бешено несущейся пыли. Что-то блестящее мелькнуло внизу у подножия вышки, и Роберт похолодел, сообразив, что это бьется и мотается под ветром вывернутое и растерзанное крыло птерокара. Роберт закрыл глаза и облизал пересохшие губы. Рот наполнился едкой горечью. Хороша ловушка, подумал он. Патрика бы сюда...

— Ками-и-илл! — крикнул он изо всех сил.

Но он еле слышал собственный голос. Через окно... нельзя, сорвет ураганом. Стоит ли вообще барахтаться? Птерокар-то разбит... Тут она меня и накроет. Нет, надо слезть. Что там Камилл возится — я бы на его месте уже починил лифт... Лифт!

Перешагивая через обломки, он вернулся к решетчатой двери и вцепился в нее обеими руками. А ну-ка, «Юность Мира», подумал он. Дверь была сделана доб-

ротно. Если бы фермы вышки были бы сделаны так же, лифт нипочем не вышел бы из строя. Роберт лег спиной на дверь и согнутыми ногами уперся в стену тамбура. Ну-ка... Р-раз! В глазах у него потемнело. Что-то хрустело: не то дверь, не то мускулы. Еще р-раз! Дверь подалась. Сейчас она вылетит, подумал Роберт, и я свалюсь в шахту. Двадцать метров вниз головой, и сверху на меня упадет ульмотрон. Он перевернулся и уперся спиной в стену, а ногами в дверь. Тр-рах!.. У двери вылетела нижняя половина, и Роберт упал на спину, ударившись головой. Несколько секунд он лежал неподвижно. Он был весь мокрый от пота. Потом он заглянул в пролом. Далеко внизу виднелась крыша кабины. Лезть было очень страшно, но в это время вышка начала крениться, и Роберта потащило вниз. Он не сопротивлялся, потому что вышка все кренилась и кренилась, и не было этому конца.

Он спускался, цепляясь за фермы и распорки, и тугой, колючий от пыли ветер прижимал его к теплому металлу. Он успел заметить, что пыли стало гораздо меньше и что степь снова залита солнцем. Вышка все кренилась. Он так торопился узнать, что с птерокаром и куда девался Камилл, что выпрыгнул из шахты, когда до земли оставалось еще метра четыре. Он больно стукнулся ногами и потом руками. И первое, что он увидел, были пальцы Камилла, вонзившиеся в сухую землю.

Камилл лежал под опрокинутым птерокаром, широко раскрыв круглые стеклянные глаза, и тонкие длинные пальцы его вцепились в землю, словно он пытался вытащить себя из-под разбитой машины, а может быть, ему было очень больно перед смертью. Пыль покрывала его белую куртку, пыль лежала на щеках и открытых глазах.

— Камилл, — позвал Роберт.

Ветер бешено мотал над его головой обломок исковерканного крыла. Ветер нес струи желтой пыли. Ветер свистел и визжал в фермах покосившейся вышки. В мутноватом небе свирепо пылало маленькое солнце. Оно казалось косматым.

Роберт поднялся на ноги и, навалившись, попытался сдвинуть птерокар. На секунду ему удалось приподнять тяжелую машину, но только на секунду. Он снова взглянул на Камилла. Все лицо его было засыпано пылью, и белая куртка стала рыжей, и только к нелепой белой каске не пристало ни единой пылинки, и матовая пластмасса весело отсвечивала под солнцем.

У Роберта задрожали ноги, и он сел рядом с мертвым. Ему хотелось плакать. Прощайте, Камилл. Честное слово, я вас любил. Никто вас не любил, а я любил. Правда, я никогда не слушал вас, так же, как и другие, но, честное слово, я не слушал только потому, что не надеялся вас понять. Вы были на голову выше всех, а уж меня и подавно. А теперь я не могу столкнуть с вашей раздавленной груди эту кучу лома. По долгу дружбы мне следовало бы остаться рядом с вами. Но меня ждет Таня, меня, может быть, ждет даже Маляев, и потом я ужасно хочу жить. Тут не помогают никакие чувства и никакая логика. Я знаю, что мне не уйти. И все-таки я пойду. Я буду бежать, буду брести, может быть, даже ползти, но я буду уходить до последнего... Я дурак, мне нужно было послушаться вашего семитысячного совета, но я, как всегда, не понял вас, хотя, казалось бы, чего тут было понимать?..

Он был таким разбитым и усталым, что только с большим трудом заставил себя подняться и пойти. А когда он обернулся, чтобы последний раз поглядеть на Камилла, он увидел Волну.

Далеко-далеко над северным горизонтом за красноватой дымкой оседающей пыли сверкала в белесом небе ослепительная полоса, яркая, как солнце.

Ну, вот и все, вяло подумал Роберт. Далеко мне не уйти. Через полчаса она будет здесь и пойдет дальше, а здесь останется гладкая черная пустыня. Башня, конечно, останется, и ничего не случится с ульмотронами, и птерокар останется, и оторванное крыло повиснет в горячем безветрии. И, может быть, от Камилла останется шлем. А уж от меня вообще ничего не останется. Он, словно прощаясь, осмотрел себя — похлопал по

голой груди, пощупал бицепсы. Жалко, подумал он. И тут он заметил флаер.

Флаер стоял за вышкой — маленький двухместный флаер, похожий на пеструю черепашку, скоростной, экономичный, удивительно простой и удобный в управлении. Это был флаер Камилла. Конечно же, это был флаер Камилла!

Роберт сделал к нему несколько неуверенных шагов, а потом сломя голову помчался, огибая вышку. Он не спускал глаз с флаера, словно боясь, что он вдруг исчезнет, споткнулся обо что-то и плашмя проехал по колючей траве, ободрав грудь и живот. Вскочив на ноги, он обернулся. Тяжелый цилиндр ульмотрона с гладкими, досиня полированными боками еще тихонько покачивался от толчка. Роберт взглянул на север. Из-за горизонта уже поднималась черная стена. Роберт подбежал к флаеру, подняв тучу пыли, прыгнул в сиденье и, едва нащупав рукоятку управления, с места дал полный газ.

Степная зона тянулась до самого Гринфилда, и Роберт проскочил ее со средней скоростью пятьсот километров в час. Флаер несся над степью, как блоха, — огромными прыжками. Слепящая полоса скоро вновь скрылась за горизонтом. В степи все казалось обычным: и сухая щетинистая трава, и дрожащие марева над солончаками, и редкие полосы карликового кустарника. Солнце палило беспощадно. И почему-то нигде не было никаких следов ни зерноедки, ни птиц, ни урагана. Наверное, ураган разметал всю эту живность и сам затерялся в этих бесплодных, извечно пустынных просторах Северной Радуги, самой природой предназначенных для сумасшедших экспериментов нуль-физиков. Однажды, когда Роберт был еще новичком, когда Столицу называли еще просто станцией, а Гринфилда не было вообще, Волна уже проходила в этих местах, вызванная грандиозным опытом покойного Лю Фынчена, тогда все здесь было черно, но прошло всего семь лет, и цепкая неприхотливая трава вновь оттеснила пустыню далеко на север, к самым районам извержений.

Все вернется, думал Роберт. Все будет по-прежнему, только Камилла больше не будет. И если когда-нибудь кто-нибудь внезапно возникнет в кресле за моей спиной, я уже буду точно знать, что это всего-навсего привидение. А сейчас я приду к Маляеву и скажу ему прямо в лицо: «Ульмотроны ваши я бросил». А он процедит сквозь зубы: «Как вы смели, Скляров?..» И тогда я ему скажу: «Наплевать мне на ульмотроны, потому что погиб Камилл из-за ваших ульмотронов!» А он скажет: «Это, конечно, очень жаль, но ульмотроны нужно было привезти». И тогда я, наконец, рассвирепею и скажу ему все. «Сосулька ты! — скажу я. — Снежная ты баба с электронным управлением. Как ты смеешь думать об ульмотронах, когда погиб Камилл?.. Равнодушный ты человек, ящерица!»

В двухстах километрах от Гринфилда он увидел «харибды» — гигантские телемеханические танки, несущие отверстые пасти энергопоглотителей. «Харибды» шли цепью от горизонта до горизонта, соблюдая правильные полукилометровые интервалы, с лязгом и громовым грохотом тысячесильных двигателей. За ними в желтой степи оставались широкие полосы развороченной коричневой земли, вспаханной до самого базальтового основания континента. Траки гусениц вспыхивали под солнцем. А далеко справа в тусклом небе моталась едва заметная точка — это был вертолет-наводчик, руководивший движением этих металлических чудовищ. «Харибды» шли на Волну.

Энергопоглотители, по-видимому, еще не работали, но Роберт на всякий случай круто набрал высоту и начал снижение, только когда навстречу ему из дымки вынырнул Гринфилд — несколько белых домиков и квадратная башня дальнего контроля, окруженные пышной земной зеленью. На северной окраине, подмяв под себя рощицу пальм, угрюмо чернела неподвижная «харибда», устремив прямо на Роберта бездонный раструб поглотителя, и еще две «харибды» стояли справа и слева от поселка. Два вертолета взмыли над башней и ушли на юг. На площади среди зе-

леных газонов блестели на солнце перепончатые крылья птерокаров. Вокруг птерокаров бегали и копошились люди.

Роберт подогнал флаер к самому входу в башню и выскочил на крыльцо. Кто-то отшатнулся, женский голос вскрикнул: «Кто это?» Роберт взялся за ручку стеклянной двери и на мгновение застыл, вглядываясь в свое отражение, — почти голый, весь в спекшейся пыли, глаза злые, через грудь и живот идет широкая черная царапина... Ладно, подумал он и рванул дверь. «Да ведь это Роберт!» — крикнули сзади. Он медленно поднялся по лестнице и наткнулся на Патрика. Патрик смотрел на него, открыв рот. «Патрик, — сказал Роберт. — Патрик, дружище, Камилл погиб...» Патрик замигал и вдруг зажал себе рот ладонью. Роберт прошел дальше. Дверь в диспетчерскую была открыта. Там были Маляев, глава северных нулевиков Шота Петрович Пагава, Карл Гофман и еще какие-то люди — кажется, биологи. Роберт остановился в дверях, держась за косяк. За спиной топали по ступенькам, и кто-то крикнул: «Откуда он знает?»

— Камилл... — сказал Роберт сипло и закашлялся.

Все с недоумением смотрели на него.

— В чем дело? — резко спросил Маляев. — Что с вами, Скляров, почему вы в таком виде?

Роберт подошел к столу и, уперев грязные кулаки в какие-то бумаги, сказал ему в лицо:

— Камилл погиб. Его раздавило.

Стало очень тихо. Глаза Маляева сузились.

— Как раздавило? Где?..

— Его раздавило птерокаром, — сказал Роберт. — Из-за ваших драгоценных ульмотронов. Он мог спокойно спастись, но он помогал мне таскать ваши драгоценные ульмотроны, и его раздавило. А ваши ульмотроны я бросил там. Подберете их, когда пройдет Волна. Понимаете? Бросил. Они там сейчас валяются.

Ему сунули стакан воды. Он взял стакан и жадно выпил. Маляев молчал. Его бледное лицо стало совсем белым. Карл Гофман бесцельно перебирал какие-то

схемы и не поднимал глаз. Пагава поднялся и стоял с опущенной головой.

— Очень тяжело... — сказал, наконец, Маляев. — Это был большой человек. — Он потер лоб. — Очень большой человек. — Он снова поглядел на Роберта. — Вы очень устали, Скляров...

— Я не устал.

— Приведите себя в порядок и отдохните.

— И это все? — горько спросил Роберт.

Лицо Маляева стало прежним — равнодушным и жестким.

— Я задержу вас еще на одну минуту. Вы видели Волну?

— Видел. Волну я тоже видел.

— Какого типа Волна?

В мозгу Роберта что-то сдвинулось, и все стало на привычные места. Был властный и умный руководитель Маляев, и был его вечный лаборант-наблюдатель Роберт Скляров, он же «Юность Мира».

— Кажется, третьего, — покорно сказал он. — Лю-волна.

Пагава поднял голову.

— Хорош-шо! — неожиданно бодро сказал он. И сейчас же скис, облокотился на стол и вяло сел. — Ай, Камилл, ай, Камилл, — забормотал он. — Ай, беднягa!.. — Он схватил себя за большие, оттопыренные уши и принялся мотать головой над бумагами.

Один из биологов, опасливо косясь на Роберта, тронул Маляева за локоть.

— Виноват, — сказал он робко. — А чем это хорошо — Лю-волна?

Маляев перестал, наконец, сверлить Роберта жестким взглядом.

— Это значит, — сказал он, — что погибнет только северная полоса посевов. Но мы еще не уверены, что это Лю-волна. Наблюдатель мог ошибиться.

— Ну как же так? — заныл биолог. — Договаривались же... У вас есть эти... «харибды»... Неужели нельзя остановить? Какие же вы физики?

Карл Гофман сказал:

— Возможно, удастся погасить инерцию Волны на линии дискретного перепада.

— Что значит «возможно»? — воскликнула незнакомая женщина, стоявшая рядом с биологом. — Вы понимаете, что это безобразие? Где ваши гарантии? Где ваши прекрасные разговоры? Вы понимаете, что вы оставляете планету без хлеба и мяса?

— Я не принимаю таких претензий, — холодно сказал Маляев. — Я вам глубоко сочувствую, но ваши претензии должны быть адресованы Этьену Ламондуа. Мы не ставим нуль-экспериментов. Мы изучаем Волну...

Роберт повернулся и медленно пошел к двери. И нет им никакого дела до Камилла, думал он. Волна, посевы, мясо... За что они его так не любили? Потому что он был умнее их всех вместе взятых? Или они вообще никого не любят? В дверях стояли ребята, знакомые лица, встревоженные, печальные, озабоченные. Кто-то взял его под локоть. Он поглядел сверху вниз и встретился взглядом с маленькими грустными глазами Патрика.

— Пойдем, Роб, я помогу тебе отмыться...

— Патрик, — сказал Роберт и положил руку ему на плечо. — Патрик, уходи отсюда. Брось их, если хочешь остаться человеком...

Лицо Патрика страдальчески искривилось.

— Ну что ты, Роб, — пробормотал он. — Не надо. Это пройдет.

— Пройдет, — повторил Роберт. — Все пройдет. Волна пройдет. Жизнь пройдет. И все забудется. Не все ли равно, когда забудется? Сразу или потом...

За спиной уже совершенно откровенно ругались биологи. Маляев требовал: «Сводку!» Шота кричал: «Не прекращать замеры ни на секунду! Используйте всю автоматику! Прах с ней, потом бросите!»

— Пойдем, Роб, — попросил Патрик.

И в этот момент, перекрывая говор и крики, в диспетчерской загремел знакомый монотонный голос:

— Прошу внимания!

Роберт стремительно обернулся. У него ослабели колени. На большом экране диспетчерского видеофона он увидел уродливую матовую каску и круглые немигающие глаза Камилла.

— У меня мало времени, — говорил Камилл. Это был настоящий, живой Камилл — у него тряслась голова, шевелились тонкие губы и двигался в такт словам кончик длинного носа. — Я не могу связаться с директором. Немедленно вызывайте «Стрелу». Немедленно эвакуируйте весь север. Немедленно! — Он повернул голову и посмотрел куда-то вбок, и стала видна его щека, испачканная пылью. — За Лю-волной идет Волна нового типа. Вам ее...

Экран ослепительно вспыхнул, что-то треснуло, и экран померк. В диспетчерской стояла гробовая тишина, и вдруг Роберт увидел страшные, прищуренные на него глаза Маляева.

ГЛАВА 4

На Радуге был только один космодром, и на этом космодроме стоял только один звездолет, десантный сигма-Д-звездолет «Тариэль-Второй». Он был виден издалека — бело-голубой купол высотой в семьдесят метров сияющим облачком возвышался над плоскими темно-зелеными крышами заправочных станций. Горбовский сделал над ним два неуверенных круга. Сесть рядом со звездолетом было трудно: плотное кольцо разнообразных машин окружало корабль. Сверху были видны неуклюжие роботы-заправщики, присосавшиеся к шести баковым выступам, хлопотливые аварийные киберы, прощупывавшие каждый сантиметр обшивки, серый робот-матка, руководивший дюжиной маленьких юрких машин-анализаторов. Зрелище это было привычное, радующее хозяйственный глаз.

Однако возле грузового люка имело место явное нарушение всех установлений. Оттеснив в сторону

безответных космодромных киберов, там сгрудилось множество транспортных машин всевозможных типов. Там были обычные грузовые «биндюги», туристские «дилижансы», легковые «тестудо» и «гепарды» и даже один «крот» — громоздкая землеройная машина для рудных разработок. Все они совершали какие-то сложные эволюции возле люка, теснясь и подталкивая друг друга. В стороне, на самом солнцепеке, стояли несколько вертолетов и валялись пустые ящики, в которых Горбовский без труда узнал упаковку ульмотронов. На ящиках грустно сидели какие-то люди.

В поисках места для посадки Горбовский начал третий круг и тут обнаружил, что за его флаером по пятам следует тяжелый птерокар, водитель которого, высунувшись по пояс из раскрытой дверцы, делает ему какие-то непонятные знаки. Горбовский посадил флаер между вертолетами и ящиками, и птерокар тотчас же очень неловко рухнул рядом.

— Я за вами, — деловито крикнул водитель птерокара, выскакивая из кабины.

— Не советую, — мягко сказал Горбовский. — Мне нет никакого дела до очереди. Я капитан этого звездолета.

На лице водителя изобразилось восхищение.

— Великолепно! — вполголоса воскликнул он, осторожно озираясь по сторонам. — Сейчас мы утрем нос нулевикам. Как зовут капитана этого корабля?

— Горбовский, — сказал Горбовский, слегка кланяясь.

— А штурмана?

— Валькенштейн.

— Превосходно, — деловито сказал водитель птерокара. — Итак, вы — Горбовский, а я — Валькенштейн. Пошли!

Он взял Горбовского под локоть. Горбовский уперся.

— Слушайте, Горбовский, мы ничем не рискуем. Эти корабли мне отлично знакомы. Я сам летел сюда

на десантнике. Мы проберемся в склад, возьмем по ульмотрону и запремся в кают-компании. Когда все это кончится, — он небрежным жестом указал на машины, — мы спокойно выйдем.

— А вдруг придет настоящий штурман?

— Настоящему штурману придется долго доказывать, что он настоящий, — веско возразил самозваный штурман.

Горбовский хихикнул и сказал:

— Пошли.

Лжештурман пригладил волосы, сделал глубокий вдох и решительно двинулся вперед. Они стали протискиваться между машинами. Лжештурман говорил непрерывно — у него вдруг прорезался глубокий, внушительный бас.

— Я полагаю, — во всеуслышание вещал он, — что прочистка диффузоров только задержит нас. Предлагаю просто сменить половину комплектов, а основное внимание уделить осмотру обшивки. Товарищ, продвиньте немного вашу машину! Вы мешаете... Так вот, Валентин Петрович, при выходе на деритринитацию... Подайте ваш грузовик назад, товарищ. Не понимаю, зачем вы толпитесь? Существует очередь, существует список, закон, наконец... Вышлите представителей... Валентин Петрович, не знаю как вас, а меня поражает дикость аборигенов. Такого мы с вами не видели даже на Пандоре среди тахоргов.

— Вы совершенно правы, Марк, — сказал Горбовский, развлекаясь.

— Что? Ну да, само собой... Ужасные нравы!

Девушка в шелковой косынке, высунувшись из кабины «биндюга», осведомилась:

— Штурман и капитан, если не ошибаюсь?

— Да! — с вызовом сказал штурман. — И, как штурман, я рекомендовал бы вам еще раз прочитать инструкцию о порядке разгрузки.

— Вы думаете, это необходимо?

— Несомненно. Вы совершенно напрасно ввели ваш грузовик в двадцатиметровую зону...

— А знаете, друзья, — раздался веселый молодой голос, — у этого штурмана фантазия победнее, чем у первых двух.

— Что вы хотите этим сказать? — оскорбленно спросил лжештурман. В лице его было что-то от лже-Нерона.

— Понимаете, — проникновенно сказала девушка в косынке, — вон там, на пустых ящиках, уже сидят два штурмана и один капитан. А пустые ящики — это упаковка ульмотронов, которые увезла бортинженер — скромная такая молодая женщина. За нею сейчас гонится уполномоченный Совета...

— Как вам это нравится, Валентин Петрович? — вскричал лжештурман. — Самозванцы, а?

— У меня такое ощущение, — задумчиво сказал Горбовский, — что мне не попасть на собственный корабль.

— Верное рассуждение, — сказала девушка в косынке. — И уже не новое.

Штурман решительно было двинулся вперед, но тут «биндюг» справа немного передвинулся влево, черно-желтый «дилижанс» слева чуть-чуть подался вправо, а прямо на пути к заветному люку вдруг злобно заворочались, отбрасывая комья земли, оскаленные зубы «крота».

— Валентин Петрович! — с негодованием воскликнул лжештурман. — В таких условиях я не гарантирую готовность звездолета!

— Старо! — грустно сказал водитель «дилижанса».

Звонкий веселый голос проговорил:

— Какой это штурман! Скука зевотная. Вот помните второго штурмана — этот действительно развлек! Как он задирал на себе майку и показывал следы метеоритных ударов!

— Нет, первый был лучше, — сказал, обернувшись, водитель «крота».

— Да, он был хорош, — согласилась девушка в косынке. — Как это он шел среди машин, держа перед глазами фотографию, и жалобно так приговаривал:

«Галю моя, Галю! Галю дорогая! Далеко ты, Галю, от ридного краю!»

Лжештурман, подавленно опустив голову, сковыривал комья земли с блестящих зубьев «крота».

— Ну, а вы что скажете? — обратился водитель «дилижанса» к Горбовскому. — Что же вы все молчите? Надо что-нибудь говорить... Что-нибудь убедительное.

Все с любопытством ждали.

— Вообще я мог бы войти через пассажирский люк, — задумчиво сказал Горбовский.

Лжештурман с надеждой вскинул голову и посмотрел на него.

— Не могли бы, — покачал головой водитель. — Он заперт изнутри.

В наступившей паузе был отчетливо слышен голос Канэко:

— Не могу я вам дать десять комплектов, поймите, товарищ Прозоровский!

— А вы поймите меня, товарищ Канэко! У нас заявка на десять комплектов. Как я вернусь с шестью?

Кто-то вмешался:

— Берите, Прозоровский, берите... Берите пока шесть. У нас четыре комплекта освободятся через неделю, и я вам пришлю.

— Вы обещаете?

Девушка в косынке сказала:

— Прозоровского просто жалко. У них шестнадцать схем на ульмотронах!

— Да, нищета, — вздохнул водитель «дилижанса».

— А у нас пять, — горестно сказал лжештурман. — Пять схем и всего один ульмотрон. Что, казалось бы, им стоило привезти штук двести.

— Мы могли бы привезти и двести и триста, — сказал Горбовский. — Но ульмотроны нужны сейчас всем. На Земле заложили шесть новых У-конвейеров...

— У-конвейер! — сказала девушка. — Легко сказать!.. Вы представляете себе технологию ульмотрона?

— В самых общих чертах.

— Шестьдесят килограммов ультрамикроэлементов... Ручное управление сборкой, полумикронные допуски... А какой уважающий себя человек пойдет в сборщики? Вот вы бы пошли?

— Набирают добровольцев, — сказал Горбовский.

— А!.. — с отвращением сказал водитель «крота». — Неделя помощи физикам!..

— Ну что ж, Валентин Петрович, — сказал лжештурман, стыдливо улыбаясь. — Так нас, по-видимому, и не пустят...

— Меня зовут Леонид Андреевич, — сказал Горбовский.

— А меня Ганс, — уныло признался лжештурман. — Пошли посидим на ящиках. Вдруг что-нибудь случится...

Девушка в косынке помахала им рукой. Они выбрались из толпы машин и присели на ящиках рядом с другими лжезвездолетчиками. Их встретили сочувственно-насмешливым молчанием.

Горбовский ощупал ящик. Пластмасса была грубая и жесткая. На солнцепеке было жарко. Делать Горбовскому здесь было совершенно нечего, но, как всегда, ему страшно хотелось познакомиться с этими людьми, узнать, кто они и как дошли до жизни такой, и вообще как идут дела. Он составил несколько ящиков, спросил: «Можно я лягу?», лег, вытянувшись во всю длину, и с помощью струбцинки укрепил возле головы микрокондиционер. Потом он включил проигрыватель.

— Меня зовут Горбовский, — представился он. — Леонид. Я был капитаном этого звездолета.

— Я тоже был капитаном этого звездолета, — мрачно сообщил грузный темнолицый человек, сидевший справа. — Меня зовут Альпа.

— А меня зовут Банин, — заявил голый до пояса худощавый юноша в белой панаме. — Я был и остаюсь штурманом. Во всяком случае, пока не получу ульмотрон.

— Ганс, — коротко сказал лже-Валькенштейн, усевшись на траве поближе к микрокондиционеру.

Третий лжештурман, видимо, не слышал их. Он сидел к ним спиной и что-то писал, положив блокнот на колени.

Из толпы машин выехал длинный «гепард». Дверца приоткрылась, оттуда вылетели пустые коробки из-под ульмотронов, и «гепард» умчался в степь.

— Прозоровский, — сказал Банин с завистью.

— Да, — сказал Альпа горько. — Прозоровскому не приходится врать. Правая рука Ламондуа. — Он глубоко вздохнул. — Никогда не врал. Терпеть не могу врать. И теперь очень нехорошо на душе.

Банин сказал глубокомысленно:

— Если человек начинает врать помимо всякого желания, значит, где-то что-то разладилось. Сложное последействие.

— Все дело в системе, — сказал Ганс. — Все дело в этой исходной установке: больше получает тот, у кого лучше выходит.

— А вы предложите другую установку, — сказал Горбовский. — Не получается у тебя ничего — на́ тебе ульмотрон. Получается — посиди на ящиках...

— Да, — сказал Альпа. — Какой-то страшный срыв. Кто когда-либо слыхал об очередях за оборудованием? Или за энергией? Ты давал заявку, и тебя обеспечивали... Тебя никогда даже не интересовало, откуда это берется. То есть интуитивно было ясно, что существует масса людей, с удовольствием работающих в сфере материального обеспечения науки. Между прочим, это действительно очень интересная работа. Помню, я сам после школы с большим удовольствием занимался рационализацией сборки нейтринных схем. Сейчас о них уже не помнят, но когда-то это был очень популярный метод — нейтринный анализ. — Он достал из кармана почерневшую трубку и медленными уверенными движениями набил ее. Все с любопытством следили за ним. — Хорошо известно, что относительная численность потребителей оборудования и производителей оборудования с тех пор существенно не изменилась. Но, видимо, произошел какой-то чудовищный скачок в потребностях. Судя по

всему — я просто смотрю вокруг, — среднему исследователю требуется сейчас раз в двадцать больше энергии и оборудования, чем в мое время. — Он глубоко затянулся, и трубка засипела и захрипела. — Такое положение объяснимо. Испокон веков считается, что наибольшего внимания заслуживает та проблема, которая дает максимальный ливень новых идей. Это естественно, иначе нельзя. Но если первичная проблема лежит на субэлектронном уровне и требует, скажем, единицы оборудования, то каждая из десяти дочерних проблем опускается в материю по крайней мере на этаж глубже и требует уже десяти единиц. Ливень проблем вызывает ливень потребностей. И я уже не говорю о том, что интересы производителей оборудования далеко не всегда совпадают с интересами потребителей.

— Заколдованный круг, — сказал Банин. — Прозевали наши экономисты.

— Экономисты тоже исследователи, — возразил Альпа. — Они тоже имеют дело с ливнями проблем. И раз уж мы заговорили об этом, то вот любопытный парадокс, который очень интересует меня последнее время. Возьмите нуль-Т. Молодая, плодотворная и очень перспективная проблема. Поскольку она плодотворная, Ламондуа по праву получает огромное материальное и энергетическое обеспечение. Чтобы сохранить за собой это материальное обеспечение, Ламондуа вынужден непрерывно гнать вперед — быстрее, глубже и... у́же. А чем быстрее и глубже он забирается, тем больше ему нужно и тем сильнее он ощущает нехватку, пока, наконец, не начинает тормозить сам себя. Взгляните на эту очередь. Сорок человек ждут и тратят драгоценное время. Треть всех исследователей Радуги тратит время, нервную энергию и темп мысли! А остальные две трети сидят сложа руки по лабораториям и могут думать сейчас только об одном: привезут или не привезут? Это ли не самоторможение? Стремление сохранить приток материальных ресурсов порождает гонку, гонка вызывает непропорциональный рост потребностей, и в результате возникает самоторможение.

Альпа замолчал и стал выколачивать трубку. Из толпы машин, расталкивая их направо и налево, выбрался «крот». В окне нелепо высокой кабины торчала крышка новенького ульмотрона. Проезжая мимо, водитель помахал лжезвездолетчикам.

— Хотел бы я знать, зачем Следопытам ульмотрон, — пробормотал Ганс.

Никто не ответил. Все провожали взглядом «крота», на задней стенке которого красовался опознавательный знак Следопытов — черный семиугольник на красном щитке.

— По-моему, все-таки, — сказал Банин, — виноваты экономисты. Надо было предвидеть. Надо было двадцать лет назад повернуть школы так, чтобы сейчас хватало кадров для обеспечения науки.

— Не знаю, не знаю, — сказал Альпа. — Возможно ли вообще планировать такой процесс? Мы мало знаем об этом, но ведь может оказаться, что установить равновесие между духовным потенциалом исследователей и материальными возможностями человечества вообще нельзя. Грубо говоря, идей всегда будет гораздо больше, чем ульмотронов.

— Ну, это еще надо доказать, — сказал Банин.

— А я ведь не сказал, что это доказано. Я только предположил.

— Такое предположение порочно, — заявил Банин. Он начинал горячиться. — Оно утверждает кризис на вечные времена! Это же тупик!..

— Почему же тупик? — тихо сказал Горбовский. — Наоборот.

Банин не слушал.

— Надо выходить из кризиса! — говорил он. — Надо искать выходы! И выход уж, конечно, не в мрачных предположениях!

— Почему же в мрачных? — сказал Горбовский. Но на него опять не обратили внимания.

— Отказываться от основного принципа распределения нельзя, — говорил Банин. — Это будет просто нечестно по отношению к самым лучшим работникам.

Вы будете двадцать лет жевать одну частную проблемку, а энергии, скажем, получать столько же, сколько Ламондуа. Это же нелепо! Значит, выход не здесь? Не здесь. Вы сами-то видите выход? Или вы ограничиваетесь холодной регистрацией?

— Я старый научный работник и старый человек, — сказал Альпа. — Всю свою жизнь занимаюсь физикой. Правда, сделал я мало, я рядовой исследователь, но не в этом дело. Вопреки всем этим новым теориям я убежден, что смысл человеческой жизни — это научное познание. И, право же, мне горько видеть, что миллиарды людей в наше время сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, которое они называют искусством, удовлетворяются скольжением по поверхности явлений, которое они называют эстетическим восприятием. А мне кажется, сама история предопределила разделение человечества на три группы: солдаты науки, воспитатели и врачи, которые, впрочем, тоже солдаты науки. Сейчас наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют картины, рифмуют слова... вообще создают в п е ч а т л е н и я. А ведь среди них много потенциально великолепных работников. Энергичных, остроумных, с невероятной трудоспособностью.

— Ну, ну! — сказал Банин.

Альпа промолчал и начал набивать трубку.

— Разрешите, я продолжу вашу мысль, — сказал Горбовский. — Я вижу, вы не решаетесь.

— Попробуйте, — сказал Альпа.

— Хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые У-конвейеры, собирать тау-тракторы, лить эргохронные призмы...

— Вот чепуха! — разочарованно сказал Банин.

— Да, это чепуха, — согласился Альпа. — Но наши мысли не зависят от наших симпатий и антипатий. Мысль эта глубоко мне неприятна, она даже пугает меня, но она возникла... и не только у меня.

— Это бесплодная мысль, — лениво сказал Горбовский, глядя в небо. — Попытка разрешить противоречие между общим духовным и материальным потенциалом человечества в целом. Она ведет к новому противоречию, старому и банальному, — между машинной логикой и системой морали и воспитания. В таком столкновении машинная логика всегда терпит поражение.

Альпа кивнул и окутался облаками дыма. Ганс задумчиво проговорил:

— Мысль страшненькая. Помните «проект десяти»? Когда Совету предложили перебросить в науку часть энергии из Фонда изобилия... Во имя чистой науки поприжать человечество в области элементарных потребностей. Помните этот лозунг: «Ученые готовы голодать»?

Банин подхватил:

— А Ямакава тогда встал и сказал: «А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты».

— Я тоже не люблю изуверов, — сказал Горбовский.

— Я вот недавно прочел книгу Лоренца, — сказал Ганс. — «Люди и проблемы»... Читали?

— Читали, — сказал Горбовский.

Альпа отрицательно помотал головой.

— Хорошая книга, правда? И поразила меня там одна мысль. Правда, Лоренц на ней не останавливается, говорит об этом мимоходом.

— Ну, ну? — сказал Банин.

— Я, помню, целую ночь об этом думал. Не хватало аппаратуры, ждали, пока подвезут, — знаете, обычная эта нервотрепка. И вот я пришел к такому выводу. Лоренц упоминает о естественном отборе в науке. Какие факторы определяют главенство научных направлений сейчас, когда наука не влияет или почти не влияет больше на материальное благосостояние?

— Ну, ну? — сказал Банин.

— И вот я пришел к такому выводу. Пройдет некоторое время, и те научные исследования, которые оказались наиболее успешными, впитают в себя все

материальное обеспечение, непомерно углубятся, а остальные направления просто сами собой сойдут на нет. И вся наука будет состоять из двух-трех направлений, в которых никто, кроме корифеев, разбираться не будет. Понимаете меня?

— А, чушь! — сказал Банин.

— Ну почему же чушь? — спросил Ганс обиженно. — Вот факты. В науке существуют сотни тысяч направлений. В каждом работают тысячи людей. Лично я знаю четыре группы исследователей, которые из-за систематических неудач бросали работу и вливались в другие, более успешные группы. Я сам дважды так поступал...

Альпа сказал:

— Шутки шутками, а возьмите того же Ламондуа. Вот он рвется сломя голову к осуществлению нуль-Т. Нуль-Т, как и следовало ожидать, дает массу новых ответвлений. Но Ламондуа вынужден обрубать почти все эти ответвления, он просто вынужден игнорировать их. Потому что у него нет никакой возможности тщательно проработать каждое ответвление на перспективность. Мало того, он вынужден сознательно игнорировать заведомо поразительные и интересные вещи. Так, например, случилось с Волной. Неожиданное, удивительное и, на мой взгляд, грозное явление. Но, преследуя свою цель, Ламондуа пошел даже на раскол в своем лагере. Он поссорился с Аристотелем, он отказывается обеспечивать волновиков. Он идет вглубь, вглубь, вглубь, его проблема становится все у́же. Волна осталась у него далеко в тылу. Она для него только помеха, он слышать о ней не хочет. А она, между прочим, сжигает посевы...

Над космодромом загремел громкоговоритель всеобщего оповещения:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Старшего бригады испытателей Габу вместе с бригадой прошу немедленно явиться ко мне.

— Счастливые люди, — сказал Ганс. — Никакие ульмотроны им не нужны.

— У них своих забот хватает, — сказал Банин. — Видел я однажды, как они тренируются, — нет уж, я лучше буду лжештурманом... А потом два года сидеть без своего дела и каждый день слышать: «Потерпите еще чуть-чуть. Вот, может быть, завтра...»

— Я рад, что вы заговорили о том, что в тылу, — сказал Горбовский. — «Белые пятна» науки. Меня этот вопрос тоже занимает. По-моему, у нас в тылу нехорошо... Например, Массачусетская машина. — Альпа покивал. Горбовский обратился к нему. — Вы, конечно, должны помнить. Сейчас о ней вспоминают редко. Угар кибернетики прошел.

— Ничего не могу вспомнить о Массачусетской машине, — сказал Банин. — Ну, ну?

— Знаете, это древнее опасение: машина стала умнее человека и подмяла его под себя... Полсотни лет назад в Массачусетсе запустили самое сложное кибернетическое устройство, когда-либо существовавшее. С каким-то там феноменальным быстродействием, необозримой памятью и все такое... И проработала эта машина ровно четыре минуты. Ее выключили, зацементировали все входы и выходы, отвели от нее энергию, заминировали и обнесли колючей проволокой. Самой настоящей ржавой колючей проволокой — хотите верьте, хотите нет.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Банин.

— Она начала вести себя, — сказал Горбовский.

— Не понимаю.

— И я не понимаю, но ее едва успели выключить.

— А кто-нибудь понимает?

— Я говорил с одним из ее создателей. Он взял меня за плечо, посмотрел мне в глаза и произнес только: «Леонид, это было страшно».

— Вот это здорово, — сказал Ганс.

— А, — сказал Банин. — Чушь. Это меня не интересует.

— А меня интересует, — сказал Горбовский. — Ведь ее могут включить снова. Правда, она под запретом Совета, но почему бы не снять запрет?

Альпа проворчал:

— Каждому времени свои злые волшебники и привидения.

— Кстати, о злых волшебниках, — подхватил Горбовский. — Я немедленно вспоминаю о казусе Чертовой Дюжины.

У Ганса горели глаза.

— Казус Чертовой Дюжины — как же! — сказал Банин. — Тринадцать фанатиков... Кстати, где они сейчас?

— Позвольте, позвольте, — сказал Альпа. — Это те самые ученые, которые сращивали себя с машинами? Но ведь они же погибли.

— Говорят, да, — сказал Горбовский, — но ведь не в этом дело. Прецедент создан.

— А что, — сказал Банин. — Их называют фанатиками, но в них, по-моему, есть что-то притягательное. Избавиться от всех этих слабостей, страстей, вспышек эмоций... Голый разум плюс неограниченные возможности совершенствования организма. Исследователь, которому не нужны приборы, который сам себе прибор и сам себе транспорт. И никаких очередей за ульмотронами... Я это себе прекрасно представляю. Человек-флаер, человек-реактор, человек-лаборатория. Неуязвимый, бессмертный...

— Прошу прощения, но это не человек, — проворчал Альпа. — Это Массачусетская машина.

— А как же они погибли, если они бессмертны? — спросил Ганс.

— Разрушили сами себя, — сказал Горбовский. — Видимо, не сладко быть человеком-лабораторией.

Из-за машин появился багровый от напряжения человек с цилиндром ульмотрона на плече. Банин соскочил с ящика и побежал помочь ему. Горбовский задумчиво наблюдал, как они грузят ульмотрон в вертолет. Багровый человек жаловался:

— Мало того, что дают один вместо трех. Мало того, что теряешь половину дня. Тебе еще приходится доказывать, что ты имеешь право! Тебе не верят! Вы

можете себе это представить — тебе не верят! Не верят!!!

Когда Банин вернулся, Альпа сказал:

— Все это довольно фантастично. Если вас интересует тыл, обратите лучше пристальное внимание на Волну. Каждая неделя — очередная нуль-транспортировка. И каждая нуль-транспортировка вызывает Волну. Большое или маленькое извержение. А занимаются Волной дилетантски. Не получилось бы второй Массачусетской машины, только без выключателя. Камилл — вы знаете Камилла? — рассматривает ее как явление планетарного масштаба, но его аргументы неудобопонятны. С ним очень трудно работать.

— Кстати, — сказал Ганс, — знаете точку зрения Камилла на будущее? Он считает, что нынешняя увлеченность наукой — это своего рода благодарность за изобилие, инерция тех времен, когда способность к логическому восприятию мира была единственной надеждой человечества. Он говорил так: «Человечество накануне раскола. Эмоциолисты и логики — по-видимому, он имеет в виду людей искусства и науки — становятся чужими друг другу, перестают друг друга понимать и перестают друг в друге нуждаться. Человек рождается эмоциолистом и логиком. Это лежит в самой природе человека. И когда-нибудь человечество расколется на два общества, так же чуждые друг другу, как мы чужды леонидянам...»

— А, — сказал Банин. — Ну что за чепуха. Какой там раскол? Куда денется средний человек? Пагава, может быть, и смотрит на новую картину Сурда как баран на новые ворота, а Сурд, возможно, не понимает, зачем на свете существует Пагава, тут ничего не скажешь — вот тебе логик, а вот эмоциолист. А кто я? Да, я научный работник. Да, три четверти моего времени и три четверти моих нервов принадлежат науке. Но без искусства я тоже не могу! Вот у кого-то здесь играет проигрыватель, и мне очень хорошо. Я бы обошелся и без проигрывателя, но с ним мне гораздо лучше... Так вот, как же я, спрашивается, расколюсь?

— Я тоже так думаю, — сказал Ганс. — Но он говорил, что, во-первых, гений нашего времени — это средний человек будущего; а во-вторых, будто существует не один средний человек, а два — эмоциолист и логик. Во всяком случае, так я его понял.

— Я тобой восхищаюсь, — сказал Банин. — По-моему, когда слушаешь Камилла, понять нельзя ничего.

— А может быть, это был очередной парадокс Камилла? — сказал Горбовский задумчиво. — Он любит парадоксы. Впрочем, для парадокса это рассуждение, пожалуй, слишком прямолинейно.

— Ну, Леонид Андреевич, — сказал Ганс весело. — Вы все-таки учитывайте, что это не Камилловы рассуждения, а мои. Я вчера загорал на пляже, вдруг на камне возник Камилл — знаете его манеру? — и начал рассуждать вслух, обращаясь преимущественно к морским волнам. А я лежал и слушал, а потом заснул.

Все засмеялись.

— Камилл упражняется, — сказал Горбовский. — Я примерно представляю, зачем ему понадобился этот раскол. Видимо, его занимает вопрос об эволюции человека, и он строит модели. Синтез логиков и эмоциолистов представляется ему, вероятно, как новый человек, который уже не будет человеком.

Альпа вздохнул и спрятал трубку.

— Проблемы, проблемы... — сказал он. — Противоречия, синтез, тыл, фронт... А вы заметили, кто здесь сидит? Вы, вы... он... я... Неудачники. Отверженные науки. Наука вон — получает ульмотроны.

Он хотел сказать еще что-то, но тут громкоговоритель заревел снова:

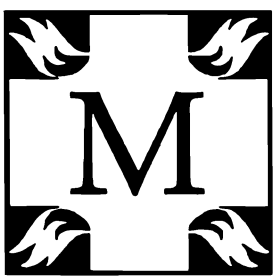
— Внимание, Радуга! Говорит директор. Капитан звездолета «Тариэль-Второй» Леонид Андреевич Горбовский. План-энергетик планеты товарищ Канэко. Прошу немедленно явиться ко мне.

Из машины сейчас же высунулись водители. На лицах их было написано неописуемое удовольствие. Все они смотрели на лжезвездолетчиков. Банин, втянув голову в плечи, развел руками. Ганс весело крикнул: «Это

не меня, я штурман!» Альпа закряхтел и закрыл лицо ладонью. Горбовский торопливо поднялся.

— Мне пора, — сказал он. — Очень не хочется уходить. Я так и не успел высказаться. Вот вкратце моя точка зрения. Не надо огорчаться и заламывать руки. Жизнь прекрасна. Между прочим, именно потому, что нет конца противоречиям и новым поворотам. А что касается неизбежных неприятностей, то я очень люблю Куприна, и у него есть один герой, человек вконец спившийся водкой и несчастный. Я помню наизусть, что он там говорит. — Он откашлялся. — «Если я попаду под поезд, и мне перережут живот, и мои внутренности смешаются с песком и намотаются на колеса, и если в этот последний миг меня спросят: «Ну что, и теперь жизнь прекрасна?» — я скажу с благодарным восторгом: «Ах, как она прекрасна!» — Горбовский смущенно улыбнулся и запихнул проигрыватель в карман. — Это было сказано три века назад, когда человечество еще стояло на четвереньках. Давайте не будем жаловаться!.. А кондиционер я вам оставлю — здесь очень жарко.

ГЛАВА 5

атвей был не один. На его столе, подложив под себя руки и болтая ногами, сидел маленький черноволосый человек, живой, похожий на школьника-выпускника. Это был Этьен Ламондуа, глава современной нульфизики, «быстрый физик», как его называли коллеги.

— Можно? — спросил Горбовский.

— А вот и он, — сказал Матвей. — Вы знакомы?

Ламондуа стремительно соскочил со стола и, подойдя вплотную, крепко пожал Горбовскому руку, глядя на него снизу вверх.

— Рад вас видеть, капитан, — сказал он, мило улыбаясь. — Мы как раз говорили о вас.

Горбовский попятился и сел в кресло.

— А мы — о вас, — сказал он.

Этьен живо поклонился и вернулся на стол к директору.

— Итак, я продолжаю. «Харибды» стоят насмерть. Надо отдать Маляеву справедливость: он создал отлич-

ные машины. Любопытно, что северная Волна совершенно нового типа. Эти мальчишки уже успели назвать ее. П-волна, каково? По имени Шота. Черт возьми, я вынужден признаться, что рву на себе волосы! Как я раньше не обращал внимание на это великолепное явление? Придется извиниться перед Аристотелем. Он оказался прав. Он и Камилл. Я преклоняюсь перед Камиллом. Я преклонялся перед ним и раньше, но теперь я, кажется, понимаю, что он имел в виду. Кстати, вы знаете, что Камилл погиб?

Матвей дернул головой.

— Опять?

— А, вы уже знаете! Странная история. Погиб и снова воскрес. Я слыхал о таких вещах. На свете нет ничего нового. Между прочим, вы верите, что Скляров мог бросить его на съедение Волне? Я — нет. Итак, северная Волна достигла пояса контрольных станций. Первая, Лю-волна, рассеяна, вторая, П-волна, теснит «харибд» со скоростью до двадцати километров в час. Так что северные посевы, вероятно, все-таки погибнут. Биологов пришлось выслать на вертолетах...

— Знаю, — сказал директор. — Жаловались.

— Что поделаешь! Они вели себя хотя и понятным образом, но тем не менее недостойно. На океане движение Волны приостановлено. Так наблюдается явление, за которое Лю отдал бы полжизни: деформация кольцевой Волны. Эта деформация удовлетворяет каппа-уравнению, а если Волна — это каппа-поле, то становится сразу ясно все, над чем бился наш бедный Маляев: и Д-проницаемость, и телегенность фонтанов, и «вторичные призраки»... Черт возьми, за эти три часа мы узнали о Волне больше, чем за десять лет! Матвей, учтите: как только все это кончится, нам понадобится У-регистратор, может быть, даже два. Считайте, что я дал заявку. Обычные вычислители не помогут. Только Лю-алгоритмы, только Лю-логика!

— Хорошо, хорошо, — сказал Матвей. — А что на юге?

— На юге — океан. За юг вы можете быть спокойны. Там Волна дошла до Берега Пушкина, сожгла Южный Архипелаг и остановилась. У меня такое впечатление, что она не пойдет дальше, и очень жаль, потому что наблюдатели удирали оттуда так поспешно, что бросили всю автоматику, и о южной Волне мы почти ничего не знаем. — Он с досадой щелкнул пальцами. — Я понимаю, вас интересует совсем другое. Но что делать, Матвей! Давайте смотреть на вещи реалистически. Радуга — это планета физиков. Это наша лаборатория. Энергостанции погибли, и их не вернешь. Когда закончится этот эксперимент, мы их отстроим заново, вместе. Нам ведь понадобится много энергии! А что касается рыбных промыслов, черт возьми... Нулевики морально готовы отказаться от ухи из кальмаров! Не сердись на нас, Матвей.

— Я не сержусь, — сказал директор с тяжелым вздохом. — Но есть, однако, в вас что-то от ребенка, Этьен. Вы, как ребенок, играючи ломаете все, что так дорого взрослым. — Он снова вздохнул. — Постарайтесь сберечь хоть бы южные посевы. Очень мне не хочется терять автономию.

Ламондуа посмотрел на часы, кивнул и, не говоря ни слова, выскочил вон. Директор посмотрел на Горбовского.

— Как тебе это нравится, Леонид? — спросил он, невесело усмехаясь. — Да, дружище. Бедная Постышева! Она ангел по сравнению с этими вандалами. Когда я думаю, что ко всем моим болячкам прибавятся еще хлопоты по восстановлению системы снабжения и ассенизации, у меня волосы встают дыбом. — Он подергал себя за ус. — А с другой стороны, Ламондуа прав — Радуга действительно планета физиков. Но что скажет Канэко, что скажет Джина... — Он помотал головой и передернул плечами. — Да! Канэко! А где Канэко?

— Матвей, — сказал Горбовский, — а можно мне узнать, зачем ты меня вызвал?

Директор, повернувшись к нему спиной, возился с клавишами селектора.

— Тебе удобно? — спросил он.

— Да, — сказал Горбовский. Он уже лежал.

— Может, тебе пить хочется?

— Хочется.

— Возьми в холодильнике. Может, тебе есть хочется?

— Еще нет, но скоро захочется.

— Вот тогда и поговорим. А пока не мешай мне работать.

Горбовский достал из холодильника соки и стакан, смешал себе коктейль и снова лег в кресло, откинув спинку. Кресло было мягкое, прохладное, коктейль был ледяной и вкусный. Он лежал, прихлебывая из стакана, с полузакрытыми от удовольствия глазами и слушал, как директор разговаривает с Канэко. Канэко сказал, что не может выбраться — его не пускают. Директор спросил: «Кто не пускает?» — «Здесь сорок человек, — ответил Канэко, — и каждый не пускает». — «Сейчас я пришлю к тебе Габу», — сказал директор. Канэко возразил, что здесь и так достаточно шумно. Тогда Матвей рассказал о Волне и напомнил извиняющимся тоном, что Канэко, помимо всего прочего, является начальником СИБ Радуги. Канэко сердито сказал, что он этого не помнит, и Горбовский ему посочувствовал.

Начальники Службы индивидуальной безопасности всегда вызывали у него чувство жалости и сострадания. На каждую освоенную, а иногда и не совсем еще освоенную планету рано или поздно начинали прибывать аутсайдеры — туристы, отпускники (всей семьей и с детьми), свободные художники, ищущие новых впечатлений, неудачники, ищущие одиночества или работы потруднее, разнообразные дилетанты, спортсмены-охотники и прочий люд, не числившийся ни в каких списках, никому на планете не известный, ни с кем не связанный и зачастую старательно уклонявшийся от каких-либо связей. Начальник СИБ был обязан лично знакомиться с каждым из аутсайдеров, инструктировать их и следить, чтобы каждый аутсайдер давал ежедневно о себе знать сигналом на регистрирующую машину. На зловещих планетах типа Яйлы или Пандоры, где

новичка на каждом шагу подстерегали всевозможные опасности, команды СИБ спасли не одну человеческую жизнь. Но на плоской, как доска, Радуге, с ее ровным климатом, убогим животным миром и ласковым, всегда тихим морем, СИБ неизбежно должна была превратиться и, судя по всему, превратилась в пустую формальность. И вежливый, корректный Канэко, чувствуя двусмысленность своего положения, занимался, конечно, не инструктажем литераторов, приехавших поработать в одиночестве, и не прослеживанием замысловатых маршрутов влюбленных и молодоженов, а своим планированием или каким-нибудь другим настоящим делом.

— Сколько сейчас на Радуге аутсайдеров? — спросил Матвей.

— Человек шестьдесят. Может быть, немного больше.

— Канэко, дружище, всех аутсайдеров надо немедленно разыскать и переправить в Столицу.

— Я не совсем понимаю, в чем смысл этого мероприятия, — вежливо сказал Канэко. — В угрожаемых районах аутсайдеры практически никогда не бывают. Там голая сухая степь, там дурно пахнет, очень жарко...

— Пожалуйста, не будем спорить, Канэко, — попросил Матвей. — Волна есть Волна. В такое время лучше, чтобы все незаинтересованные люди были под рукой. Сейчас сюда придет Габа со своими бездельниками, и я пошлю его к тебе. Организуй там.

Горбовский, отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана. Камилл погиб, подумал он. А погибнув, воскрес. Со мной такие вещи тоже бывали. Видно, эта пресловутая Волна вызвала порядочную панику. Во время паники всегда кто-нибудь гибнет, а потом ты очень удивляешься, встретив его в кафе в миллионе километров от места гибели. Физиономия у него поцарапана, голос хриплый и бодрый, он слушает анекдоты и убирает шестую порцию маринованных креветок с сычуаньской капустой.

— Матвей, — позвал он. — А где сейчас Камилл?

— Ах да, ты еще не знаешь, — сказал директор. Он подошел к столику и стал смешивать себе коктейль

из гранатового сока и ананасного сиропа. — Со мн говорил Маляев из Гринфилда. Камилл каким-то обр зом оказался на передовом посту, задержался там попал под Волну. Какая-то запутанная история. Эт Скляров — наблюдатель — примчался на Камиллов флаере, закатил истерику и заявил, что Камилл ра давлен, а через десять минут Камилл выходит на связ с Гринфилдом, по обыкновению пророчествует и снов исчезает. Ну разве можно после таких вот выходо принимать Камилла всерьез?

— Да, Камилл большой оригинал. А кто тако Скляров?

— Наблюдатель у Маляева, я же тебе говорю. Очень старательный, милый парень, очень недалекий... Предполагать, что он предал Камилла, — это же нелепо. Вечно Маляеву приходят в голову какие-то дикие мысли...

— Не обижай Маляева, — сказал Горбовский. — Он просто логичен. Впрочем, не будем об этом. Будем лучше о Волне.

— Будем, — рассеянно сказал директор.

— Это очень опасно?

— Что?

— Волна. Она опасна?

Матвей засопел.

— В общем-то Волна смертельно опасна, — сказал он. — Беда в том, что физики никогда не знают заранее, как она будет себя вести. Она, например, может в любой момент рассеяться. — Он помолчал. — А может и не рассеяться.

— И укрыться от нее нельзя?

— Не слыхал, чтобы кто-нибудь пробовал. Говорят, что это довольно страшное зрелище.

— Неужели ты не видел?

Усы Матвея грозно встопорщились.

— Ты мог бы заметить, — сказал он, — что у меня мало времени мотаться по планете. Я все время кого-нибудь жду, кого-нибудь умиротворяю, или кто-нибудь меня ждет... Уверяю тебя, если бы у меня было свободное время...

Горбовский осторожненько осведомился:

— Матвей, я, наверное, понадобился тебе, чтобы искать аутсайдеров, не так ли?

Директор сердито взглянул на него.

— Захотел есть?

— Н-нет.

Матвей прошелся по кабинету.

— Я скажу тебе, что меня расстраивает. Во-первых, Камилл предсказывал, что этот эксперимент окончится неблагополучно. Они не обратили на это никакого внимания. Я, следовательно, тоже. А теперь Ламондуа признает, что Камилл был прав...

Дверь распахнулась, и в кабинет, блестя великолепными зубами, ввалился молодой громадный негр в коротких белых штанах, в белой куртке и в белых туфлях на босу ногу.

— Я прибыл! — объявил он, взмахнув огромными руками. — Что ты хочешь, о господин мой директор? Хочешь, я разрушу город или построю дворец? Хотел я, угадав твои желания, прихватить для тебя красивейшую из женщин, по имени Джина Пикбридж, но чары ее оказались сильнее, и она осталась в Рыбачьем, откуда и шлет тебе нелестные приветы.

— Я абсолютно ни при чем, — сказал директор. — Пусть шлет свои приветы Ламондуа.

— Воистину, пусть! — воскликнул негр.

— Габа, — сказал директор, — ты знаешь о Волне?

— Разве это Волна? — презрительно сказал негр. — Вот когда в стартовую камеру войду я и Ламондуа нажмет пусковой рычаг, вот тогда будет настоящая Волна! А это вздор, зыбь, рябь! Но я слушаю тебя и готов повиноваться.

— Ты с бригадой? — спросил директор терпеливо. Габа молча показал на окно. — Ступай с ними на космодром, ты поступаешь в распоряжение Канэко.

— На голове и на глазах, — сказал Габа. В тот же момент здоровенные глотки за окном грянули под банджо на мотив псалма «У стен Иерихонских»:

На веселой Радуге,
Радуге, Радуге...

Габа в один шаг очутился у окна и гаркнул:

— Ти-хо!

Песня смолкла. Тонкий чистый голос жалобно протянул:

Dig my grave both long and narrow,
Make my coffin neat and strong!..[1]

— Я иду, — с некоторым смущением сказал Габа и мощным прыжком перемахнул через подоконник.

— Дети... — проворчал директор, ухмыляясь. Он опустил раму. — Застоялись младенцы. Не знаю, что я буду делать без них.

Он остался стоять у окна, и Горбовский, прикрыв глаза, смотрел ему в спину. Спина была широченная, но почему-то такая сгорбленная и несчастная, что Горбовский забеспокоился. У Матвея, звездолетчика и десантника, просто не могло быть такой спины.

— Матвей, — сказал Горбовский. — Я тебе правда нужен?

— Да, — сказал директор. — Очень. — Он все смотрел в окно.

— Матвей, — сказал Горбовский. — Расскажи мне, в чем дело.

— Тоска, предчувствия, заботы, — продекламировал Матвей и замолчал.

Горбовский поерзал, устраиваясь, тихонько включил проигрыватель и так же тихонько сказал:

— Ладно, дружок. Я посижу здесь с тобой просто так.

— Угу. Ты уж посиди, пожалуй.

Грустно и лениво звенела гитара, за окном пылало горячее пустое небо, а в кабинете было прохладно и сумеречно.

---

[1] Выройте мне могилу, длинную и узкую,
Гроб мне крепкий сделайте, чистый и уютный...
(Народная американская песня)

— Кдать. Будем ждать, — громко сказал директор верн лся в свое кресло.

Гор овский промолчал.

— Да! — сказал он. — Какой же я невежливый! Я с всем абыл. Что Женечка?

— Спасибо, хорошо.

— Она не вернулась?

— Нет. Так и не вернулась. По-моему, она теперь и думать об этом не хочет.

— Все Алешка?

— Конечно. Просто удивительно, как это оказалось для нее важно.

— А помнишь, как она клялась: «Вот пусть только родится!..»

— Я все помню. Я помню такое, чего ты и не знаешь. Она с ним сначала ужасно мучилась. Жаловалась. «Нет, — говорит, — у меня материнского чувства. Урод я. Дерево». А потом что-то случилось. Я даже не заметил как. Правда, он очень славный поросенок. Очень ласковый и умница. Гулял я с ним однажды вечером в парке. Вдруг он спрашивает: «Папа, что это приседает?» Я сначала не понял. Потом... Понимаешь, ветер, качается фонарь, и тени от него на стене. «Приседает». Очень точный образ, правда?

— Правда, — сказал Горбовский. — Писатель будет. Только хорошо бы отдать его все-таки в интернат.

Матвей махнул рукой.

— Не может быть и речи, — сказал он. — Она не отдаст. И ты знаешь, сначала я спорил, а потом подумал: «Зачем? Зачем отнимать у человека смысл жизни?» Это ее смысл жизни. Мне это недоступно,— признался он,— но я верю, потому что вижу. Может быть, дело в том, что я много старше ее. И слишком поздно для меня появился Алешка. Я иногда думаю, как бы я был одинок, если бы не знал, что каждый день могу его видеть. Женька говорит, что я люблю его не как отец, а как дед. Что ж, очень может быть. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю. Но мне это незнакомо. Я, Матвей, никогда не был одиноким.

— Да,— сказал Матвей.— Сколько я тебя знаю, вокруг тебя все время крутятся люди, которым ты позарез нужен. У тебя очень хороший характер, тебя все любят.

— Не так, — сказал Горбовский. — Это я всех люблю. Прожил я чуть не сотню лет и, представь себе, Матвей, не встретил ни одного неприятного человека.

— Ты очень богатый человек, — проговорил Матвей.

— Кстати, — вспомнил Горбовский. — Вышла в Москве книга. «Нет горше твоей радости», Сергея Волкового. Очередная бомба эмоциолистов. Генкин разразился желчной статьей. Очень остроумно, но неубедительно: литература, мол, должна быть такой, чтобы ее было приятно препарировать. Эмоциолисты ядовито смеялись. Наверное, все это продолжается до сих пор. Никогда я этого не пойму. Почему они не могут относиться друг к другу терпимо?

— Это очень просто, — сказал Матвей. — Каждый воображает, что делает историю.

— Но он делает историю! — возразил Горбовский. — Каждый действительно делает историю! Ведь мы, средние люди, все время так или иначе находимся под их влиянием.

— Не хочется мне об этом спорить, — сказал Матвей. — Некогда мне об этом думать, Леонид. Я под их влиянием не нахожусь.

— Ну давай не будем спорить, — сказал Горбовский. — Давай выпьем сока. Если хочешь, я даже могу выпить местного вина. Но только если это действительно тебе поможет.

— Мне сейчас поможет одно. Ламондуа явится сюда и разочарованно скажет, что Волна рассеялась.

Некоторое время они молча пили сок, поглядывая друг на друга поверх бокалов.

— Что-то давно к тебе никто не звонит, — сказал Горбовский. — Даже как-то странно.

— Волна, — сказал Матвей. — Все заняты. Раздоры забыты. Все удирают.

Дверь в глубине кабинета отворилась, и на пороге появился Этьен Ламондуа. Лицо у него было задумчивое,

и двигался он необычайно медленно и размеренно. Директор и Горбовский молча смотрели, как он идет, и Горбовский почувствовал неприятное ощущение под ложечкой. Он еще представления не имел о том, что происходит или произошло, но уже знал, что уютно лежать больше не придется. Он выключил проигрыватель.

Подойдя к столу, Ламондуа остановился.

— Кажется, я огорчу вас, — медленно и ровно сказал он. — «Харибды» не выдержали. — Голова Матвея ушла в плечи. — Фронт прорван на севере и на юге. Волна распространяется с ускорением десять метров в секунду за секунду. Связь с контрольными станциями прервана. Я успел отдать приказ об эвакуации ценного оборудования и архивов. — Он повернулся к Горбовскому. — Капитан, мы надеемся на вас. Будьте добры, скажите, какая у вас грузоподъемность?

Горбовский, не отвечая, смотрел на Матвея. Глаза директора были закрыты. Он бесцельно гладил поверхность стола огромными ладонями.

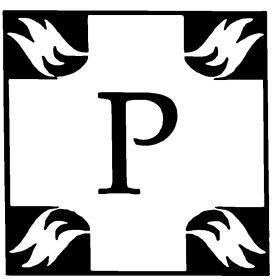
— Грузоподъемность? — повторил Горбовский и встал. Он подошел к директорскому пульту, нагнулся к микрофону всеобщего оповещения и сказал: — Внимание, Радуга! Штурману Валькенштейну и бортинженеру Диксону срочно явиться на борт звездолета.

Потом он вернулся к Матвею и положил руку ему на плечо.

— Ничего страшного, дружок, — сказал он. — Поместимся. Отдай приказ эвакуировать Детское. Я займусь яслями. — Он оглянулся на Ламондуа. — А грузоподъемность у меня маленькая, Этьен, — сказал он.

Глаза у Этьена Ламондуа были черные и спокойные — глаза человека, знающего, что он всегда прав.

ГЛАВА 6

оберт видел, как все это произошло.

Он сидел на корточках на плоской крыше башни дальнего контроля и осторожно отсоединял антенны-приемники. Их было сорок восемь — тонких тяжелых стерженьков, вмонтированных в скользящую параболическую раму, и каждый нужно было аккуратно вывернуть и со всеми предосторожностями уложить в специальный футляр. Он очень торопился и то и дело поглядывал через плечо на север.

Над северным горизонтом стояла высокая черная стена. По гребню ее, там, где она упиралась в тропопаузу, шла ослепительная световая кайма, а еще выше в пустом небе вспыхивали и гасли бледные сиреневые разряды. Волна надвигалась неодолимо, но очень медленно. Не верилось, что ее сдерживает редкая цепь неуклюжих машин, казавшихся отсюда совсем маленькими. Было как-то особенно тихо и знойно, и солнце казалось особенно ярким, как в предгрозовые

минуты на Земле, когда все затихает и солнце еще светит вовсю, но полнеба уже закрыто черно-синими тяжелыми тучами. В этой тишине было что-то особенно зловещее, непривычное, почти потустороннее, потому что обыкновенно наступающая Волна бросала впереди себя многобалльные ураганы и рев бесчисленных молний.

А сейчас было совсем тихо. До Роберта отчетливо доносились торопливые голоса с площади внизу, где в тяжелый вертолет навалом грузили особо ценное оборудование, дневники наблюдений, записи автоматических приборов. Было слышно, как Пагава гортанно бранит кого-то за то, что преждевременно сняли анализаторы, а Маляев неспешно обсуждает с Патриком сугубо теоретический вопрос о вероятном распределении зарядов в энергетическом барьере над Волной. Все население Гринфилда собралось сейчас в этой башне под ногами Роберта и на площади. Взбунтовавшиеся биологи и две компании туристов, остановившиеся накануне в поселке на ночлег, были отправлены за полосу посевов. Биологов отправили на птерокаре вместе с лаборантами, которым Пагава приказал оборудовать за полосой посевов новый наблюдательный пункт, а за туристами прибыл специальный аэробус из Столицы. И биологи и туристы были очень недовольны; и когда они улетели, в Гринфилде остались только довольные.

Роберт работал почти машинально и, как всегда, работая руками, думал о самых разных вещах. Очень болит плечо. Странно: плечом нигде не стукался. Живот саднит, ну, живот понятно — когда споткнулся об ульмотрон. Интересно, как сейчас выглядит этот ульмотрон. И как выглядит мой птерокар. И как выглядит... Интересно, что здесь будет через три часа. Цветники жалко... Детишки целое лето трудились, выдумывали самые фантастические сочетания цветов. И тогда мы познакомились с Таней. Та-ня, — тихонько позвал он. Как ты там сейчас? Он прикинул расстояние от фронта Волны до Детского. Безопасно, подумал он с удовлетворением. Они там, наверное, и не знают о том, что

Волна, что взбунтовались биологи, что я чуть не погиб, что Камилл...

Он выпрямился, вытер лицо тыльной стороной ладони и посмотрел на юг, на бесконечные зеленые поля хлеба. Он пытался думать о гигантских стадах мясных коров, которых перегоняют сейчас в глубь континента; о том, как много придется работать над восстановлением Гринфилда, когда рассеется Волна; и как неприятно после двухлетнего изобилия снова возвращаться к синтепище, к искусственным бифштексам, к грушам с привкусом зубной пасты, к хлорелловым «супам сельским», к котлетам бараньим квазибиотическим и к прочим чудесам синтеза, будь они неладны... Он думал о чем попало, но он ничего не мог сделать.

Никуда не уйти от удивленных глаз Пагавы, от ледяного тона Маляева, от преувеличенно-участливого обращения Патрика. Самое страшное, что ничего нельзя сделать. Что со стороны это должно выглядеть, мягко выражаясь, странно. А зачем, собственно, выражаться мягко? Это выглядит попросту однозначно. Испуганный наблюдатель в растерзанном виде прилетает в чужом флаере и заявляет о гибели товарища. А товарищ, оказывается, был жив. Товарищ, оказывается, погиб уже после, когда испуганный наблюдатель удирал на его флаере. Но он же был раздавлен насмерть, в десятый раз повторял про себя Роберт. А может быть, это был просто бред? Может быть, я перепугался до бреда? Никогда не слышал о таких вещах. Но ведь и о том, что случилось — если это случилось, — я тоже никогда не слышал. Ну и пусть, в отчаянии подумал он. Пусть не верят. Танюшка поверит. Только бы она поверила! А им все равно, они о Камилле забыли сразу. Они будут вспоминать о нем, только когда будут видеть меня. И будут смотреть на меня своими теоретическими глазками, и анализировать, и сопоставлять, и взвешивать. И строить наименее противоречивые гипотезы, и только правды они никогда не узнают... И я тоже никогда не узнаю правды.

Он вывернул последнюю антенну, уложил ее в футляр, затем собрал все футляры в плоский картонный ящик, и тут с севера донесся гулкий хлопок, словно в огромном пустом зале лопнул воздушный шарик. Обернувшись, Роберт увидел, как на аспидно-черном фоне Волны встает длинный белый факел. Горела «харибда». Сейчас же внизу смолкли голоса, взвыл и заглох работавший вхолостую мотор вертолета. Наверное, все там прислушивались и смотрели на север. Роберт еще не понял, что произошло, когда затряслось, задребезжало и из-под башни, подминая уцелевшие пальмы, поползла резервная «харибда», задирая на ходу раструб поглотителя. На открытом месте она взревела так, что заложило уши, и покатилась на север затыкать прорыв, окутавшись облаком рыжей пыли.

Дело было довольно обычное: одна из «харибд» не успела отвести в базальт избыток энергии из емкостей, и Роберт уже нагнулся за картонным ящиком, но тут у подножия черной стены что-то ярко вспыхнуло, взлетел веер разноцветного пламени, и еще один столб белого дыма, наливаясь и густея на глазах, потянулся к небу. Докатился новый хлопок. Внизу дружно закричали, и Роберт сразу увидел далеко к востоку еще несколько факелов. «Харибды» вспыхивали одна за другой, и через минуту тысячекилометровая стена Волны, напоминавшая теперь классную доску, исчерченную мелом, качнулась и поползла вперед, выбрасывая перед собой в степь черные вспухающие кляксы. Роберт с трудом глотнул пересохшим горлом и, подхватив ящик, побежал вниз по лестнице.

По коридорам метались люди. Пробежала перепуганная Зиночка, прижимая к груди пачку коробок с пленкой. Гасан Али-заде и Карл Гофман со сверхъестественной скоростью волокли к выходу громоздкий саркофаг лабораторного хемостазера — их словно ветром несло. Кто-то звал: «Идите сюда! Не могу я один! Гасан!..» В вестибюле зазвенело разбитое стекло. Зафыркали моторы на площади. В диспетчерской, топча разбросанные карты и бумаги, прыгал перед экраном

Пагава и нетерпеливо кричал: «Почему не слышишь? «Харибды» горят! Горят «харибды», говорю! Волна пошла! Ничего, понимаешь, не слышу!.. Этьен! Если понял, кивни!..»

Роберт, морщась от боли, взвалил коробку на плечо и стал спускаться в вестибюль. Позади кто-то, шумно дыша, грохотал по ступенькам. Вестибюль был усеян оберточной бумагой и обломками какого-то прибора. Дверь из небьющегося стекла была расколота вдоль. Роберт боком протиснулся на крыльцо и остановился. Он увидел, как один за другим уходят в небо битком набитые птерокары. Он увидел, как Маляев, молча, с каменным лицом, впихивает в последний птерокар девушек-лаборанток. Он увидел, как Гасан и Карл, разевая от натуги рты, пытаются закинуть свой саркофаг в дверцу вертолета, а кто-то изнутри старается им помочь, и каждый раз саркофаг бьет его по пальцам. Он увидел Патрика, совершенно спокойного, сонного Патрика, прислонившегося спиной к заднему фонарю вертолета с видом сосредоточенным и задумчивым. А повернув голову, он увидел чуть ли не над собой угольно-черную стену Волны, бархатным занавесом закрывающую небо.

— Перестаньте же грузить! — закричал у него над ухом Пагава. — Опомнитесь! Немедленно бросьте этот гроб!

Хемостазер с тяжким звоном рухнул на бетон.

— Выбрасывайте все! — кричал Пагава, сбегая с крыльца. — Всем в вертолет немедленно! Не видите, да? Я кому говорю, Скляров! Патрик, заснул?!

Роберт не двигался с места. Патрик тоже. В это время Маляев, навалившись, захлопнул дверцу птерокара и замахал руками. Птерокар растопырил крылья, тяжело подпрыгнул и, перекосившись на борт, ушел за крыши. Из вертолета летели ящики. Кто-то вопил плачущим голосом: «Не дам, Шота Петрович! Это я им не дам!..» — «Дашь, голубчик! — ревел Пагава. — Еще как дашь!» К Пагаве подбежал Маляев, крича что-то и указывая на небо. Роберт поднял глаза. Маленький вертолет-наводчик, утыканный, как еж, антеннами, с

ужасным воем перегретого двигателя пронесся над площадью и, быстро уменьшаясь, умчался на юг. Пагава воздел над головой стиснутые кулаки:

— Куда? — заорал он. — Назад! Назад, шени деда! Прекратить панику! Остановить его!

Все это время Роберт стоял на крыльце, удерживая на ноющем плече тяжелый картонный ящик. У него было впечатление, будто он в кино. Вот разгружают вертолет. То есть попросту вываливают из него все, что попадает под руку. Вертолет действительно перегружен — это видно по просевшим шасси. Рядом с вертолетом толкутся. Сначала толклись с криками, а теперь замолчали. Гасан сосет косточки на пальцах — наверное, ободрался. Патрик, кажется, совсем заснул. Нашел время и, главное, место!.. Карл Гофман, человек педантичный (то, что называется «вдумчивый и осторожный ученый»), подхватывает летящие из вертолета ящики и пытается складывать их аккуратно — вероятно, для самоутверждения. Пагава нетерпеливо прыгает возле вертолета и все время поглядывает то на Волну, то на башню контроля. Ему явно не хочется улетать, и он жалеет, что он здесь старший. Маляев стоит в стороне и тоже смотрит на Волну — не отрываясь и с холодной враждой. А в тени коттеджа, где жил Патрик, стоит мой флаер. Интересно, кто его туда отвел и зачем? На флаер никто не обращает внимание, да он и не нужен никому: осталось человек десять, не меньше. Вертолет хороший, мощный, класса «гриф», но при таком грузе он пойдет с половинной скоростью. Роберт поставил ящик на ступеньку.

— Не успеем, — сказал Маляев.

В голосе его была такая тоска и горечь, что Роберт удивился. Но он уже знал, что все успеют. Он подошел к Маляеву.

— Есть еще резервная «харибда», — сказал он. — Четверть часа вам хватит?

Маляев смотрел на него, не понимая.

— Есть две резервные «харибды», — холодно сказал он и вдруг понял.

— Ладно, — сказал Роберт. — Не забудьте Патрика. Он с той стороны вертолета.

Роберт повернулся и побежал. Вслед ему закричали, но он не оглянулся. Он бежал изо всех сил, перепрыгивая через брошенные аппараты, через грядки с декоративными растениями, через аккуратно подстриженные кусты с пахучими белыми цветами. Он бежал к запасной окраине. Справа над крышами стояла черная бархатная стена, упиравшаяся в зенит, а слева палило ослепительное белое солнце. Роберт обогнул последний дом и сразу наткнулся на необъятную корму «харибды». Он увидел клочья зелени, застрявшие в сочленениях исполинских гусениц, растерзанные лепестки яркого цвета, прилипшие к траку, ободранный ствол молодой пальмы, торчащий между ленивцами, и, не поднимая глаз, полез наверх по узкому трапу, обжигая руки о накаленные солнцем перекладины. Все так же не поднимая глаз, он съехал на спине в кабину ручного управления, уселся в кресло, откинул стальную заслонку перед лицом, и вновь его руки заработали привычно, автоматически. Правая рука протянулась вперед и врубила ток, левая одновременно включила сцепление, перевела управление на ручное, а правая уже тянулась назад, отыскивая клавишу стартера; и когда все вокруг заревело, загрохотало и затряслось, левая, уже совершенно ни к чему, включила систему кондиционирования. Затем — уже сознательно — он нашарил рычаг управления поглотителем, отвел его до отказа на себя и только тогда решился посмотреть вперед через отброшенную заслонку.

Прямо перед ним была Волна. Вероятно, ни один человек после Лю еще никогда не был так близко от Волны. Она была просто черная, без малейших прожилок, и залитая солнцем степь до самого горизонта отчетливо рисовалась на ее фоне. Была видна каждая травинка, каждый кустик. Роберт видел даже землероек, желтыми столбиками ошарашенно замерших перед своими норками.

Над головой возник и начал стремительно нарастать сухой звенящий вой — заработал поглотитель.

«Харибда» плавно раскачивалась на ходу. В зеркале заднего вида прыгали в пыли здания поселка. Вертолета видно не было. Еще метров сто, нет, еще метров пятьдесят — и довольно. Он покосился налево, и ему почудилось, что стена Волны уже немного выгнулась. Впрочем, судить об этом было очень трудно. А может быть, и не успею, подумал вдруг он. Он не сводил глаз с белых дымных столбов, поднимающихся из-за горизонта. Дым рассеивался быстро и был теперь едва виден. Интересно, что могло гореть в «харибдах»?

Хватит, подумал он, нажимая на тормоз. А то не убежать. Он снова поглядел в зеркало заднего вида. Долго, ох, долго возятся, подумал он. Степь перед «харибдой» медленно темнела огромным треугольником, в вершине которого находился поглотитель. Землеройки вдруг беспокойно запрыгали, одна из них шагах в двадцати вдруг упала на спину, судорожно дергая лапками.

— Убегайте, дурачки! — сказал вслух Роберт. — Вам можно...

И тут он увидел вторую «харибду». Она стояла в полукилометре к востоку, жадно задрав черный раструб поглотителя, и перед ней точно так же темнела трава, ежась от нестерпимого холода.

Роберт ужасно обрадовался. Молодец, подумал он. Умница! Смельчак! Неужели Маляев? А почему бы нет? Ведь он тоже человек, и все человеческое ему не чуждо... А может, сам Пагава? Впрочем, его просто не пустят. Свяжут и сунут под сиденье и еще ногами придавят, чтобы не брыкался. Нет, молодец, молодец! Он толкнул бортовой люк, высунулся и закричал:

— Эге-ге! Держись, дружище! Вдвоем мы тут с тобой год простоим!..

Он посмотрел на приборы и сразу забыл обо всем. Емкости были на исходе: светящаяся стрелка под запыленным стеклом упиралась в ограничитель. Он быстро взглянул в зеркало заднего вида, и у него немного отлегло от сердца. В белом небе над крышами поселка висело быстро уменьшающееся темное пятнышко. Еще

минут десять, подумал он. Теперь ясно было видно, что фронт Волны перед поселком прогнулся. Волна обтекала зону действия «харибд» с востока и с запада.

Роберт посидел немного, стиснув зубы. Вся его энергия уходила на то, чтобы отогнать видение обгорелого трупа в водительском кресле. Хорошо бы научиться по желанию выключать воображение... Он встрепенулся и принялся открывать все люки, какие только мог вспомнить. Тяжелый круглый люк над головой. Люк слева — настежь его! Люк справа уже приоткрыт — тоже настежь... Дверцу за спиной, ведущую в машинное отделение... Нет, ее лучше закрыть — взрыв происходит, наверное, именно там, в емкостях... На засов ее, на засов... Как раз в этот момент соседняя «харибда» взорвалась.

Роберт услышал короткий оглушительный гром, его толкнуло горячим воздухом, и, высунувшись из люка, он увидел, что на месте соседа стоит огромная туча желтой пыли, закрывающая степь, и небо, и Волну, а в глубине тучи что-то тлеет ярким вздрагивающим светом. Что-то прошелестело в воздухе и звонко стукнулось о броню. Роберт глянул на приборы и одним движением выбросился через левый люк.

Он упал ничком в горячую сухую траву, вскочил и, пригибаясь, пустился бегом к поселку. Так он не бегал никогда в жизни. Его «харибда» взорвалась, когда он был уже в палисаднике крайнего дома. Он даже не оглянулся, только втянул голову в плечи, согнулся еще ниже и побежал еще быстрее. Вечная тебе слава, твердил он. Вечная тебе слава!.. Потом он сообразил, что повторяет эти слова с того момента, когда увидел на месте соседней «харибды» этот жуткий столб пыли.

Площадь была пуста, газоны вытоптаны, всюду валялись ценнейшая уникальная аппаратура, коробки с уникальными записями, и легкий ветерок лениво перелистывал уникальные дневники уникальных наблюдателей.

Тяжело дыша, Роберт пересек площадь и подбежал к флаеру. Двигатель флаера работал, а на

водительском месте с обычным своим сонным видом сидел Патрик.

— Ну, вот и ты, — сказал Патрик ласково. Роберт ошарашенно смотрел на него. — Я уж думал, ты там остался. Садись скорее, надо уносить ноги. У нее скорость сейчас — ой-ей-ей!..

Роберт повалился на сиденье рядом с ним.

— Погоди, — сказал он, задыхаясь. — Может быть, второй... тоже спасся? Кто это был? Маляев, Гофман?..

Патрик неуклюже завертел рукояткой, выводя флаер для разгона.

— Второй — это я, — сказал он застенчиво.

— Ты?

— Я, — повторил Патрик и нервно хихикнул. Он вырулил флаер на дорожку и наконец поднял его. — Я почувствовал, что взрываюсь, вылез и убежал. Здорово громыхнуло, верно? Меня до самого поселка катило...

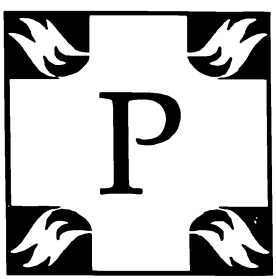
Поселок медленно повернулся под ними и скользнул назад. Ай да Патрик, подумал Роберт с недоумением.

— А моя посильнее грохнула, — заявил Патрик. — Как тебе кажется, Роб, а?..

— Куда ты летишь? — спросил Роберт.

— В Холодные Ручьи, — сказал Патрик. — Новая база будет там.

ГЛАВА 7

оберт посмотрел через плечо. Ничего уже не было видно, кроме белесого неба и зеленых полей. Два раза я уже сегодня от нее уходил, подумал он. Не миновать и третьего.

— Что теперь будет? — спросил он

Патрик выпятил толстые губы.

— Плохо будет. У нее огромный запас энергии.

— Ты пробовал подсчитать?

— Да.

— Ну?

Патрик тяжко вздохнул и ничего не ответил. Роберт, сдвинув брови, смотрел прямо перед собой. Потом он включил рацию флаера и настроился на Детское. Он несколько раз нажал на клавишу вызова, но Детское не отзывалось. Не надо беспокоиться, думал он. Летний праздник и все такое. Как странно, они еще ничего не знают. И пусть ничего не знают. Буду знать только я. Он опять спросил:

— Куда мы летим?

— Ты уже спрашивал.

— Ах, да... Патрик, дружище, тебе очень нужно в эти Ручьи?

— Конечно. Куда же нам еще?

Роберт откинулся на сиденье.

— Да, — сказал он. — Зря ты остался.

— В каком смысле «зря»?

— Ты можешь побыстрее?

— Могу...

— А еще быстрее?

Патрик промолчал. Двигатель клокотал, захлебываясь воздухом.

— Мы всегда торопимся, — пробормотал Патрик. — Всегда нас что-то или кто-то подгоняет. Быстрее, еще быстрее... А нельзя ли еще быстрее? Можно, отвечаем мы. Пожалуйста!.. Нет времени осмотреться. Нет времени подумать. Нет времени разобраться — зачем и сто́ит ли? А потом появляется Волна. И мы опять торопимся.

— Подавай больше горючего, — сказал Роберт. Он думал совсем о другом. — И держи правее.

Патрик замолчал. Внизу проносились зеленые поля созревающего хлеба, редкие белые домики синоптических станций. Было видно, как прямо через хлеба гнали на юг скот. Киберпастухи казались с этой высоты крошечными блестящими звездочками. Все это было уже не нужно.

— Ты не слышал что-нибудь о «Стреле»? — спросил Роберт.

— Нет. «Стрела» далеко. Она не успеет. Брось об этом думать, Роб!

— О чем же мне еще думать? — пробормотал Роберт.

— А ни о чем. Сядь поудобнее и смотри вокруг. Не знаю, как ты, а я ничего этого раньше не замечал. По-моему, я никогда даже не видел эту зеленую волну на хлебах от ветра... Волну! Тьфу! А знаешь, когда я все это впервые увидел? Знаешь? Когда смотрел в степь

через железную заслонку на «харибде». Я все смотрел на эту черноту и вдруг увидел степь и понял, что всему конец. И мне стало ужасно жалко этого. А землеройки смотрели на Волну и ничего не понимали... И знаешь, что я открыл, Роб? Где-то мы просчитались.

Роберт молчал. Поздно спохватился, думал он. Надо было смотреть раньше, хотя бы в окно.

Внизу проплывали белые прямоугольники зданий, бетонированные площади, полосатые башни энергоантенн — это была одна из многочисленных энергетических станций северного пояса.

— Снижайся, — сказал Роберт.

— Куда?

— Вон площадь — видишь? — где птерокары.

Патрик глянул через борт.

— Действительно, — сказал он. — А зачем?

— Возьмешь себе птерокар, а мне отдашь флаер.

— Что ты задумал? — спросил Патрик.

— Полетишь дальше один. Мне в Ручьи не надо. Снижайся.

Патрик послушно пошел на посадку. Флаер он все-таки водил отвратительно. Роберт разглядывал площадь.

— Превосходная организация, — пробормотал он насмешливо. — Мы там давимся, все бросаем, а здесь на двух дежурных три птерокара.

Флаер неуклюже сел между птерокарами. Роберт прикусил язык.

— Ой! — сказал он. — Ну, вылезай, вылезай.

Патрик очень медленно и неохотно слез с сиденья.

— Роб, — сказал он неуверенно, — может быть, это не мое дело, но что же ты все-таки задумал?

Роберт проворно передвинулся на его место.

— Не беспокойся, ничего страшного. Ты справишься с птерокаром?

Патрик стоял, опустив руки, и лицо его приняло жалостливое выражение.

— Роб, — сказал он. — Смотри на вещи трезво. Над Волной плазмовый барьер в сто километров. Тебе не перепрыгнуть.

Роберт с изумлением посмотрел на него.

— Он уже давно погиб, — сказал Патрик. — Первый раз ты мог ошибиться, но теперь там прошла Волна.

— О чем ты? — спросил Роберт. — Я не собираюсь прыгать через Волну, будь она проклята. У меня есть дело поважнее. Прощай. Передай Маляеву, я не вернусь. Прощай, Патрик.

— Прощай, — сказал Патрик.

— Ты мне так и не сказал, справишься ты с птерокаром или нет?

— Справлюсь, — печально сказал Патрик. — Птерокар я знаю хорошо. Эх, Роб!..

Роберт круто взял на себя ручку управления, и когда он через пять минут оглянулся, энергостанция уже скрылась за горизонтом. До Детского было два часа лету. Роберт проверил горючее, послушал двигатель, перевел его на самый экономичный режим и включил киберпилот. Потом он снова попробовал вызвать Детское. Детское молчало. Роберт хотел выключить рацию, но подумал и переключил приемник на самонастройку.

— ...девятого класса Асмодей Барро нашел во время экскурсии окаменевшие организмы, напоминающие морских ежей. Место находки отстоит довольно далеко от побережья...

— ...совещание у директора. Здесь ходят какие-то странные слухи. Говорят, Волна дошла до Гринфилда. Не вернуться ли мне на базу? Сейчас, по-моему, не до ульмотронов.

— ...поставить своими силами не удастся. У нас нет Отелло. Если говорить откровенно, идея ставить Шекспира представляется мне абсурдной. Не думаю, чтобы мы оказались способны на новую интерпретацию, а ждать, пока...

— ...Витя, как ты меня слышишь? Витя, изумительная новость! Буллит раскодировал этот ген. Возьми бумагу и пиши. Шесть... Одиннадцать... Одиннадцать, говорю...

— Внимание, Радуга! Начальник всех поисковых партий. Начать эвакуацию. Обратить особое внимание на то, чтобы все летательные транспортные средства класса не ниже «Медузы» были доставлены в Столицу.

— ...небольшой голубой коттеджик прямо на берегу. Здесь очень свежий воздух, превосходное солнце. Я никогда не любила Столицу и никогда не понимала, зачем ее построили на экваторе. Что? Ну конечно, ужасно душно...

— ...Сойер! Сойер! Я Канэко. Немедленно меняй курс. Художники уже нашлись. Иди на юг. Разыщи третий вертолет. Третий вертолет не прибыл...

— Внимание, испытатели! Сегодня в четырнадцать часов состоится внеплановый нуль-запуск человека к Земле. Просьба прибыть в Институт не позже тринадцати часов...

— ...Ничего не понимаю. Никак не могу связаться с директором. Все каналы заняты. Ты не знаешь, что происходит?

— Адольф! Адольф! Умоляю, откликнись! Умоляю, возвращайся немедленно! Еще есть шанс попасть на звездолет!.. (Голос стал уплывать, но Роберт придержал верньер.) Страшная катастрофа! Почему-то об этом ничего не сообщают, но мне сказали, что Радуга обречена! Возвращайся немедленно! Я хочу быть с тобой сейчас...

Роберт отпустил верньер.

— ...как всегда. У Веселовского. Нет, Синица читает новые стихи. По-моему, любопытное. Мне кажется, они должны тебе понравиться. Нет, это, конечно, не шедевр, однако...

— ...Почему же, я все прекрасно понимаю. Но посуди сам, «Тариэль-Второй» — это десантный звездолет. Ты пробовал прикинуть, сколько людей он может взять? Нет, я уж останусь здесь. Вера тоже решила остаться. Не все ли равно, где...

— Следопыты, Следопыты! Место сбора — Столица. Все в Столицу! Забирайте с собой «кроты», будем рыть убежище. Может быть, успеем...

— ...«Тариэль», говорите? Знаю, как же, Горбовский. Да, грузоподъемность у него, к сожалению, невелика. Ну что ж... Я предлагаю приблизительно такой список: от дискретников — Пагава, от волновиков — Аристотель, может быть Маляев, от барьерщиков я бы рекомендовал Форстера... Ну и что же что он старый? Он велик! Вам, голубчик, сорок лет, и вы я вижу, плохо представляете себе психологию старика. Всего-то навсего осталось жить лет пять-десять, и то не дают...

— Габа! Габа! Слышал о нуль-запуске? Что? Занят? Вот странный человек... Я лечу в Институт. Почему же я с ума сошел? Да знаю я все это, знаю... Именно сейчас! А если вдруг получится? Ну, прощай. Ищи то, что от меня останется, где-нибудь возле Проциона...

— Опять физики что-то взорвали на Северном полюсе. Надо бы слетать посмотреть, но тут прибыл какой-то вертолет, и нас всех приглашают в Столицу. Ах, вас тоже? Странно!.. Ну, там увидимся.

Роберт выключил рацию. «Тариэль-Второй», десантник... Он взял управление от киберпилота и до предела увеличил обороты двигателя. Хлеба внизу кончились, началась полоса тропических лесов. Ничего нельзя было разглядеть в пестрой желто-зеленой путанице, но Роберт знал, что там, под сенью исполинских деревьев, проходят прямые шоссе и по этим шоссе, вероятно, уже мчатся на запад машины с беженцами. Несколько тяжелых грузовых вертолетов прошло на юго-запад где-то возле самого горизонта. Они скрылись из виду, и Роберт снова остался один. Он вытащил радиофон и набрал номер Патрика. Патрик долго не откликался. Наконец послышался его голос:

— Алло?

— Патрик, это я, Скляров. Патрик, что известно о Волне?

— Все то же, Роб. Берег Пушкина затоплен. Аодзора сгорела. Рыбачий горит сейчас. Несколько «харибд» уцелело, их оттаскивают на буксире к Столице. А ты где?

— Это неважно, — сказал Роберт. — Сколько от Волны до Детского?

— До Детского? Зачем тебе Детское? До Детского далеко. Слушай, Роб, если уцелеешь, срочно лети в Столицу. Мы все там будем через полчаса. — Он вдруг хихикнул. — Маляева пытались всадить в звездолет. Жалко, тебя не было. Он разбил Гасану нос. А Пагава куда-то спрятался.

— А тебя не пытались всадить?

— Ну зачем же ты так, Роб...

— Ладно, извини. Значит, от Детского Волна пока далеко?

— Не то чтобы очень далеко... Час-полтора...

— Спасибо, Патрик. До свидания.

Роберт снова попытался связаться с Таней, на этот раз по радиофону. Он ждал пять минут. Таня не отвечала...

Детское было пусто. Над стеклянными спальнями, над садами, над пестрыми коттеджами висела тишина. Здесь не было того панического беспорядка, который оставили после себя нулевики в Гринфилде. Песчаные дорожки были аккуратно подметены, парты в саду стояли, как всегда, ровными рядами, постели были старательно прибраны. Только на дорожке перед Таниным коттеджем валялась на песке забытая кукла. Возле куклы сидел большеглазый пушистый ручной калям. Он старательно обнюхивал ее, поглядывая на Роберта с добродушным любопытством.

Роберт вошел в Танину комнату. Здесь было, как всегда, чисто, светло и хорошо пахло. На столе лежала раскрытая тетрадь, через спинку стула свисало большое махровое полотенце. Роберт потрогал его — оно было еще влажное.

Роберт постоял у стола, потом рассеянно скользнул взглядом по тетради. Он дважды прочел свое имя, прежде чем это дошло до его сознания. Имя было написано большими печатными буквами.

«РОБИК! Нас спешно эвакуировали в Столицу. Ищи меня в Столице. Непременно найди! Нам еще

ничего не говорили, но, кажется, надвигается что-то страшное. Ты мне нужен, Робик. Найди меня. Твоя Т.».

Роберт вырвал листок из тетради, сложил вчетверо и спрятал в карман. Он последний раз окинул взглядом Танину комнату, открыл стенной шкаф, потрогал ее платья, снова закрыл шкаф и вышел из коттеджа.

От Таниного коттеджа было хорошо видно море — спокойное, похожее на застывшее зеленое масло. Десятки тропинок вели через траву к желтому пляжу, на котором были разбросаны шезлонги и топчаны. Несколько лодок лежали вверх килем у самой воды. А горизонт на севере горел нестерпимо яркими солнечными бликами. Роберт быстро пошел к флаеру. Он перешагнул через борт, остановился и снова оглянулся на море. И вдруг он понял: это было не солнце, это был гребень Волны.

Он устало опустился на сиденье и тронул флаер. То же самое и на юге, подумал он. Она теснит нас с севера и с юга. Мышеловка. Коридор между двух смертей. Флаер снова понесся над тропическим лесом. Сколько еще осталось, думал он. Два часа, три? Два места в звездолете, десять?

Лес под флаером вдруг кончился, и Роберт увидел на обширной лужайке большой пассажирский аэробус, окруженный толпой людей. Он машинально притормозил и стал снижаться. Видимо, аэробус терпел аварию, и все эти люди рядом с ним — страшно, какие они все маленькие! — ждали, пока пилот исправит повреждение. Он увидел пилота — огромного чернокожего человека, копавшегося в двигателе. Затем он понял, что это дети, и тут же увидел Таню. Она стояла возле пилота и принимала от него какие-то детали.

Флаер упал в десяти шагах от аэробуса, и все сейчас же обернулись к нему. Но Роберт видел только Таню, ее прекрасное измученное лицо, тонкие руки, прижимающие к груди испачканные железки, и удивленно расширившиеся глаза.

— Это я, — сказал Роберт. — Что случилось, Таня?

Таня молча смотрела на него, и тогда он поглядел на чернокожего пилота и узнал Габу. Габа широко заулыбался и крикнул:

— А, Роберт! Иди-ка сюда, помоги! Таня — чудесная девочка, но она никогда не имела дела с аэробусами! И я тоже! А у него все время глохнет двигатель!

Дети — семилетние мальчишки и девчонки — рассматривали Роберта с интересом. Роберт подошел к аэробусу и, мимоходом ласково коснувшись щекой Таниных волос, заглянул в двигатель. Габа похлопал его по спине. Они хорошо знали друг друга. Они отлично сошлись — Роберт и десять отчаянно скучающих нуль-испытателей, которые уже два года сидели здесь без дела после неудачного опыта с собакой Фимкой.

То, что Роберт увидел в двигателе, заставило его на секунду задержать дыхание. Да, Габа, по-видимому, действительно не имел никогда раньше дела с аэробусами. Сделать ничего было нельзя — кончилось горючее. Габа совершенно напрасно почти разобрал двигатель. Это бывает. Такое бывает даже с самыми опытными водителями: в аэробусах не часто кончается горючее. Роберт украдкой поглядел на Таню. Она все прижимала к груди грязные от смазки взрывные цилиндры и ждала.

— Итак? — бодро спросил Габа. — Правильно мы грешили на вот этот рычаг, не знаю, как он там называется?

— Что ж, — сказал Роберт, — очень возможно. — Он взялся за рычаг и подергал его. — Кто-нибудь знает, что вы здесь засели?

— Я сообщал, — ответил Габа. — Но у них там не хватает машин. Ты знаешь историю с эмбриозародышами?

— Ну, ну, — сказал Роберт, бесцельно, но очень аккуратно очищая паз подающего рычага. Он нагнулся так, чтобы его лица не было видно.

— Понадобился транспорт. Канэко стал выращивать «медузы», а оказалось, что это не «медузы», а кибернетические кухни. Ошибка снабжения, а? — Габа захохотал. — Как тебе это нравится?

— Сплошной смех, — сказал Роберт сквозь зубы.

Он поднял голову и осмотрел небо. Он увидел пустую белесую синеву и на севере над верхушками далеких деревьев ослепительно яркий гребень Волны. Тогда он мягко опустил откинутый капот, пробормотал: «Таак... Посмотрим!» — и обошел аэробус с другой стороны, где никого не было. Там он сел на корточки, прижавшись к блестящей полированной обшивке. По другую сторону аэробуса Габа нежным громыхающим голосом запел:

One is none, two is some,
Three is a many, four is a penny,
Five is a little hundred...[1]

Открыв глаза, Роберт увидел его пляшущую тень на траве — тень от поднятых рук с растопыренными пальцами. Габа развлекал детей. Роберт выпрямился и, распахнув дверцу, влез в аэробус. В кресле водителя сидел мальчик, ожесточенно вцепившийся в рукояти управления. Он выделывал рукоятями необычайные фигуры и при этом свистел и дудел.

— Смотри — оторвешь, — сказал Роберт.

Мальчик не обратил на него внимания.

Роберт хотел включить СОС-маяк, но увидел, что маяк уже включен. Тогда он снова оглядел небо. Через спектролит фонаря небо казалось нежно-голубым, и оно было совершенно пустое. Надо решаться, подумал он. Он покосился на мальчика. Мальчуган азартно изображал рев ветра.

— Выйди-ка сюда, Роб, — сказал Габа. Он стоял возле двери.

Роберт вышел.

— Прикрой дверь, — сказал Габа.

Было слышно, как Таня рассказывает что-то ребятишкам по ту сторону аэробуса и как свистит и дудит мальчик на сиденье пилота.

[1] Английская детская считалка.

— Когда она будет здесь? — спросил Габа.

— Через полчаса.

— Что случилось с двигателем?

— Нет горючего.

Лицо Габы сделалось серым.

— Почему? — бессмысленно спросил он. Роберт промолчал. — А в твоем флаере?

— Такому сундуку этого не хватит и на пять минут.

Габа ударил себя кулаками по лбу и сел на траву.

— Ты механик, — сказал он хрипло. — Придумай что-нибудь.

Роберт прислонился к аэробусу.

— Помнишь сказочку про волка, козу и капусту? Здесь дюжина ребятишек, женщина и мы с тобой. Женщина, которую я люблю больше всех людей на свете. Женщина, которую я спасу во что бы то ни стало. Так вот. Флаер двухместный...

Габа покивал.

— Понимаю. Тут и говорить не о чем, конечно. Пусть Таня садится во флаер и берет с собой столько ребятишек, сколько туда влезет...

— Нет, — сказал Роберт.

— Почему нет? Через два часа они будут в Столице.

— Нет, — повторил Роберт. — Это не спасет ее. Волна будет в Столице через три часа. Там ждет звездолет. Таня должна улететь на нем. Не спорь со мной! — яростно прошептал он. — Возможны только два варианта: либо лечу я с Таней, либо с Таней летишь ты, но тогда ты поклянешься мне всем святым, что Таня улетит в этом звездолете! Выбирай.

— Ты сошел с ума! — сказал Габа. Он медленно поднимался с травы. — Это дети! Опомнись!..

— А те, кто останется здесь, они не дети? Кто выберет троих, которые полетят в Столицу и на Землю? Ты? Иди выбирай!

Габа беззвучно открывал и закрывал рот. Роберт посмотрел на север. Волна была видна уже хорошо. Сияющая полоса поднималась все выше, таща за собой тяжелый черный занавес.

— Ну? — сказал Роберт. — Ты клянешься?

Габа медленно покачал головой.

— Тогда прощай, — сказал Роберт.

Он сделал шаг вперед, но Габа преградил ему дорогу.

— Дети! — сказал он почти беззвучно.

Роберт обеими руками схватил его за отвороты куртки и приблизил лицо вплотную к его лицу.

— Таня! — сказал он.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

— Она возненавидит тебя, — тихо сказал Габа.

Роберт отпустил его и засмеялся.

— Через три часа я тоже умру, — сказал он. — Мне будет все равно. Прощай, Габа.

Они разошлись.

— Она не полетит с тобой, — сказал Габа вдогонку.

Роберт не ответил. Я это и сам знаю, подумал он. Он обошел аэробус и длинными прыжками побежал к флаеру. Он видел лицо Тани, обращенное к нему, и смеющиеся лица детишек, окружавших Таню, и он весело помахал им рукой, чувствуя сильную боль в мускулах лица, судорожно свернутых в беззаботную улыбку. Он подбежал к флаеру, заглянул внутрь, затем выпрямился и крикнул:

— Танюшка, иди-ка помоги мне!

И в это же мгновение с другой стороны аэробуса появился Габа. Он скакал на четвереньках.

— А ну, что вы здесь скучаете? — заорал он. — Кто поймает Шер-Хана — великого тигра джунглей?!

Он испустил протяжный рык и, брыкнув ногами, помчался на четвереньках в лес. Несколько секунд ребятишки, открыв рты, смотрели на него, потом кто-то весело взвизгнул, кто-то воинственно завопил, и всей толпой они побежали за Габой, который уже выглядывал с рычанием из-за деревьев.

Таня, оглядываясь и удивленно улыбаясь, подошла к Роберту.

— Как странно, — сказала она. — Словно и нет никакой катастрофы.

Роберт все глядел вслед Габе. Никого уже не было видно, но смех и визг, хруст кустарников и грозный рык Шер-Хана явственно доносились из чащи.

— Как ты странно улыбаешься, Роберт, — сказала Таня.

— Чудак этот Габа! — сказал Роберт и сейчас же пожалел: надо было молчать. Голос не слушался его.

— Что случилось, Роб? — сразу спросила Таня.

Он невольно посмотрел поверх ее головы. Она тоже обернулась и тоже посмотрела и испуганно прижалась к нему.

— Что это? — спросила она.

Волна уже доходила до солнца.

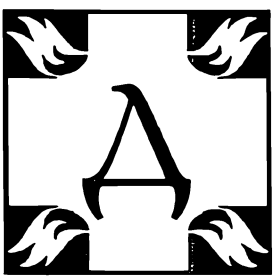
— Надо спешить, — сказал Роберт. — Полезай в кабину и подними сиденье.

Она ловко прыгнула в кабину, и тогда он огромным прыжком вскочил вслед за нею, обхватил ее плечи правой рукой и стиснул так, чтобы она не смогла двинуться, и с места рванул флаер в небо.

— Роби! — прошептала Таня. — Что ты делаешь, Роби?!..

Он не смотрел на нее. Он выжимал из флаера все, что можно. И только краем глаза он увидел внизу поляну, одинокий аэробус и маленькое лицо, с любопытством выглядывающее из водительской кабины.

ГЛАВА 8

невная жара уже начала спадать, когда последние птерокары, переполненные и перегруженные, сели, ломая шасси, на улицах, прилегающих к площади перед зданием Совета. Теперь на эту обширную площадь собралось почти все население планеты.

С севера и с юга медленно втянулись в город гремящие колонны уродливых землеройных «кротов» с опознавательными знаками Следопытов и с желтыми молниями строителей-энергетиков. Они стали лагерем посередине площади и после стремительного совещания, на котором выступили только два человека — по три минуты вполголоса каждый, — принялись рыть глубокую шахту-убежище. «Кроты» оглушительно загрохотали, взламывая бетон покрытия, а затем один за другим, нелепо выгибаясь, стали уходить в землю. Вокруг шахты быстро выросла кольцевая гора измельченного грунта, и над площадью возник и повис душный кислотный запах денатурированного базальта.

Физики-нулевики заполнили пустующие этажи театра напротив здания Совета. Весь день они отступали, цепляясь аварийными отрядами «харибд» за каждый наблюдательный пункт, за каждую станцию дальнего контроля, спасая все, что успевали спасти из оборудования и научной документации, каждую секунду рискуя жизнью, пока категорический приказ Ламондуа и директора не созвал их в Столицу. Их узнавали по возбужденному, виновато-вызывающему виду, по неестественно оживленным голосам, по несмешным шуткам со ссылками на специальные обстоятельства и по нервному громкому смеху. Теперь они под руководством Аристотеля и Пагавы отбирали и переснимали на микропленку самые ценные материалы для эвакуации с планеты.

Большая группа механиков и метеорологов вышла на окраину города и принялась строить конвейерные цехи для производства небольших ракет. Предполагалось грузить эти ракеты важнейшей документацией и выбрасывать их за пределы атмосферы в качестве искусственных спутников, с тем чтобы позже их подобрали и доставили на Землю. К ракетчикам присоединилась часть аутсайдеров — тех, кто инстинктивно чувствовал, что не в силах ждать сложа руки, и тех, кто действительно мог и желал помочь, и тех, кто искренне верил в необходимость спасения важнейшей документации.

Но на площади, забитой «гепардами», «медузами», «биндюгами», «дилижансами», «кротами», «грифами», осталось еще очень много людей. Здесь были биологи и планетологи, потерявшие на оставшиеся часы смысл жизни, аутсайдеры — художники и артисты, — ошеломленные неожиданностью, рассерженные, потерявшиеся, не знающие, что делать, куда идти и кому предъявлять претензии. Какие-то очень выдержанные и спокойные люди неторопливо беседовали на разнообразные темы, собираясь кучками среди машин. И еще какие-то тихие люди, молча и понуро сидящие в кабинах или жмущиеся с стенам зданий.

Планета опустела. Все население — каждый человек был вызван, вывезен, выловлен из самых ее отдаленных и глухих уголков и доставлен в Столицу. Столица находилась на экваторе, и теперь на всех широтах планеты, северных и южных, было пусто. Лишь несколько человек осталось там, заявив, что им все равно, да где-то над тропическими лесами потерялся аэробус с детьми и воспитателем и тяжелый «гриф», высланный на его поиски.

Под серебристым шпилем в течение последних часов непрерывно заседал Совет Радуги. Время от времени репродуктор всеобщего оповещения голосом директора или Канэко вызывал по именам самых неожиданных людей. Они бежали к зданию Совета и скрывались за дверью, а затем выбегали, садились в птерокары или флаеры и улетали из города. Многие из тех, кто не был занят делом, провожали их завистливыми взглядами. Неизвестно было, какие вопросы обсуждаются на Совете, но репродукторы всеобщего оповещения уже проревели главное: угроза катастрофы является совершенно реальной; в распоряжении Совета имеется всего один десантный звездолет малой грузоподъемности; Детское эвакуировано, и дети размещены в городском парке под наблюдением воспитателей и врачей; лайнер-звездолет «Стрела» непрерывно поддерживает связь с Радугой и находится на пути к ней, но прибудет не ранее чем через десять часов. Трижды в час дежурный Совета информировал площадь о положении фронтов Волны. Репродуктор гремел: «Внимание, Радуга! Передаем информацию...» И тогда площадь замолкала, и все жадно слушали, досадливо оглядываясь на шахту, из которой доносился гулкий рокот «кротов». Волна двигалась странно. Ее ускорение то увеличивалось — и тогда люди мрачнели и опускали глаза, — то уменьшалось — и тогда лица светлели и появлялись неуверенные улыбки, — но Волна двигалась, горели посевы, вспыхивали леса, пылали оставленные поселки.

Официальной информации было очень мало — может быть, потому, что некому и некогда было ею

заниматься, и, как всегда в таких случаях, основным видом информации становились слухи.

Следопыты и строители все глубже врывались в землю, и поднимавшиеся из шахты измазанные усталые люди кричали, весело скаля зубы, что им нужно еще каких-нибудь два-три часа — и они закончат глубокое и достаточно просторное убежище для всех. На них смотрели с некоторой надеждой, и надежда эта подкреплялась упорными слухами о расчете, якобы произведенном Этьеном Ламондуа, Пагавой и каким-то Патриком. Согласно этому расчету северная и южная Волны, столкнувшись на экваторе, должны «взаимно энергетически свернуться и деритринитировать», поглотив большое количество энергии. Говорили, что после этого на Радуге должен выпасть слой снега толщиной в полтора метра.

Говорили также, что полчаса тому назад в Институте пространства, слепые белые стены которого мог увидеть с площади любой желающий, удалось, наконец, осуществить успешный нуль-запуск человека к Солнечной системе, и даже называли имя пилота, первого в мире нуль-перелетчика, в настоящую минуту якобы благополучно пребывающего на Плутоне.

Рассказывали о сигналах, полученных из-за южной Волны. Сигналы были чрезвычайно сильно искажены помехами, но их удалось дешифровать, и тогда якобы выяснилось, что несколько человек, добровольно оставшихся на одной из энергостанций на пути Волны, выжили и чувствуют себя удовлетворительно, что и свидетельствует о том, что П-волна в отличие от Волн ранее известных типов не представляет реальной опасности для жизни. Называли даже имена счастливцев, и нашлись люди, знавшие их лично. В подтверждение передавали рассказ очевидца о том, как известный Камилл выскочил из Волны на горящем птерокаре и пронесся мимо чудовищной кометой, что-то крича и размахивая рукой.

Большое распространение получил слух о том, что один старый звездолетчик, работающий сейчас в шахте,

сказал якобы примерно следующее: «Командира «Стрелы» я знаю сто лет. Если он говорит, что будет не раньше чем через десять часов, то это значит, что он будет не позже чем через три часа. И не надо кивать на Совет. Там сидят дилетанты, представления не имеющие о том, что такое современный звездолет и на что он способен в опытных руках».

Мир вдруг потерял простоту и ясность. Стало трудно отделять правду от неправды. Самый честный человек, знакомый вам с детства, мог с легким сердце солгать только для того, чтобы вас поддержать и успокоить, а через двадцать минут вы видели его уже согнувшимся в тоске под тяжестью нелепого слуха о том, что Волна, мол, хотя и не опасна для жизни, но необратимо уродует психику, отбрасывая ее на уровень пещерной.

Люди на площади видели, как в здание Совета вошла высокая большая женщина с заплаканным лицом, ведущая за руку мальчика лет пяти в красных штанишках. Многие узнали ее — это была Женя Вязаницына, жена директора Радуги. Она вышла очень скоро в сопровождении Канэко, который вежливо, но твердо вел ее под локоть. Она больше не плакала, но на лице ее была такая свирепая решимость, что люди испуганно сторонились, уступая ей дорогу. Мальчик спокойно грыз пряник.

Тем, кто был занят, было много лучше. Поэтому большая группа художников, писателей и артистов, проспорив до хрипоты, приняла, наконец, окончательное решение и двинулась к окраине города к ракетчикам. Вряд ли они могли чем-нибудь серьезно помочь, но они были уверены, что им найдут дело. Некоторые спустились в шахту, где велись уже горизонтальные выработки. А несколько опытных пилотов сели в птерокары и умчались к северу и югу, чтобы присоединиться к наблюдателям Совета, уже несколько часов играющим в пятнашки со смертью.

Оставшиеся видели, как перед подъездом Совета опустился опаленный, ведь в пятнах и вмятинах флаер. Из него с трудом вылезли двое, постояли на трясущихся

ногах и двинулись к дверям, поддерживая друг друга. Лица их были желтые и опухшие, и в них только с трудом признали молодого физика Карла Гофмана и испытателя-нулевика Тимоти Сойера, известного искусством игры на банджо. Сойер только мотал головой и мычал, а Гофман, некоторое время посипев горлом, невнятно рассказал, что они только что пытались перепрыгнуть через Волну, подошли к ней на расстояние двадцати километров, но тут у Тима стало плохо с глазами, и они были вынуждены вернуться. Оказалось, что в Совете была выдвинута идея переброски населения на ту сторону Волны. Сойер и Гофман были разведчиками. И сейчас же кто-то рассказал, что двое Следопытов пытались поднырнуть под Волну в открытом море на исследовательском батискафе, но пока еще не вернулись, и ничего о них не известно.

К этому времени на площади осталось человек двести — меньше половины взрослого населения Радуги. Люди старались держаться группами. Они неторопливо переговаривались между собой, не отрывая глаз от окон Совета. На площади становилось тихо: «кроты» ушли глубоко, и рев их был едва слышен. Разговоры велись невеселые.

— Опять у меня испорчен отпуск. На этот раз, кажется, надолго.

— Убежище, подземелье... подполье... Снова наступает черная стена, и люди уходят в подполье.

— Жалко, что нет никакого настроения писать. Вы посмотрите, как красиво здание Совета. Какая цветовая глубина. Я бы с огромным удовольствием его написал... и передал бы это настроение напряженности и ожидания, но... Не могу. Тошно.

— Странно все-таки. Кажется, мы выбирали не тайный Совет. Типично жреческие замашки. Запереться в кабинете и обсуждать там судьбу планеты... Мне в конце концов не так уж и важно, о чем они там говорят, но это же неприлично...

— Мне очень не нравится Ананьев. Полюбуйтесь, вот уже два часа он сидит один, ни с кем не

разговаривает и только все время точит ножичек... Пойду с ним поговорю. Пойдемте со мной, хотите?

— Аодзора сгорела... Моя Аодзора. Я ее строил. Теперь опять строить... А потом они ее опять сожгут.

— Мне их жалко. Вот мы с тобой сидим вдвоем, и, честное слово, ничего я не боюсь! А Матвей Сергеевич не может даже в последние часы побыть с женой. Нелепо все это. Зачем?

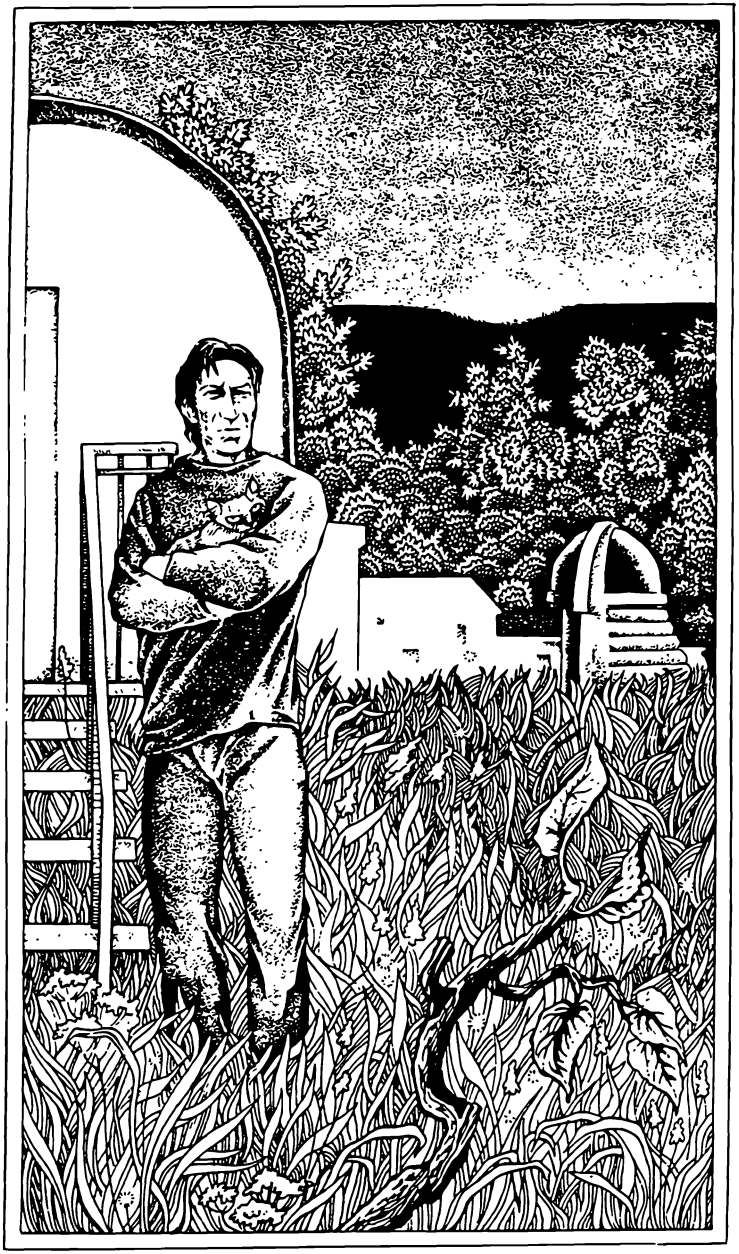
— Я сижу здесь и болтаю, потому что считаю: единственная возможность — это звездолет. А все остальное — это пшик, барахтанье, самодеятельность.

— Почему я сюда прилетел? Чем плохо мне было на Земле? Радуга, Радуга, как ты нас обидела...

В это время репродуктор всеобщего оповещения проревел:

— Внимание, Радуга! Говорит Совет! Созывается общее собрание населения планеты! Собрание состоится на площади Совета и начнется через пятнадцать минут. Повторяю...

Пробираясь через толпу к зданию Совета, Горбовский обнаружил, что пользуется необычайной популярностью. Перед ним расступались, на него показывали глазами и даже пальцами, с ним здоровались, его спрашивали: «Ну как там, Леонид Андреевич?» — и за его спиной вполголоса произносили его фамилию, названия звезд и планет, с которыми он имел дело, а также названия кораблей, которыми он командовал. Горбовский, давно уже отвыкший от такой популярности, раскланивался, делал рукой салют, улыбался, отвечал: «Да пока все в порядке», — и думал: «Пусть теперь мне кто-нибудь скажет, что широкие массы больше не интересуются звездоплаванием». Одновременно он почти физически ощущал страшное нервное напряжение, царившее на площади. Это было чем-то похоже на последние минуты перед очень трудным и ответственным экзаменом. Напряжение это передалось и ему. Улыбаясь и отшучиваясь, он пытался определить настроение и коллективную мысль этой толпы и

гадал, что они скажут, когда он объявит свое решение. Верю в вас, настойчиво думал он. Верю в вас, испуганные, настороженные, разочарованные, фанатики. Люди.

У самой двери его нагнал и остановил незнакомый человек в спецкостюме для шахтных работ.

— Леонид Андреевич, — сказал он, озабоченно улыбаясь. — Минуточку. Буквально одну минуточку.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказал Горбовский.

Человек торопливо рылся в карманах.

— Когда прибудете на Землю, — говорил он, — не откажите в любезности... Куда же оно запропастилось?.. Не думаю, чтобы это вас очень затруднило. Ага, вот оно... — Он вынул сложенный вдвое конверт. — Адрес тут есть, печатными буквами... Не откажитесь переслать.

Горбовский покивал.

— Я даже по-письменному могу, — сказал он ласково и взял конверт.

— Почерк отвратительный. Сам себя читать не могу, а сейчас писал в спешке... — Он помолчал, затем протянул руку. — Счастливого пути! Заранее спасибо вам.

— Как ваша шахта? — спросил Горбовский.

— Отлично, — ответил человек. — Не беспокойтесь за нас.

Горбовский вошел в здание Совета и стал подниматься по лестнице, обдумывая первую фразу своего обращения к Совету. Фраза никак не получалась. Он не успел подняться на второй этаж, когда увидел, что члены Совета спускаются ему навстречу. Впереди, ведя пальцем по перилам, легко ступал Ламондуа, совершенно спокойный и даже какой-то рассеянный. При виде Горбовского он улыбнулся странной, растерянной улыбкой и сейчас же отвел глаза. Горбовский посторонился. За Ламондуа шел директор, багровый и свирепый. Он буркнул: «Ты готов?» — и, не дожидаясь ответа, прошел мимо. Следом прошли остальные члены Совета, которых Горбовский не знал. Они громко и оживленно

обсуждали вопрос об устройстве входа в подземное убежище, и в громкости этой и в их оживлении отчетливо чувствовалась фальшь, и было видно, что мысли их заняты совсем другим. А последним — на некотором расстоянии от всех — спускался Станислав Пишта, такой же широкий, дочерна загорелый и пышноволосый, как двадцать пять лет назад, когда он командовал «Подсолнечником» и вместе с Горбовским штурмовал Слепое Пятно.

— Ба! — сказал Горбовский.

— О! — сказал Станислав Пишта.

— Ты что здесь делаешь?

— Ругаюсь с физиками.

— Молодец, — сказал Горбовский. — Я тоже буду. А пока скажи, кто здесь заведует детской колонией?

— Я, — ответил Пишта.

Горбовский недоверчиво посмотрел на него.

— Я, я! — Пишта усмехнулся. — Не похоже? Сейчас ты убедишься. На площади. Когда начнется свара. Уверяю тебя, это будет совершенно непедагогичное зрелище.

Они стали медленно спускаться к выходу.

— Свара пусть, — сказал Горбовский. — Это тебя не касается. Где дети?

— В парке.

— Очень хорошо. Отправляйся туда и немедленно — слышишь? — немедленно начинай погрузку детей на «Тариэль». Там тебя ждут Марк и Перси. Ясли мы уже погрузили. Ступай быстро.

— Ты молодец, — сказал Пишта.

— А как же, — сказал Горбовский. — А теперь беги.

Пишта хлопнул его по плечу и вперевалку побежал вниз. Горбовский вышел вслед за ним. Он увидел сотни лиц, обращенных к нему, и услышал грохочущий голос Матвея, говорившего в мегафон:

— ...и фактически мы решаем сейчас вопрос, что является самым ценным для человечества и для нас, как части человечества. Первым будет говорить заведующий детской колонией товарищ Станислав Пишта.

— Он ушел, — сказал Горбовский.

Директор оглянулся.

— Как ушел? — спросил он шепотом. — Куда?

На площади было очень тихо.

— Тогда разрешите мне, — сказал Ламондуа. Он взялся за мегафон.

Горбовский видел, как его тонкие белые пальцы плотно легли на судорожно стиснутые толстые пальцы Матвея. Директор отдал мегафон не сразу.

— Мы все знаем, что такое Радуга, — начал Ламондуа. — Радуга — это планета, колонизированная наукой и предназначенная для проведения физических экспериментов. Результата этих экспериментов ждет все человечество. Каждый, кто приезжает на Радугу и живет здесь, знает, куда он приехал и где он живет. — Ламондуа говорил резко и уверенно, он был очень хорош сейчас — бледный, прямой, напряженный, как струна. — Мы все солдаты науки. Мы отдали науке всю свою жизнь. Мы отдали ей всю нашу любовь и все лучшее, что у нас есть. И то, что мы создали, принадлежит, по сути дела, уже не нам. Оно принадлежит науке и всем двадцати миллиардам землян, разбросанным по вселенной. Разговоры на моральные темы всегда очень трудны и неприятны. И слишком часто разуму и логике мешает в этих разговорах наше чисто эмоциональное «хочу» и «не хочу», «нравится» и «не нравится». Но существует объективный закон, движущий человеческое общество. Он не зависит от наших эмоций. И он гласит: человечество должно познать. Это самое главное для нас — борьба знания против незнания. И если мы хотим, чтобы наши действия не казались нелепыми в свете этого закона, мы должны следовать ему, некоторым врожденным или заданным нам воспитанием идей. — Ламондуа помолчал и расстегнул воротник рубашки. — Самое ценное на Радуге — это наш труд. Мы тридцать лет изучали дискретное пространство. Мы собрали здесь лучших нуль-физиков Земли. Идеи, порожденные нашим трудом, до сих пор еще находятся в стадии освоения, настолько

они глубоки, перспективны и, как правило, парадоксальны. Я не ошибусь, если скажу, что только здесь, на Радуге, существуют люди — носители нового понимания пространства и что только на Радуге есть экспериментальный материал, который послужит для теоретической разработки этого понимания. Но даже мы, специалисты, неспособны сейчас сказать, какую гигантскую, необозримую власть над миром принесет человечеству наша новая теория. Не на тридцать лет — на сто, двести... триста лет будет отброшена наука.

Ламондуа остановился, лицо его пошло красными пятнами, плечи поникли. Мертвая тишина стояла над городом.

— Очень хочется жить, — сказал вдруг Ламондуа. — И дети... У меня их двое, мальчик и девочка; они там, в парке... Не знаю. Решайте.

Он опустил мегафон и остался стоять перед толпой весь обмякший, постаревший и жалкий.

Толпа молчала. Молчали нуль-физики, стоявшие в первых рядах, несчастные носители нового понимания пространства, единственные на всю вселенную. Молчали художники, писатели и артисты, хорошо знавшие, что такое тридцатилетний труд, и слишком хорошо знавшие, что всякий шедевр неповторим. Молчали на грудах выброшенной породы строители, тридцать лет работавшие бок о бок с нулевиками и для нулевиков. Молчали члены Совета — люди, которых считали самыми умными, самыми знающими, самыми добрыми и от которых в первую очередь зависело то, что должно быть произойти.

Горбовский видел сотни лиц, молодых и старых, мужских и женских, и все они казались сейчас ему одинаковыми, необыкновенно похожими на лицо Ламондуа. Он отчетливо представлял себе, что они думают. Очень хочется жить: молодому — потому что он так мало прожил, старому — потому что так мало осталось жить. С этой мыслью еще можно справиться: усилие воли — и она загнана в глубину и убрана с дороги. Кто не может этого, тот больше ни о чем не

думает, и вся его энергия направлена на то, чтобы не выдать смертельный ужас. А остальные... Очень жалко, невыносимо жалко детей. Даже не то чтобы жалко — здесь много людей, которые к детям равнодушны, но кажется подлым думать о чем-нибудь другом. И надо решать. Ох, до чего же это трудно — решать! Надо выбрать и сказать вслух, громко, что ты выбрал. И тем самым взять на себя гигантскую ответственность, совершенно непривычную по тяжести ответственность перед самим собой, чтобы оставшиеся три часа жизни чувствовать себя человеком, не корчиться от непереносимого стыда и не тратить последний вздох на выкрик «Дурак! Подлец!», обращенный к самому себе. Милосердие, подумал Горбовский

Он подошел к Ламондуа и взял у него мегафон. Кажется, Ламондуа этого даже не заметил.

— Видите ли, — проникновенно сказал Горбовский в мегафон, — боюсь, что здесь какое-то недоразумение. Товарищ Ламондуа предлагает вам решать. Но понимаете ли, решать, собственно, нечего. Все уже решено. Ясли и матери с новорожденными уже на звездолете. (Толпа шумно вздохнула.) Остальные ребятишки грузятся сейчас. Я думаю, все поместятся. Даже не думаю, уверен. Вы уж простите меня, но я решил самостоятельно. У меня есть на это право. У меня есть даже право решительно пресекать все попытки помешать мне выполнить это решение. Но это право, по-моему, ни к чему. В общем-то товарищ Ламондуа высказал интересные мысли. Я бы с удовольствием с ним поспорил, но мне надо идти. Товарищи родители, вход на космодром совершенно свободный. Правда, простите, на борт звездолета подниматься не надо.

— Вот и все, — громко сказал кто-то в толпе. — И правильно. Шахтеры, за мной!

Толпа зашумела и задвигалась. Взлетело несколько птерокаров.

— Из чего надо исходить? — сказал Горбовский. — Самое ценное, что у нас есть, — это будущее...

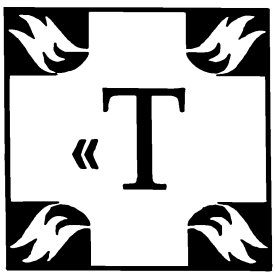
— У нас его нет, — сказал в толпе суровый голос.

— Наоборот, есть! Наше будущее — это дети. Не правда ли, очень свежая мысль! И вообще нужно быть справедливыми. Жизнь прекрасна, и мы все уже знаем это. А детишки еще не знают. Одной любви им сколько предстоит! Я уж не говорю о нуль-проблемах. (В толпе зааплодировали.) А теперь я пошел.

Горбовский сунул мегафон одному из членов Совета и подошел к Матвею. Матвей несколько раз крепко ударил его по спине. Они смотрели на тающую толпу, на оживившиеся лица, сразу ставшие очень разными, и Горбовский пробормотал со вздохом:

— Забавно, однако. Вот мы совершенствуемся, совершенствуемся, становимся лучше, умнее, добрее, а до чего все-таки приятно, когда кто-нибудь принимает за тебя решение...

ГЛАВА 9

ариэль-Второй», десантный сигма-Д-звездолет, создавался для переброски на большие расстояния небольших групп исследователей с минимальным комплектом лабораторного оборудования. Он был очень хорош для высадки на планеты с бешеными атмосферами, обладал огромным запасом хода, был прочен, надежен и на девяносто пять процентов состоял из энергетических емкостей. Разумеется, на корабле был живой отсек из пяти крошечных кают, крошечной кают-компании, миниатюрного камбуза и вместительной рубки, сплошь заставленной пультами приборов управления и контроля. Был на корабле и грузовой отсек — довольно обширное помещение с голыми стенами и низким потолком, лишенное принудительного кондиционирования, пригодное (в самом крайнем случае) для устройства походной лаборатории. Нормально «Тариэль-Второй» принимал на борт до десяти человек, считая с экипажем.

Детей грузили через оба люка: младших — через пассажирский, старших — через грузовой. Возле люков толпились люди, и их было гораздо больше, чем ожидал Горбовский. С первого же взгляда было видно, что здесь не только воспитатели и родители. Поодаль громоздились ящики с нерозданными ульмотронами и с оборудованием для Следопытов Лаланды. Взрослые были молчаливы, но у корабля стоял непривычный шум: писк, смех, тонкоголосое нестройное пение — тот гомон, который во все время был так характерен для интернатов, детских площадок и амбулаторий. Знакомых лиц видно не было, только в стороне Горбовский узнал Алю Постышеву. Да и она была совсем другая — поникшая и грустная, одетая изящно и аккуратно. Она сидела на пустом ящике, положив руки на колени, и смотрела на корабль. Она ждала.

Горбовский вылез из птерокара и направился к звездолету. Когда он проходил мимо Али, она жалостно улыбнулась ему и сказала: «А я Марка жду». «Да-да, он скоро выйдет», — ласково сказал Горбовский и пошел дальше. Но его сразу остановили, и он понял, что добраться до люка будет не так просто.

Крупный бородатый человек в панаме преградил ему дорогу.

— Товарищ Горбовский, — сказал он. — Я вас прошу, возьмите.

Он протянул Горбовскому длинный тяжелый сверток.

— Что это? — спросил Горбовский.

— Моя последняя картина. Я Иоганн Сурд.

— Иоганн Сурд, — повторил Горбовский. — Я не знал, что вы здесь.

— Возьмите. Она весит совсем немного. Это лучшее, что я сделал в жизни. Я привозил ее сюда на выставку. Это «Ветер»...

У Горбовского все сжалось внутри.

— Давайте, — сказал он и бережно принял сверток.

Сурд поклонился.

— Спасибо, Горбовский, — сказал он и исчез в толпе.

Кто-то крепко и больно схватил Горбовского за руку. Он обернулся и увидел молоденькую женщину. У нее дрожали губы и лицо было мокрое от слез.

— Вы капитан? — спросила она надорванным голосом.

— Да, да. Я капитан.

Она еще больнее стиснула его руку.

— Там мой мальчик... На корабле... — Губы начали кривиться. — Я боюсь...

Горбовский сделал удивленное лицо.

— Но чего же? Там он в полной безопасности.

— Вы уверены? Вы обещаете мне?..

— Он там в полной безопасности, — повторил Горбовский решительно. — Это очень хороший корабль!

— Столько детей, — сказала она, всхлипывая. — Столько детей!..

Она отпустила его руку и отвернулась. Горбовский, потоптавшись в нерешительности, пошел дальше, загораживая руками и боками шедевр Сурда, но его тут же схватили с обеих сторон под локти.

— Это весит всего три кило, — сказал бледный угловатый мужчина. — Я никогда никого ни о чем не просил...

— Вижу, — согласился Горбовский. Это действительно было заметно.

— Здесь отчет о наблюдениях Волны за десять лет. Шесть миллионов фотокопий.

— Это очень важно! — подтвердил второй человек, державший Горбовского за левый локоть. У него были толстые добрые губы, небритые щеки и маленькие умоляющие глазки. — Понимаете, это Маляев... — Он указал пальцем на первого. — Вы непременно должны взять эту папку...

— Помолчите, Патрик, — сказал Маляев. — Леонид Андреевич, поймите... Чтобы это больше не повторилось... Чтобы больше никогда, — он задохнулся, — чтобы больше никто и никогда не ставил перед нами этот позорный выбор...

— Несите за мной, — сказал Горбовский. — У меня заняты руки.

Они отпустили его, и он сделал шаг вперед, но ударился коленом о большой, закутанный в брезент предмет, который с явным трудом держали на весу двое юношей в одинаковых синих беретах.

— Может, возьмете? — пропыхтел один.

— Если можно... — сказал другой.

— Мы два года ее строили...

— Пожалуйста.

Горбовский покачал головой и стал их осторожно обходить.

— Леонид Андреевич, — жалобно сказал первый. — Мы вас умоляем.

Горбовский снова покачал головой.

— Не унижайся, — сказал второй сердито. Он вдруг отпустил свой угол, и закутанный предмет с треском ударился о землю. — Ну что ты держишь?

Он с неожиданной яростью пнул свой аппарат ногой и, сильно прихрамывая, пошел прочь.

— Володька! — крикнул первый с тревогой ему вслед. — Не сходи с ума!

Горбовский отвернулся.

— Скульпторам, конечно, надеяться не на что, — сказал над его ухом вкрадчивый голос.

Горбовский только помотал головой: говорить он не мог. За его спиной, наступая ему на пятки, хрипло дышал Маляев.

Еще группа каких-то людей с рулонами, свертками и пакетами в руках разом стронулась с места и пошла рядом.

— Можно быть, имеет смысл сделать так.. — нервно и отрывисто заговорил один из них. — Может быть, все... Сложить все у грузового люка... Мы понимаем, что шансов мало... Но вдруг все-таки останутся места... В конце концов, это не люди, это вещи... Рассовать их где-нибудь... как-нибудь...

— Да... да... — сказал Горбовский. — Я вас прошу, займитесь этим. — Он приостановился и переложил

шедевр на другое плечо. — Сообщите об этом всем. Пусть сложат у грузового люка. Шагах в десяти и в стороне. Хорошо?

В толпе произошло движение, стало не так тесно. Люди с рулонами и свертками стали расходиться, и Горбовский выбрался, наконец, на свободное пространство возле пассажирского люка, где малыши, выстроенные парами, ждали очереди попасть в руки Перси Диксона.

Карапузы в разноцветных курточках, штанишках и шапочках пребывали в состоянии радостного возбуждения, вызванного перспективой всамделишного звездного перелета. Они были очень заняты друг другом и голубоватой громадой корабля и одаривали толпившихся вокруг родителей разве что рассеянными взглядами. Им было не до родителей. В круглом отверстии люка стоял Перси Диксон, облаченный в стариннейшую, давно забытую парадную форму звездолетчика, тяжелую и душную, с наспех посеребренными пуговицами, со значками и ослепительными позументами. Пот градом катился по его волосатому лицу, и время от времени он взревывал морским голосом: «По бим-бом-брамселям! По местам стоять, с якоря сниматься!» Это было очень весело, и восторженные мальки не спускали с него завороженных глаз. Тут же были двое воспитателей: мужчина держал в руке списки, а женщина очень весело пела с ребятишками песенку о храбром носороге. Ребятишки, не отрывая глаз от Диксона, подпевали с большим азартом, и каждый тянул свое.

Горбовский подумал, что если вот так стоять спиной к толпе, то можно подумать, будто действительно добрый дядя Перси организовал для дошкольников веселый облет Радуги на настоящем звездолете. Но тут Диксон поднял на руки очередного малыша и, обернувшись, передал его кому-то в тамбуре, и тогда за спиной Горбовского женский голос истерически закричал: «Толик мой! Толик...» И Горбовский оглянулся и увидел бледное лицо Маляева, и напряженные лица отцов, и лица матерей, улыбающиеся жалкими, кривыми улыбками, и

слезы на глазах, и закушенные губы, и отчаяние, и бьющуюся в истерике женщину, которую поспешно уводил, обняв за плечи, человек в комбинезоне, испачканном землей. И кто-то отвернулся, и кто-то согнулся и торопливо побрел прочь, натыкаясь на встречных, а кто-то просто лег на бетон и стиснул голову руками.

Горбовский увидел Женю Вязаницыну, пополневшую и похорошевшую, с огромными сухими глазами и решительно сжатым ртом. Она держала за руку толстого спокойного мальчика в красных штанишках. Мальчик жевал яблоко и во все глаза глядел на блестящего Перси Диксона.

— Здравствуй, Леонид, — сказала она.

— Здравствуй, Женечка, — сказал Горбовский.

Маляев и Патрик отошли в сторону.

— Какой ты худой, — сказала она. — Все такой же худой. И даже еще больше высох.

— А ты похорошела.

— Я не очень отрываю тебя?

— Да нет, все идет, как должно идти. Мне только нужно осмотреть корабль. Я очень боюсь, что у нас все-таки не хватит места.

— Очень плохо одной. Матвей занят, занят, занят... Иногда мне кажется, что ему абсолютно все равно.

— Ему очень не все равно, — сказал Горбовский. — Я разговаривал с ним. Я знаю: ему очень не все равно... Но он ничего не может сделать. Все дети на Радуге — это его дети. Он не может иначе.

Она слабо махнула свободной рукой.

— Я не знаю, что делать с Алешкой, — сказала она. — Он у нас совсем домашний. Он даже в детском саду никогда не был.

— Он привыкнет. Дети очень быстро ко всему привыкают, Женечка. И ты не бойся: ему будет хорошо.

— Я даже не знаю, к кому обратиться.

— Все воспитатели хороши. Ты же знаешь это. Все одинаковы. Алешке будет хорошо.

— Ты меня не понимаешь. Ведь его даже нет ни в каких списках.

— И чего же тут страшного? Есть он в списках или нет, ни один ребенок не останется на Радуге. Списки только для того, чтобы не растерять детей. Хочешь, я пойду и скажу, чтобы его записали?

— Да, — сказала она. — Нет... Подожди. Можно я поднимусь вместе с ним на корабль?

Горбовский печально покачал головой.

— Женечка, — мягко сказал он. — Не надо. Не надо беспокоить детей.

— Я никого не буду беспокоить. Я только хочу посмотреть, как ему там будет... Кто будет рядом...

— Такие же ребятишки. Веселые и добрые.

— Можно я поднимусь с ним?

— Не надо, Женечка.

— Надо. Очень надо. Он не сможет один. Как он будет жить без меня? Ты ничего не понимаешь. Все вы совершенно ничего не понимаете. Я буду делать все, что нужно. Любую работу. Я ведь все умею. Не будь таким бесчувственным...

— Женечка, посмотри вокруг. Это матери.

— Он не такой, как все. Он слабый. Капризный. Он привык к постоянному вниманию. Он не сможет без меня. Не сможет! Ведь я-то знаю это лучше всех! Неужели ты воспользуешься тем, что мне некому на тебя жаловаться?

— Неужели ты займешь место ребенка, который должен будет остаться здесь?

— Никто не останется, — сказала она страстно. — Я уверена, что никто! Все поместятся! А мне ведь совсем не надо места! Есть же у вас какие-нибудь машинные помещения, какие-нибудь камеры... Я должна быть с ним!

— Я ничего не могу сделать для тебя. Прости.

— Можешь! Ты капитан. Ты все можешь. Ты же всегда был добрым человеком, Леня!

— Я и сейчас добрый. Ты себе представить не можешь, какой я добрый.

— Я не отойду от тебя, — сказала она и замолчала.

— Хорошо, — сказал Горбовский. — Только давай сделаем так. Сейчас я отведу в корабль Алешку, осмотрю помещения и вернусь к тебе. Хорошо?

Она пристально глядела ему в глаза.

— Ты не обманешь меня. Я знаю. Я верю. Ты никогда никого не обманывал.

— Я не обману. Когда корабль стартует, ты будешь рядом со мной. Давай мальчика.

Не отрывая глаз от его лица, она как во сне подтолкнула к нему Алешку.

— Иди, иди, Алик, — сказала она. — Иди с дядей Леней.

— Куда? — спросил мальчик.

— В корабль, — сказал Горбовский, беря его за руку. — Куда же еще? Вот в этот корабль. Вон к тому дяде. Хочешь?

— Хочу к тому дяде, — заявил мальчик. На мать он больше не смотрел.

Они вместе подошли к трапу, по которому поднимались последние ребятишки. Горбовский сказал воспитателю:

— Внесите в список. Алексей Матвеевич Вязаницын.

Воспитатель посмотрел на мальчика, затем на Горбовского и кивнул, записывая. Горбовский медленно поднялся по трапу, перетащил Алексея Матвеевича через высокий комингс, подняв за руку.

— Это называется тамбур, — сказал он.

Мальчик подергал руку, освободился и, подойдя вплотную к Перси Диксону, стал его рассматривать. Горбовский снял с плеча и поставил в угол картину Сурда. Что еще? — подумал он. — Да! Он вернулся к люку и, высунувшись, принял от Маляева папку.

— Спасибо, — сказал Маляев, улыбаясь. — Не забыли... Спокойной плазмы.

Патрик тоже улыбался. Кивая, они попятились к толпе. Женя стояла под самым люком, и Горбовский помахал ей рукой. Потом он повернулся к Диксону.

— Жарко? — спросил он.

— Ужасно. Сейчас бы душ принять. А в душевых дети.

— Освободите душевые, — сказал Горбовский.

— Легко сказать. — Диксон тяжело вздохнул и, скривившись, оттянул тесный воротник мундира. — Борода лезет под воротник, — пробормотал он. — Колется невыносимо. Все тело зудит.

— Дядя, — сказал мальчик Алеша. — А у тебя борода настоящая?

— Можешь подергать, — сказал Перси со вздохом и нагнулся.

Мальчик подергал.

— Все равно ненастоящая, — заявил он.

Горбовский взял его за плечо, но Алеша вывернулся.

— Не хочу с тобой, — сказал он. — Хочу с капитаном.

— Вот и хорошо, — сказал Горбовский. — Перси, отведите его к воспитателю.

Он шагнул к двери в коридор.

— Не упадите в обморок, — сказал Диксон вслед.

Горбовский откатил дверь. Да, такого в корабле еще не бывало. Визг, смех, свист, щебет, воркование, воинственные клики, стук, звон, топот, скрип металла о металл, мяукающие вопли младенцев... Неповторимые запахи молока, меда, лекарств, разгоряченных детских тел, мыла — несмотря на кондиционирование, несмотря на непрерывную работу аварийных вентиляторов... Горбовский пошел по коридору, выбирая место, куда ступить, опасливо заглядывая в распахнутые двери, где прыгали, плясали, баюкали кукол, целились из ружей, набрасывали лассо, толклись в невообразимой тесноте, сидели и ползали на откинутых койках, на столах, под столами, под койками четыре десятка мальчиков и девочек в возрасте от двух до шести лет. Из каюты в каюту бегали озабоченные воспитатели. В кают-компании, из которой была выброшена почти вся мебель, молодые матери кормили и пеленали новорожденных, и тут же были ясли — пятеро ползунков, переговариваясь на птичьем языке, бродили на четвереньках в

отгороженном углу. Горбовский представил себе все это в состоянии невесомости, зажмурился и прошел в рубку.

Горбовский не узнал рубки. Здесь было пусто. Исчез громадный контроль-комбайн, занимавший треть помещения. Исчез пульт управления, исчезло кресло пилота-дублера. Исчез пульт обзорного экрана. Исчезло кресло перед вычислителем. А сам вычислитель, наполовину разобранный, блестел обнажившимися блок-схемами. Корабль перестал быть звездолетом. Он превратился в самоходную межпланетную баржу, сохранившую хороший ход, но годную только для перелетов по инерционным траекториям.

Горбовский сунул руки в карманы. Диксон сопел у него над ухом.

— Так-так, — сказал Горбовский. — А где Валькенштейн?

— Здесь. — Валькенштейн высунулся из недр вычислителя. Он был мрачен и очень решителен.

— Молодец, Марк, — сказал Горбовский. — И вы молодец, Перси. Спасибо!

— Вас уже три раза спрашивал Пишта, — сказал Марк и снова скрылся в вычислителе. — Он у грузового люка.

Горбовский пересек рубку и вышел в грузовой отсек. Ему стало жутко. Здесь в длинном и узком помещении, слабо освещенном двумя газосветными лампами, стояли, плотно прижавшись друг к другу, мальчики и девочки школьники — от первоклассников до старших классов. Они стояли молча, почти не шевелясь, только переступая с ноги на ногу, и смотрели в распахнутый люк, где виднелось голубое небо да плоская белая крыша далекого пакгауза. Несколько секунд Горбовский, покусывая губу, смотрел на детей.

— Первоклассников перевести в коридор, — сказал он. — Второй и третий классы — в рубку. Сейчас же.

— И это еще не все, — тихо сказал Диксон. — Десять человек застряли где-то на пути из Детского... Впрочем, кажется, они погибли. Группа старшеклассников

отказывается грузиться. И есть еще группа детей аутсайдеров, которые только сейчас прибыли. Впрочем, сами увидите.

— Вы все-таки сделайте, как я сказал, — предложил Горбовский. — Первые три класса — в коридор и в рубку. А сюда — свет, экран, показывайте фильмы. Исторические фильмы. Пусть смотрят, как бывало раньше. Действуйте, Перси. И еще — составьте из ребят цепочку до Валькенштейна, пусть по конвейеру передают детали, это их немного займет.

Он с трудом протиснулся к люку и сбежал вниз. У подножия трапа, окруженная воспитателями, стояла большая группа ребятишек разного возраста. Слева беспорядочной грудой было свалено все самое драгоценное из предметов материальной культуры Радуги: связки документов, папки, машины и модели машин, закутанные в материю скульптуры, свертки холстов. А справа, шагах в двадцати, стояли угрюмые юноши и девушки пятнадцати-шестнадцати лет, и перед ними, заложив руки за спину, нагнув голову, расхаживал очень серьезный Станислав Пишта. Негромко, но внятно он говорил:

— ...Считайте, что это экзамен. Поменьше думайте о себе и побольше о других. Ну и что же, что вам стыдно? Возьмите себя в руки, пересильте это чувство!

Старшеклассники упрямо молчали. И подавленно молчали взрослые, сгрудившиеся перед грузовым люком. Некоторые ребята украдкой оглядывались, и было видно, что они не прочь удрать, но бежать было невозможно — вокруг стояли их отцы и матери. Горбовский посмотрел на люк. Даже отсюда было видно, что корабль набит битком. В широком, как ворота, люке тесной шеренгой стояли дети. Лица у них были недетские — слишком серьезные и слишком печальные.

К Горбовскому как-то боком придвинулся огромный, очень красивый молодой человек с тоскливыми просящими глазами, безобразно не соответствующими всему его облику.

— Одно слово, капитан, — проговорил он дрожащим голосом. — Одно только слово...

— Минутку, — сказал Горбовский.

Он подошел к Пиште и обнял его за плечи.

— Места хватит всем, — говорил Пишта. — Пусть это вас не беспокоит...

— Станислав, — сказал Горбовский, — распорядись грузить оставшихся.

— Там нет мест, — очень непоследовательно возразил Пишта. — Мы ждали тебя. Хорошо бы очистить резервную Д-камеру.

— На «Тариэле» нет резервных Д-камер. Но место сейчас будет. Распоряжайся.

Горбовский остался лицом к лицу со старшеклассниками.

— Мы не хотим лететь, — сообщил один из них, белобрысый рослый парнишка с яркими зелеными глазами. — Лететь должны воспитатели.

— Правильно! — сказала маленькая девушка в спортивных брюках. Позади голос Перси Диксона крикнул:

— Бросайте! Прямо на землю!

Из люка посыпались звонкие пластины блок-схем. Конвейер заработал.

— Вот что, мальчики и девочки, — сказал Горбовский. — Во-первых, у вас еще нет права голоса, потому что вы еще не кончили школу. И во-вторых, нужно иметь совесть. Правда, вы еще молоды и рветесь на геройские подвиги, но дело-то в том, что здесь вы не нужны, а в корабле нужны. Мне страшно подумать, что там будет в инерционном полете. Нужно по два старших на каждую каюту к дошкольникам, по крайней мере три ловкие девочки для яслей и помогать женщинам с новорожденными. Короче говоря, вот где от вас потребуется подвиг.

— Простите, капитан, — насмешливо сказал зеленоглазый, — но все эти обязанности прекрасно могут выполнить воспитательницы.

— Простите, юноша, — сказал Горбовский, — но я полагаю, вам известны права капитана. Как капитан, я вам обещаю, что из воспитателей полетят только два

человека. А главное — напрягитесь и попробуйте представить себе, как будут дальше жить ваши воспитатели, если они займут ваши места на корабле. Игры кончились, мальчики и девочки, перед вами жизнь, какой она бывает иногда, — к счастью, редко. А теперь простите, я занят. В утешение могу сказать вам только одно: в корабль вы войдете последними. Все!

Он повернулся к ним спиной и с размаху наткнулся на молодого человека с тоскливыми глазами.

— Ох, простите, — сказал Горбовский. — Совсем забыл про вас.

— Вы сказали, полетят два воспитателя, — осипшим голосом сказал молодой человек. — Кто?

— Кто вы такой? — спросил Горбовский.

— Я Роберт Скляров. Я физик-нулевик. Но речь не обо мне. Я вам сейчас все расскажу. Но сначала скажите, кто из воспитателей летит?

Скляров... Скляров... Удивительно знакомое имя. Где я о нем слыхал?

— Камилл, — сказал Скляров, принужденно улыбаясь.

— А, — сказал Горбовский. — Так вас интересует, кто летит? — Он оглядел Склярова. — Хорошо, я вам скажу. Только вам. Летит заведующий и летит главный врач. Они еще этого не знают.

— Нет, — сказал Скляров, хватая Горбовского за руки. — Еще один... Еще одну. Турчина Татьяна. Она воспитатель. Ее очень любят. Она опытнейший воспитатель...

Горбовский освободил руки.

— Нельзя, — сказал он. — Нельзя, милый Роберт! Летят только дети и матери с новорожденными, понимаете? Только дети и матери с грудными младенцами.

— Она тоже! — сейчас же сказал Скляров. — Она тоже мать! У нее будет ребенок... Мой ребенок! Спросите у нее... Она тоже мать!

Горбовского сильно толкнули в плечо. Он пошатнулся и увидел, как Скляров испуганно пятится, отступая, а на него молча идет маленькая тонкая женщина,

удивительно изящная и стройная, с сильной сединой в золотых волосах и прекрасным, но словно окаменевшим лицом. Горбовский провел ладонью по лбу и вернулся к трапу.

Теперь здесь оставались только старшеклассники и воспитатели. Остальные взрослые — отцы и матери, и те, кто принес сюда свои творения, и те, кто, видимо, в смутной, неосознанной надежде тянулся к звездолету, медленно пятились, расступаясь и разбиваясь на группы. В люке, расставив руки, стоял Станислав Пишта и кричал:

— Потеснитесь чуть-чуть, ребята! Майкл, крикни в рубку, чтобы потеснились! Еще немного!

Ему отвечали серьезные детские голоса:

— Некуда больше! Все очень плотно стоят!

И густой голос Перси Диксона прогудел:

— Как так некуда? А вот сюда за пульт? Не бойся, маленькая, током не ударит, проходи, проходи... И ты тоже... И ты, курносый... Больше жизни! И ты... Так... так...

И холодный, звякающий, как железо, голос Валькенштейна приговаривал:

— Потеснитесь, ребята... Дайте пройти... Подвинься, девочка... Пропусти, мальчик...

Пишта посторонился, и рядом с ним появился Валькенштейн с курткой через плечо.

— Я остаюсь на Радуге, — сказал он. — Вы уж без меня, Леонид Андреевич. — Глаза его шарили по толпе, отыскивая кого-то.

Горбовский кивнул.

— Врач на борту? — спросил он.

— Да, — ответил Марк. — Из взрослых там только врач и Диксон.

Из люка вдруг раздался смех.

— Эх вы! — с натугой говорил голос Диксона. — Вот как надо... Раз-два... раз-два...

В люке появился Диксон. Он появился над головой Пишты, перевернутое лицо его было потным и ярко-малиновым.

— Держите меня, Леонид, — прошипел он. — Я сейчас свалюсь.

Ребята хохотали. Это было действительно очень смешно: толстый бортинженер, как муха, висел на потолке, цепляясь руками и ногами за карабины для крепления груза. Он был тяжел и горяч; и когда Пишта с Горбовским вытянули его наружу и поставили на ноги, он сказал, тяжело дыша:

— Стар. Стар уже...

Виновато моргая, он поглядел на Горбовского.

— Не могу я там, Леонид. Тесно, душно, жарко... Костюм этот несчастный... Я остаюсь здесь, а вы уж с Марком летите. Да и надоели вы мне, по правде сказать.

— Прощайте, Перси, — сказал Горбовский.

— Прощай, дружок, — сказал Диксон растроганно.

Горбовский засмеялся и похлопал его по позументам.

— Ну что ж, Станислав, — сказал он. — Придется тебе обойтись без бортинженера. Думаю, обойдешься. Твоя задача: выйти на орбиту экваториального спутника и ждать «Стрелу». Остальное сделает командир «Стрелы».

Несколько секунд Пишта ошарашенно молчал. Потом он понял.

— Ты что это, а? — очень тихо сказал он, шаря взглядом по лицу Горбовского. — Ты что это? Ты Десантник! Что это за жесты?

— Жесты? — сказал Горбовский. — Я не умею. А ты иди. Ты за всех них отвечаешь до конца. — Он повернулся к старшеклассникам: — Марш на борт! — крикнул он. — Иди вперед, а то не протиснешься, — сказал он Пиште.

Пишта посмотрел на понурых старшеклассников, медленно бредущих к трапу, посмотрел на люк, из которого высовывались лица детей, неловко клюнул Горбовского в щеку, кивнул Марку и Диксону и, поднявшись на цыпочки, взялся за карабины. Горбовский подтолкнул его. Старшеклассники один за другим с

нарочитой важностью и неторопливостью начали протискиваться внутрь, мужественно покрикивая: «А ну, шевелись! Подбери губы, наступят! Кто это там ревет? Головы выше!» Последней вошла та самая девочка в спортивных брюках. На секунду она остановилась и с надеждой оглянулась на Горбовского, но тот сделал каменное лицо.

— Некуда ведь, — сказала она тихонько. — Видите? Я не помещаюсь.

— Ты похудеешь, — пообещал Горбовский и, взяв ее за плечи, осторожно втиснул в толпу. Потом он спросил Диксона: — А где кино?

— Все рассчитано, — важно ответил Перси. — Кино начнется в момент старта. Дети любят сюрпризы.

— Пишта! — крикнул Горбовский. — Готов?

— Готов! — гулко откликнулся Пишта.

— Стартуй, Пишта! Спокойной плазмы! Закрывай люки! Мальчики и девочки, спокойной плазмы!

Тяжелая плита люка бесшумно выдвинулась из паза в обшивке. Горбовский, прощально махая рукой, отступил от комингса. Вдруг он вспомнил.

— Ай! — закричал он. — А письмо?

В нагрудном кармане письма не было, в боковом тоже. Люк закрывался. Письмо почему-то оказалось во внутреннем кармане. Горбовский сунул его девочке в спортивных брюках и поспешно отдернул руку. Люк закрылся. Горбовский, сам не зная зачем, погладил голубоватый металл, ни на кого не глядя, спустился на землю, и Диксон с Марком оттащили трап. Вокруг корабля осталось совсем мало народу, зато над кораблем в небе кружились десятки вертолетов и флаеров.

Горбовский обогнул груду материальных ценностей, споткнулся о какой-то бюст и пошел вокруг корабля к пассажирскому люку, где его должна была ждать Женя Вязаницына. Хоть бы Матвей прилетел, с тоской подумал он. Он чувствовал себя выжатым и высушенным и очень обрадовался, когда увидел Матвея. Матвей шел ему навстречу. Но он был один.

— А где Женя? — спросил Горбовский.

Матвей остановился и оглянулся по сторонам. Жени нигде не было.

— Она была здесь, — сказал он. — Я говорил с ней по радиофону. Что, люки уже закрыли? — Он все оглядывался.

— Да, сейчас старт, — сказал Горбовский. Он тоже озирался. Может быть, она на вертолете, подумал он. Но он знал, что это невозможно.

— Странно, что нет Жени, — проговорил Матвей.

— Возможно, она на вертолете, — сказал Горбовский. Он вдруг понял, где она. Ай да она, подумал он.

— Алешку так и не увидел, — сказал Матвей.

Странный широкий звук, похожий на судорожный вздох, пронесся над космодромом. Огромная голубая громада корабля бесшумно оторвалась от земли и медленно пошла вверх. Первый раз в жизни вижу старт своего корабля, подумал Горбовский. Матвей все провожал корабль глазами — и вдруг как ужаленный повернулся к Горбовскому и с изумлением уставился на него.

— Постой... — пробормотал он. — Как же это так?.. Почему ты здесь? А как же корабль?

— Там Пишта, — сказал Горбовский.

Глаза Матвея остановились.

— Вот она, — прошептал он.

Горбовский обернулся. Над горизонтом ослепительно сияла блестящая ровная полоса.

ГЛАВА 10

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Диксон затормозил и выжидательно посмотрел на него.

— Я пойду пешком, — сказал Горбовский.

Он вылез. Сейчас же вслед за ним вылез Марк и, протянув руку, помог выйти Але Постышевой. Всю дорогу от космодрома эта пара молчала на заднем сиденье. Они крепко, по-детски, держались за руки, и Аля, закрыв глаза, прижималась лицом к плечу Марка.

— Пойдемте с нами, Перси, — сказал Горбовский. — Будем собирать цветочки, и уже не жарко. И это будет очень полезно для вашего сердца.

Диксон покачал косматой головой.

— Нет, Леонид, — сказал он. — Давайте лучше попрощаемся. Я поеду.

Солнце висело над самым горизонтом. Было прохладно. Солнце светило словно в коридор с черными

стенами: обе Волны — северная и южная — уже высоко поднялись над горизонтом.

— Вот по этому коридору, — сказал Диксон. — Куда глаза глядят. Прощайте, Леонид, прощай Марк. И ты, девочка, прощай. Идите... Но сначала я попытаюсь последний раз предугадать ваши поступки. Сейчас это особенно просто.

— Да, это просто, — сказал Марк. — Прощайте, Перси. Пошли, малыш.

Коротко улыбнувшись, он взглянул на Горбовского, обнял Алю за плечи, и они пошли в степь. Горбовский и Диксон смотрели им вслед.

— Немножко поздно, — сказал Диксон.

— Да, — согласился Горбовский. — И все-таки я завидую.

— Вы любите завидовать. Вы всегда так аппетитно завидуете, Леонид. Я вот тоже завидую. Завидую, что кто-то будет думать о нем в его последние минуты, а обо мне... да и о вас тоже, Леонид, никто.

— Хотите, я буду думать о вас? — спросил серьезно Горбовский.

— Нет, не стоит. — Диксон, прищурясь, посмотрел на низкое солнце. — Да, — сказал он. — На этот раз нам, кажется, не выбраться. Прощайте, Леонид!

Он кивнул и уехал, а Горбовский неспешно зашагал по шоссе рядом с другими людьми, так же неторопливо бредущими в город. Ему было очень легко и покойно впервые за этот сумбурный, напряженный и страшный день. Больше не надо было ни о ком заботиться, не надо было принимать решений, все вокруг были самостоятельны, и он тоже стал совершенно самостоятельным. Таким самостоятельным он еще не был никогда в жизни.

Вечер был красив, и если бы не черные стены справа и слева, медленно растущие в синее небо, он был бы просто прекрасен: тихий, прозрачный, в меру прохладный, пронизанный косыми розоватыми лучами солнца. Людей на шоссе оставалось все меньше; многие ушли в степь, как Валькенштейн с Алей, другие остались прямо у обочин.

В городе вдоль главной улицы многоцветными пятнами красовались картины, выставленные художниками в последний раз, — у деревьев, у стен домов, на волноводах поперек дороги, на столбах энергопередач. Перед картинами стояли люди, вспоминали, тихо радовались, кто-то — неугомонный — затеял спор, а миловидная худенькая женщина горько плакала, повторяя громко: «Обидно... Как обидно!» Горбовский подумал, что где-то видел ее, но так и не мог вспомнить — где.

Слышалась незнакомая музыка: в открытом кафе рядом со зданием Совета маленький, хилый человек с необычайной страстью и темпераментом играл на концертной хориоле, и люди за столиками слушали его, не шевелясь; и еще много людей сидели и слушали на ступеньках и прямо на газонах перед кафе, а к хориоле был прислонен большой лист картона, на котором кривоватыми буквами было написано: «Далекая Радуга». Песня. Не оконч.».

Вокруг шахты было много народу, и все были заняты. Матово поблескивал огромный, еще не достроенный купол входного кессона. Из здания театра тянулась цепочка нуль-физиков, тащивших папки, свертки, груды коробок. Горбовский сразу подумал о папке, которую ему передал Маляев. Он попытался вспомнить, куда дел ее. Кажется, оставил в рубке. Или в тамбуре? Не надо вспоминать. Неважно. Следует быть совершенно беззаботным. Странно, неужели физики еще надеются? Правда, всегда можно надеяться на чудо. Но забавно, что на чудо теперь надеются самые скептические и логические люди планеты.

У стены Совета, возле подъезда, сидел, вытянув ноги, человек в изодранном пилотском комбинезоне, слепой, с забинтованным лицом. На коленях у него лежало блестящее никелированное банджо. Запрокинув голову, слепой слушал песню «Далекая Радуга».

Из-за купола появился лжештурман Ганс с огромным тюком на плече. Увидев Горбовского, он заулыбался и сказал на ходу: «А, капитан! Как ваши ульмотроны? Достали? А мы вот архивы хороним. Очень

утомительно. День какой-то сумасшедший...» Кажется, это был единственный человек на Радуге, который так и не узнал, что Горбовский настоящий капитан «Тариэля».

Из окна Совета Горбовского окликнул Матвей.

— «Тариэль» уже на орбите! — крикнул он. — Сейчас прощались. Там все в порядке.

— Спускайся, — предложил Горбовский. — Пойдем вместе.

Матвей покачал головой.

— Нет, дружище, — сказал он. — У меня масса дел, а времени мало... — Он помолчал, затем добавил растерянно: — Женя нашлась, ты знаешь где?

— Догадываюсь, — сказал Горбовский.

— Зачем ты это сделал? — сказал Матвей.

— Честное слово, я ничего не делал, — сказал Горбовский.

Матвей укоризненно покачал головой и скрылся в глубине комнаты, а Горбовский пошел дальше.

...Он вышел на берег моря, на прекрасный желтый пляж с пестрыми тентами и удобными шезлонгами, с катерами и лодками, выстроившимися у невысокого причала. Он опустился в один из шезлонгов, с удовольствием вытянул ноги, сложил руки на животе и стал смотреть на запад, на багровое закатное солнце. Слева и справа нависали бархатно-черные стены, он старался не замечать их.

Сейчас я должен был бы стартовать в Лаланде, думал он сквозь дремоту. Мы сидели бы втроем в рубке, и я рассказывал бы им, какая славная планета Радуга, как я исколесил ее всю за день. Перси Диксон помалкивал бы, накручивая бороду на пальцы, а Марк бы брюзжал, что старо, скучно и везде одинаково. А завтра в это время мы бы вышли из деритринитации...

Мимо него прошла, опустив голову, та прекрасная девушка с сединой в золотых волосах, которая так вовремя прервала его неприятный разговор со Скляровым на космодроме. Она шла по самой кромке воды, и лицо ее уже не казалось каменным, оно было просто бесконечно усталым. Шагах в пятидесяти она остановилась,

постояла, глядя в море, и села на песок, уткнулась подбородком в колени. Сейчас же над ухом Горбовского кто-то тяжело вздохнул, и, скосив глаз, Горбовский увидел Склярова. Скляров тоже смотрел на девушку.

— Все бессмысленно, — сказал он негромко. — Скучно жил, ненужно! И все самое плохое приберeглось на последний день...

— Голубчик, — сказал Горбовский. — А что может быть хорошего в последнем дне?

— Вы еще не знаете...

— Знаю, — сказал Горбовский. — Все знаю...

— Не можете вы всего знать.. Я же слышу, как вы со мной разговариваете.

— Как?

— Как с обыкновенным человеком. А я трус и преступник.

— Ну, Роберт, — сказал Горбовский. — Ну какой вы трус и преступник?

— Я трус и преступник, — упрямо повторил Роберт. — Я даже, наверное, хуже, потому что считаю, что все делал правильно.

— Трусов и преступников не бывает, — сказал Горбовский. — Я скорее поверю в человека, который способен воскреснуть, чем в человека, который способен совершить преступление.

— Не надо меня утешать. Я же говорю, что вы не знаете всего.

Горбовский лениво повернул к нему голову.

— Роберт, — сказал он, — не тратьте вы зря время. Идите вы к ней. Сядьте рядом... Мне очень удобно лежать, но если хотите, я помогу вам...

— Все получается не так, как хочется, — тоскливо сказал Роберт. — Я был уверен, что спасу ее. Мне казалось, что я готов на все. Но оказалось, что на все я не готов... Пойду, — сказал вдруг он.

Горбовский следил за ним, как он шагает — сначала широко и уверенно, а потом все медленнее и медленнее, как он все-таки подошел к ней, и сел рядом, и она не отодвинулась.

Некоторое время Горбовский смотрел на них, стараясь разобраться, завидует он или нет, а потом задремал по-настоящему. Его разбудило прикосновение чего-то холодного. Он приоткрыл один глаз и увидел Камилла, его вечный нелепый шлем, его вечно постное и угрюмое лицо и круглые немигающие глаза.

— Я знал, что вы здесь, Леонид, — сообщил Камилл. — Я искал вас.

— Здравствуйте, Камилл, — пробормотал Горбовский. — Наверное, это очень скучно — все знать...

Камилл подтащил шезлонг и сел рядом в позе человека с переломленным позвоночником.

— Есть вещи поскучнее, — сказал он. — Мне все надоело. Это была огромная ошибка.

— Как дела на том свете? — спросил Горбовский.

— Там темно, — сказал Камилл. Он помолчал. — Сегодня я умирал и воскресал трижды. Каждый раз было очень больно.

— Трижды, — повторил Горбовский. — Рекорд. — Он посмотрел на Камилла. — Камилл, скажите мне правду. Я никак не могу понять. Вы человек? Не стесняйтесь. Я уже никому не успею рассказать.

Камилл подумал.

— Не знаю, — сказал он. — Я последний из Чертовой Дюжины. Опыт не удался, Леонид. Вместо состояния «хочешь, но не можешь» состояние «можешь, но не хочешь». Это невыносимо тоскливо — мочь и не хотеть.

Горбовский слушал, закрыв глаза.

— Да, я понимаю, — проговорил он. — Мочь и не хотеть — это от машины. А тоскливо — это от человека.

— Вы ничего не понимаете, — сказал Камилл. — Вы любите мечтать иногда о мудрости патриархов, у которых нет ни желаний, ни чувств, ни даже ощущений. Бесплотный разум. Мозг-дальтоник. Великий Логик. Логические методы требуют абсолютной сосредоточенности. Для того чтобы что-нибудь сделать в науке, приходится днем и ночью думать об одном и том же, читать

об одном и том же, говорить об одном и том же... А куда уйдешь от своей психической призмы? От врожденной способности чувствовать... Ведь нужно любить, нужно читать о любви, нужны зеленые холмы, музыка, картины, неудовлетворенность, страх, зависть... Вы пытаетесь ограничить себя — и теряете огромный кусок счастья. И вы прекрасно сознаете, что вы его теряете. И тогда, чтобы вытравить в себе это сознание и прекратить мучительную раздвоенность, вы оскопляете себя. Вы отрываете от себя всю эмоциональную половину человечьего и оставляете только одну реакцию на окружающий мир — сомнение. «Подвергай сомнению!» — Камилл помолчал. — И тогда вас ожидает одиночество. — Со страшной тоской он глядел на вечернее море, на холодеющий пляж, на пустые шезлонги, отбрасывающие странную тройную тень. — Одиночество... — повторил он. — Вы всегда уходили от меня, люди. Я всегда был лишним, назойливым и непонятным чудаком. И сейчас вы тоже уйдете. А я останусь один. Сегодня ночью я воскресну в четвертый раз, один, на мертвой планете, заваленной пеплом и снегом...

Вдруг на пляже стало шумно. Увязая в песке, к морю спускались испытатели — восемь испытателей, восемь несостоявшихся нуль-перелетчиков. Семеро несли на плечах восьмого, слепого, с лицом, обмотанным бинтами. Слепой, закинув голову, играл на банджо, и все пели:

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь...[1]

Они, не оглядываясь, вошли с песней в море по пояс, по грудь, а затем поплыли вслед за заходящим

[1] Из «Переводов» С. Я. Маршака.

солнцем, держа на спинах слепого товарища. Справа от них была черная, почти до зенита, стена, и оставалась только узкая темно-синяя прорезь неба, да красное солнце, да дорожка расплавленного золота, по которой они плыли, и скоро их совсем не стало видно в дрожащих бликах, и только слышался звон банджо и песня:

...Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь...

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Переслегин
ДЕТЕКТИВ ПО-АРКАНАРСКИ 5

XXII век (краткая хронология) 12

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ 15
ПОПЫТКА К БЕГСТВУ 221
ДАЛЕКАЯ РАДУГА 351

Стругацкий А., Стругацкий Б.

С 87 Трудно быть богом; Попытка к бегству; Далекая Радуга: Фантастические романы. / Сост. Н. Ютанов; Предисл. С. Переслегина; Ил. Я. Ашмариной. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000 — 496 с. — (Миры братьев Стругацких).

ISBN 5-237-01294-9.

Середина XXII столетия – время "смены вех" в земной истории. С 2125 по 2148 г. развернулось массовое любительское освоение Галактики. История повторялась. Если когда-то универсальные крейсера создали Британскую империю, то теперь "Туристы" и "Призраки" – из состава Группы Свободного Поиска – конструировали Империю галактическую. И именно в эту эпоху человечество столкнулось с гуманоидными цивилизациями на разных этапах исторического развития. Формирование Института Экспериментальной Истории, первые Прогрессоры, арканарская резня, "дым, рождающий машины", звездный след Странников, первые темпоральные гости – все это обусловило необходимость формирования новой этической концепции Империи людей...

Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди – независимо от возраста, образования, убеждений. Каждый находит в них что-то для себя: великолепный язык, знаменитый, мгновенно узнаваемый юмор Стругацких, гипнотически затягивающие сюжетные коллизии и по-настоящему серьезные этические и философские проблемы.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Литературно-художественное издание

Стругацкий Аркадий Натанович

Стругацкий Борис Натанович

Трудно быть богом

Попытка к бегству

Далекая Радуга

Фантастические романы

Ответственный редактор Н.Ю.Ютанов
Редактор Л.И.Филиппов
Художественный редактор С.Н.Герцева
Компьютерный дизайн В.Н.Глухов
Технический редактор А.Д.Положенцев
Корректоры В.И.Важенко, О.П.Васильева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.01.2000
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 26,04.
Тираж 5 100 экз Заказ 303.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Гигиенический сертификат
№ 77. ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ».
Лицензия ЛР № 066236 от 22.12 98.
366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул Московская, 13а.
Наши электронные адреса.
WWW.AST.RU.
E-mail: ast pub@aha ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус». Лицензия ЛР № 040390. 190068, Санкт-Петербург, Вознесенский пр., д. 36.

При участии ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 05.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
з типографии издательства «Белорусский Дом печати»
220013, Минск, пр-т Ф. Скорины, 79.

ЛУЧШИЕ КНИГИ
ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – **собрания сочинений** Ф.Незнанского, Э.Тополя, В.Шитова, В.Пронина, суперсериалы А.Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** В. Суворова, В. Красковой и Л. Васильевой, а также уникальная серия **"Всемирная история в лицах"**.и **собрания бестселлеров** С. Шелдона

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С Браун, Б.Картленд, Дж Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самые полные собрания произведений братьев Стругацких.и С.Кинга; **"Новая библиотека приключений и фантастики"**, где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г Манна, Г Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех", "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", незаменимые "Азбука" и "Букварь", замечательные книги известных детских авторов: Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. Арбат, д.12. Тел. 291-6101. Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905 Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Луганская, д.7 Тел. 322-2822. 2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

ISBN 5-237-01294-9

Середина XXII столетия – время «смены вех» в земной истории. С 2125 по 2148 г. развернулось массовое любительское освоение Галактики. История повторялась. Если когда-то универсальные крейсера создали Британскую империю, то теперь «Туристы» и «Призраки» из состава Группы Свободного Поиска конструировали Империю галактическую. И именно в эту эпоху человечество столкнулось с гуманоидными цивилизациями на разных этапах исторического развития. Формирование Института Экспериментальной Истории, первые Прогрессоры, арканарская резня, «дым, рождающий машины», звездный след Странников, первые темпоральные гости – все это обусловило необходимость формирования новой этической концепции Империи людей...

Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди – независимо от возраста, образования, убеждений. Каждый находит в них что-то для себя: великолепный язык, знаменитый, мгновенно узнаваемый юмор Стругацких, гипнотически затягивающие сюжетные коллизии и по-настоящему серьезные этические и философские проблемы.